

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт славяноведения и балканистики

И. В. Чуркина

РУССКИЕ И СЛОВЕНЦЫ

*Научные связи
конца XVIII в. — 1914 г.*

Ответственный редактор
В. А. ДЬЯКОВ

МОСКВА
«НАУКА»
1986

В книге освещаются русско-словенские научные связи рассматриваемого периода, показывается история их складывания, первые контакты ученых России и Словении, значение трудов А. Х. Востокова, И. А. Бодуэна де Куртене, А. Н. Пыпина и др. для формирования молодой словенской науки. Автор впервые вводит в научный оборот новые материалы из советских и югославских архивов.

Для историков, филологов.

Рецензенты:

В. И. ФРЕЙДЗОН, Н. И. ХИТРОВА

Ч $\frac{0506000000-005}{042(02) - 86}$ 33-86 — 1

© Издательство «Наука», 1986 г.

ВВЕДЕНИЕ

Развитие гуманитарных наук всегда самым тесным образом связано с насущными социально-экономическими и политическими потребностями данной эпохи. И это не случайно. Политические программы тех или иных классов общества теоретически обосновывались прежде всего научными трактатами по истории, филологии, этнографии и т. д.

В этом отношении славистика не представляет собою исключения. Она возникла в начальный период национального возрождения зарубежных славянских народов, т. е. в конце XVIII — начале XIX в., как «одна из форм выражения национального самосознания славянских народов, их борьбы за национальную и культурную независимость»¹.

Роль славистики как мощного орудия национального пробуждения угнетенных славянских народов прекрасно понимали русские ученые уже во второй половине XIX в. «Там, где государство держится преданием и права извлекаются из хартий,— писал А. С. Будилович,— археология есть один из важных двигателей жизни, филолог является передовым бойцом за оспариваемые права народного языка, а историк будит народную доблесть картинами более славного прошлого. Наука несет там народную службу. Такое именно значение имеет она у северо- и юго-западных славян... Только наука дает там некоторое единство рассеянными силам, собирая их в служении идее народности, в ее борьбе за существование. Без этого нам были бы непонятны участие и жертвы, которые народ несет в пользу своих учено-литературных учреждений и обществ. Это, в самом деле, центры народной жизни, мастерские, в которых приготавливаются орудия борьбы и средства защиты»².

Такое важное значение славистики как науки, дававшей убедительнейшие аргументы в защиту национальной самобытности угнетенных славянских народов, их права на самостоятельное национальное развитие, было особенно характерно для конца XVIII — первой половины XIX в. В это время очень часто ученые-слависты одновременно являлись и активными будителями и просветителями своего народа. «Едва ли кто будет оспаривать тот факт,— отмечал русский славист Н. М. Петровский,— что движение славянской науки за первую половину XIX в. теснейшими

узами связано с культурно-политическим возрождением славянских племен, что она была одновременно и фактом и фактором его; почти вся литература славян, и научная и изящная, твердила на все лады о народности, а доказывать свою национальную обособленность было необходимо путем изучения своего народа в различных отношениях — лингвистическом, литературном, историческом. Стимул к изучению народности исходил из общественных, политических взглядов, а само изучение, в свою очередь, поддерживало эти взгляды, давая им фактическое обоснование. Поэтому славянская филология в первой половине XIX века — в эпоху своего установления — была лишь частью того обширного процесса, который называется славянским возрождением»³.

В известной мере высказывание Н. М. Петровского может быть применено не только к первой половине XIX столетия, но и к последующему периоду — вплоть до обретения славянскими народами своей национальной независимости.

Славистика не только способствовала становлению национального самосознания каждого из славянских народов в отдельности, она давала теоретическую основу идее славянской взаимности, научно доказывая языковую, этнографическую, культурную близость славянских народов, общность их исторических судеб. Идея славянской взаимности стала «одним из первых проявлений национального самосознания, а затем вошла в него в качестве важной составной части»⁴. Она много значила для малых славянских народов, находившихся под чужеземным гнетом: вселяла в них уверенность в свои силы, давала им надежду на победу в борьбе с более сильным, чем они, противником.

Идея славянской взаимности в различное время у представителей разных классов принимала различные формы. И это так или иначе отражалось на развитии славистики. «Развитие славяноведения как науки, — указывает В. А. Дьяков, — теснейшим образом связано со сменяющимися друг друга трансформациями идеи славянской солидарности, а эти последние определяются изменениями в социально-политической обстановке каждой данной страны, отчасти сменой ситуаций в международных отношениях»⁵. Славистика, теоретически обосновывая идею славянской взаимности, воплощала ее в жизнь и практически — в форме научных связей между учеными отдельных славянских народов, связей, имевших не только научное, но и политическое значение.

Рассматривая русско-словенские научные связи с конца XVIII по 1914 г., нужно иметь в виду вышесказанное и исследовать их в плане не только чисто научных контактов, но и идеологических взаимовлияний русских и словенских общественных кругов друг на друга. Автор ограничивается в своей книге разбором научных контактов между русскими и словенскими славистами по двум причинам. Во-первых, потому, что именно эти связи являлись составной частью процесса национального возрождения словен-

ского народа. Во-вторых, потому, что в силу ряда обстоятельств в указанный период русско-словенские научные связи в области естественных и технических наук были незначительны, ибо интеллигенция этих областей знания позже, чем гуманитарная интеллигенция, стала национально-сознательной.

Русско-словенские научные связи в XIX в. специально не освещались ни в одном из исследований. Однако в той или иной мере они затрагивались в ряде работ, посвященных истории русской славистики. А. А. Кочубинский в своей монографии «Начальные годы русского славяноведения»⁶ довольно подробно касался истории взаимоотношений между крупнейшим словенским ученым первой половины XIX в. Эрнеем Копитаром и русскими славистами А. Х. Востоковым и П. И. Кеппеном. Кочубинский русско-словенские научные связи 20-х годов XIX в. рассматривал в плане личных отношений, всячески подчеркивая двойственное, внешне любезное, а втайне неблагоприятное отношение Копитара к русским ученым. Вместе с тем Кочубинский лишь мимоходом затрагивал объективные плоды их сотрудничества, хотя именно они и являлись главными.

В том же ракурсе рассматривал отношения между русскими учеными и Е. Копитаром выдающийся хорватский ученый В. Ягич (по-русски — Игнатий Викентьевич Ягич). Будучи профессором Петербургского университета, он в 1885 г. издал переписку чешского ученого Й. Добровского с Копитаром, написав к ней обширное предисловие, являвшееся практически исследованием публикуемых материалов⁷. Ягич, как и Кочубинский, акцентировал внимание на неприязни Копитара к русским ученым и вообще России. «Трудно сказать, — писал он, — прав ли Копитар в своем отзыве о Кеппене, которого он считал честолюбивым невежью, но о Калайдовиче он судил слишком строго, а о Востокове — совсем несправедливо»⁸. Вместе с тем Ягич с симпатией рисовал образ Копитара — ученого, обладавшего острым критическим умом и незаурядным талантом исследователя. В отношении к Копитару Ягич был более объективен, чем Кочубинский. Следующая публикация Ягича касалась более широких вопросов: в нее, помимо писем ученых Добровского и Копитара, входили письма ряда словенских просветителей первой половины XIX в: Я. Зупана, Я. Примца, У. Ярника и др.⁹ Поэтому вторая публикация в меньшей степени затрагивала тему русско-словенских научных связей, а в большей — освещала отношение словенских просветителей к России вообще. В предисловии, столь же основательном, что и к первой публикации, Ягич давал интересную характеристику Копитару, его взглядам на Россию, касаясь мимоходом и его отношения к русским ученым начала 40-х годов — И. И. Срезневскому и Н. И. Надеждину. Наконец, в своей «Истории славянской филологии» Ягич также затронул проблему русско-словенских научных связей¹⁰. Он не сказал ничего нового по сравнению со своими вступительными статьями

к публикации о взаимоотношениях между русскими и словенскими учеными в первой половине XIX в., но привел некоторые любопытные факты по русско-словенским связям второй половины столетия.

Очень интересную работу о первом периоде деятельности Е. Копитара написал русский славист Н. М. Петровский¹¹. На огромном материале, очень обоснованно он дал картину развития его научных и политических концепций, остановился на отношении выдающегося словенского ученого к России.

В советской историографии темы русско-словенских научных связей касался Н. И. Толстой в связи с изучением работ И. А. Бодуэна де Куртенэ по словенистике¹².

В Словении также не имеется специальных работ по исследуемой проблеме. Вообще история отечественного славяноведения там изучена довольно слабо. Но в отдельных работах, посвященных словенским ученым, имеются материалы по контактам между русскими и словенскими учеными, в частности — в статье А. Слюдняка о Матии Мурко, в книге Й. Погачника об Е. Копитаре¹³.

Настоящая работа ставит перед собою две задачи: во-первых, воссоздать на основе возможно более обширного конкретного материала, как архивного, так и печатного, историю русско-словенских научных связей в XIX в.; во-вторых, раскрыть ту роль, которую они сыграли в развитии и становлении славяноведения вообще. Материалом при написании данной работы послужили архивы русских и словенских славистов: их переписка, воспоминания и путевые заметки. Кроме того, автором использовались многочисленные печатные материалы: исследования русских ученых по словенской филологии, этнографии и истории, их рецензии на труды словенских коллег, а также работы словенских ученых, посвященные русскому языку и истории, их отзывы на научную деятельность русских славистов, их мемуары и др.

Глава I

НАЧАЛО ЗНАКОМСТВА

Русско-словенские научные связи берут свое начало с конца XVIII в. Это было время зарождения капиталистических отношений в Восточной и Центральной Европе. Они формировались в различных условиях. Если в конце XVIII — начале XIX в. в Австрийской монархии, куда входили и словенские земли, постепенно уменьшался феодальный гнет, проводились некоторые буржуазные реформы, то в России крепостное право не только оставалось неизменным, но даже усилилось. И все же как в России, так и в Австрии началось формирование буржуазных наций, а вместе с ним и интенсивное развитие буржуазных культур. Возникновение славистики, ее развитие играло значительную роль в становлении национального самосознания славянских наций, в том числе — русской и словенской.

В 70-х годах XVIII в. Екатерина II задумала издание Сравнительного словаря языков всего мира, целью которого являлось сравнение слов из 200 различных языков, в том числе — двенадцати славянских. Для уяснения степени тогдашнего развития славистики в России достаточно перечисление этих двенадцати языков: 1) славянский, 2) славяно-венгерский, 3) иллирийский, 4) богемский, 5) сербский, 6) вендский, 7) сорабский, 8) полабский, 9) кашубский, 10) польский, 11) малороссийский, 12) суздальский. В этом перечне наряду с живыми реальными славянскими языками упоминались мертвые (славянский, полабский) и даже совсем фантастический суздальский язык. Словенский язык был отмечен как вендский. В связи с изданием словаря в 1773 г. был сделан призыв ко всем ученым Европы присылать данные и материалы для этого словаря. В словенских землях на этот призыв откликнулся Б. Кумердей, увлекавшийся изучением славянских языков, прежде всего словенского и русского. Он послал свой труд в Петербург в июне 1780 г.

В 1787 и 1789 г. вышли два первых тома «Сравнительного словаря языков всего мира» под редакцией академика Палласа. В этих двух томах содержалось 285 русских слов, переведенных на 200 языков. С научной точки зрения словарь не выдерживал критики¹⁴. Второе издание словаря вышло в 4 томах в 1790—1797 гг. под редакцией Янкевича де Мириево. В вышедших томах труд Кумердея использован не был. Однако о нем стало известно в науч-

ных кругах. Великий чешский ученый Й. Добровский с августа 1792 по январь 1793 г. жил в Петербурге и Москве. По-видимому, там он услышал о труде Кумердея, так как уже в 1794 г. во время своего пребывания в Любляне он безуспешно пытался найти Кумердея, зная, что тот послал в Россию «Сочинение о языке-ведении славян и русских»¹⁵.

Долгое время считалось, что сочинение Кумердея, посланное в Россию, утеряно безвозвратно.

Однако в 1817 г. вышла статья, являвшаяся первым исследованием о словенском языке, напечатанным в России. Она называлась «Сравнение краинского наречия с российским, взятым собственно за славенский язык»¹⁶ и принадлежала перу главы Российской Академии А. С. Шишкову. С. К. Булич, языковед и историк, в начале XX в. указывал на статью Шишкова, как на «первый опыт сравнения словинского языка с русским, проведенный в небывало до тех пор широком масштабе и основанный на обильном и совершенно новом в нашей научной литературе материале». Отмечая наивность и примитивность методологии Шишкова, Булич писал о неизвестности источников, использованных им в его работе^{17–18}. Возможно, одним из главных источников для труда Шишкова стало сочинение Кумердея. Так, в статье Шишкова отмечалось 17 различий между славянским (или русским) и краинским языками. Они были указаны со знанием дела, что говорит об авторе, как о филологе, знавшем хорошо как словенский, так и русский языки. Таким филологом Шишков быть не мог. Энергичный, самоуверенный, но недостаточно компетентный человек, он, по словам Кочубинского, знал старославянский язык, употреблявшийся в православной церкви, но совершенно не знал живых славянских языков¹⁹. Если же предположить, что Шишков для сравнения русского и словенского языков пользовался словенскими грамматиками и словарями, то, несомненно, он должен был использовать грамматику Копитара, вышедшую в 1808 г., тем более, что Шишков вел с ним переписку. В таком случае Шишков должен был назвать словенский язык славянским языком Крайны, Каринтии и Штирии, как его звал Копитар²⁰, а не краинским, как его звал Кумердей. В статье, по-видимому, вывод был написан самим Шишковым. В нем отмечалось «совершенное единство краинского наречия с русским языком, поелику всякое краинское слово есть чисто русское» и, несмотря на указанные различия между наречиями, подчеркивалось, что «язык в началах своих не перестает быть один и тот же»²¹.

Так в России было опубликовано первое сочинение, посвященное специально словенскому языку.

Уже в конце XVIII — начале XIX в. среди словенцев были известны труды русских ученых-филологов. В частности, Добровский в «Слованке» упрекал В. Водника в том, что в своей грамматике словенского языка он больше полагается на грамматики

М. В. Ломоносова и М. Смотрицкого²², чем на основательные труды Копитара²³.

В русской научной литературе первые известия о словенцах появились в начале XIX в. В 1807 г. в историческом и политическом журнале «Гений времен», издававшемся Ф. Шредером и И. Делаacroа, была напечатана статья «Славянские народы», написанная на основании сочинений немецкого историка Й. Гердера. В ней не давалось само название словенцев, но писалось о них, как о славянах, занимавших земли от Фриуля до юго-восточной Германии²⁴.

Более подробно язык, история и быт славянских народов стали освещаться на страницах «Вестника Европы», редактором которого был в 1805—1830 гг. один из первых русских славистов М. Каченовский. Каченовский являлся противником этимологической школы Шишкова. Страницы своего издания он предоставлял таким видным славистам, как М. Бобровский, В. Караджич, много перепечатывал из сочинений Й. Добровского, С. Б. Линде, Й. Гердера. В 1818 г. он писал в программной статье «Вестника Европы»: «Внимание редактора и впредь будет направляемо на предметы, любезные патриоту,— на историю российского и родственного ему языков, на деяния и обычаи народов славянских»²⁵. Впоследствии Каченовский стал первым профессором славянской филологии в Московском университете (1835—1842).

Уже во втором номере журнала появилась статья «Славянская старина», где разбиралось значение термина «супан» [т. е. жупан.— И. Ч.]. В ней указывалось: «Доныне супанами называются войты [деревенские старосты,— И. Ч.] в Крайне, Стирии, Каринтии»²⁶. Итак и здесь, как в первом случае, имя словенцев не упоминалось, но обозначалась территория, на которой они жили.

Спустя несколько лет в «Вестнике Европы» была напечатана статья, написанная на основе работ Добровского и Линде, по-видимому, самим Каченовским. В ней отмечались шесть главных славянских диалектов: 1) церковно-славянский; 2) российский; 3) польский; 4) сербский с болгарским, боснийским, славенским, далматским и рагузинским; 5) кроатский с виндическим, состоящим в наречиях — стирийском, краинском и каринтском; 6) богемский с наречиями — моравским и словацким. К последнему же причислялись и лужицко-сербские наречия. Таким образом, на страницах русских изданий впервые появилось название словенского языка — диалект виндический, состоящий из наречий — стирийского, краинского и каринтского [т. е. каринтийского.— И. Ч.]. В статье перечислялись многие вышедшие до того времени славянские грамматики, но словенские не упоминались. Автор объяснял это тем, что они написаны на чужом языке, и поэтому «правила сии не извлечены из природных писателей, не приновлены к отечественному языку, следственно не могут содействовать его образованию». Только в примечании указывалось на существование

краинской и виндической грамматики на немецком языке²⁷. То, что Каченовский, с одной стороны, писал о виндическом диалекте с наречиями — штирийским, краинским, каринтским, а с другой — о существовании грамматик виндической и краинской, не было путаницей. Действительно, имелась общесловенская грамматика Копитара (1808), но вместе с тем существовали грамматики Гутсмана (1789) и Шмигоца (1812) — виндические, грамматика Похлина (1768) — краинская и т. д.

В 1820 г. в «Вестнике Европы» частично напечатали труд А. Х Востокова «Рассуждения о словенском * языке», посвященный старославянскому языку. Полностью он появился в «Трудах Московского общества любителей российской словесности» в том же году. Востоков пришел к мысли, что различия диалектов у славян наблюдались уже в глубокой древности, но были незначительными. «Крайнский язык 10-го столетия, — писал он, — сохранившийся в некоторых отрывках, найденных в Баварии ** (см. Добровского „Slovanka“, I, с. 249), вообще весьма близок к церковному славянскому языку»²⁸.

«Вестник Европы» помещал различные статьи о славянах и позднее. Так, в 1829 г. была напечатана статья Добровского из «Слованки» — «Которое из славянских наречий можно назвать самым чистым преимущественно пред всеми другими». В ней утверждалось, что таким самым чистым наречием является русский язык. Относительно же словенского языка указывалось: «И Каринтия, и Крайн не могут иметь притязания на чистое наречие славянское; самые города уже превратились там в немецкие, правление с давних времен введено германское, а богослужение отправляется на языке латинском. Каким же образом краинцы могут предостеречься от германизмов и латинизмов, когда то и другое у них в беспрестанном употреблении?»²⁹.

Появлялись заметки о славянах, в том числе и о словенцах, и в других русских периодических изданиях.

В журнале «Сын отечества» Д. И. Языков опубликовал переведенные им отрывки из «Всеобщей истории» А. Л. Шлёцера, посвященные славянам, в том числе — заметку «Южные, или австрийские венды». К последним Шлёцер относил краинцев, каринтийцев, штирийцев и славянское население Фриули. К тексту Языков сделал свое примечание, в котором разбирал значение слова «крайна». Здесь же он приводил мнение, что славяне под именем «норики» жили в Иллирии еще в римские времена³⁰.

Ряд статей, в которых упоминались словенцы, был помещен в «Известиях Российской академии». Так, в статье Шишкова «Некоторые замечания на предполагаемое вновь сочинение русского

* т. е. славянском. Термины «словенский», «славенский» часто в первой половине XIX в. употреблялись вместо «славянский».

** Речь идет о Фрейзингенских отрывках.

словаря» Шишков упоминал краинцев³¹, а профессор богемской (чешской) литературы И. Негедли при перечислении славянских народов отмечал виндов в Каринтии и карниольцев в Штирии³². В 1817 г. в «Известиях Российской академии» поместили статью «Сравнение краинского наречия с российским», подписанную Шишковым, о которой речь шла выше.

Все эти первые известия о словенцах в большинстве не являлись плодом научного исследования русских ученых, но были простым пересказом трудов зарубежных славистов: Добровского, Линде, Гердера. В 1817 г. появились в русской литературе и первые названия словенцев как самостоятельного славянского племени — винды, краинцы, карниольцы.

Первым из ученых России, побывавшим в словенских землях, по-видимому, следует считать Ивана Потоцкого, поляка, занимавшегося древнеславянской географией и этнографией. Он собрал значительные материалы о полабских славянах, но отличался не критичностью по отношению к источникам³³. И. И. Срезневский описал в своих заметках пребывание И. Потоцкого в резьянских землях (долина р. Резья во Фриули) со слов местного священника. «Граф Потоцкий проездом из Италии остановился однажды в Резиуте. Резианки случились там с виноградом и обратились к нему с вопросом: купите вина? Он стал расспрашивать их, откуда они, велел себя провести в долину, провел в ней ночь и записал „отче наш”»³⁴.

Само время путешествия Потоцкого в Резью определяется учеными различно. В. А. Францев считает, что он побывал там в 90-е годы XVIII в., Н. М. Петровский называет 1803 г. В результате беглого ознакомления в резьянами Потоцкий написал о них небольшую заметку, которая была в 1816 г. опубликована Копитаром. И. А. Бодуэн де Куртенэ невысоко оценивал наблюдения польского графа, подчеркивая фантастичность его предположений по части этнографии и истории и абсолютную неточность передачи им резьянских слов³⁵.

В 1804 г. в словенских землях побывал А. С. Кайсаров (1782—1813). Он учился в Геттингене у А. Л. Шлёцера, был автором монографии «Славянская мифология», вышедшей в начале XIX в. на русском и немецком языках. Кайсаров предпринял путешествие вместе с А. И. Тургеневым по славянским землям Австрии для сбора материалов по этнографии и фольклору. О том, что Кайсаров побывал в Любляне, свидетельствует книга из его библиотеки «Osem inu shestdeset svetih pesm. V Ljubljani, 1800». Надпись, сделанная на ней рукой Кайсарова, гласит: «Куплена в Лейбахе 1804 года декабря»³⁶. Других свидетельств о посещении Кайсаровым Любляны не сохранилось.

В 1811 г. в Вене был граф Н. Н. Новосильцев, член Российской Академии. Он встречался там с Е. Копитаром, вместе с которым осматривал библиотеку графа Оссолинского³⁷. Новосильцев

искал человека, который смог бы написать «Сравнительный словарь славянских языков». По-видимому, об этом он вел переговоры с Копитаром. «Новосильцев уже уехал,— писал Копитар Добровскому в июле 1812 года...— Он простился с прекрасными обещаниями. Я имею разрешение прямо писать ему о русских книгах; со своей же стороны должен быть его агентом для подписки на славянские вещи»³⁸. Однако никаких последствий разговоры Новосильцева с Копитаром не имели.

А. С. Шишков в 1813 г. в Праге встречался с Добровским. Узнав об этом, Копитар просил Добровского рекомендовать его Шишкову. «Скажите ему,— писал Копитар,— что я, будучи в центре, предлагаю ему услуги посредника между востоком и западом. Это мне тем легче сделать, что у меня уже есть знакомые в Венеции и Дубровнике, сам же я библиотекарь и интересуюсь этим делом»³⁹. Предложение Копитара осталось без ответа. Позднее, в 1828 г., он снова предлагал Шишкову свои услуги в интересах славянской филологии, и тоже безрезультатно⁴⁰.

Вслед за Потоцким и Кайсаровым в словенских землях побывал Михаил Кириллович Бобровский, доктор богословия, магистр философии и филологии. По происхождению он был белорусом и считал себя таковым⁴¹, знал сирийский, халдейский, арабский, древнееврейский, греческий, латинский, старославянский, польский, русский, немецкий, французский языки. Свои письма и сочинения он писал по-польски и по-латыни, но проповеди (М. К. Бобровский был униатским священником) читал на родном языке. По-видимому, Бобровский придерживался достаточно радикальных взглядов: он был близким другом польского прогрессивного историка и революционера Й. Лелевеля.

В 1817—1822 гг. Бобровский путешествовал по Европе, в том числе по славянским землям Австрийской монархии. Дневник путешествия Бобровского и его отчеты о нем утеряны. Однако некоторые сведения о его пребывании в славянских землях сохранились. Так, в 1824 г. Бобровский опубликовал «Записки о путешествии по землям славянским», в которых дал описание Далмации⁴². Сведения о его путешествии по другим славянским землям носят отрывочный характер. В своих путевых заметках Бобровский сообщает, что 16 марта 1818 г. он был у Копитара, осмотрел его собрание старопечатных славянских книг. Затем Копитар позволил ему ознакомиться с рядом интересовавших его книг в Императорской библиотеке⁴³.

Знакомство с Копитаром дало Бобровскому возможность сблизиться с другими славистами. В феврале 1819 г. он отправился в Прагу с рекомендательным письмом Копитара к Добровскому. Из Праги Бобровский вернулся в Вену, а оттуда в мае 1819 г. поехал в Рим через Грац, Любляну, Флоренцию.

В заметках Бобровский отмечал сходство национальной женской одежды и словенских домов с белорусскими. В Любляну

он приехал 30 мая и сразу же отправился в дом известного словенского мецената барона С. Цойса, где должен был по просьбе Копитара передать секретарю барона два экземпляра грамматики Мразовича. Несмотря на тяжелую болезнь, Цойс принял Бобровского очень любезно и говорил с ним в течение трех часов. Бобровский коротко передал эту беседу. Так, Цойс утверждал, что диалекты Крайны не отличаются от штирийских, что М. Похлин в своей грамматике исказил краинский диалект, поскольку не опирался на труды предшественников и даже не упомянул о Богориче, создавшем лучшую словенскую грамматику. «Простонародье сохраняет краинский диалект в самом чистом виде,— продолжил свою запись разговора Бобровский...— Год назад вышел императорский рескрипт, который указывает изучать в школах этот язык, отсюда в местном лицее есть профессор краинского языка и литературы, к которому приходят духовные лица и профессор пастырской теологии, уже год обучающиеся этому языку». Далее Цойс говорил о своем желании издать немецко-краинский словарь Водника, но этому помешала смерть автора. Цойс жаловался на трудность приобретения книг, напечатанных Трубаром кириллицей или глаголицей, поскольку большинство их было сожжено духовенством. Сам Цойс достать этих книг не мог, но ему удалось купить библию Далматина *, которых сохранилось 5 экземпляров на всю Крайну⁴⁴. Бобровский высоко оценивал свою встречу с Цойсом. Попечителю Виленского учебного округа Адаму Чарторыйскому он сообщил, что беседу с Цойсом он может сравнить только с уроками, которые давал ему Добровский. «Местные писатели,— продолжал Бобровский,— почитают в нем мецената, а карниольская литература обязана ему своим возрождением и развитием». В подтверждение этого он приводил следующие факты: материальная помощь Цойса при издании истории Линхарта, грамматики Копитара, его участие в работе В. Водника над словарем.

Помимо Цойса, Бобровский встретился в Любляне с некоторыми другими словенскими просветителями, произведшими на него самое благоприятное впечатление. «Самая встреча с представителями лица и другими литераторами,— отмечал Бобровский в отчете Чарторыйскому,— откровенность их речей, искренность обхождения и гостеприимство убедили меня в том, что они истинные представители славянского племени». Особо Бобровский указывал на свое знакомство с ректором Люблянской духовной семинарии, видным словенским писателем 20-х годов М. Равникаром, а также с Я. Зупаном. С Зупаном любознательный путешественник вел беседы о глаголических памятниках, о сокращении количества приходов со славянской литургией в Хорватии и Далмации.

* П. Трубар, Ю. Далматин — протестанты, словенские просветители в XVI в., издавшие первые книги на словенском языке.

Из всех ученых, встреченных Бобровским во время его путешествия по славянским землям, В. А. Францев выделял «двух великих представителей славяноведения» — Добровского и Копитара, как оказавших наибольшее влияние на профессора из Вильны⁴⁵.

Ягич считал, что результаты поездки Бобровского для славистики были ничтожными и что он так и не сумел стать полезным славянской науке⁴⁶. Однако с его выводом нельзя согласиться. Так, в «Библиографических листах» Кеппена была опубликована «Записка о путешествии по словенским [т. е. славянским.— И. Ч.] землям и архивам» — очень важная рекомендация для славистов, желавших путешествовать по славянским землям Австрии. Большая часть сведений базировалась на личных наблюдениях Кеппена, но раздел о южнославянских землях, в которых Кеппен не был, — на данных, полученных им от Бобровского. В «Записке» Кеппен прямо отсылал желавших совершить поездку с научными целями по славянским землям к канонику Бобровскому, который особенно много сведений может дать по Иллирии⁴⁷.

Впоследствии этой запиской пользовались русские слависты И. И. Срезневский, О. М. Бодянский, П. И. Прейс, В. И. Григорович, посланные русским правительством в 40-е годы XIX в. в славянские земли для изучения славистики с тем, чтобы занять первые кафедры славянской истории и филологии в русских университетах. В «Библиографических листах» Бобровский опубликовал первые сведения о древнейшей глаголической печатной книге «Миссал по закону Римского двора» (февраль 1483 г.). Интерес Бобровского к старопечатным славянским книгам не был случаен — он собирал материал для труда «История славянских книгопечатен в Литве», который, к сожалению, был утерян.

Наконец, еще одна заслуга Бобровского перед славяноведением несомненна: он обнаружил в униатском монастыре у Белостока Супрасльскую рукопись, один из древнейших памятников старославянского языка, представлявший собою сборник житий святых, память которых праздновалась в марте, и бесед Иоанна Златоуста. Даже Ягич, весьма критически относившийся к Бобровскому, вынужден был признать эту его заслугу⁴⁸.

Современный советский историк Ю. А. Лабынцев, исследовавший деятельность М. К. Бобровского, считает его пионером отечественной и мировой славистики, самым крупным белорусским славистом и ориенталистом первой половины XIX в.⁴⁹ Это мнение подкрепляется тем фактом, что Бобровский получил широкое признание научной общественности: он был избран членом Римской академии древностей, Парижского и Лондонского азиатских обществ, Московского общества истории и древностей российских.

В 1821 г. состоялся Лайбахский [Люблянский.— И. Ч.] конгресс Священного Союза, на котором присутствовал и русский

император Александр I со своей свитой, в составе которой находился некий князь П. Л. Согласно данным И. Приятели, он беседовал с представителями словенской интеллигенции в Любляне Я. Зупаном и Я. Циглером, интересовавшимися Россией и изучавшими русский язык⁵⁰. Более подробно сообщает об этом разговоре чешский историк И. Первольф, правда, не называя имен собеседников. «Во время съезда монархов в Любляне (Лейбахе) в 1821 г. один русский вельможа и один словенский патриот беседовали о славянских языках; словенец защищал свой язык против русского вельможи, упрекавшего его в испорченности, и указывал на сходство словенского языка с древнесловенским церковным; в том и другом встречаются формы: крава, глава, млеко, конь и проч., между тем как в русском эти слова звучат: корова, голова, молоко, лошадь»⁵¹. Русским вельможей был уже упоминавшийся князь П. Л., а его собеседником, скорее всего, Зупан. Несколько позднее Зупан стал проводить идею превосходства словенского языка над русским в своих печатных статьях⁵².

Таким образом, все встречи ученых из России со словенскими учеными вплоть до начала 20-х годов по большей мере являлись случайными и непродолжительными. Это объяснялось состоянием русской славистики, которая в то время развивалась еще в рамках русистики, не успев определиться, как самостоятельная дисциплина. Но эти встречи стали прелюдией к установлению русско-словенских научных связей.

Глава II

СЛАВЯНСКИЙ МЕФИСТОФЕЛЬ И ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ РУССКОГО СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Десятые, а особенно двадцатые годы XIX в. были годами зарождения и становления русского славяноведения как науки. Центром его стал кружок графа Николая Петровича Румянцева, сына знаменитого екатерининского фельдмаршала, единомышленника либерального министра Александра I Сперанского. Назначенный царем в 1809 г. канцлером, он в 1814 г. ушел в отставку и отдался своей давней страсти — изучению русской и славянской истории, собиранию и изданию документов и рукописей, связанных с нею.

Еще в 1811 г. Румянцев испросил у Александра I разрешение издать на свой счет все русские государственные акты. Ближайшими помощниками ему стали Н. Н. Бантыш-Каменский, управляющий Московским Государственной коллегии Архивом иностранных дел, А. Ф. Малиновский, преемник Бантыш-Каменского на этом посту, ученые К. Ф. Калайдович и П. М. Строев. К Румянцевскому кружку примыкали москвич М. Каченовский, Евгений Болхови-

тинов (епископ Калужский, затем Киевский), петербуржцы А. Н. Оленин, директор публичной библиотеки в Петербурге, А. Н. Ермолаев, А. Х. Востоков, П. И. Кеппен и др.

Этим кружком были изданы «Собрание государственных грамот и договоров» (4 тома) и ряд памятников древнерусской и старославянской письменности. В 1825—1826 гг. на средства Румянцева под редакцией П. И. Кеппена издавались «Библиографические листы», ставшие, по мнению Кочубинского, «высшим триумфом для Востокова и всего румянцевского кружка»⁵³.

Кружок Румянцева и установил первые регулярные научные связи с зарубежными славистами. Инициатором их явился Петр Иванович Кеппен, очень энергичный и любознательный человек. Он участвовал в учреждении Вольного общества любителей российской словесности в Петербурге (1816), сотрудничал в кружке Румянцева.

В 1822 г. Кеппен совместно с русским помещиком А. С. Березиным и на средства последнего отправился за границу. Весной этого года они прибыли в Вену, где благодаря рекомендательным письмам своего тестя Ф. П. Аделунга, воспитателя великих князей Николая и Михаила Павловичей, Кеппен познакомился с выдающимися венскими славистами: словенцем Е. Копитаром и сербом В. Караджичем. «Особенно оживлены были его сношения с Копитаром,— сообщает сын П. И. Кеппена Ф. П. Кеппен,— с которым он часто виделся и нередко проводил вечера в любимой его гостинице „У белого волка”»⁵⁴. Внешне отношение Копитара к Кеппену было благожелательным. Сам Кеппен в своей автобиографической записке отмечал, что в Вене он «удостоился приятни и благосклонного внимания... славистов Копитара и Вука Стефановича»⁵⁵. Но письма Копитара к Добровскому, опубликованные Ягичем, указывают, что это было не совсем так.

В связи с этим стоит несколько слов сказать о Копitare. Очень своеобразный и противоречивый человек, Копитар не может быть оценен однозначно. Мнения о Копitare различных ученых весьма разнообразны: от резко отрицательных (чешский ученый В. Ганка) до восторженно панегирических (словенцы И. Навратил, Й. Погачник). Большинство русских славистов (П. И. Кеппен, А. Х. Востоков, М. П. Погодин, П. И. Прейс, И. И. Срезневский, В. И. Григорович, А. Н. Пыпин, Т. Д. Флоринский, Н. М. Петровский и др.) относились к замечательному словенскому ученому и искренним уважением; подчеркивали большое значение его научной деятельности. Поэтому нельзя согласиться с утверждением современного словенского биографа Копитара Й. Погачника о том, что значение Е. Копитара принизили русские слависты наряду с чешскими и словенскими⁵⁶. (О последних мы не беремся судить.) Это утверждение голословно и не может быть подтверждено фактами. Из всех русских ученых исключение представляет А. Ф. Гильфердинг, который, признавая научные заслуги Копитара, ругал

его за вредное влияние на славянское дело⁵⁷. Против точки зрения Гильфердинга выступил А. Н. Пыпин, а затем Н. М. Петровский. Последний отмечал: «Приговор Гильфердинга, будто Копитар имел вредное влияние на славянское дело, несправедлив вдвойне»⁵⁸.

Несколько иным было мнение хорвата В. Ягича. «Этот чрезвычайно даровитый и остроумный, но очень раздражительный и беспокойный ученый в конце концов успел сделать для своей науки очень немного сам, по большей же части возбудил и поощрял к деятельности других»⁵⁹. Эта точка зрения не бесспорна. Несомненно, что поддержка Копитаром Вука Караджича сыграла огромную роль в деятельности великого сербского ученого, создавшего современный литературный сербский язык. Многие сделал Копитар и для крупнейшего слависта второй половины XIX в. Ф. Миклошича, практически открыв ему путь в науку. Поэтому мнение Ягича о важности роли Копитара как будителя и воспитателя талантов других ученых-славистов вполне справедливо. Но оценка Ягичем собственной научной деятельности Копитара страдает односторонностью. Ягич сам отмечал высокие научные достоинства «Грамматики славянского языка в Крайне, Каринтии и Штирии» Копитара, подчеркнув, что «она представляет для своего времени и для молодого автора труд очень удачный»⁶⁰. К этому нужно прибавить, что эта грамматика заложила основы научного описания грамматического строя словенского языка в целом, а не для отдельных его диалектов (краинского, штирийского, каринтийского), что благодаря этому она стимулировала развитие общесловенского литературного языка и способствовала формированию общесловенского национального самосознания. «Труд этот..., — писал видный русский славист Т. Д. Флоринский, — составляет эпоху в изучении словинского языка*. Это было первое после Богорича трезвое и новое слово. Копитар впервые рассеял путаницу в понятиях о свойствах и характере словинского языка, созданную необразованными грамматиками XVII и XVIII вв. Он дал отчетливый облик словинского языка, устранил из него навязанные ему германизмы и сопоставил его с другими славянскими языками. Грамматика Копитара пробудила среди словинских патриотов живой интерес к дальнейшим наблюдениям над родною речью и оказала значительное влияние на выработку литературного языка»⁶¹. Кроме грамматики, Копитар издал ряд важных для славистики документов, в том числе ценный глаголический памятник, известный в науке как «Glagolita Clozianus» (Глаголита Клоцианус). Заслуга Копитара перед славяноведением заключалась в оценке им многих работ по славянскому языкознанию, которая отличалась строго научной критичностью, казавшейся

* Словинский, словинцы — равнозначно словенский, словенцы. Так русские ученые 2-й половины XIX в. нередко называли словенский язык и словенцев, чтобы отличить их от словаков.

многим его современникам предвзятой. Так, Копитар одним из первых заподозрил подделку «Краледворской рукописи» Ганки, чем вызвал неприязнь со стороны чешских ученых Палацкого, Юнгманна, Шафарика и других, свято веривших в ее подлинность. Особенно не любил Копитара сам Ганка. Уже после смерти словенского ученого Ганка так отзывался о нем в письме к Востокову: «Копытарь был ученый человек, то правда, но он был лукавый Мефистофель славянской литературы, полный пристрастия, и, что хуже того, политически-религиозный сплетник. Он посеял много плевел на благонадежной почве»⁶².

Значительно объективнее, чем Ганка, оценил заслуги Копитара перед славистикой русский ученый А. С. Будилович. Он называл его «цесарским католиком» и даже считал обвинения Ганки Копитара в контактах с австрийской полицией не столь уж нелепыми. Вместе с тем Будилович подчеркивал, что Копитар и особенно Добровский сделали «предостаточно для славы не только отдельно человека, но, пожалуй, и целого общества, целой славянской Академии наук! Ни Я. Гримм в германской филологии, ни Диц в романской не могут похвалиться заслугами, большими тех, какие принадлежат Добровскому, а в меньшей мере и Копитару, в деле основания славяноведения»⁶³. Столь же высокого мнения о Копитаре был Т. Д. Флоринский, назвавший его одним «из замечательнейших западнославянских ученых эпохи возрождения»⁶⁴.

Многие крупнейшие ученые Европы вели переписку с Копитаром: чехи Добровский и Палацкий, словаки Шафарик и Колар, поляки Линде и Мушицкий, русские Кеппен и Востоков, немцы Гумбольдт, Гримм, Ранке.

Если научные заслуги Копитара были значительны и оказали большое положительное влияние на развитие славистики, то его политические взгляды не отличались прогрессивностью. Русский биограф Копитара Н. М. Петровский выделял два периода в национальной деятельности Копитара — до 1818 г. и после. Первый период он считал прогрессивным: в это время Копитар в своих работах («Грамматика славянского языка в Крайне, Каринтии и Штирии», «Патриотические фантазии славянина» и др.) восхвалял славянский язык и деятельность Кирилла и Мефодия, призывал к созданию Славянской Академии в Вене, которая должна была бы стать центром развития культуры всех славянских народов. Второй период деятельности словенского ученого Петровский оценивал уже гораздо более сурово⁶⁵.

Очень точно определил суть национальных стремлений Копитара Ягич. «Копитар же своим участием в различных венских газетах и журналах, — писал он, — вскоре доказал свой горячий австрийский патриотизм, состоявший в яром католицизме, в нерасположении к России и нелюбви к пруссакам. В пределах этих условий он отстаивал права славян на развитие языка, поднятие уровня просвещения и т. д.»⁶⁶. Все национальные движения сла-

ван Копитар оценивал с точки зрения своих австрийских и католических симпатий. Он резко выступал в 30-е годы против хорватских иллиров и словенских деятелей, группировавшихся вокруг «Краинской пчелки» (Krajska čbelica), ибо чувствовал их антиавстрийские и в известной мере антикатолические тенденции. За это же в более ранний период он преследовал словенского поэта и просветителя Валентина Водника, с большой симпатией относившегося к России, сотрудничавшего в период существования Иллирийских провинций с французами. Копитар путем подлога добился назначения учителем словенского языка в Люблянском лицее Ф. Метелко вместо победившего на конкурсе Водника⁶⁷. Будучи цензором славянских книг в Вене с 1810 г., Копитар несколько раз препятствовал выходу альманаха «Краинская пчелка». Для привлечения симпатий славян к Австрии Копитар мечтал основать славянскую Академию наук в Вене, создать общий латинский алфавит для всех славян.

В связи с вышеизложенным понятно отрицательное отношение Копитара к России. Разные ученые объясняли его по-разному. Известный историк словенской литературы Л. Легиша считал, что Копитар не любил Россию за отсталость и феодальные порядки^{68–69}. К такому же мнению склонялся и Ягич⁷⁰. Петровский видел причину плохого отношения Копитара к России в слабом развитии русского просвещения, в малочисленности серьезных русских ученых. При этом Петровский добавлял: «Ссылки Копитара на крепостное право, как на причину его нерасположения к России, едва ли имели серьезное значение»⁷¹. К последнему замечанию Петровского мы полностью присоединяемся: ведь меттерниховская Австрия, которую Копитар любил и защищал, не так уж далеко ушла от николаевской России в деле прогресса. Вторая причина, высказанная Ягичем и совпадающая в некоторых аспектах с мнением Будиловича, кажется нам более весомой и значительной: будучи австрофилом Копитар завидовал России, ее успехам в науке и политике, видел в ней главную соперницу Австрии на Балканах.

Неприятное отношение Копитара к России дало повод И. Погачнику прийти к сомнительному выводу. «С русскими каких-либо приятельских связей он никогда не имел, — писал Погачник, — ведь его австро-славистская концепция по сути своей была противна русскому царизму, о тогдашних русских славистах он имел довольно низкое мнение»⁷². Здесь, во-первых, смешаны два понятия: русский царизм и русские ученые, между которыми фактически поставлен знак равенства. Во-вторых, если Копитар и не ко всем русским ученым относился с уважением, то о некоторых из них, например о А. Х. Востокове, он имел весьма высокое мнение. Кстати, об этом пишет сам Погачник⁷³.

Как показывают факты, отрицательное отношение Копитара к России не помешало ему вступить в тесные научные контакты с русскими учеными. Но определенное предубеждение против

последних, не всегда оправданное, у ученого словенца все же существовало. Оно проявилось и в отношении к П. И. Кеппену. «Кеппен и русские вообще — еще дети в научной критике», — писал он Добровскому 21 апреля 1826 г.⁷⁴ Внешне весьма благожелательные встречи с Кеппеном по-другому освещались Копитаром в его письмах Добровскому. Кеппен об этом не подозревал. Когда в мае 1823 г. он встретился в Праге с Добровским и последний высказал о Копитаре не совсем благоприятное суждение, назвав его истинным крайнем, что, по мнению чешского ученого, означало «ненадежный человек», Кеппен пытался его защищать⁷⁵. Вообще Кеппен всегда оставался самого высокого мнения о Копитаре, называл его одним из первых грамматиков⁷⁶. В Вене Кеппен показал Копитару некоторые русские материалы, привезенные им из России, в том числе «Рассуждение о словенском языке, служащее введением к грамматике сего языка» А. Х. Востокова, изданное им в 1820 г. в XIX т. «Трудов Московского общества любителей словесности». В нем Востоков писал о существовании уже во времена Кирилла и Мефодия разницы в славянских диалектах. Из всех материалов, привезенных Кеппеном, Копитар особо отметил работу Востокова. Он так и писал Добровскому 25 марта 1822 г., приглашая его приехать в Вену и посмотреть материалы Кеппена: «...самая любопытная вещь — статья Востокова»⁷⁷. Позднее Копитар опубликовал в «Венском литературном ежегоднике» («Wiener Jahrbücher für Literatur») за январь—март 1822 г. рецензию на книгу Добровского «Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris» В ней он дал высокую оценку труду Востокова: «Мы из пределов былой епархии св. Мефодия с радостным энтузиазмом встречаем давно желанную денницу настоящей славянской филологии на восточном небосклоне славянской земли и сердечно приветствуем Добровского и Востокова с их результатами, правда вытекшими из различных источников, но в общем так прекрасно согласующимися между собою»⁷⁸.

Несколько слов о двух главных русских корреспондентах Копитара в 20-е годы — П. И. Кеппене и А. Х. Востокове. П. И. Кеппен не был выдающимся ученым. Ягич называл его «просвещенным дилетантом». И все же, как справедливо отметил советский исследователь С. Г. Потепалов, «Кеппен стоит у истоков отечественной славистики». Главную заслугу его Потепалов видит в том, что он первым из русских ученых установил связи с ведущими представителями славянской науки и тем самым заложил основы дальнейшего сотрудничества между русскими и зарубежными славистами. Кроме того, Кеппен был издателем и редактором первого органа русского славяноведения «Библиографические листы», и, наконец, благодаря его усилиям были опубликованы и блестяще объяснены Востоковым Фрейзингенские отрывки⁷⁹. Таким образом, вклад Кеппена в русскую славистику заключался в его активной организационной деятельности.

Научные основы русской славистики заложил Александр Христофорович Востоков. Серьезный и вдумчивый ученый, он в крепостнической России первой половины XIX в. не только стоял на уровне лучших достижений славистики на Западе, но даже в ряде вопросов превзошел их. Недаром Ф. Миклошич, крупнейший славист второй половины XIX в., назвал его в 1874 г. самым трезвым из всех славянских филологов и археологов⁸⁰. Ученик Востокова И. И. Срезневский подчеркивал ряд важнейших заслуг Востокова перед наукой. Во-первых, Востоков ознакомил научную общественность со множеством древних памятников русской и славянской письменности, составив «Описание румянцевских рукописей». Во-вторых, он был основателем славянской палеографии. В-третьих, он показал основные признаки старославянского (или церковнославянского) языка, «как одного из древнейших проявлений общего языка всех славян», указав и на отличительные черты, уже тогда проявлявшиеся у разных наречий. Необычайная научная добросовестность, тщательность и широкие знания отличали труды Востокова. Именно поэтому они, по мнению Срезневского, были «достойны изучения, как руководства верные, не вводящие в обман предположениями, выдаваемыми за истины, основанные на точных, много раз проверенных наблюдениях источников»⁸¹.

Отношения между Копитаром, с одной стороны, и Кеппеном и Востоковым — с другой, складывались довольно сложно. Еще во время пребывания в Вене в 1822 г. Кеппен слышал от Копитара о Фрейзингенской рукописи.

Фрейзингенская рукопись (или Фрейзингенские отрывки) представляет собою единственный в своем роде памятник письменности. Это две формулы исповеди и отрывок поучений на древнесловенском языке, написанные латинским алфавитом и относящиеся к рубежу X—XI в. По-видимому, они были предназначены для миссионеров, распространявших христианство среди словенцев. Это древнейший памятник словенского языка и древнейший славянский памятник, написанный латиницей. Ценность его тем более велика, что следующий по давности словенский памятник относится к XV в. Фрейзингенские отрывки были найдены еще в 1803 г. Первое печатное сообщение о них появилось в «Neuer literarischer Anzeiger» № 12 за 1807 г.⁸² В 1812 г. Добровский, путешествуя по Германии, в Мюнхене скопировал Фрейзингенские отрывки. Он поместил о них заметку в своем сборнике «Слованка» (1814, вып. 1, с. 249—251). Е. Копитар в 1813 г. поехал в Мюнхен и тоже снял копии с Фрейзингенских отрывков. Он хотел первым опубликовать их, тем более что это был древнейший памятник его родного словенского языка. Копитар мечтал привлечь к публикации Добровского, Водника и Зупана⁸³. Однако осуществить это издание ему не удалось. Он опубликовал только один отрывок в 1822 г. в своей рецензии на «Institutiones...» Добровского.

Кеппен под влиянием разговоров с Добровским и Копитаром

отправился в 1823 г. в Мюнхен и также скопировал Фрейзингенские отрывки. Кеппен знал о желании Копитара издать их и, задумав публикацию, обратился к нему с предложением принять в ней участие. Об этом Копитар сообщил Добровскому 21 ноября 1824 г. Добровский также был предупрежден Кеппеном и даже получил от него факсимиле Фрейзингенских отрывков⁸⁴.

Копитар очень боялся, как бы Добровский не согласился участвовать в публикации, предпринимаемой Кеппеном. «Но одно меня сокрушает,— писал Копитар Добровскому 29 ноября 1826 г.,— чтобы Вы не предложили сокровищницы Вашего знания этим невеждам для объяснения исключительно нашего достояния. Кроме Вас, не боюсь никого... Знаю, опасен Востоков, но только руководимый Вами»⁸⁵.

Говоря о предвзятом отношении Копитара к Кеппену, Ягич, на наш взгляд, справедливо предположил, что этому была причиной зависть по поводу издания Кеппеном Фрейзингенских отрывков. «Можно полагать,— писал Ягич,— что Копитар действительно желал предупредить русских издателей, чтобы не лишиться себя удовольствия, даже своего рода гордости, быть первым издателем и истолкователем этого древнейшего памятника своего родного наречия. Желание вполне понятное и простибельное, только ему не удалось привести его в исполнение»⁸⁶.

Кеппену удалось с помощью Востокова на средства Румянцева первым издать Фрейзингенские отрывки. Издание было сделано строго научно. Кеппен, прежде чем опубликовать их, консультировался с рядом ученых Европы, стремясь определить точное время их написания.

Объяснение Фрейзингенских отрывков взял на себя А. Х. Востоков. Переписка Востокова с Румянцевым показывает, что уже в 1822 г. Востоков проявлял повышенный интерес к словенскому языку. 19 января 1822 г. Румянцев сообщил Востокову, что выписал из Вены все, «что там напечатано было на пользу разных колен славянского племени, дома Австрийского подданных». В ответном письме от 1 мая 1822 г. Востоков выбрал 12 книг, которыми желал воспользоваться, в том числе 7 книг на словенском языке или посвященных словенскому языку и словенцам. Это были следующие книги: 1) *Deutschwindisches Wörterbuch von Oswald Gutschmann*, 1789; 2) *Theoretischpraktische Windische Sprachlehre von Joh. Leop. Schmigoz*, 1812; 3) *Slovenska grammatika oder Georg Sellenko's Wendische Sprachlehre*, 1791; 4) *Pismenost ali gramatika sa perve shole. V Lublani*, 1811; 5) *Geschichte des Herzogthums Krain, des Gebiethes von Triest und der Grafschaft Görz*. Wien, 1820; 6) *Pesme za pokushino. V Lublani*, 1806; 7) *Der Turnier zwischen der beyden Rittern Lamberg und Pegam. Ein Krainerisches Volkslied mit einer Deutschen Uebersetzung*, 1807.⁸⁷ Востоков объяснял необходимость перечисленных книг для пополнения материалов к его «Славенской грамматике» и к «Сравнительному словарю всех славенских

наречий» (последний ему совместно с П. И. Соколовым поручила составить Российская Академия). Повышенный интерес Востокова именно к словенскому языку можно объяснить двояко. Возможно, что из всех славянских языков наименее известен ему был словенский, поэтому он и попросил прежде всего словенские материалы. Но возможно и другое предположение: уже в то время Востоков думал о комментировании Фрейзингенских отрывков, о чем у них была предварительная договоренность с Кеппенем еще до отъезда последнего за границу.

О существовании этих отрывков Востоков и Кеппен знали из «Слованки» Добровского. Какое бы из двух предположений ни являлось правильным, примечателен сам факт пристального внимания Востокова к словенскому языку уже в первой половине 1822 г., т. е. до того, как Кеппен, примерно в то же время встречавшийся с Копитаром, мог сообщить ему о своих беседах с последним.

Кеппен издал Фрейзингенские отрывки в публикации «Собрание словенских памятников, находящихся вне России». В издании были помещены факсимиле Фрейзингенских отрывков, потом они же напечатаны латинским и кирилловским шрифтами. В предисловии давалось их описание и определялось время их появления. — X век, датировка, весьма близкая к современной (рубеж X и XI в.). Затем шли «Грамматические объяснения на три статьи Фрейзингенской рукописи», сделанные А. Х. Востоковым.

В начале своего труда он отмечал, что Фрейзингенскую рукопись намеревался издать со своими комментариями Копитар. «Сочинитель оных [т. е. грамматических объяснений. — И. Ч.], — продолжал Востоков, — не входя в состязание с вышеименованным ученым крайнем, рад будет, ежели трудом своим сколько-нибудь облегчит исследования г. Копитара, от коего надеется* можно удовлетворительнейшего комментария на сию рукопись». Таким образом, Востоков не только подчеркивал свое высокое уважение к научным знаниям Копитара, но и прямо призывал последнего продолжить изучение Фрейзингенских отрывков, рассматривая свои объяснения только как первый шаг к их всестороннему исследованию.

В «Грамматических объяснениях» Востоков дал обзор грамматических форм памятника. Все слова Фрейзингенских отрывков давались в написании латинскими и кирилловскими буквами и там же указывалось, «какую форму оно [т. е. каждое слово. — И. Ч.] имеет в языке церковном (ежели только существует в оном)». Из этого сопоставления можно было видеть те отличия, которые были характерны для диалектов старославянского языка в Карантании и в Болгарии⁸⁸. Востоков указал на схожесть второго из Фрейзингенских отрывков с поучением на память св. Марка из «Пролога», старославянского кирилловского памятника XV в.

* Так в тексте.

«Грамматические объяснения» Востокова получили самую высокую оценку. Уже в 1828 г. в «Московском телеграфе» была помещена рецензия, очень благоприятно отзывавшаяся об издании Кеппена — Востокова⁸⁹. Позднее И. И. Срезневский подчеркивал, что «Объяснения» заняли в издании главное место и благодаря им оно приобрело свое научное значение⁹⁰. Об «Алфавитном указателе речений» Ягич писал, что он сделан с «замечательно точным объяснением, вызвавшим удивление Копитара. Недосмотров было очень мало. Востоков предпочел сознаться, что то или другое осталось ему непонятным»⁹¹.

Общая оценка издания Кеппена — Востокова была также высока. А. Кочубинский назвал его гордостью молодой русской науки⁹². И. Срезневский с полным основанием указывал: «До того времени ни один памятник славянский не был издан столь тщательно и учено, и после очень немногие были подвергнуты такому разбору и не были объясняемы так внимательно»⁹³. Высоко оценивали издание Кеппена — Востокова и словенские ученые. Известный филолог первой половины XX в. Р. Нахтигал назвал его образцовым⁹⁴.

Несмотря на свое предвзятое отношение к публикации, Копитар имел честность признать большую научную победу Востокова и Кеппена. Сам Копитар издал Фрейзингенские отрывки только в 1836 г. в качестве приложения к публикации Глаголиты Клоцианус, но уже почти без комментариев. Этот факт Копитар объяснил тут же в приложении. «Все друзья и покровители благоприятствовали нашему предложению об издании этих памятников, имевших такую ценность для карантанцев,— писал он.— Однако не доставало досуга, и мы отнюдь не обескуражены, но даже приветствуем то, что [нас] опередили весьма дружественные [нам] русские П. Кеппен и Ал. Востоков, которые в 1827 году среди прочих „Славянских памятников“ издали в Петербурге также и эти Фрейзингенские памятники, причем не только все тексты сами по себе, но и объяснения к ним, основанные на тщательном изучении и поразительных знаниях. Так что нам едва ли остается что-либо иное, как точно, в нашей копии, добавить к нашим прочим памятникам в высшей степени необходимую часть их редкого у нас издания»⁹⁵. Таков был ответ Копитара на призыв Востокова продолжить исследование Фрейзингенских отрывков.

Во время своего путешествия по славянским землям в 1822—1823 гг. энергичный Кеппен, помимо Добровского, Капитара, Караджича, познакомился и с другими видными славянскими учеными. В результате бесед с ними Кеппен сделал вывод: «Во всех областях, обитаемых славянами, ныне внезапно пробуждается дух исследований и стремление к сосредоточиванию всех изысканий: Богемия, Галиция, Венгрия, Иллирия, даже Сербия и Болгария, все сии земли вдруг являют музей одушевленных как бы одним чувством. Во всех сих странах — ученые, любящие историю своей словесности»⁹⁶.

Встречи с зарубежными славистами, контакты, завязавшиеся с ними после отъезда в Россию, натолкнули Кеппена на мысль о создании такого печатного органа, в котором могли бы быть объединены силы всех славянских филологов и историков. С помощью Румянцева ему удалось добиться разрешения на издание «Библиографических листов». В октябре 1824 г. Кеппен уже дал объявление о выходе их в свет с начала 1825 г., в котором четко формулировалась их цель. «Главное назначение сих листов,— писал Кеппен,— состоит в том, чтобы сообщать полные заглавия новых книг, на разных языках в России издаваемых, и предлагать краткое изложение их содержания. По мере возможности к сему присовокупляемы будут и суждения о достоинстве ученых произведений»⁹⁷. В предисловии к «Библиографическим листам» Кеппен, благодаря за сотрудничество прежде всего Востокова, перечислял и других ученых, обещавших писать в них; это были: М. К. Бобровский (Вильно), Й. Добровский (Прага), В. Ганка (Прага), Я. Гримм (Кассель), А. И. Ермолаев (С. Петербург), К. Ф. Калайдович (Москва), В. Караджич (Вена), Я. Коллар (Пешт и Вена), Е. Копитар (Вена), С. Линде (Варшава), П. Шафарик (Нови Сад) и др.⁹⁸ Уже сам перечень этих имен говорил о том, что Кеппен ставил перед собою гораздо более широкую задачу, чем писал об этом, а именно — откликаться на книги по славистике, выходящие не только в России, но и в Германии, в Австрии. «Тогда, в 1825 г.,— вспоминал впоследствии Кеппен,— мне некоторым образом удалось сосредоточить здесь, в С. Петербурге, сведения о трудах разных словенских [т. е. славянских.— И. Ч.] литераторов. Мне к этому подали руку помощи ученые из краинцев, сербов, богемцев, словаков, русняков и поляков»⁹⁹.

«Библиографические листы» издавались с января 1825 по август 1826 г. В них были помещены многие очень интересные статьи, в том числе описание Востоковым Супрасльской рукописи; перечень старопечатных славянских книг, составленный Кеппеном и Востоковым; выдержки и пересказы сочинений Добровского, Шафарика и др.; заметки о литовском языке и пр. Кеппен имел намерение подготовить и издать в «Библиографических листах» список словарей и грамматик всех славянских языков, но быстрое прекращение издания помешало его осуществлению. Кроме оригинальных статей, в «Библиографических листах» были даны многочисленные рецензии на книги зарубежных славистов.

В № 8, 9, 10 «Библиографических листов» были помещены пространный отзыв на книгу Добровского «Кирилл и Мефодий» и изложение этой книги с комментариями. Публикация явилась поводом для доноса попечителя М. Л. Магницкого, ярого мракобеса, объявившего книгу Добровского противоречащей догматам православной церкви. И хотя духовный суд вынес Кеппену оправдательный приговор, он более не возобновлял «Библиографических листов». В этом сыграли свою роль два события: смерть Н. П. Румян-

цева, дававшего средства на их издание, и усиление реакции после восстания декабристов в 1825 г.

Уже современники высоко оценивали «Библиографические листы». «Ваши „Листы“ полны для меня интереса,— писал Добровский Кеппену 14 января 1826 г.— и поучают о многом, что было нам здесь совсем неизвестно»¹⁰⁰. Оценка последующих поколений славистов была еще выше. И. В. Ягич отмечал, что Кеппен издавал «очень замечательные и очень полезные „Библиографические листы“, в которых сообщалось много критико-библиографических сведений не только из русской, но также и из прочих славянских литератур»¹⁰¹. Столь же высокого мнения о них был хорватский историк начала XX в. М. Прелог, назвавший их первым, действительно всеславянским журналом¹⁰². Советский исследователь деятельности Кеппена С. Г. Потепалов считает «Библиографические листы» подлинным органом русского славяноведения: «Издания, в котором бы столь блестяще была поставлена информация о новейших достижениях науки о славянах,— заключает он,— мы не имеем, к сожалению, и сейчас»¹⁰³.

Таково было издание Кеппена. Механизм участия в «Библиографических листах» Е. Копитара проследить довольно просто, ибо он являлся единственным словенцем, сотрудничавшим в нем, и все словенские материалы так или иначе шли через его руки. Уже в № 1 «Библиографических листов» была помещена большая статья «Словенская [т. е. славянская.— И. Ч.] литература». Она предшествовала перечню старопечатных славянских книг. В статье наряду с обзором старых литератур чехов, поляков, хорватов была коротко описана деятельность П. Трубара, словенского реформатора, издавшего первые книги на словенском языке. Тут же давалась краткая оценка деятельности словенских реформаторов: «Бескорыстной ревности Трубара, щедротам барона Унгнада и христианскому трудолюбию Георгия Далматина юго-западные словене обязаны как переводом священного писания, так и вообще основанием своей словесности»¹⁰⁴. В перечне старопечатных славянских книг, данном в ряде номеров журнала, упоминались 29 книг, изданных словенскими реформаторами.

В № 18 «Библиографических листов» были помещены две рецензии на труды, вышедшие в словенских землях. О первом труде «Небольшое собрание тех старославянских слов, которые еще твердо сохраняются в нынешнем виндском диалекте» (Клагенфурт, 1822) говорилось, что в книге приводится 2300 подобных слов. Самое главное, отмечала рецензия, что виндский язык, как называют немцы язык славянского населения Штирии и Каринтии, является согласно грамматике Копитара отраслью краинского языка. В рецензии подчеркивалось, что сами жители Штирии и Каринтии «называют себя словенцами (slovenzi)». Так впервые в русской научной литературе появилось правильное наименование для жителей Штирии, Каринтии, Краины — словенцы.

Вторая рецензия была написана Кеппеном на грамматику П. Дайнко. Дайнко сделал опыт создания словенской грамматики на основе штирийского разговорного диалекта. По сравнению с общеславянской грамматикой Копитара она, несомненно, являлась шагом назад. Кеппен, оценивая в общем положительно принцип введения новых правил в филологии на основании разговорной речи, хвалил за это грамматику Дайнко, хотя и считал не все его опыты в этом отношении равно удачными. Кеппен полагал неудачной прежде всего новую азбуку Дайнко, которая, по его мнению, «более служит к отделению их [штирийцев.— И. Ч.] от ближайших соседей [краинцев.— И. Ч.]»¹⁰⁵. Сдержанный отзыв о грамматике Дайнко Кеппена вполне согласовывался с мнением о ней Копитара, много сделавшего для того, чтобы она не была принята в словенских землях.

В следующем году «Библиографические листы» поместили рецензию Кеппена на другую словенскую грамматику, написанную Метелко и изданную им в 1825 г. Эту грамматику очень поддерживал и хвалил Копитар. Однако Кеппен отозвался о ней прохладно¹⁰⁶. В рецензии было передано содержание грамматики и отмечено, что Метелко создал свой алфавит, противопоставленный им алфавиту Дайнко¹⁰⁷.

Кроме указанных заметок о словенских книгах, материал для которых доставлял Копитар, в «Библиографических листах» были помещены сведения о славянских библиотеках Любляны в «Записке о путешествии по словенским землям и архивам», составленной Кеппеном в этой части, несомненно, по материалам М. К. Бобровского. «Город Лейбах (или Любляна),— писал Кеппен,— в предместьях обитаем одними только краинскими словенцами. Тут обратить особенное внимание на собрание словенских древностей барона Цойса (Zois). В так называемой Alumnsbibliothek также хранятся первопечатные словенские книги»¹⁰⁸. Позднее Кеппен уточнил (по-видимому, уже по подсказке Копитара): «Б-ка барона Цойса ныне вошла в состав б-ки Люблянского (Лейбахского) лицея»¹⁰⁹.

После прекращения издания «Библиографических листов» связи между Кеппеном и Копитаром не прерываются, но в них усиливается одна сторона, а именно — обмен научной литературой. И это было очень важно в то время. В 20-е годы в Австрийской монархии получение русских книг было чрезвычайно затруднено, ибо почтовые сношения Австрии с Россией стоили очень дорого и были долговременны. Контакты между русскими и славянскими учеными велись через русское посольство в Вене или через случайных путешественников. Но эти каналы связи были ненадежны. В 20-е годы Добровский писал Кеппену: «Посольство ничего не принимает, путешественники редки. На курьера рассчитывать нельзя». Выписка книг из Австрии в Россию стоила очень дорого, и ее мог позволить себе только такой богатый человек, как граф Н. П. Румянцев¹¹⁰. В 30-е годы положение не изменилось. М. П. Погодин, побывавший

в 1839 г. в славянских землях Австрийской монархии, общался там с рядом славянских ученых — Шафариком, Юнгманном, Палацким, Ганкой, Коларом. «Общая жалоба всех этих господ, — писал Погодин, — на затруднительность и почти, можно сказать, невозможность порядочных сношений с Россией, которой литература их крайне интересует». Погодин приводил суммы, которые должны были платить за русские книги славянские деятели: Юнгманн за «Историю» Карамзина вынужден был отдать 70 рублей на русские деньги, приблизительно столько же заплатил Челаковский за стихотворения А. С. Пушкина ¹¹¹.

В таких условиях посылка Кеппеном книг Копитару играла большую роль в ознакомлении последнего с достижениями русской науки. Письма Копитара к Добровскому дают возможность полагать, что через Копитара Кеппен слал книги и для чешских ученых, например для Добровского и Ганки. Так, в письме от 21 августа 1826 г. Копитар сообщал Добровскому о посылке ему и Ганке через Бентковского трех пакетов книг от Кеппена. 30 мая 1827 г. Копитар писал также Добровскому о прибытии к нему от Кеппена для Добровского пакета книг ¹¹².

Пересылкой книг сношения между Копитаром и Кеппеном не ограничивались. По просьбе Копитара Кеппен в феврале 1826 г. ходатайствовал перед тогдашним министром народного просвещения А. С. Шишковым о пенсии для Вука Караджича. Это ходатайство было удовлетворено благодаря хлопотам Шишкова перед Николаем I ¹¹³. Получение Караджичем русской пенсии облегчило его научную работу. Сам Копитар в 1826 г. был избран членом-корреспондентом Академии наук в Петербурге ¹¹⁴.

По просьбе Шишкова Кеппен в ноябре 1826 г. пытался узнать от Копитара, Шафарика и Ганки о возможности их привлечения на славянские кафедры, которые предполагалось открыть при русских университетах. В отличие от чешских ученых, ответивших согласием, Копитар отказался ехать в Россию ¹¹⁵. Летом 1827 г. Кеппен уехал в Крым, где пробыл до 1834 г. С 1827 г. связи его с Копитаром прекратились.

Если связи Копитара с Кеппеном носили так сказать информационный характер, то связи Копитара с Востоковым базировались на основе общих научных интересов. В Востокове Копитар видел, несмотря на всю свою предвзятость, равного себе ученого. Уже статья Востокова «Рассуждение о словенском языке» была высоко оценена Копитаром, а его комментарии к Фрейзингенским отрывкам вызвали у словенского ученого восторженный отклик. В их переписке нашли отражение их научные интересы, их научные разыскания. В апреле 1829 г. Востоков сообщал Копитару о том, что занят устройством Румянцевского музея и другими казенными поручениями, но все же надеется возвратиться к своей давнишней работе, а именно к старославянской грамматике и лексикографии ¹¹⁶. Три года спустя Востоков послал Копитару несколько важных для

последнего изданий, а именно: 1) Второе издание словаря Евгения Болховитинова о духовных писателях (на словарь Болховитинова Копитар опубликовал рецензию)¹¹⁷; 2) 2 экземпляра «Собрания словенских памятников» (для Копитара и Венской библиотеки), 3) 4 экземпляра изданной Востоковым «Легенды св. Вячеслава» — из них 2 экземпляра в Прагу, 4) «Славянскую грамматику» Пенинского, 5) его же «Славянскую хрестоматию» и др.¹¹⁸ Узнав о смерти Добровского, Востоков написал теплое письмо Копитару, известному своими дружескими отношениями с покойным. 30 апреля 1830 г. Копитар благодарил Востокова за это письмо и сообщал ему о территории расселения «славян виндского диалекта» в настоящее время (Крайна, Каринтия, Штирия, Западная Венгрия, провинциальная Хорватия¹¹⁹ — всего 1,5 млн. человек). При этом он присовокуплял, что в древние времена словенцы жили в Тироле, Баварии, гранича с чехами в районе Линца. Любопытно, что в этом письме Копитар относил словенцев и болгар к одной ветви славян, очевидно, желая таким образом подкрепить свою паннонскую теорию*.

В 1830 г. Копитар нашел в библиотеке графа Клоца древнюю глаголическую рукопись, вошедшую в науку под названием Глаголита Клоцианус и задумал ее издать. Об этом он написал Востокову 26 сентября 1830 г., прося его помощи. «Вы самый опытный человек в этом деле» [т. е. в издании памятников. — *И. Ч.*], — замечал Копитар¹²⁰. Для издания Глаголиты Клоцианус Копитару потребовались старославянские памятники, и прежде всего — Супрасльская рукопись, о существовании которой Копитар знал из описания ее, сделанного Востоковым и напечатанного в «Библиографических листах». Востоков написал Бобровскому о просьбе Копитара сразу же после получения письма последнего. «Вам известно, может быть, уже, — писал Востоков Бобровскому в мае 1831 г., — что г. Копитар, ученый словенский филолог в Вене, открыл недавно глаголическую рукопись, замечательную по древности языка и по правописанию ее, которое согласно с правописанием Остромирова Евангелия и Вашей Супрасльской рукописи. Г. Копитар желает издать в свет свою находку с надлежащими учеными пояснениями и на сей конец просил меня сообщить ему из древнейших кирилловских рукописей верные копии тех самых статей, отрывки которых помещены в его глаголит. кодексе... Вы, М[илостивый] Г[осударь], оказали бы величайшую услугу г. Копитару и всем любителям словенского языка, если бы сообщили ему копию с показанных выше трех статей Супрасльской рукописи». Востоков добавлял, что

* Согласно паннонской теории родиной старославянского языка являлась Паннония. Следовательно, в его основе лежал диалект паннонских славян, предположительно предков современных словенцев. Утверждение Копитара о том, что словенцы и болгары относились к одной ветви славян, должно было объяснить наличие в старославянском языке болгаризмов.

Копитар обещал заплатить переписчику. Бобровский не сразу ответил на письмо Востокова. В октябре 1831 г. Копитар снова просил у последнего копии статей Супрасльской рукописи, а Востоков, в свою очередь, обращался вновь с той же просьбой к Бобровскому. Бобровский ответил Востокову 5 ноября, сообщив ему, что Супрасльской рукописи у него на руках нет¹²¹. Ягич утверждает в своей «Истории славянской филологии», что Востоков в 1830—1831 гг. послал Копитару «различные полезные выписки, между прочим из Супрасльской рукописи».

Переписка Востокова с Копитаром продолжалась вплоть до смерти словенского ученого¹²². В письме от 29 апреля 1841 г. Копитар писал своему русскому корреспонденту: «И я полагаю, что поскольку в Вашем распоряжении находится больше вспомогательных средств по нашей специальности, чем располагаем мы, все вместе взятые, то мы с Вами вместе заменим его [т. е. Добровского.— И. Ч.]»¹²³. Этими словами Копитар признал то огромное значение, которое имели для его научной деятельности и для развития славистики вообще связи с русскими учеными, и прежде всего с виднейшим из них — А. Х. Востоковым.

Глаголита Клоцианус была издана Копитаром в 1836 г. Издание поставило на научную основу изучение глаголицы. Сам Копитар высказал мнение, что глаголица древнее кириллицы и является варварской азбукой славян, распространенную среди них до прихода Кирилла и Мефодия. В этом он полемизировал с Добровским, полагавшим что глаголица появилась уже после кириллицы.

Русские ученые сразу же откликнулись на издание Копитара. Уже в начале 1836 г. Погодин, сообщая о своих разговорах с Копитаром в Вене, останавливался и на его новой публикации. «В комментариях к этой рукописи,— писал он,— Копитар снова будет доказывать, что глаголитские письма гораздо древнее кирилловских... Теперь кто прав, Добровский или Копитар? Не знаю. Во всяком случае прочесть любопытно»¹²⁴. П. И. Кеппен, во второй половине 30-х годов вновь занявшийся славистикой, отмечал, что издание Копитара «содержит в себе, между прочим, и такие вещи, которые должны бы быть изданы нами: драгоценные памятники писем кирилловских, памятники, хранящиеся в России и высоко ценимые в чужих краях!— Нет сомнения, что такое ревностное предупреждение пробудит и нас к делу»¹²⁵. П. И. Прейс высказался о комментариях Копитара не слишком воодушевленно. «Glagolita Clozianus,— писал он в черновой записке о своих занятиях в 1823—1839 гг.,— думал я, объяснит мне многое... К сожалению, я нашел здесь только то, что сей последний уже прежде говорил в „Wiener Jahrbücher“, и то, что заимствовано им из трудов А. Х. Востокова»¹²⁶.

Глаголита Клоцианус возбуждала интерес русских ученых и спустя много лет после ее выхода в свет. В 1852 г. И. И. Срезневский отмечал, что Глаголита Клоцианус опровергла мнение Добров-

ского о происхождении глаголицы в XIII в., так как рукопись по определению специалистов относится к XI в. Вместе с тем Срезневский, как и ранее Погодин, сомневался в утверждении Копитара, что глаголицкая азбука древнее кирилловской и является истинно славянским изобретением в отличие от кирилловской, заимствованной славянами у греков. Сам Срезневский считал, что глаголицкая азбука «в том виде, как известна из памятников, в общем своем составе составлена по образцу кирилловской... Не лишившись ничего из существенных частей кириллицы, она или дополнена по требованиям местного наречия, или по этим же требованиям несколько изменена»¹²⁷. Мнения Срезневского придерживались далеко не все русские ученые. В том же 1852 г. другой видный русский славист В. И. Григорович решительно поддержал точку зрения Копитара¹²⁸.

В. Ягич отметив, что издание Копитара вызвало много положительных откликов, указал, что в нем были опубликованы не относящиеся к главной теме памятники: Фрейзингенские отрывки, выдержки из Остромирова Евангелия и пр. «Изложение грамматическое, прибавленное к этому изданию, — добавлял Ягич, — несколько не удовлетворяет нас». Ягич упрекал Копитара в том, что в своих грамматических замечаниях он недалеко ушел от Добровского, не учтя даже того, что сделал Востоков в отношении церковнославянской грамматики. Исторические замечания Копитара Ягич считал предвзятыми, полностью соответствующими его паннонской теории¹²⁹.

Каковы бы ни были недостатки публикации Глаголиты Клоцианус, она сыграла большую роль в развитии славистики, дав в руки исследователям один из древнейших памятников славянской письменности. Петербургская Академия наук присудила Копитару за нее большую золотую медаль. Копитар обменял ее на денежную сумму, которую разделил между Караджичем и Шафарыком¹³⁰.

Супрасльскую рукопись от Бобровского Копитар получил уже после издания Глаголиты Клоцианус: летом 1836 г. — первую часть, а в 1839 г. — вторую. По словам Срезневского, эта рукопись была доставлена Копитару благодаря стараниям Востокова¹³¹. Копитар лично переписал всю рукопись, первую часть отослав Бобровскому, а вторую — оставив у себя. Была ли это покупка или дар Бобровского, или Копитар оставил ее у себя самовольно — сказать трудно. Во всяком случае, высказывание А. А. Кочубинского о Копitare, как о «присвоителе чужой собственности»¹³², требует серьезных доказательств. После получения Супрасльской рукописи Копитар, очевидно, не имел личных контактов с Бобровским, ибо в письме от 29 апреля 1841 г. он спрашивал Востокова, жив ли еще Бобровский¹³³.

В результате раздела Супрасльская рукопись оказалась в трех местах: вторая часть, оставшаяся у Копитара, попала после его смерти в библиотеку Люблянского лицея (теперь в Рукописном собрании Национальной и университетской библиотеки в Любляне); первая же часть была впоследствии поделена между библиотекой графа ЗамоЙского в Варшаве (Варшавского университета)

и Публичной библиотекой в Петербурге (ныне ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

Копитару не удалось опубликовать Супрасльскую рукопись. Это сделал за него его знаменитый ученик Ф. Миклошич. В 1847 г. он напечатал первые отрывки из нее, а в 1852 г. осуществил ее полное издание по списку Копитара.

Кочубинский считал посылку Бобровским Супрасльской рукописи Копитару большой потерей для славяноведения, так как вслед за этим последовало ее разделение на три части. Несомненно, нахождение частей этого важнейшего памятника старославянского языка в трех разных местах мешало и мешает полному ознакомлению с ней ученых, которым необходимо для этого побывать в трех городах — Любляне, Варшаве, Петербурге (Ленинграде). Но, с другой стороны, нахождение Супрасльской рукописи у Копитара, ее переписка им способствовали более быстрому введению ее в научный оборот, что является крупной заслугой как Копитара, так в особенности Миклошича. Миклошич не только опубликовал Супрасльскую рукопись, но и активно использовал ее в своих работах. А. А. Кочубинский прямо указывал, что книги Миклошича о старославянском языке базируются на ее материале, в частности — «Грамматика старославянского языка» (1850) и «Сравнительная грамматика славянских языков» (1851)¹³⁴. Поэтому нам представляется, что передача Бобровским Супрасльской рукописи Копитару сыграла для развития славяноведения свою положительную роль.

Несколько слов об отношении Копитара к другим русским ученым 20-х годов XIX в. Выше уже говорилось о предвзятости Копитара по отношению ко всему русскому. С недоверием и пренебрежением относился он к русскому ученому К. Ф. Калайдовичу, одному из членов Румянцевского кружка, собирателю и издателю ряда средневековых памятников русской и старославянской письменности. Так, Копитар с презрением отзывался о статье Калайдовича «О славянском языке вообще, и в особенности о церковном». Ягич справедливо полагает, что она вызвала его гнев тем, что Калайдович в отличие от Копитара считал родиной старославянского языка Моравию. Сам Ягич придерживался того мнения, что Копитар судил о Калайдовиче слишком строго^{135–136}, и с этим можно вполне согласиться.

30-е годы XIX в., кроме плодотворной в научном отношении переписки Копитара с Востоковым, дали еще несколько эпизодов русско-славянских научных связей. И опять в центре их со стороны словенцев стоял Копитар, хотя, особенно во второй половине 30-х годов, он уже не был единственным словенским ученым, который привлекал внимание научных кругов России. В частности, русские ученые стали проявлять интерес к Урбану Ярнику. Так, Кеппен отмечал в своей статье «Литература славянских народов», что Ярник «готовит пространный виндский (хорутанский) словарь»¹³⁷.

В 1835 г. произошло первое путешествие за границу М. П. Погодина, русского историка консервативного направления, увлекавшегося славянской тематикой еще в 20-е годы. Вместе с С. П. Шевыревым он перевел на русский язык книгу Добровского о Кирилле и Мефодии, отредактированную затем Востоковым. В 1827 г. Погодин издавал журнал «Московский вестник», в котором принимали участие русский поэт Д. В. Веневитинов, будущие славянофилы А. С. Хомяков, братья И. В. и П. В. Киреевские, А. И. Кошелев. Сотрудничал в «Московском вестнике» и П. И. Кеппен. В «Московском вестнике» помещались статьи на славянские темы. Так, в нем сообщалось о новом издании Анонимной хроники VIII в. об обращении баварцев и хорутан в христианство¹³⁸, пересказывалось мнение Добровского о разделении славянского языка на наречия¹³⁹, давалась рецензия на «Собрание словенских памятников, находящихся вне России» и т. д.

В 1835 г. Погодин побывал в Праге, где подружился с Юнгманом, Палацким, Ганкой, Шафариком, затем — в Вене, где познакомился с Караджичем и Копитаром. В 1836 г. Погодин опубликовал статью «Иноземная литература славянских наречий», в которой коснулся и некоторых моментов словенской научной жизни — прежде всего рассказал об издании Глаголиты Клоцианус Копитаром, а также сообщил о выходе к новому году ряда альманахов и календарей на сербском, словацком, хорватском и кранском языках. Общее мнение Погодина о литературной жизни южных славян было таково: «...между южными славянами господствует довольно живая, хотя и мелкая книгопечатная деятельность»¹⁴⁰. Позднее в заметке «Еще славянские новости» Погодин под видом отрывка из письма Шафарика сообщил о статье Копитара в Мюнхенской газете «Ausland», в которой он утверждал, что глаголица является остатком древнего рунического письма славян¹⁴¹. Уже после первой поездки Погодин попытался завязать книгообмен со славянскими учеными Австрии. Он не был слишком удачен. В добавлениях к своей биографии Погодин впоследствии так писал об этом: «Все ученые корреспонденты Погодина в продолжение десяти лет успели ему достать только десять книг из своих дуплетов и нечаянных покупок». Тут же Погодин перечислял своих ученых корреспондентов: Копитар, Шафарик, Ганка, Вук¹⁴².

Второй раз Погодин побывал в австрийских землях в 1839 г., снова встречался в Вене с Караджичем и Копитаром. О последнем Погодин слышал достаточно нелестные мнения со стороны своих чешских друзей, видевших в нем, помимо всего прочего, человека, враждебного национальным движениям славянских народов. Несмотря на дружественное отношение к чешским ученым, Погодин попытался объективно оценить Копитара, высоко ставя его научные заслуги. «Он не разделяет славянских восторгов,— писал Погодин,— не верит никакой лучшей будущности для славянского народа; выражает резко свои мнения и потому подвергается разным

подозрениям. Я не верю им, потому что Копитар любит славянский язык, занимается он беспрестанно и принимает живое участие во всяком новом открытии. К его характеристике прибавить надо, что он пылкий католик в душе и имеет нечто вольтеровское, саркастическое во взгляде на предметы. Жаль, что такой знаменитый славянин находится в неприязненных, хотя только и по-видимому, отношениях к своим единоплеменникам и встречает насмешками и недоверчивостью все самые радостные для них явления. Повторяю: это происходит из его характера и убеждения, а не из умыслов и из видов»¹⁴³.

В конце 30-х годов большой интерес к истории словенцев проявил Ю. И. Венелин, один из первых русских славистов. В его занятиях славистикой ему много помогал М. П. Погодин. Ю. И. Венелин (Георгий Хуца), по происхождению закарпатский украинец (карпаторус, как он называл себя), в начале 20-х годов вместе со своим дядей и другом Иваном Молнаром тайно эмигрировал из Австрии в Россию. Здесь он вскоре занялся изучением славянских народов. Особенно большое внимание он уделял истории, языку, литературе и этнографии болгар. Выдающийся успех имела его книга «Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам», вышедшая с помощью Погодина в 1829 г. Она оказала большое влияние на многих деятелей болгарского возрождения, прежде всего из болгарской колонии в Одессе. Известный болгарский просветитель В. А. Априлов отмечал, что «молодому ученому русскому Венелину предоставлено было вывести на сцену неизвестное Задунайское племя славян», что имя Венелина «останется неизгладимым в сердцах болгарских». Такого же мнения была и болгарская колония в Одессе, поставившая на свои средства памятник Венелину, на котором было написано, что Венелин «напомнил свету о забытом, но некогда славном, могущественном племени болгар и пламенно желал видеть его возрождение»¹⁴⁴.

В 1830—1831 гг. Ю. И. Венелин первым из путешественников посетил северо-восточную Болгарию по поручению Академии наук. Результатом его поездки было опубликование ряда болгарских памятников, а также работ по болгарскому языку. Интересовали Венелина и прибалтийские славяне (ободриты, варны, лютичи, поморяне и др.)¹⁴⁵. Уже в 1830 г. внимание Венелина стали привлекать словенцы. Шевыреву, отправлявшемуся в то время в Италию, он писал: «Прошу Вас от имени всех славюлюбцев — на возвратном пути не оставить без внимания славянских жителей Крайна, Каринтии, Карниолии *, Штирии и даже живущих по ту сторону Изонцо в Венецианском королевстве». Венелин дал Шевыреву целую про-

* Так в тексте. Венелин употребляет немецкое (Крайн) и латинское (Карниолия) названия Крайны, очевидно, полагая, что это разные области.

грамму наблюдений, которые последний должен был сделать в этих областях ¹⁴⁶. Во второй половине 30-х годов Венелин приступил к систематическому изучению истории словенцев. В 1841 г. вышла его книга «Древние и нынешние словене в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам» — первая изданная в России книга, специально посвященная словенцам.

По словам Молнара, Венелин обратился к истории словенцев, «потому что незнание их древностей было причиною запутанности в истории Древней Руси и Болгарии». Однако, наблюдая круг интересов Венелина, можно сделать и другой вывод: его привлекали к себе те славянские народы, которые менее других были изучены учеными. Недаром тот же Молнар считал, что «Венелин был человек незабвенный для истории славян, в особенности славян до его времени забытых всемирною историею» ¹⁴⁷. Именно неизученность истории словенцев, их «забытость» привлекли к себе внимание Венелина. Возможно, он думал стать для них тем же, чем стал для болгар. Однако условия развития словенцев и болгар были слишком различны. В Болгарии, находившейся под турецким игом, просвещение и наука стояли на самом низком уровне. Книга Венелина стала одной из первых печатных книг по истории болгар. Написанная с большой симпатией к болгарскому народу, воскрешающая блестящий период его истории, она стала важным аргументом в руках болгарских просветителей в их борьбе за право болгар на национальное существование и национальную культуру.

В лучшем положении, чем Болгария, находились словенские земли, хотя они также были под чужеземным игом. В словенских землях уже была проделана значительная работа несколькими поколениями просветителей, уровень развития национальной культуры словенцев был выше, чем у болгар. Словенцы имели таких крупных деятелей культуры, не уступавших лучшим представителям культуры передовых европейских народов, как блестящий филолог Е. Копитар, ставший наряду с Добровским одним из создателей славистики, как замечательный поэт Ф. Прешерн, как историк А. Линхарт, чья книга по истории словенцев охватывала тот же период, что и работа Венелина. Кроме того, надо иметь в виду, что книга Венелина о болгарях была поднята на щит прежде всего болгарской эмиграцией в Одессе. Словенских деятелей культуры в России не было, они не знали о работе Венелина, и она не получила отклика в Словении.

На первых страницах книги Венелина о словенцах давалась их краткая характеристика, определялись границы территории их расселения, устанавливалось их этническое имя, предлагалась библиография по истории и литературе словенцев. Эта часть книги отличалась достоверными данными. Венелин указывал, что словенцы занимают нижнюю часть Штирии и Каринтии, Крайну, два округа Венгрии. Всего он насчитывал их более 800 тысяч ¹⁴⁸. Венелин был

довольно точен, он не принял во внимание только группу венецианских словенцев (Горица и Приморье с Триестом входили в состав Крайны). Определяя этническое имя словенцев, Венелин подчеркивал, что жители Штирии, Каринтии и Венгрии называют себя словенами, в то время как жители Крайны — краинцами. Вместе с тем он писал, что «язык и тех и других составляет одно и то же наречие». Венелин считал, что истинным и правильным названием словенцев является название «словене». На это он указывал еще в своей книге «Древние и нынешние болгары»¹⁴⁹, подчеркивая, что имя «словене» принадлежало всегда исключительно одному славянскому племени — паннонцам и италоукраинцам*. «Если бы в нынешнем 1834 году,— писал Венелин,— нужно было назвать часть упомянутых стран и самое иллирийское королевство по имени их обитателей, то должно бы назвать их Словениею, Slovenenland, la Slovenie»¹⁵⁰. Любопытно, что именно Венелин впервые ввел в литературу само понятие — «Словения». В словенских землях оно вошло в обиход только в 1844 г., когда поэт И. Весел-Косески в оде на приезд в Люблян австрийского императора Фердинанда I дал им это название¹⁵¹.

Венелин утверждал, что словенцы являются самостоятельным славянским народом. «Наречие словен,— писал он,— отличается от всех других славянских наречий; словенин не есть ни чех, ни серб, ни поляк, ни кроат, ни по имени, ни по наречию, ни по одеянию, ни по нравам, ни по истории». Полемизируя с Копитаром и его паннонской теорией происхождения старославянского языка, Венелин указывал, что последний также нельзя назвать словенским, как язык москвитян — польским¹⁵².

Из библиографии, приведенной Венелиным, можно видеть, что он прочитал многие труды словенских просветителей. Среди использованных им грамматик упоминались грамматики Богорича, Похлина, Гутсмана, Зеленко, Шмигоца, Копитара, Водника, Метелко, Дайнко, т. е. практически все словенские грамматики, вышедшие до начала 30-х годов XIX в. Из исторических работ Венелин пользовался книгами Линхарта и Шафарика. Но особенно много изучил он трудов немецких ученых, в том числе Валвасора, Шлёцера, Гердера и т. д. Как Шлёцер и многие другие историки конца XVIII — первой половины XIX в., Венелин исходил из постулата, что словенцы являются автохтонным населением в отличие от хорватов и сербов, пришедших на Балканы позднее. Вследствие этого он делил их историю на четыре эпохи: 1) кельтская; 2) римская (с рождения Христа до 450 г.— вторжения Атиллы); 3) русская (до завоевания Карлом Великим около 800 г.); 4) франкская (до нынешних дней).

Характеризуя весь процесс исторического развития словенцев,

* Венелин считал, что название Крайна того же корня, что и Украина — у края славянской земли. Италоукраинцы — словенцы.

Венелин с горечью отмечал, что их участью было «постоянное иго». Наиболее подробно Венелин осветил первый (кельтский) и второй (римский) периоды. Отождествив словенцев с древними ретами (реты — от «речь», словенцы от «слово» — отсюда их идентичность), Венелин выводил их предков на основании упоминания римского историка Ливия от этрусков, изгнанных из Италии римлянами¹⁵³. После завоевания Августом в конце I в. до н. э. и начале I в. н. э. территории современной Словении часть ретов-словенцев ушла за Дунай, в земли мораван и чехов, где они и остались под именем словаков. Опираясь на труды Копитара, Венелин утверждал, что этрусский алфавит, бывший в употреблении словенцев, является ни чем иным, как глаголицей. Третий период (русский) Венелин начинал с вторжения гуннов Атиллы, которых он отождествлял с аvaraми. В свою очередь, аваров Венелин считал болгарами, а последних называл волгаро-россами, т. е. жителями Руси, русскими¹⁵⁴. Венелин только приступил к описанию этого периода.

Как можно видеть, если сведения, приводимые Венелиным о современных словенцах, были довольно точны, то древняя история словенцев, написанная им, носила фантастический характер. Его весьма смелые заключения и предположения базировались не на исторических источниках, а на филологических сопоставлениях, основанных на случайном созвучии слов¹⁵⁵. Сама методика исследования Венелина являлась уже устаревшей, соответствовавшей более XVIII в., чем первой половине XIX в. По-видимому, труды археолога по классическим древностям хорвата М. П. Катанчича (1750—1825), также считавшего жителей древней Паннонии славянами на основании очень сомнительных лингвистических сопоставлений¹⁵⁶, оказали на Венелина определенное влияние. Для исторической науки 40-х годов XIX в. история словенцев Венелина не являлась шагом вперед. И все же она знакомила русского читателя с словенцами, с их географией, литературой. И в этом было ее определенное значение.

Итак, первые шаги русского научного славяноведения ознаменовались установлением постоянных научных сношений его представителей с зарубежными учеными, в том числе и словенскими. Среди словенцев в научных связях с русскими бесспорно главную роль в 20-е — 30-е годы играл Е. Копитар. Его контакты с русскими учеными имели важное значение для формирования и развития славяноведения как научной дисциплины.

Известным рубежом в развитии славяноведения в России было принятие в 1835 г. нового университетского устава, по которому при четырех русских университетах (С.-Петербургском, Московском, Казанском и Харьковском) основывались кафедры истории и литературы славянских наречий. Для замещения этих кафедр были избраны четверо молодых ученых, которые на казенный счет отправлялись за границу для совершенствования своих знаний по данному предмету. Это были О. М. Бодянский, П. И. Прейс, И. И. Срезневский и В. И. Григорович.

Первым отправился в научное путешествие О. М. Бодянский, ученик М. Т. Каченовского. Он находился в славянских землях Австрии 5 лет начиная с 1837 г. и за это время побывал в Чехии, Моравии, Словакии, землях лужицких сербов, в Вене и Пеште¹⁵⁷. С 1842 г., после смерти Каченовского, Бодянский занимал славянскую кафедру в Московском университете.

Предварительный маршрут Бодянского по Австрии показывал, что южнославянские земли не были в центре его внимания.

В начале осени 1838 г. Бодянский сообщил Погодину о своем желании «осенью прошляться по Хорутании, а на зиму убраться в Италию». Об этом же он писал ему и весной 1839 г.¹⁵⁸ Но Бодянский так и не попал в южнославянские земли, поскольку вскоре после этого письма серьезно заболел.

Однако определенный интерес к южным славянам Бодянский все же проявлял. В письме к М. П. Погодину из Праги от 20.II/5.III 1838 г. он замечал: «Станко Враз, молодой писатель, собирает и скоро издаст в свет песни краинцев, корутан, штирийцев и кроатов»¹⁵⁹. С Вразом Бодянский впоследствии вел переписку, о чем свидетельствуют письма последнего, изданные П. А. Кулаковским. В начале 40-х годов Бодянский предполагал создать «Всеславянский учебник» по славянским народным песням. В письме от 7 июня 1843 г. он просил Вряза прислать ему неизданные хорватские народные песни и опубликованный Вразом сборник словенских народных песен, а также исправить в экземпляре сборника, предназначенном для него, ошибки в передаче произношения. «Без образцов словенского языка в народных песнях я никак не смею печатать моего Всеславянского учебника», — замечал Бодянский. Враз прислал Бодянскому то, что он просил. В письме от 13 июля 1844 г. русский ученый благодарил Вряза за посылку¹⁶⁰. Сведений о последующих связях Бодянского с Вразом не сохранилось.

В письме к Погодину от апреля 1838 г. Бодянский довольно резко отозвался о Копитаре за то, что тот всю честь открытия Реймского Евангелия приписал себе, умолчав о А. И. Тургеневе¹⁶¹. По-видимому, некоторая предубежденность Бодянского по отношению к Копитару возникла не без влияния чешских ученых.

Другим стипендиатом министерства просвещения, кандидатом на замещение кафедры истории и литературы славянских наречий в С.-Петербургском университете был П. И. Прейс. Перед отъездом за границу он год занимался с Востоковым. Позднее В. И. Ламанский так оценивал Прейса: «В истории славяноведения по времени и по ученой подготовке, по дарованиям и по заслугам Прейс стоит непосредственно за Добровским, Востоковым, Копитаром и Шафариком»¹⁶². Прейс отправился в славянские земли, просмотрев словари и грамматики многих славянских народов, в том числе и словенские — Ярника, Мурко, Метелко. По плану путешествия по заграничным славянским землям, одобренному Востоковым, Прейс предусматривал посещение после Вены Штирии, Каринтии, Крайны, Кроации, Славонии и Италии. «Страны, где господствует наречие хорутанское, должны особенно обратить на себя внимание путешествующего, — отмечалось в плане. — Труды Копитара и других сделали это наречие чрезвычайно важным в отношении историческом и филологическом». Уважение Востокова и Прейса к Копитару отразилось уже в этом первоначальном плане. Так, в Вене предполагались не только встречи с Копитаром, но говорилось о намерении Прейса «воспользоваться руководством Копитара». Прейс думал также посоветоваться с Копитаром относительно своего путешествия по Италии. Такое отношение к Копитару со стороны Прейса не было случайным. В своих черновых записках он подчеркнул, что труды Добровского и рецензии Копитара дали ему критическое направление при его занятиях славистикой¹⁶³.

Мнение Прейса о Копitare было очень высоким, и, когда индолог Агатой Бенари высказал ему свою точку зрения о плохом знании Копитаром старославянского языка, Прейс ответил ему довольно резко: «Я не утерпел, — писал Прейс М. С. Куторге в августе 1840 г. из Праги. — Желательно было бы, отвечал я, чтобы индологи так основательно знали санскритский, как Копитар славянский». Но все же отрицательные высказывания чешских ученых о Копitare одно время несколько поколебали восторженное отношение к нему Прейса. 12 января 1841 г. он сообщал М. С. Куторге, что теперь он может уважать Копитара только как ученого.

Первые свои впечатления о Копitare, в какой-то степени подкреплявшие взгляды на него чешских ученых, Срезневский, по-видимому, также изложил Прейсу, с которым находился в дружеских отношениях. Прейс в феврале 1841 г. с грустью отвечал Срезневскому: «Из Вашего же письма усматриваю довольно ясно, что накануне давно, нетерпеливо ожидаемого свидания с К[опитаром] я должен похоронить его в моем сердце, похоронить, может быть, навсегда. Се горько!»¹⁶⁴ Однако личная встреча с Копитаром развеяла предубеждения Прейса против него. «К счастью моему, в Вене еще Вук, и Надеждин, и Копитар, — писал Прейс Срезневскому 22 марта 1841 г. — В обществе их мне очень приятно... Каждый день вижу с Вуком (и Копитаром) и профитрую от него в отноше-

нии к сербскому». Немного погодя Прейс с сожалением отмечал в письмах Срезневскому, что из-за болезни Копитара не мог с ним часто видаться и «говорить столько, сколько душа требовала».

Кроме Копитара, из словенских ученых Прейса интересовал Урбан Ярник. Прейс полагал по дороге из Вены в Триест завернуть в Клагенфурт (словен. Целовец), «чтобы познакомиться с Ярником, которому столько обязан»¹⁶⁵. Прейсу удалось побывать в словенских землях, но, как сообщал он Куторге 19 мая 1841 г., «как мне ни было тяжело, но должно было спешить*». От этого я не успел в этих странах [Штирии и Крайне.— *И. Ч.*] воспользоваться всем, чем бы можно было располагать»¹⁶⁶. В словенских землях Прейс встречался с Ф. Метелко, о чем свидетельствует И. С. Аксаков, побывавший у последнего 20 лет спустя. Метелко показал Аксакову автограф Прейса, подаренный ему. В нем было написано: «Вперед, чада Кирилла и Мефодия»¹⁶⁷. Познакомился Прейс и с молодым тогда Д. Трстеняком¹⁶⁸.

Прейсу так и не удалось ничего написать о словенских землях, ибо спустя немного времени после возвращения из-за границы, в 1846 г., он умер.

Одновременно с Прейсом по славянским землям Австрии путешествовали И. И. Срезневский, кандидат на замещение кафедры истории и литературы славянских народов в Харьковском университете, и Н. И. Надеждин.

Н. И. Надеждин, необычайно одаренный человек, выступал и как историк, и как филолог, и как этнограф, и как журналист. В 1831—1836 гг. он издавал журнал «Телескоп», закрытый из-за опубликования в нем «Философических писем» П. Я. Чаадаева. В нем Надеждин помещал свои обширные критические статьи о русской литературе. В критике, по мнению Чернышевского, он был непосредственным предшественником и учителем В. Г. Белинского. Чернышевский отмечал у Надеждина «ум необыкновенно сильный», обладавший «страшным запасом знаний»¹⁶⁹. Надеждин относился критически к российским порядкам, ратовал за просвещение, но наряду с этим был убежденным монархистом¹⁷⁰.

Славянская тематика давно интересовала Надеждина. В своем журнале «Телескоп» он не раз публиковал статьи о славянских делах, а в 1836 г. перепечатал из «Часописа Чешского музея» за 1833 г. работу П. И. Шафарика «Обозрение новейшей литературы иллирийских славян»¹⁷¹. В ней значительное внимание было уделено словенской литературе. С сентября 1840 по сентябрь 1841 г. Н. И. Надеждин по поручению попечителя одесского учебного округа и основателя Общества истории и древностей в Одессе Д. М. Княжевича путешествовал по южнославянским землям.

* 1 мая 1841 г. Прейс должен был встретиться в Триесте с Княжевичем, Надеждиным, Срезневским и Караджичем, чтобы вместе с ними отправиться путешествовать по сербским землям.

Зиму Надеждин провел в Вене, где особенно близко сошелся с Копитаром и Караджичем. «Богатые сокровища Императорской библиотеки были отворены мне радушием известного Копитара,— вспоминал позднее Надеждин.— Поучительные беседы этого маститого Нестора славянской филологии и палеографии я причисляю к лучшим приобретениям моего странствования». Весной Надеждин выехал из Вены в Триест через Штирию и Крайну. Обе эти провинции приятно удивили его. Надеждин отмечал, что в них, особенно в Крайне, «славянская жизнь не только звучит в народном слове, но, можно сказать, осязаема во всех мелочах домашнего быта. Особенно вокруг Лайбаха, по-славянски Любляны, можно позабыться и подумать, что находишься на нашей родной Руси: так поразительно сходство краинской ветви великого славянского семейства с русской!»¹⁷² Это же Надеждин подчеркивал и в своем отчете, в котором с удивлением указывал на совершенно идентичное строительство изб у краинцев и русских¹⁷³.

Надеждина интересовал прежде всего сербский язык. Словацкий, краинский (словенский) языки занимали его, по его же словам, «преимущественно в их отношении к нашему отечественному языку, к языку русскому». Изучение славянских языков, сравнение их с русским привело Надеждина к новым выводам о месте, которое русский язык занимает в общей системе славянских языков, и о его особенностях по отношению к ним. Эти наблюдения Надеждин сообщил Копитару. Тот попросил Надеждина написать статью. Она была написана русским ученым в виде рецензии на издание Копитара «Гезихиев эпиглоссист», вышедшее в свет в 1839 г. «Я написал эту рецензию по вызову самого г. Копитара,— указывал Надеждин,— однако этот патриарх славянского языкознания нашел ее столь любопытною, что взял у меня для препровождения в один из немецких ученых журналов»¹⁷⁴. Статья была опубликована в «Wiener Jahrbücher für Literatur» (1841, т. 95). Копитар высоко оценил труд Надеждина. В письме к Ганке от 31 октября 1841 г. он советовал ему прочесть статью Надеждина. «Его введение о „Ш“,— отмечал словенский ученый,— как и все другое, я имел право найти поверхностным, но его выводы о русском диалекте являются новыми и оригинальными. Он очень ученый русский»¹⁷⁵. Такого высокого мнения Копитар был из русских ученых, пожалуй, только о А. Х. Востокове.

Надеждин и позднее отзывался о Копitare с большим почтением, считая его одним «из неутомимых исследователей и глубоких знатоков славянской палеографии» наряду с Шафариком и Добровским¹⁷⁶. Но, высоко ценя Копитара, Надеждин видел и его слабые стороны. Он говорил об односторонности его исторического верования¹⁷⁷, несомненно, имея в виду прежде всего его паннонскую теорию.

Больше всего внимания словенским землям из русских ученых, путешествовавших в Австрийской монархии в конце 30-х —

40-е годы XIX в., уделил Измаил Иванович Срезневский (1812—1880). В 30-е годы он с увлечением занимался украинской этнографией, ознакомился с рядом славянских языков. Поэтому не случайно при подыскании кандидата для замещения кафедры истории и филологии славянских народов в Харьковском университете выбор пал на Срезневского. Молодой ученый всерьез занялся изучением трудов славянских ученых. В письме от 7 июня 1838 г. он обратился к Погодину с просьбой достать для него книгу Шафарика «Славянские древности». «Во всяком случае,— заключал Срезневский,— позвольте надеяться на Ваше радушное соревнование помогать в деле изучения славянщины, нам родной и так еще мало у нас известной. Мне бы еще нужна была и Копитарова „Краинская грамматика“, но она едва ли есть у Вас для продажи, а потому буду пока утешать себя надеждою, что прочту ее когда-нибудь»¹⁷⁸.

Перед отъездом за границу Срезневскому была дана инструкция зимою изучать славянские книги и рукописи в библиотеках городов, а летом совершать пешеходные путешествия по славянским землям. И ему удалось выполнить предъявленные ему весьма сложные требования «благодаря природным дарованиям, опытности, приобретенной в работах по украинской этнографии, и сохранившемуся до последних лет жизни умению легко и попросту сходитьсь со всяким без различия его общественного положения»¹⁷⁹.

Срезневский составил обширную программу путешествия по славянским землям, которую благодаря своей замечательной энергии и настойчивости сумел выполнить. А. Н. Пыпин, отмечал, что Срезневский «сделал столько пешеходных странствий по славянским землям (кроме славян турецких), как никто из самих славян»¹⁸⁰. Он обошел Чехию, Силезию, земли лужицких сербов, несколько раз побывал в Вене, прежде чем отправился в словенские земли. Как и все русские слависты, в Вене он познакомился с Копитаром и Караджичем. И если с последним Срезневский очень подружился, то с Копитаром у него сложились холодные, даже неприязненные отношения. Возможно, сказалась разность темпераментов обоих ученых — пылкая восторженность Срезневского вызывала насмешливую холодность скептического Копитара; возможно, дала себя знать и определенная предубежденность: у Копитара — по отношению к русским ученым, у Срезневского — по отношению к Копитару, поскольку накануне встречи с последним русский ученый побывал в Праге и подружился с чешскими учеными, враждебно настроенными к словенцу. Уже в январе 1841 г. Срезневский писал матери: «Был два раза и у Копитара: с ним едва ли буду иметь дело... Лучше не подходить, а то смотри и укусит»¹⁸¹. То же самое впечатление Срезневский передал и Ганке. «С Копитаром виделся два раза, более нет охоты,— замечал он чешскому ученому 21 февраля 1841 г.— У него хоть и есть душа, но не по мне»¹⁸². Несмотря на неблагоприятное впечатление от Копитара,

Срезневский старался исполнять его просьбы. Так, в письме от 29 апреля 1841 г. Копитар просил Востокова поблагодарить Срезневского за присылку ему каталога славяно-русских рукописей Захарова¹⁸³.

По возвращении из словенских земель Срезневский снова встретился с Копитаром. Его рассказ о Резье вызвал скептическое недоверие словенского ученого. В письме к Ганке от 31 октября Копитар отмечал, что из всех русских Срезневский понравился ему менее всего. «Ваш Измаил порядочный лгун,— писал он,—...так он видит в долине Резьи родину первых переселенцев из России»¹⁸⁴.

Спустя много лет после смерти Копитара, когда сам Срезневский стал уже известным ученым-славистом, он дал довольно объективную оценку словенскому ученому. «Копитар бесспорно принадлежит к числу самых заслуженных филологов славянских»,— писал Срезневский в 1857 г. по поводу издания его произведений Миклошичем. Несмотря на небольшое количество капитальных трудов, продолжал он, Копитар опубликовал много статей и статей, «произведений неподдельной учености и вместе такого вечно живого остроумия, что очень многими из них нельзя не дорожить и теперь». И не потому, что в них нет ошибок, но потому, что «он всегда открывал для ученых соображений что-нибудь новое, достойное соображений и расследования, понимал нужды науки». Срезневский высказал небезынтересное предположение, что Копитар не брался за большие труды, а исследовал только частные вопросы, так как понимал слабость своих средств [т. е. источниковедческой базы.— И. Ч.]. «Жизнь его прошла не даром,— заключал Срезневский,— он вызывал других на труды, возбуждал к исследованиям, помогал в работах и словом и делом»¹⁸⁵. Еще несколько лет спустя, выступая в защиту Копитара от нападок чешских ученых, обвинивших Копитара в отщепенстве, ультрамонтанстве и даже шпионаже в пользу австрийского правительства, Срезневский попытался вскрыть причину таких отношений. Срезневский признавался, что никому не было возможности сказать слово в защиту Копитара не только в Праге, но даже в Вене. «Копитар был горд по природе,— писал Срезневский,— горд и своими знаниями, действительно основательными и разнообразными, и строгостью научных требований, и прямою, а вместе и своенравен, насмешлив и неразборчив в выражениях о других»¹⁸⁶.

Путешествие по словенским землям Срезневского, предпринятое им весной 1841 г., столкнуло его со многими словенскими учеными и национальными деятелями. Круг его знакомств среди словенцев был значительно шире, чем у других русских ученых, как правило, ограничивавшихся встречами с Копитаром и иногда с У. Ярником или Ф. Метелко. Уже в Граце [словен. Градец] Срезневский встретился с профессором словенского языка в Грацком университете К. Квасом. В архиве Срезневского имеется автограф последнего от 3 марта 1841 г.: «Смелой, счастливой, долгой жизни, многих

друзей, славу Вашим трудам на пользу славянского народа, Вам, благородный господин Срезневский»¹⁸⁷.

В своих неопубликованных путевых заметках Срезневский так отзывался о Квасе: «Квас — предобрый человек, понимает по-русски, по-польски, желал бы посвятить себя... своему предмету, но не может, времени не имеет»¹⁸⁸. Квас обещал познакомить Срезневского со своими друзьями А. Мурко и П. Дайнко. Антон Янез Мурко, штирийский словенец, близкий в 30-е годы иллирам, издал грамматику и словенско-немецкий и немецко-словенский словари. Мурко критиковал алфавиты и грамматики Дайнко и Метелко, выступая за создание общего словенского литературного языка и за богоричицу в качестве словенского алфавита¹⁸⁹. В этих вопросах он стоял на позициях, близких позициям словенских демократических деятелей, группировавшихся вокруг «Краинской пчелки» М. Чопа и Ф. Прешерна. Мурко высказывал мысль о том, что словенский язык не есть язык малого народа, но наречие ветви великого славянского народа¹⁹⁰. Срезневский встретился с Мурко 4 марта, как указывает датировка на автографе Мурко Срезневскому¹⁹¹. В разговоре с русским ученым он высказал желание вновь издать свою грамматику¹⁹².

В Мариборе Срезневский побывал у д-ра Пуффа, воодушевленного славянского патриота. Вместе с ним он ездил к пастору Цветку, где записывал от его служанки песни. Уже при первых встречах со словенцами Срезневский отметил близость русского языка словенскому. Это замечали и словенцы. Так, служанка Цветка, по словам Срезневского, хотела от удовольствия, «что понимает человека, приехавшего сюда из-за 300 миль». Позднее, путешествуя с Вразом по Крайне в районе Метлики, Срезневский удивлялся легкости, с которой местные жители понимали его русскую речь¹⁹³.

8 марта Срезневский посетил молодого священника в Фраме [нем. Фраунхайм, недалеко от Марибора. — *И. Ч.*] Орослава Цафа, страстного любителя славянских языков. Просмотрев его рукопись словенско-штирийского словаря, Срезневский рекомендовал ему снабдить словарь этнографическими примечаниями¹⁹⁴. Цаф написал на память русскому ученому: «Меня несказанно обрадовало знакомство с ученым господином Самуэлем [так в автографе. — *И. Ч.*] Срезневским»¹⁹⁵.

После Марибора Срезневский побывал в Великой Неделе у автора словенской грамматики священника П. Дайнко. «Принят я был по-славянски, и собираю, что можно, в свой портфель». По словам русского ученого, Дайнко мечтал посвятить себя словенской литературе, но не мог, так как его азбука и грамматика были запрещены властями. «А от Дайнко можно было ожидать многое: он любит народ, изучает его, знает, и все еще продолжает изучать... Грамматика его известна. Издание народ[ных] песен тоже стоит внимания»¹⁹⁶. Дайнко дал Срезневскому рекомендательное письмо

к Людевиту Гаю¹⁹⁷. Очень гостеприимно приняли Срезневского словенские священники в Птуе.

Из Штирии Срезневский отправился в Вараждин, затем в Загреб, а оттуда вместе с Вразом в Крайну и Горицу. Язык краинцев, особенно у Любляны, показался ему менее понятным, чем в Штирии. «Одна досада, — писал он, — когда я читаю краинскую книгу, понимаю почти все, разве какое-нибудь слово заставит задуматься, а слушаю, когда говорят, как ни слушаю, как ни вслушиваюсь, так разве десятое слово разберу. Ударение дивное, большая половина гласных проглочены, другие изменены... А язык, особенно когда говорит им хорошенькая Мицка, очень приятен для слуха». Срезневский все время работал, старался как можно больше общаться с народом. У Метлики он с Вразом слушал в небольшой кофейне песни девушек, старинные предания от стариков. «От 4 до 9, — отмечал он, — то и дела было, что записывать да рисовать»¹⁹⁸. В Любляне Срезневский и Враз бродили по Люблянскому базару; в местечке возле Крапя они заглянули в сельский кабачок, угостили крестьян вином, записали от них народные песни и сказки. Срезневский слушал словенскую народную речь, улавливал ее изменения в разных районах. Все это помогло ему в дальнейшем сделать удачную классификацию словенских наречий.

В Любляне Срезневский попробовал основательно заняться словенским языком под руководством Метелко, к которому всегда относился с большим уважением, считая его грамматику одной из лучших славянских грамматик¹⁹⁹. Метелко тоже хранил память о своем русском ученике. Через 20 лет он показал И. С. Аксакову автограф Срезневского: «Счастлив, кто мог соединить любовь к народности с любовью к народу»²⁰⁰.

Расписание Срезневского было очень уплотнено. «Время провозу тут вот каким порядком: одевшись, отправляемся пить кофе в кофейню к императору австрийскому; оттуда в библиотеку, потом домой обедать, — писал он матери 9 апреля, — после обеда я иду к профессору Метелку и занимаюсь с ним краинским наречием, — и потом опять в библиотеку, а вечер... каждый вечер проходит в том или другом кабаке, где собираются наши знакомые пить вино. ...Знакомые наши д-р Прешерн (он лучший из живых поэтов краинских), д-р Хорват — адвокат, библиотекарь, несколько профессоров»²⁰¹. Судя по автографам, сохранившимся в архиве Срезневского, кроме Прешерна, Хорвата и Метелко, он был знаком в Любляне с одним из люблянских илириров А. Жакелем, с издателем «Краинской пчелки» Кастелицом²⁰². В автографе Срезневскому Прешерн писал: «Когда вернешься домой, сын неумирающей славы, вспомни братьев возле Савы»²⁰³. Кастелиц пожелал русскому ученому: «Здоровый, веселый, путешествующий кругом! От Урала до Триглава пусть несется твоя слава!»²⁰⁴.

Из Любляны через Крапя, где он пробыл некоторое время по приглашению адвоката Хорвата, Срезневский отправился в словен-

скую Каринтию, и прежде всего в Целовец. Здесь его ждала встреча с Я. Зупаном, одним из деятелей кружка «Краинской пчелки», сосланным в Каринтию за критику цензуры и полиции. Зупан увлекался сбором фольклора, сотрудничал с Копитаром и Добровским²⁰⁵. «Толстый ... веселый, болтун, ученый, любящий поест и полакомиться сладким... — писал Срезневский о Зупане своей матери, — и, повторяю, очень ученый». 18 апреля Срезневский прибыл в Мошбург, где жил в то время У. Ярник. У него русский ученый гостил три дня. «Очень ученый и очень милый старик», — отзывался о нем Срезневский²⁰⁶. Ярник работал над сравнительной грамматикой славянских языков, именно поэтому Срезневский не пожалел времени для знакомства с ним и с его трудами. Позднее, спустя несколько лет после смерти Ярника, Срезневский сожалел, что этот труд Ярник взял на себя в старости и при том «без намерения удержаться в границах простого сведения фактов, а с надеждою высказать и свои собственные убеждения». «Ознакомься лично с некоторыми частями этого труда, — писал Срезневский, — я могу свидетельствовать, что труд Ярника был бы очень замечательным явлением в области славянской филологии. В нем не было забыто ни одно из славянских наречий, сделавшихся достоянием литературы, не были забыты даже и некоторые из наречий народных. Так, между прочим, занимаясь им как хорутанин, Ярник обращал особое внимание на свое родное наречие, на его каринтийский оттенок, еще почти совсем не исследованный и очень замечательный, и помощью его думал объяснить некоторые любопытные свойства славянской фонетики, этимологии и синтаксиса, в той мысли, что в этом наречии долин, отделенных от треволнений света грядями гор, сохранилось много остатков древнего языка. Кроме того, имея случай пользоваться некоторыми редкими рукописями глаголическими, он надеялся с пользою для сравнительного изучения славянских наречий представить в своем труде грамматические извлечения из них, еще более любопытные для изучающего древности языка»²⁰⁷. Высокое мнение Срезневского о работах Ярника не было преувеличенным. П. И. Шафарик считал также, что «его [Ярника. — И. Ч.] исследования об языке отличаются глубокими разысканиями»²⁰⁸. Высоко оценивал Ярника и Ягич, отмечая, что он был «один из более выдающихся знатоков словенского языка того времени»²⁰⁹.

После посещения Ярника Срезневский вернулся в Целовец, а оттуда поехал в приход св. Михаила в Рожне. Этот уголок словенской Каринтии интересовал Срезневского, во-первых, потому, что «жители сохранили там более народности, нежели в других местах Хорутании (Каринтии)», а во-вторых, его интересовал местный священник М. Майр. По-видимому, это путешествие было предпринято не без совета Ярника, ближайшим другом и учеником которого был Майр. «В фаре [приходе — И. Ч.] я познакомился с капелланом Майером [т. е. Маяром. — И. Ч.], любителем и знатоком народности

хорутанской, и провел с ним в разговорах и прогулках по очаровательному Рожню 23 [апреля.— И. Ч.]»,— писал Срезневский матери²¹⁰. Спустя несколько лет Маяр, беседуя с Душаном Ламблом, прогрессивным деятелем чешского национального движения и близким другом чешской писательницы Божены Немцовой, отзывался о Срезневском, как об одном из образованнейших людей, встречавшихся с ним. Тот же Ламбл, передавая слова Маяра, свидетельствовал, что Срезневский был потрясен красотой Зильской долины²¹¹.

В архиве Срезневского сохранились его заметки о Зильской долине. В них он отзывался о зиянях с восторгом. «Окруженные со всех сторон немцами, распространившимися с давних времен по горам и за горами около Зильской долины, жители твердо сохраняли до сих пор свою оригинальность, гордившись ею,— писал о зиянях Срезневский.— Народ вообще рослый, красивый, здоровый... Занимаясь сельскою промышленностью с прилежанием и умением, они отличаются от своих соседей и богатством, а нравственность и набожность их вошла в пословицу»²¹². Срезневский не только беседовал с Маяром, но и записал с его слов ряд обычаев и песен жителей Зильской долины. Спустя 10 лет Срезневский опубликовал статью «Хорутанские песни из Зильской долины», целиком базировавшуюся на материалах, полученных им при встрече с Маяром. В статье давалась характеристика зиян, написанная в том же восторженном духе, что и в черновике, но несколько другими словами. «Это один из самых благословенных уголков Каринтии,— писал Срезневский,— соседи завидуют зияням и в несчастные годы из Зильской долины ждут себе помощи». И далее: «Все зияние — свободные хлебопашцы, платящие своим помещикам за землю подать или вместо подати работающие им определенное время... Зиянин благороден, добродушен и приветлив. Зиянка горда, хитра, но тоже благородна и приветлива; веселость зиян вошла в пословицу, а немцы, которые окружают их со всех сторон, ставят в пример чистоту их нравственности»²¹³.

В словах Срезневского о зиянях слышится не столько его личная точка зрения, которая не могла выработаться за столь короткое время пребывания его в Зильской долине (всего один день!), сколько мнение самого Маяра, уроженца Зильской долины, страстно влюбленного в свой родной край. Ламбл отмечал эту черту Маяра. «Я был еще более увлечен,— указывал он,— ревностью о Маяра и тем святым пламенем, с которым он обращал свое внимание на предметы народные»²¹⁴. Срезневский как одну из положительных черт зиян отмечал их приверженность к дедовским обычаям: «Несмотря на распространение просвещения, зияне сохраняют дедовский быт и вместе с ним любовь к своей народной песне, которая появляется как необходимая принадлежность всякого старинного обряда». В статье Срезневский описал праздник Липы, широко отмечавшийся в Зильской долине и соеди-

нившийся там с церковным престольным праздником, а также привел обрядовые песни, связанные с ним. Срезневский сумел отыскать упоминания о сходных обычаях у древних новгородцев (битье бочек), которые он сравнил с подобными же обычаями в Зильской долине²¹⁵.

После Зильской долины Срезневский посетил Бистрицу (нем. Feistritz), отметив в письме к матери ее словенский характер, несмотря на немецкое окружение²¹⁶. Отсюда он направился в земли Венецианской Словении — в Резью и к словинам — и пробыл там несколько дней. О венецианских словенцах Срезневскому рассказал Враз. Кроме того, Срезневский, несомненно, читал «Славина» Добровского, где чешский ученый приводил свидетельство о резьянах армейского священника Антонина Пишеля, побывавшего в Резьянской долине в 1801 г.²¹⁷

В землях венецианских словенцев Срезневский активно знакомился с их нравами, обычаями, языком. Руководителем его в этом отношении был старый приходский священник в селении Равенца в Резье Одорико Буттоло, патриот своего края. Он рассказал Срезневскому о приходе в Резью русских солдат и о посещении ее графом Потоцким. Срезневский с большой симпатией описал резьян и словинов, две ветви венецианских словенцев, живущих в соседних долинах, подмечая общее и различное между ними. Так, резьян он характеризовал как красивых, здоровых людей, «нраву большею частью веселого и доброго, без сильных страстей», очень религиозных и во всем слушающихся своего священника²¹⁸. В то же время, описывая словинов, Срезневский отмечал их смелость, самоуверенность, доброту и гостеприимство наряду с осторожностью, недоверчивостью и злопамятностью. У словинов, сохранивших больше пережитков общинно-родового строя, чем резьяне, существовали еще задруги и остатки кровной мести. «Живут большими семьями,— писал о них Срезневский,— по несколько женатых сыновей или незамужних дочерей». При религиозности словинов они, по наблюдениям Срезневского, отличались недоверчивостью к своим священникам, у них более сохранились обычаи и навыки языческих времен, чем у резьян; праздники, песни, пляски, знание народной медицины²¹⁹.

Срезневского особенно заинтересовали предания резьян о том, что они пришли из России. С вопросом о возможности этого он обращался к Копитару (см. выше) и Станко Вразу. Враз ответил ему письмом от 12 июня 1841 г., в котором замечал: «Что резьяне пришли из России, как мне думается, нельзя доказать историей, хотя некоторые стороны языка их говорят за это. Если они пришли из России, то это могло случиться, по крайней мере, в столетии, когда русские еще не приняли крещения»²²⁰. Шафарик же считал, что легенда о приходе резьян из России возникла в связи с походом войск Суворова через Альпы²²¹. Впоследствии Срезневский обработал свои заметки о венецианских словенцах и опубликовал их сначала

в 1842 г. в «Журнале Министерства народного просвещения», а затем в 1878 г. в виде отдельной книги «Фриульские славяне».

После венецианских словенцев Срезневский посетил Горицу, отметив фурано-итальянский характер городского населения, — только крестьяне, приходившие на рынок, говорили в Горице по-словенски²²².

Таким образом, Срезневский обошел все словенские земли — от Штирии до Венецианской Словении. Он посетил Градец (Грац) Штирийский, Марибор, Лимбуш, Птуй, Великую Неделю, Ормож, Метлику, Ново-Место, Любляну, Крань, Накло, Целовец, Зильскую долину, Резью, Горицу, Триест²²³. Все эти места Срезневский большею частью обошел пешком, собирая народные песни и обычаи, записывая различные словенские говоры. Его спутниками и руководителями в этом путешествии были известнейшие словенские просветители и ученые того времени: Е. Копитар, А. Мурко, П. Дайнко, С. Враз, Ф. Метелко, Ф. Прешерн, У. Ярник, А. Зупан, М. Маяр и др. Они не только давали ему советы, но и познакомили с результатами своих филологических и этнографических исследований. Все это дало возможность молодому русскому ученому составить себе определенное мнение о словенском языке и его говорах. В 1841 г. Срезневский опубликовал статью «О наречиях славянских». В ней он давал характеристику словенским наречиям. Отмечая большое их количество, Срезневский указывал: «...почти каждый приход отличается от другого или выговором некоторых букв, или употреблением тех или других слов». Причину такой раздробленности на диалекты Срезневский видел в недостатке народонаселения и промышленности в словенских землях и в связи с этим — в недостатке сближения между разными частями народа. Поэтому язык развивался в разных местах по-своему, «время укрепляло, узаконяло местные отличия, и еще не успело, вследствие распространения промышленности и торговли, стереть их, а только кое-где смешало»²²⁴. Крупнейшие словенские филологи Р. Нахтигал и Ф. Рамовш высоко оценили мысли Срезневского о причинах большого разнообразия словенских говоров. «Срезневский прямо по-современному, — писал Нахтигал, — рассматривал положение и развитие народной жизни». А Рамовш подчеркивал, что Срезневский «единственный мог хорошо и точно указать на причины, которые создали разнообразие»²²⁵.

Указав на разнообразие словенских диалектов, Срезневский с грустью отметил: «Общего литературного словенского языка нет и не было. Каждый писатель писал и пишет своим местным наречием... Так действовали не только писатели, но и самые лексикографы и грамматик: Гутсман и Ярник — корушцы, Копитар и Метелко — краинцы, Мурко и Дайнко — штирийцы; это заметно, сколько ни желали они стереть со своего языка, со своих понятий о языке словенском местный калорит. Они сходятся между собою более всего в некоторых условиях правописания, но никто из них

и не думал выговаривать так, как писал». В этой статье Срезневский делил все словенские говоры на 18 наречий: 1) нижнеукраинское, 2) верхнеукраинское, 3) среднеукраинское, 4) полянское, 5) циркницко-рибницкое, 6) липавское (випавское), 7) идрианское, 8) толминское, 9) Ђогинское, 10) плесское, 11) словинское, 12) резьянское, 13) зильское, 14) рожневское, 15) забельское, 16) штирийско-каринтийское, 17) дравско-мурское, 18) угро-штирийское²²⁶.

В 1845 г. Срезневский в словенском языке выделил 8 главных диалектов: 1) верхнеукраинское, 2) нижнеукраинское, 3) славинское, 4) резьянское, 5) зильское, 6) забельское, 7) штирийское, 8) угро-словенское²²⁷.

Систематизация, данная Срезневским в 40-х годах XIX в., была принята учеными. Т. Д. Флоринский полностью придерживался ее в своей книге «Лекции по славянскому языкознанию», отмечая, что «это был первый опыт научного решения вопроса о словинской диалектологии в полном ее объеме»²²⁸. Систематизация словенских говоров Срезневского положена в основу современной классификации словенского диалектолога Ф. Рамовша, создателя карты распространения словенских наречий²²⁹. «Лучше всех понимал разделение словенского языка на наречия Измаил Срезневский,— указывал Рамовш,— который охарактеризовал каждый словенский диалект настолько, насколько позволяли тогдашние материалы (1841); он сначала различал 18 диалектов, позднее (1845 г.) он объединил некоторые говоры и насчитывал уже 8 главных диалектов»²³⁰. Рамовш считал, что для словенской диалектологии Срезневский «сделал столько, сколько никто до него и после него»²³¹.

Давая оценку путешествия Срезневского по славянским землям, надо принимать во внимание не только то, что дало оно самому Срезневскому и через него — развитию славистики, но и то, что общение с ним дало многочисленным славянским ученым, встречавшимся с ним. «Его обширные и разнообразные изучения,— писал об этой стороне многогранной деятельности Срезневского В. Францев,— особенно собирательская деятельность, любовь к простому народу и постоянное общение с ним пробуждали ревность славянских ученых и вызывали на это благодатное поле свежие славянские местные силы... У Срезневского кое-где они учатся приемам собирания песенного богатства, изучения народа, его творчества и быта»²³².

Н. И. Надеждин, П. И. Преис, И. И. Срезневский были последними русскими учеными, видевшимися с Копитаром. В августе 1844 г. Е. Копитар умер. П. А. Плетнев в отчете по отделению русского языка и словесности Академии наук в Петербурге от 29.XII 1844 г. сообщил о смерти ее иностранного члена-корреспондента Копитара. Перечислив ряд трудов покойного, Плетнев подчеркнул: «Эти сочинения по глубоким исследованиям автора и замечательным выводам касательно различных особенностей славянских языков доставили ему в Европе почти такое же уважение, каким пользуется

известный филолог Яков Grimm». Особо в выступлении была отмечена помощь Копитара Вуку Караджичу. Плетнев предложил обсудить и вопрос о покупке библиотеки Копитара²³³. Этот вопрос возник не случайно. С библиотекой Копитара были знакомы все русские слависты, побывавшие в Вене. Они были о ней очень высокого мнения. М. П. Погодин в донесении министру народного просвещения графу С. С. Уварову о своем путешествии по славянским землям (1840 г.) так характеризовал ее: «Собственная библиотека Копитара единственная в Европе по богатству словенских [славянских.— И. Ч.] редких книг и рукописей. Приобрести ее для Московского университета было бы великим обогащением»²³⁴. О продаже ее министру просвещения уведомил священник православной церкви при русском посольстве в Вене Михаил Федорович Раевский, послав ему каталог книг библиотеки. По указанию Академии наук адъютант А. А. Куник просмотрел каталог и нашел, что он, «за исключением лишь страниц 40—43, не заключает в себе ни единого сочинения какой-либо важности, которого бы не доставало еще в нашей библиотеке или приобретение которого обыкновенным, путем не было бы очень легко»²³⁵. На основании доклада Куника русская Академия наук отказалась от покупки библиотеки Копитара. Последняя была приобретена библиотекою Люблянского лицея, стала его украшением. «Дань достойная достойному человеку», — писал по этому поводу Раевский А. С. Новору 30 августа/11 сентября 1845 г.²³⁶

Со смертью Копитара заканчивается тот период русско-словенских научных связей, в которой в центре сношений со словенской стороны стоял Е. Копитар. Если отвлечься от его личного отношения к русским ученым, часто неприязненного и далеко не всегда справедливого, можно с уверенностью сказать, что вопреки этому развитие русско-словенских связей в первые четыре десятилетия XIX в. в значительной степени способствовало становлению славистики как науки. Именно благодаря научным связям между русскими и словенскими учеными были изданы древнейшие славянские письменные памятники: Фрейзингенские отрывки (латинский), Глаголита Клоцианус (глаголический), Супрасльская рукопись (кирилловский). Нельзя сбрасывать со счета и тот факт, что встречи и беседы с Копитаром русских ученых, посланных для стажировки в славянские земли, составили важную часть их славистического образования, многое дали им в их становлении как ученых.

Уже в начале 40-х годов Копитар потерял то исключительное положение в русско-словенских связях, которое занимал двадцать лет. Это было следствием того, что в словенских землях выросла плеяда серьезных ученых, часть из которых не уступала по знаниям и таланту Копитару (например, его ученик Ф. Миклошич). Поездки в начале 40-х годов русских ученых Н. И. Надеждина, П. И. Прейса и особенно И. И. Срезневского показали это. И если два первых еще

очень много времени уделяли общению с Копитаром, то для Срезневского встречи с маститым словенским ученым явились одним из эпизодов, в то время как знакомство с Вразом, Метелко, Маяром, Ярником оказало на него значительно большее влияние. При этом надо иметь в виду, что именно Срезневский среди других русских ученых проявил наибольший интерес к словенским землям. После смерти Копитара ни один другой словенский ученый не занимал такого большого места в русско-словенских научных связях, даже его ученик Ф. Миклошич.

Последним из замешавших кафедру истории и филологии славянских народов, посетившим словенские земли, был Виктор Иванович Григорович, работавший в Казанском университете. Еще до поездки за границу Григорович читал курс лекций по славянскому языкознанию, в котором знакомил слушателей в сравнительном плане с сербским, словенским, чешским, верхнелужицким, польским и старославянским языками, давал обзор древней и современной литературы славянских народов (XI—XVIII вв.)²³⁷. В 1844 г. Григорович отправился путешествовать по славянским землям, где особое внимание обратил на земли славян, находившихся под властью Оттоманской империи,— Болгарию и Сербию²³⁸. Особенно удачной была его поездка по Болгарии, где ему удалось достать значительное количество старославянских рукописей как кирилловского, так и глаголического письма. Интересно, что в поисках древних рукописей в Болгарии и Греции Григорович руководствовался и указаниями Копитара. «О существовании здесь (т. е. в Афоне.— И. Ч.) глаголиты предполагал уже покойный Копитарь»,— сообщал Григорович в своем донесении от 23 сентября 1844 г. из Солуны²³⁹.

С самого начала Григорович предполагал посетить и югославянские земли Австрии. В своем «Проекте путешествия по славянским землям» он указывал на необходимость посещения им Вены, Любляны, Триеста, Загреба, Дубровника и др., где рассчитывал пробыть в общей сложности 3 месяца. Григорович планировал поехать в словенские земли сразу после Вены, посетить Грац, Радгонь, Марибор, Птуй, Целье, Целовец, Люблян, Горицу и Триест. Особенно его интересовала Любляна, «где в лицее преподается словенский язык, а библиотека барона Цойса познакомит меня с собранием хорутанских книг»²⁴⁰.

И действительно, после посещения земель турецких славян Григорович отправился в Австрийскую монархию. Он побывал в Вене, где встретился с М. Ф. Раевским, в Граце, в котором «свел знакомство с г-м Квасом, профессором словенского языка», затем — в Мариборе, Целье и, наконец, в Любляне. «Люблян можно почесть среднюю точкою хорутанского поселения, занимающего часть Штирии и Каритии, почти всю Крайну, Иллирское поморье с частью Истрии и западные полосы Хорватии и Венгрии,— писал в донесении попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-

Пушкину Григорович.— Здесь, следственно, решился остановиться для ознакомления с языком сего поселения»²⁴¹. В письме к Раевскому от 29—31 мая 1846 г. Григорович замечал: «Намеревался было остаться дней на семь в ней [Любляне.— И. Ч.], но библиотека и гостеприимство ученых удержали дольше». Всего Григорович прожил в Любляне 20 дней. Здесь он познакомился с Метелком, Блейвейсом, Кастелицем, Прешерном, т. е. примерно с тем же кругом лиц, с которыми встречался Срезневский. Много времени Григорович провел в лицейской библиотеке, которая произвела на него неизгладимое впечатление. «Библиотека приобретает имя у славянистов,— сообщал Григорович Раевскому в упомянутом письме.— Могу сказать, что теперь в лицее собраны как нарочно все пособия для славяниста. Есть рукописи драгоценные, есть книги редкие и старой печати»²⁴². Столь же восторженно отозвался о лицейской библиотеке Григорович в своем донесении попечителю: «Доселе не видал так богатого пособия к славянской филологии, в одном месте соединенного... Принимая к сведению книги и рукописи знаменитейшего филолога [т. е. Копитара.— И. Ч.], особенно замечал те, с которыми после не надеялся легко встретиться»²⁴³.

Главное внимание Григоровича было сосредоточено на изучении славянского языка. Особенно его занимало сходство носового звука у славян Македонии и Крайны. Григорович высказывал предположение (как и Копитар)²⁴⁴, что до прихода в VII в. на Балканы сербов, хорватов и болгар паннонские и македонские славяне, жившие здесь ранее, представляли собою одно целое. Такая гипотеза, по его мнению, могла бы удовлетворить как сторонников македонского происхождения старославянского языка, так и сторонников его паннонского происхождения. Кроме языка, Григоровича интересовала словенская литература. «К сему служила мне пособием,— писал он в донесении,— библиотека лицеза, бывшая барона Цойса. Руководимый самым ласковым образом почтенным Кастелицем, ознакомился, конечно, поверхностно, со всеми произведениями хорутан от Трубера и Богорича до Япеля и Водника». Наконец, Григорович просмотрел рукописи самого Копитара, среди которых нашел материалы к словарю старославянского языка (из Острожской и Московской библий), списки валашских слов и т. д.

Впечатления от Любляны у Григоровича остались самые радужные. В донесении он подчеркивал, что нашел там «довольно пособий к полезным трудам и подлинно благих людей, содействовавших ежечасно всячески навсегда им благодарному путнику»²⁴⁵. То же проскальзывает и в письме Раевскому: «Труден и долог путь, дай бог, чтобы был так полезен, как в Любляне... В Любляне я испытал много приятного»²⁴⁶. В свою очередь, и Григорович оставил о себе добрую память в Любляне. Спустя 20 лет после его отъезда люблянскую лицейскую библиотеку посетил В. И. Ламанский, отметивший, что ее хранитель, «ворчливый, но добрый старик, вспоминал с видимым удовольствием» о Григоровиче²⁴⁷.

Григорович унес из Словении теплые воспоминания. Хорватский литератор Ф. Курелац услышал от него самые добрые слова о словенцах. «Он принялся,— писал Курелац,— рассказывать мне, как ему угодили словенцы и как ему полюбился их язык. Его похвал я теперь не повторил, потому что для этого нужна воркующая горлица; так сердечны, нежны были они». Курелац признавался, что в возникновении у него симпатии к словенцам немалую роль сыграла его беседа с Григоровичем²⁴⁸.

Поездка первых русских стипендиантов министерства просвещения с целью занятия кафедр истории и филологии славянских народов в русских университетах имела огромное значение для развития русской славистики. Не только сами О. М. Бодянский, П. И. Прейс, И. И. Срезневский, В. И. Григорович, будучи крупными учеными, внесли существенный вклад в отечественное славяноведение, но, став преподавателями истории и филологии славянских народов в русских университетах, они создали школу русских славистов, сделали славяноведение доступным сравнительно широким массам студенчества.

Уже в 1843 г. Срезневский мог с удовлетворением отметить, что если в 1838 г. в России только один Каченовский проводил в Московском университете свои славянские чтения, то теперь славистику преподают в четырех российских университетах: Бодянский — в Москве, Григорович — в Казани, Прейс — в Петербурге, Срезневский — в Харькове. Срезневский указывал, что все русские слависты касались в своих чтениях практически всех славянских языков, однако лекционный курс каждого имел свои особенности. Так, наряду с обзором славянских языков Григорович давал материалы о старой и новой литературах славянских народов, Прейс — сравнительную грамматику всех славянских языков; Срезневский — этнографию и фольклор²⁴⁹.

Не все из четырех первых русских славистов уделяли одинаковое внимание словенскому языку, литературе и истории. Прейс вскоре (в 1846 г.) умер, О. М. Бодянский ничего не написал по этому предмету. Григорович в своих лекциях давал обзор особенностям словенского языка, до конца своих дней продолжая называть его хорутанским, хотя в русскую научную литературу уже прочно вошел термин: словенский (или словинский). Григорович объяснял это тем, что следует традиции древнерусского летописца Нестора, называвшего древних словенцев хорутанами, т. е. карантанами, жителями древнего княжества словенцев Карантии. «Изучение языка этого племени [т. е. словенцев.— И. Ч.] очень важно в филологическом отношении,— подчеркивал Григорович,— п [отому] ч [то] он сохранил много особенностей языка церковнославянского». Особо интересной казалась Григоровичу словенская лексика, отличавшаяся, по его мнению, богатством «старинных коренных слов, которые мы хотя и знаем из св[ященных] книг, но знаем их только в

абстрактном значении, между тем как из хорутанского языка мы узнаем их в значении конкретном»²⁵⁰.

Укрепление научных связей между словенцами и русскими в конце 30-х — 40-е годы XIX в. способствовало появлению более точных знаний о словенских землях у русской общественности. В 40-х годах в России существовало уже два журнала, активно интересовавшихся славянами, — «Денница» (1842—1843) и «Москвитянин» (1841—1846). П. П. Дубровский издавал «Денницу» в Варшаве на русском и на польском языках. В подзаголовке ее значилось: «Литературная газета, посвященная славянским предметам». К участию в «Деннице» Дубровский привлек видных культурных деятелей славянских народов: С. Вразу, В. Ганку, Ф. С. Евецкого, В. А. Машеевского, И. К. Пуркинью, Я. Смольяра, И. И. Срезневского, П. И. Шафарика. О словенцах в «Деннице» были напечатаны две статьи: П. И. Шафарика «О резьянах и фурляньских словинах» и И. И. Срезневского «Словины в Фриуле». Обе статьи рассказывали о небольшой юго-западной ветви словенцев, так называемых венецианских словенцах. Шафарик, рассматривая язык резьян и словинов, приходил к выводу, что «он есть только продолжение или особый отросток наречия корутанско- (каринтийско)-словенского, иначе называемого виндским, то есть того самого наречия, которым говорят словяне в Штирии, Корутании (Каринтии) и Крайне». Разбирая несколько версий о происхождении резьян и словинов, чешский ученый склонялся к мнению, что их поселение в Италии относится к VI—VII вв. н. э.²⁵¹ Срезневский в своей статье дал этнографический очерк о словинах²⁵².

Кроме работ, специально посвященных словенцам, сведения о них имелись и в других статьях и заметках. Так, в статье И. К. Пуркинью «О литературном единстве между славянскими племенами» был раздел об иллирской литературе, в котором говорилось и о литературе словенцев. Пуркинью подчеркивал, что словенская письменность появилась только в период реформации, что главным препятствием ее развитию стали контрреформация и влияние, которое оказывали немецкая и итальянская культура на словенскую интеллигенцию²⁵³.

Более подробные сведения о словенской литературе давали корреспонденции пламенного иллира Станко Вразу. Хотя он по происхождению был словенцем, но писал на сербо-хорватском языке. В своих заметках об иллирской литературе Враз упоминал и словенские издания. Уже в письме к редактору «Денницы» от 8/20 июня 1842 г. он, представляя читателю историю Антона Кремпля, указывал, что это сочинение написано «простым штирийско-словянским языком, потому что предназначено для простого народа»²⁵⁴.

Позднее редакция «Денницы» поместила сообщение о выходе в свет упомянутого сочинения, охарактеризовав при этом Кремпля как неутомимого изыскателя древностей²⁵⁵.

В большой статье «Обозрение литературы южных славян за 1842 г.» Враз уделил внимание и книгам, вышедшим на словенском языке или «на простонародном наречии», как называл свой родной язык Враз. Прежде всего Враз обратил внимание на третий том народных краинских песен, собранных Э. Корытко и изданных в 1842 г. Блазником. Этому тому автор не давал прямой оценки, но о двух предыдущих отзывался как напечатанных «очень несправно». Более обстоятельно Враз написал о книге А. Сломшека «Блаже ино Нежица». «У хорутанских словенцев,— подчеркивал он,— до сих пор есть множество набожных книг, особенно молитвенников; но за практическую науку, необходимую для каждого человека, никто еще не взялся из писателей наших братьев, живущих в верхних странах. Таким образом, г. Сломшек в пору явился со своим энциклопедическим сочинением; оно написано легким разговорным языком и заключает в себе наставления о вседневных потребностях жизни». Приветствовал Враз и повесть Й. Жемльи «Семь сыновей», изданную в Загребе. «Эта повесть написана на краинском поднаречье и еще замечательна потому, что напечатана по новому правописанию [т. е. гаицей.— И. Ч.]». Враз с сожалением отмечал, что у словенцев выходит слишком много набожных книг. Он обращался к словенским писателям с призывом уделять внимание и другим сторонам жизни своего народа ²⁵⁶.

На страницах «Денницы» Враз положительно отозвался о словенской газете «Кметийске ин рокоделске новице» Я. Блейвейса, «„Новости“ издаются очень старательно,— писал о них Враз,— научая народ, они вместе с этим также имеют цель сделать переход от простонародного наречия к языку книжному, вследствие этого в них печатаются статьи и по старому, и по новому правописанию [т. е. богоричицей и гаицей.— И. Ч.]» ²⁵⁷.

Несомненно, Враз дал редакции «Денницы» и материал о вышедших в свет сборниках народных словенских песен для статьи «Библиографическое обозрение сборников словянских народных песен». При этом он указал не только книги, целиком посвященные народным песням (свою публикацию, вышедшую в 1839 г. в Загребе, и публикацию Э. Корытко, изданную в том же 1839 г. в Любляне), но и те сборники, в которых словенские народные песни публиковались наряду с другими произведениями: «Краньску чбелицу» Кастилица, «Славянские народные песни» Ф. Челаковского (Прага, 1822—1827). Враз упомянул даже рукописное собрание народных песен А. Смоле, место нахождения которого не было известно ²⁵⁸.

«Денница» опубликовала несколько словенских народных песен: краинскую песню «Две могилы», по-видимому, записанную Срезневским, а также две штирийские песни из сборника Враз ²⁵⁹.

Редакция «Москвитянина» второго издания, уделявшего внимание славянам, в одном из своих первых номеров уведомляла читателей, что «почитает своей миссией распространять в России сведения о племенах славянских, которые составляют треть всего евро-

пейского народонаселения»²⁶⁰. В «Москвитянине» печатались статьи П. И. Шафарика и И. И. Срезневского по словенской этнографии и диалектологии, чисто научного содержания.

О современной культурной жизни словенцев в «Москвитянине» писали П. П. Дубровский и Н. А. Ригельман. Дубровский хвалил газету «Кметийске ин рокоделске новике» за ее не только местное, но и общеславянское направление. Особо отмечал он большое число подписчиков на это издание (до 1000 человек), подчеркивая, что ими в большинстве являются поселяне, т. е. крестьяне²⁶¹. Ригельман также писал о «Новицах», видя в их большом тираже доказательство высокого уровня народного образования в словенских землях²⁶².

В 1846 г. П. Дубровский поместил в «Москвитянине» статью о деятельности в Любляне Исторического общества Крайны, поставившего перед собою цель «собирать все, что только относится к истории Краинской земли». В статье подчеркивалось важное значение этого общества, его успехи в приобретении исторических книг, рукописей²⁶³.

В 1841—1842 гг. в «Москвитянине» было напечатано несколько заметок об иллирском движении. Наиболее интересную из них написал С. П. Шевырев. Он приветствовал деятельность иллиров, но указывал границы распространения иллиризма весьма произвольно. Помимо Далмации, Хорватии, Штирии, Каринтии и Крайны, он включал в круг иллирского движения Боснию, Сербию, Черногорию²⁶⁴.

Как можно видеть, в 40-е годы XIX в. сведения о словенцах в русской печати давались уже на значительно более высоком уровне, чем в 20—30-е годы. Это явилось прямым следствием путешествий русских славистов по словенским землям, установления ими непосредственных контактов со словенскими культурными деятелями.

Глава IV

УСТАНОВЛЕНИЕ ПОСТОЯННЫХ РУССКО-СЛОВЕНСКИХ НАУЧНЫХ СВЯЗЕЙ В 50-Х — НАЧАЛЕ 70-Х ГОДОВ XIX В.

После революции 1848 г. словенское национальное движение поднялось на новую ступень. Выдвинутая словенскими либералами в 1848 г. программа Объединенной Словении (объединение всех земель, населенных словенцами, в единое административно-политическое целое, введение в школах, судах, администрации словенского языка и т. д.) положила начало развитию словенской политической мысли и вместе с тем ускорила развитие словенской культуры. После разгона Кромержизского парламента и введения Октроированной конституции словенские патриоты, как и национальные деятели других славянских народов Австрийской монархии, испытали разочарование в политике Габсбургов. Не веря, что словенцы в силу своей малочисленности сами смогут добиться для себя национальных прав, они со все большей надеждой стали смотреть на другие славянские народы, и особенно — на независимую и могущественную Россию. Интерес к ней со стороны словенской интеллигенции значительно возрос. В свою очередь и русские общественные круги, особенно после поражения России в Крымской войне, усилили свое внимание к славянским народам Габсбургской монархии, в том числе и к словенцам. Все это не могло не отразиться на русско-словенских научных связях 50-х — начала 70-х годов XIX в.

С начала 40-х годов особое место в налаживании и организации связей, в том числе и научных, между русскими и славянскими учеными Австрийской монархии стал занимать священник русского посольства в Вене Михаил Федорович Раевский (1811—1884). Сразу после окончания Петербургской духовной академии он был назначен священником церкви при русском посольстве в Стокгольме, где пробыл восемь лет. Энергичный, любознательный, деятельный, он уже тогда был отличаем своим начальством (Раевский находился в двойном подчинении — синоду и министерству иностранных дел). Поэтому, когда в 1842 г. священник при русском посольстве в Вене, известный ученый архимандрит Порфирий Успенский отправился с особой миссией в Иерусалим, на его место был поставлен М. Ф. Раевский. Это было для него серьезное повышение, ибо Вена, столица одного из крупнейших европейских государств, находилась в центре политических событий и дипломатических интриг.

Раевский поселился в Вене незадолго до революции 1848 г., когда национальные движения славянских народов переживали период перехода от просветительства к борьбе за политические права. Будучи человеком умеренно-консервативных взглядов, верным слугою престола и православной церкви, Раевский вместе

с тем обладал определенной терпимостью, умением быть внимательным и доброжелательным ко всем, с кем ему приходилось встречаться,— начиная от лиц правящих династий и кончая полуграмотными священниками из захудалых приходов Боснии и Буковины и гимназистами из бедных семей. Эти качества, а также интерес и симпатии к национальному движению славянских народов Австрии вскоре сделали Раевского своим человеком среди славянских деятелей культуры и политиков, особенно тех, кто жил в Вене. Многие русские, бывавшие в Вене в то время, посещали гостеприимный дом русского посольского священника. Среди них следует упомянуть В. И. Григоровича, Н. И. Надеждина, видного чиновника и затем министра народного просвещения в России А. С. Норова, важного сановника, с 1855 г. президента русской Академии наук графа Д. Н. Блудова и др. В более поздние времена, в 50—80-е годы, гостями Раевского бывали славянофилы братья К. С. и И. С. Аксаковы, известные ученые-слависты В. И. Ламанский, А. Ф. Гильфердинг, И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. С. Будилевич и многие другие. Из национальных деятелей славянских народов Раевский с самого начала завязал сношения с И. Штротмайером, тогда капелланом придворной церкви, В. Ганкой, П. И. Шафариком, Л. Штуром, Ф. Миклошичем, В. Караджичем, Петром Негошем, митрополитом, а затем патриархом Й. Раячицем (последний в 1847 г. посвятил Раевского в сан протоиерея)²⁶⁵. Дом русского посольского священника стал местом встречи русских ученых, общественных и политических деятелей с деятелями национального возрождения славянских народов Австрии. «До 1848 г. московские славянофилы толковали здесь с пражскими славистами, с словаками и словенцами, с хорватами и сербами об умственном и духовном единении всех славян,— писал впоследствии корреспондент „Нового времени“ Г. Веселитский-Божидарович...— Все сходились в желании возрождения каждой из славянских народностей и освобождения ее от давления иноплеменников. Но не с одними собирателями преданий и воскресителями народного языка (Штур, Гай, Враз) имел общение Михаил Федорович, он знал близко и сделавшееся для нас почти мифическим поколение славянских героев и вождей народных: Милоша, черногорского Петра Песника, сербского патриарха Раячица»²⁶⁶.

Через Раевского не только происходило знакомство между русскими и славянскими культурными и политическими деятелями, но он стал и своеобразным центром, через который шел книгообмен и налаживались другие научные связи между русскими и славянскими учеными, а позднее — научными обществами. Эту свою функцию Раевский выполнял в Вене во все время своего пребывания там, т. е. с 1842 по 1884 г. Через Раевского осуществлялись контакты и между русскими и словенскими учеными..

Н. И. Надеждин в период своего посещения Вены познакомился с молодым, подающим большие надежды учеником Копитара Ф. Мик-

лошицем. Вероятно, Копитар рекомендовал Миклошича Надеждину в качестве человека, способного организовать переписку древнегреческой рукописи в Вене, которую Надеждин собирался издать в России. Ф. Миклошич нашел для переписки рукописи эллиниста И. Мюллера. Однако летом 1848 г. он жаловался Надеждину, что тот работает медленно, так как получил место в придворной библиотеке. Все же Миклошичу удалось получить переписанную часть. Он перевел ее на латынь и собирался отослать ее вместе с переводом Надеждину²⁶⁷. Дальнейшие отношения между Миклошичем и Надеждиным могут осветить письма В. Караджича Надеждину. 4/16 октября 1848 г. Вук писал Надеждину, что получил от него через Раевского 50 дукатов и 100 рублей серебром. Караджич полагал, что часть этих денег должна пойти на издание его книжки о раскольниках, а часть — «г. Миклошичу на покрытие расходов по греческой рукописи». Спустя немногим более месяца Вук уведомлял своего корреспондента о том, что Михаил Федорович получил от Миклошича для Надеждина несколько переписанных листов греческой рукописи. Здесь же он передавал предложение Миклошича печатать рукопись в Вене, с тем чтобы Надеждин прислал ему свои примечания к ней²⁶⁸.

Надеждин принял предложение Миклошича. В письме от 5 марта 1851 г. он сообщал Раевскому о своем намерении издать заинтересовавшую его рукопись в Вене, «в особенности, если и г. Миклошич не изменит своего обещания принять в этом окончательном труде участие»²⁶⁹.

Дальнейшая судьба копии греческой рукописи из Венского архива не совсем ясна. Известно, что она так и не была опубликована Надеждиным. Н. А. Попов, комментировавший письма к Надеждину Ф. Миклошича и В. Караджича, сделал небезосновательное предположение, что греческий кодекс, по-видимому был опубликован Миклошичем и Мюллером в их общем издании «Acta et diplomata Graeca medii aevi sacra et profana»²⁷⁰.

Через Раевского же держал связь с Миклошичем и М. П. Погодин, познакомившийся с учеником Копитара во время своей поездки по землям австрийских славян в 1842 г. «Г. Миклошича не видел еще, но поручение ему передал через Караджича», — сообщал Раевский Погодину 20 декабря 1846 г. Спустя год Раевский передал московскому ученому просьбу Миклошича прислать ему каталог книг Румянцевской библиотеки²⁷¹. Контакты с Погодиным не прерывались у Миклошича и позднее. Так, в письме к Раевскому от 27 января 1857 г. он просил передать книгу Погодину²⁷².

Связи Миклошича с русскими учеными не были случайными. В 40-е годы он проявлял интерес к России, связанный с его интересом к славистике. По свидетельству В. И. Ламанского, еще в 1846 или в 1847 г. Миклошич обратился в Петербургскую Академию наук с предложением приготовить к изданию за ее счет некоторые

старославянские памятники. Хотя Академия и одобрила предложение Миклошича, но к осуществлению его не приняла никаких мер²⁷³.

С Миклошичем пытались наладить контакты и молодые слависты, начавшие свою научную деятельность в 50-е годы, например А. Ф. Гильфердинг, путешествовавший в 1855 г. по Австрии. В Вене он познакомился с Миклошичем. Переписка Гильфердинга с Раевским дает некоторый материал о связях русского ученого со словенским. Уже в первом письме к Раевскому Гильфердинг сообщает о своем желании как можно скорее исполнить просьбу Миклошича о доставке ему изданий Московского университета. Спустя два месяца, 10/22 февраля 1856 г. русский ученый уже послал шесть книжек для Миклошича и Шеиберы, а для Миклошича еще и рукописную тетрадь. «Весьма обяжете также,— обращался Гильфердинг к Раевскому в этом же письме,— если позволите Миклошичу отдавать Вам вещи, им для меня назначаемые, и вообще сделаетесь благосклонным посредником между им и мною. Он может быть мне чрезвычайно полезен, потому что в качестве библиотекаря следит за всем, что выходит по части югославянской истории (не говоря уже о филологии), и, по своим связям в Вене, может доставать многие материалы легче, чем другие общие знакомые наши».

24 марта 1856 г. Гильфердинг просил Раевского узнать у Миклошича, не имеется ли у него каких новых данных по болгарской истории X—XI вв. Эти данные были нужны русскому слависту в связи с его работой над «Письмами об истории сербов и болгар», напечатанными в 1859 г. в «Русской беседе». Однако, по-видимому, все попытки Гильфердинга завязать постоянные контакты с Миклошичем не дали результата. В более поздних письмах Гильфердинг уже ничего не просит узнать или достать у него²⁷⁴. В 1862 г., когда в России готовилось празднование тысячелетия Русского государства, Гильфердинг так характеризовал в письме Раевскому венского слависта, говоря о включении его в список зарубежных славянских деятелей, которых следовало бы наградить к празднику: «Миклошича, конечно, нельзя исключить из списка, потому что он после смерти Шафарика сделался чуть ли не первым ученым авторитетом между славянами. Но Вы знаете, что он в полном смысле австриец и вовсе отстраняется от народной деятельности своей родины»²⁷⁵. Слова, указывающие на известное разочарование Гильфердинга в венском слависте.

По-видимому, наиболее тесные контакты у Миклошича наладились с И. И. Срезневским. Из всех русских ученых, побывавших в словенских землях перед революцией 1848 г., только он один продолжал серьезно изучать словенский язык, литературу, фольклор, обрабатывая данные, собранные им во время путешествия по словенским землям, следя все время за научной литературой словенцев, откликаясь на нее в русских научных изданиях.

Основной научной трибуной Срезневского стали «Известия императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности», издававшиеся в 1852—1863 гг. Срезневский публиковал в них различные статьи, а также вел библиографический отдел, очень интересный и живо окликавшийся на важнейшие славистические издания.

Оригинальных статей Срезневского, посвященных словенскому языку, этнографии и памятникам письменности, в «Известиях» помещено было сравнительно немного. Там им была опубликована заметка «О глаголистской письменности»²⁷⁶, в которой Срезневский, разбирая публикацию Копитара «Глаголита Клоцианус», полемизировал с его выводом о более древнем по сравнению с кириллицей происхождении глаголицы. Сам Срезневский считал, что глаголица моложе кириллицы и составлена по образцу кирилловского алфавита (так полагал и Прейс). В прибавлениях к 1-му тому «Известий» — «Памятники и образцы народного языка и словесности» — Срезневский опубликовал небольшой этнографический очерк о жителях Зильской долины, их обычаях и песнях²⁷⁷. В том же прибавлении, но за 1856 г. Срезневский опубликовал словенскую песню «Млада Бреда», записанную молодым словенцем со слов его матери²⁷⁸.

Использовал словенские материалы Срезневский и в статье «Несколько замечаний об эпическом размере славянских народных песен»²⁷⁹. В ней русский ученый определял как древнейший славянский стих — стих в десять слогов с двумя ударениями, находя его в великорусских, белорусских, болгарских, лужицко-сербских, польских, сербских и словенских народных песнях. «Даже и хорутанские словенцы, — отмечал он, — несмотря на то, что образовали для себя свои размеры, сохранили и этот размер».

Этим исчерпываются оригинальные статьи Срезневского на словенские темы в 1852—1863 гг. Однако главное было не в них. «Библиографические записки», помещавшиеся Срезневским в каждом номере «Известий», указывали на его непрерывающийся интерес к словенской научной литературе. В центре внимания Срезневского, как и других русских ученых второй половины XIX в., среди словенских исследователей-славистов находился, конечно, Франц Миклошич. В этом отношении он по праву занял место своего учителя Ернея Копитара.

Франц Миклошич являлся крупнейшим филологом-славистом второй половины XIX в. В юности, учась в Граце и Вене, он увлекался идеями иллиризма. В начальный период революции 1848 г. Миклошич активно участвовал в национально-политической жизни своего народа и даже возглавил в Вене либеральное общество Словения, выдвинувшее программу объединения словенских земель в единое политико-административное целое²⁸⁰. Когда встал вопрос о созыве славянского съезда в Праге, от имени словенцев воззвание о нем подписал Миклошич. Однако уже на Пражский

съезд славян он не поехал, а осенью 1848 г. окончательно отошел от национальной и политической деятельности, посвятив себя целиком науке. С 1849 г. Миклошич преподавал славистику в Венском университете. Отойдя от политической деятельности, он продолжал с теплотою относиться к словенцам, никогда не забывая своего словенского происхождения.

Научную дорогу Миклошича определила его встреча с Копитаром — до этого он был юристом. Под влиянием Копитара Миклошич серьезно занялся филологией. После смерти своего учителя он получил его должности библиотекаря Придворной библиотеки в Вене и цензора славянских, греческих и румынских книг. Научные взгляды Копитара оказали на него большое влияние, в частности до конца своей жизни Миклошич поддерживал паннонскую теорию. Даже старославянский язык он называл старословенским (*altslovenische*) в отличие от современного словенского языка, именовавшегося им новословенским (*neueslovenische*). Миклошич стал основоположником сравнительной грамматики славянских языков, много сделал для разработки лексического состава славянских языков, особенно старославянского, издал большое количество памятников древней литературы славянских народов. «В истории славянской филологии,— писал о Миклошиче его ученик Ягич,— он бесспорно занимает самое видное, первенствующее место во второй половине девятнадцатого столетия»²⁸¹.

Неудивительно поэтому, что труды Миклошича вызывали горячий отклик как у Срезневского, так и у прочих русских славистов. Уже в 1848 г. в «Журнале министерства народного просвещения» появилась рецензия Петра Спиридоновича Билярского [П. Б.], в которой Миклошич характеризовался как «достойный преемник знаменитого Копитара в императорской венской библиотеке», как один из тех немногих ученых, «которые с первого шага ознаменовывают свое учение поприще важными услугами ученой литературе». Его работа «*Radices linguae slovenicae veteris dialecti*» оценивалась как «прекрасное и совершенно необходимое пособие для филологов», а первые изданные им отрывки из Супрасльской рукописи тоже горячо одобрялись Билярским, особенно же комментарии к ним Миклошича. В них рецензент видел «труд самостоятельного филолога, который не останавливается на том, что приобретено для науки лучшими славянистами». «Говоря вообще, мы находим это объяснение удовлетворительным,— заключал Билярский,— но мы особенно ценим в этом объяснении методу: она отстраняет своею положительностью те произвольные толкования, какие нередко встречаются в подобных исследованиях»²⁸².

Из русских ученых, наиболее длительные связи у Миклошича были с И. И. Срезневским. Правда, переписки между ними, по видимому, не было, но Миклошич посылал книги русскому ученому через Раевского. Еще в феврале 1857 г. Срезневский замечал в письме к последнему, что когда-то давно писал Миклошичу,

но не получил от него ответа. «Это, конечно,— добавлял Срезневский,— не мешает мне уважать его и быть признательным за присылки его изданий, отвечая на это, чем могу»²⁸³. Из письма Миклошича Раевскому от 5 ноября 1858 г. можно видеть, что Срезневский, в свою очередь, послал словенскому ученому несколько книг, в том числе сочинение Венелина²⁸⁴, по всей вероятности «Древние и нынешние словене».

В 1863 г. Срезневский передал для Миклошича через Раевского свою статью об изображениях св. Бориса и Глеба с разбором данных о древнерусской одежде. Находя ту или иную старинную рукопись, Срезневский спешил сообщить об этом ученому словенцу. Так, обнаружив древнее евангелие XI в., он писал Раевскому 27.VII 1865 г.: «Уверен, что Миклошич порадуется этому». И далее Срезневский добавлял: «Прилагаю и страницу из евангелия, о котором упомянул выше. Если Миклошичу нужно будет какое-нибудь чтение или место из него, то с радостью сообщу». В свою очередь, если Срезневскому были необходимы сведения о материалах, над которыми работал Миклошич, он просил его об этом опять-таки через Раевского. Заинтересовавшись одной грамотой из «Mopumenta Serbia» (т. III), Срезневский обратился к Раевскому с просьбой достать необходимые ему выдержки у Миклошича²⁸⁵.

Получая труды своего ученого коллеги из Вены, Срезневский немедленно писал на них рецензии. В 50-е годы он почти в каждом выпуске «Известий императорской академии наук по отделению русского языка и словесности» давал оценку тем или иным трудам Миклошича, тем более, что автором Миклошич был плодовитым: за свою жизнь он издал 34 книги в 44 томах и 106 прочих публикаций. Уже в первом номере, давая обзор трудов по старославянскому языку, Срезневский отмечал: «И прежде всего считаем долгом приветствовать заслуги ученого хоругаина, который, пошедши по пути своего соотича, В. Копитара, в короткое время занял между филологами славянскими одно из самых видных мест: мы говорим о профессоре Венского университета Фр. Миклошиче». Срезневский перечислил несколько трудов словенского ученого, изданных за 1845—1851 гг., подчеркнув особую важность его работ, касавшихся грамматики старославянского языка. «Основывая свои наблюдения на открытиях Востокова и Копитара,— писал Срезневский,— он умножил их некоторыми новыми выводами и, без сомнения, был бы еще счастливее в своих замечаниях, если бы мог пользоваться ббльшим количеством древних рукописей». Интересно, что последнее замечание совпадало с мнением Востокова, который, говоря о старославянском словаре Миклошича, также отмечал, что «материалы, которыми пользовался автор, не очень богаты». При этом Востоков подчеркивал, что, несмотря на это, «словарь Миклошича содержит в себе довольно богатый запас древних и редких слов, которым любители языка не оставят воспользоваться». Высоко оценил Срезневский издание Миклошичем Супрасльской

рукописи, не согласившись, однако, с намеками издателя относительно ее появления в Паннонии²⁸⁶.

Спустя год Срезневский положительно отозвался о книге Миклошича «Сравнительная грамматика славянских наречий», вышедшей в Вене в 1852 г.²⁸⁷ Однако уже следующее издание словенского ученого было воспринято его русскими коллегами более строго. Речь идет о публикации Миклошичем Шишатовацкого Апостола, сербского памятника XIV в. «Трудолюбивый обрабатыватель славянских древностей, профессор Миклошич, открывает нам новое сокровище древнего языка», — писал Срезневский, отмечая одновременно недопустимость ряда допущенных Миклошичем ошибок, в том числе несоблюдения сокращений, имевшихся в тексте, и т. д.²⁸⁸

Отрецензирован Срезневским был еще ряд книг Миклошича: «Хрестоматия старославянского языка» (Вена, 1854), «Корни старославянского» (Вена, 1857), «Славянская библиотека, или Материалы к славянской филологии и истории» (Вена, 1858, т. II), издание документов по истории Сербии, Боснии и Рагузы, «Славянские элементы в румынском» (Вена, 1861)²⁸⁹ и др.

Наиболее благоприятную оценку Срезневского получил труд Миклошича «Образование имен в старословенском языке» (Вена, 1858), в котором автор рассматривал образование имен существительных, прилагательных, причастий и числительных. «Всюду, где возможно было, взяты во внимание домыслы современной сравнительной филологии, — писал Срезневский. — На каждой странице виден основательный труд и мысль; всюду встречаются любопытные замечания и соображения». По мнению Срезневского, трудом Миклошича филологи будут пользоваться с признательностью, «как очень богатым подбором имен по видам их образования»²⁹⁰. Столь же высокую оценку Срезневского получила и книга Миклошича «Образование славянских личных имен» (Вена, 1860 г.). Подчеркнув, что эта важная тема еще не разрабатывалась, Срезневский отмечал, что «труд этот принял на себя д-р Миклошич и исполнил его с успехом, дающим ему право на общую признательность. Огромен в его книге и подбор имен, тщательно и рассмотрение их по их образованию и по значению». Вместе с тем русский ученый указывал, что не все славянские имена использованы автором, в частности он не принял во внимание славянские имена из греческих и латинских источников. Однако «основания для дальнейшей разработки положены», заключал Срезневский²⁹¹.

Издание Миклошичем «Повести временных лет», древнейшей из русских летописей, написанной по преданию Нестором, Срезневского не удовлетворило из-за произвольного изменения Миклошичем языка источника, переделки им его «в искусственный, которым русские никогда не писали». Но в целом Срезневский был высокого мнения об отношении Миклошича к источникам: «Миклошич своими прежними разнообразными трудами заявил свое знание

древнего языка: уважение к древним текстам, умение ими пользоваться»²⁹².

В 1857 г. Ф. Миклошич был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук. Представлял его на это звание И. И. Срезневский. Еще в письме в феврале 1857 г. он просил Раевского узнать у Миклошича «краткий перечень его движения в жизни, начиная с воспитания (с указанием места рождения) и его мелких трудов (большие мне известны)». «Мне бы очень хотелось, — добавлял Срезневский, — чтобы биограф [ический] очерк, сделанный мною, был бы не недостоин его имени, по крайней мере по внешности, по отметке фактов»²⁹³.

В середине 60-х годов XIX в. появились первые переводы трудов Миклошича на русский язык. Одной из первых была переведена его книга «Учение о звуках древнесловенского языка». Ее перевел студент Киевского университета Лавренко, который в своем примечании к переводу отмечал, что считает неверным идентификацию древнесловенского языка с церковнославянским, солидаризируясь, таким образом, с мнением большинства русских ученых²⁹⁴.

Кроме Миклошича, внимание Срезневского среди словенских ученых привлекал Антон Янежич, серьезный филолог и национальный просветитель в Каринтии. В отличие от Миклошича он по своим масштабам не выходил за рамки словенских земель. Его самоотверженная деятельность многое дала для развития словенской литературы, особенно издание им словенского литературного журнала «Slovenski glasnik» (1858—1868) — и приложения к нему — сборников оригинальной и переводной художественной литературы.

Уже в 1852 г. Срезневский с симпатией откликнулся на изданный в Целовце «Полный карманный словарь словенского и немецкого языка» Янежича. В 1850—1851 гг. вышли в свет уже весь словенско-немецкий раздел и первая часть немецко-словенского раздела. Срезневский хвалил Янежича прежде всего за то, что он использовал в своем труде язык народа, слова из диалектов²⁹⁵. В следующем году Срезневский приветствовал издание Янежичем словенского фольклорного материала «Цветы славянского народа. Словенские народные песни, пословицы и поговорки» (Целовец, 1852). «Хорутанский словарь А. Янежича, — писал он, — подавал надежду, что автор, выразивший в нем сознание важности языка народного, не остановится на одних словарных его богатствах, а, пойдя далее, познакомит и с богатствами народной поэзии хорутан, еще очень мало известной... Означенной книжкой выполняется эта надежда, как началом сборника произведений народной словесности хорутан»²⁹⁶. Срезневский особенно горячо встретил указанный сборник Янежича еще и потому, что издания словенского фольклора в то время были слишком немногочисленными: сборник песен Корытко, изданный Блазником в 1838—1842 гг., оценивался в ученых кругах Любляны невысоко, а сборник словенских песен Врза стал уже библиографической редкостью²⁹⁷.

О грамматике Янежича (*Slovenska slovnica s kratkim pregledom slovenskega slovstva*. Celovec, 1854) Срезневский также написал подробный отзыв. Он подчеркивал, что Янежич на уже готовом материале, созданном его предшественниками, написал свою грамматику. Как на положительную черту грамматики Янежича, Срезневский указывал прежде всего на то, что она первая из словенских грамматик (за исключением краткой грамматики В. Водника) была написана на словенском языке. Она вводила и новый алфавит (чешский или гаицу). Наконец в грамматике Янежича давалась новая словенская грамматическая номенклатура: «...придуманы названия для всех грамматических понятий, довольно часто с помощью терминов, употребляемых у нас»²⁹⁸.

Характерно, что в 50-е годы, когда многие словенские национальные деятели вели бесплодные поиски создания всеславянского языка, именно Янежич, шедший по пути дальнейшего развития словенского литературного языка и словенской литературы, привлек благожелательное внимание Срезневского.

В конце 50-х годов XIX в. наиболее тесные отношения с русскими общественными кругами имел В. Клуна, словенский национальный деятель либеральных взглядов. Он стал постоянным сотрудником русских журналов славянофильского направления.

Задумав издание первого славянофильского журнала «Русская беседа» (1856—1858), А. И. Кошелев и И. С. Аксаков обратились к славянским ученым и культурным деятелям с просьбой присылать для него статьи о славянских литературах, об этнографии и истории славянских народов, очерки о жизни замечательных славянских деятелей, рецензии на книги, вышедшие в славянских землях²⁹⁹. В начале 1856 г. А. Ф. Гильфердинг попросил Раевского о посредничестве между славянскими учеными и «Русской беседой». Раевский ответил согласием³⁰⁰. Из словенцев ему удалось привлечь к сотрудничеству В. Клуна. Уже в 1856 г. последний прислал в редакцию «Русской беседы» статью «Словенцы». Одновременно он заканчивал работу над другой статьей для журнала: «Словенцы. Очерки истории их словесности». Обе статьи были напечатаны. В первой из них Клуна давал краткий очерк современного положения словенцев, их нравов и обычаев. Описывая словенские праздники, национальный характер, Клуна стремился подчеркнуть их сходство с русскими и вообще другими славянскими народами. Свою статью он заканчивал в чисто славянофильском духе. «Я только старался,— писал Клуна,— и, надеюсь, успел ясно доказать, что словенцы — даровитое и энергичное племя, выступающее на поприще всемирной истории во всей силе юности с живым сознанием своей народности и с горячею любовью к вере. В этом убеждении смело и честно протягивают они дружескую руку соплеменным братьям, дабы единство духа и энергии привело всех к одной общей цели, дабы все мы слились в единую народную семью»³⁰¹.

Вторая статья Клуна была посвящена истории словенской

литературы. Он начинал с Фрейзингенских отрывков, затем переходил к периоду реформации и заканчивал началом XIX в. Всю историю словенской литературы Клуна делил на два периода — протестантский (XVI в.) и католический (конец XVI в. и до современности). Высоко оценивая деятельность словенских реформаторов, особенно П. Трубара, он не менее горячо отзывался и о католическом духовенстве, даже о таком мракобесе, по чьему приказу были сожжены многие словенские протестантские книги, каким был Томаж Хрен. Особенно тепло писал Клуна о словенских просветителях конца XVIII — начала XIX в. А. Япеле, Б. Кумердее, А. Линхарте, В. Воднике, подчеркивая, что они «не перестанут считаться красой своего племени, доколе люди будут ценить патриотизм и науку»³⁰². Очерк о словенской литературе имел ряд преувеличений и ошибок, причиной которых был чрезмерный патриотизм Клуна. Так, вслед за Копитаром Клуна считал старославянский язык идентичным старословенскому; утверждал, что Фрейзингенские отрывки являются самыми древними памятниками славянской письменности; призывал русских в интересах славянской взаимности отбросить «греческие крючки» и перейти на латиницу и др.

В целом статьи Клуна понравились русской общественности. «Статьи д-ра Клуна,— писал Кошелев Раевскому в 1856 г. о его первой работе,— чрезвычайно интересны... д-р Клуна славно пишет — и живо и глубокомысленно»³⁰³. Вторая статья вызвала более сдержанный отклик редакции «Русской беседы», которая сопроводила ее следующим замечанием: «Вообще как с этим [речь идет о принятии русскими латиницы.— И. Ч.], так и со многими другими мнениями г. Клуна мы положительно не согласны, но тем не менее признаем за его трудом неоспоримое достоинство первого полного и стройного исторического обзора литературы словенцев»³⁰⁴.

Дальнейшее сотрудничество в русской прессе для Клуна было менее плодотворным. Его четыре статьи о торговле и промышленности Австрии, хотя и были напечатаны в «Вестнике промышленности», но не удовлетворили его издателя Ф. В. Чинова³⁰⁵.

Помимо «Русской беседы», Клуна в 1856 г. пытался установить контакты со Срезневским и Русским географическим обществом в Петербурге, которым послал через Раевского 30 сентября письма. Неизвестно, что ответил на письмо Срезневский. Что же касается Русского географического общества, то оно сообщило Раевскому 14 ноября того же года о получении его письма вместе с посылкой Клуна. Общество благодарило Раевского и просило отправить Клуна в Лихтенштейн прилагаемые посылку и письмо³⁰⁶. По-видимому, Русское географическое общество и Клуна обменялись книгами. О дальнейших отношениях между ними сведений не имеется.

С конца 50-х годов в словенских землях снова стали появляться русские ученые путешественники. Так, в это время проездом из сербских и хорватских земель в Вену в Любляне побывал П. А. Лавровский³⁰⁷.

В 1858 г. в Вене некоторое время останавливался А. Н. Пыпин, близкий в то время Н. Г. Чернышевскому, будущий историк славянских литератур. Там он познакомился с Миклошичем, ходил слушать его лекцию. «Слушатели его исключительно славяне, сербы, чехи,— писал Пыпин в ноябре 1858 г. В. И. Ламанскому.— Читает он хорошо. В Вене он довольно известен»³⁰⁸.

Важную роль в научных сношениях между словенцами и русскими сыграла поездка по словенским землям И. С. Аксакова в мае — июне 1860 г. И. С. Аксаков являлся одним из руководителей Московского славянского комитета (основан в 1858 г.). Целью его поездки было знакомство с национальными деятелями словенцев, установление с ними контактов. Начав путешествие с Вены, Аксаков прежде всего посетил там М. Ф. Раевского. Из словенцев Аксаков встретился в Вене с Ф. Миклошичем и В. Клуном. Впечатление его от Миклошича было не очень благоприятным. В письме к матери И. С. Аксаков советовал своему брату К. С. Аксакову в случае приезда в Вену познакомиться со словенским ученым, но не очень ему доверять. С Клуном, по всей вероятности, отношения сложились более доверительные, поскольку последний дал Аксакову некоторые советы по поводу посещения им тех или иных мест, а также снабдил его рекомендательными письмами к словенским национальным деятелям.

Из всех словенских земель наибольшее впечатление на Аксакова произвела Крайна, показавшаяся ему очень похожей по языку и обычаям на Россию. «Крайна вся славянская сплошь,— писал он матери 26 мая,— так что народ почти вовсе и не понимает немецкого языка, сохранил свою одежду и обычаи (большею частью праздничные и обрядные). Мужская одежда совершенно разнится, но женская совершенно напоминает наши сарафаны, когда на плечи накинута платок... Постройка изб напоминает Польшу... Я говорил с ними, и мы понимали друг друга... В филологическом отношении верхнеукраинское наречие в высшей степени замечательно своею близостью к великорусскому, так что крайнец легче понимает русского, чем чеха, даже ближе сербского»³⁰⁹.

В словенских землях И. С. Аксаков встречался с рядом культурных славянских деятелей. В числе них были штирийцы Д. Трстеняк, О. Цаф, Б. Раич. Среди них наибольший интерес представлял Даворин Трстеняк. В 30—40-е годы он был иллиром, близким другом Вразы, активным сотрудником «Даницы илирской». С 1848 г. в газетах появились его первые статьи на историческую тематику. Большинство из них публиковалось в «Новицах» Блейвейса, некоторые он посылал в «Slawische Jahrbucher» Я. П. Иордана, в «Москву» Аксакова, в чешскую газету «Union». В своих исследованиях Трстеняк доказывал, что славянское население жило между Карпатами и Адриатикой задолго до нашей эры. В этом Трстеняк шел по стопам славянских ученых конца XVIII — первой половины XIX в.: Катанчича, Венелина, Шафарика. В 1853 г. Шафарик, прочитавший серию

статей словенского историка в «Новицах», послал ему письмо. «Вы ведь знаете,— писал Шафарик,— что и я в своих „Славянских древностях” (1837) утверждаю, что самыми древними известными нам обитателями территории между Венецианским заливом и Татранскими горами были славяне. ...Поэтому меня тем более радует, что такой достойный исследователь, таким являетесь Вы, милостивый государь, пришел самостоятельным путем к тому же выводу». В 1854 г. Трстеньяк опубликовал длинное исследование «О Норике и Норее», которое посвятил Шафарику. Однако выводы Трстеньяка вызвали критику со стороны некоторых ученых, в частности одного из видных историков Крайны К. Дежмана, который указывал на ошибочность его исследовательского метода³¹⁰. Наряду с занятиями историей и филологией Трстеньяк интересовался современной политикой, принадлежал к либеральному направлению в словенском национальном движении.

Штирийские патриоты при встрече с И. С. Аксаковым окровенно делились своими планами национально-просветительской и научной деятельности. Об этом Аксаков прямо сообщает в своем дневнике. «Работает Трстеньяк,— писал он,— над славянской мифологией... Трстеньяк выводит, что словенцы были исконные обитатели этой области еще во времена римлян; отсюда пошли и чехи в Чехии. Потом уже пришли племена хорватские, сербские и проч.» Трстеньяк произвел самое благоприятное впечатление на Аксакова. Критичнее он отнесся к трудам О. Цафа. Отметив страстную любовь последнего к славянской филологии, Аксаков все же записал, что живого знания языков у него нет и материалы, над которыми он работает, невелики. И Цаф, и Трстеньяк жаловались на то, что не могут опубликовать своих научных трудов. Тогда Аксаков предложил им создать Матицу словенскую. «Я говорил им,— замечал И. С. Аксаков в своем дневнике,— об устройстве словенской Матицы наподобие чешской. Они все обрадовались этой мысли... „Поговорите об этом в Клагенфурте [словен. Целовац.— И. Ч.], в Лайбахе [словен. Любляна.— И. Ч.] с Блейвейсом”,— сказал мне Трстеньяк. Раич хотел написать статью. У них нет средств. Я обещал, не ручаясь за успех, что буду собирать средства в Москве, и обещал прислать книг. Нет возможности снабжать нам книгами каждого в отдельности. Другое дело, если у них будет центральная библиотека»³¹¹. Аксаков говорил о Матице с А. Эйншпиллером в Клагенфурте и с Я. Блейвейсом в Любляне. Первый высказался решительно против создания словенской Матицы, второй — поддержал эту идею. Позднее Б. Раич подтвердил в небольшой заметке, что И. С. Аксаков, путешествуя по Словении в 1860 г., горячо агитировал за Матицу и обещал ей присылать книги³¹².

Эта агитация Аксакова, конечно, не явилась главной причиной создания Матицы словенской. Но она, несомненно, способствовала активизации деятельности словенских культурных деятелей в этом направлении. Аксаков сдержал свое слово. После создания

в 1864 г. Матицы словенской русские научные и общественные организации вступили с ней в связь. В 60-е годы XIX в. она вела книгообмен с Антропологическим обществом (Москва), с Академией наук (Петербург), с Румянцевским музеем (Москва), с Русским географическим обществом (Петербург) и т. д. В 1873 г. из 32 научных обществ, с которыми Матица словенская поддерживала сношения, 12 были русскими³¹³. Главным посредником в обмене книгами между русскими обществами и Матицей словенской выступал М. Ф. Раевский. Уже 10 ноября 1865 г. Матица словенская получила от Российской Академии через Раевского 200 книг. А спустя год 15 ноября 1866 г. комитет Матицы словенской принял предложение своего председателя Л. Томана избрать Раевского своим почетным членом. «Основанием, которым он подкрепил это предложение,— писал Томан 18 ноября 1866 г.,— были Ваше великодушие, которое уже подарило библиотеке нашего счастливого общества множество книг, и Ваше благое... старание, благодаря которому Вы благосклонно достали этой библиотеке столько превосходнейших и очень дорогих книг, что она теперь насчитывает больше русских, чем всех других славянских книг. Пусть это избрание будет Вам некоторым доказательством того, как высоко мы чтим и признаем Ваши бесценные заслуги перед нашим благим, но до сих пор еще бедным обществом»³¹⁴. Раевский отозвался с благодарностью на решение Матицы. «Все, что я сделал для Матицы словенской,— писал он,— я сделал как всякий другой славянин должен был сделать. И что могу и впредь сделать для своих словенских братьев, сделаю с радостью, только прикажите»³¹⁵. Раевский стал первым и единственным почетным членом Матицы словенской с иностранным подданством вплоть до 1914 г.

Всякий словенский ученый, желавший вступить в сношения с русскими научными кругами, старался обратиться по этому поводу к Раевскому. Так. П. Козлер, один из словенских либеральных деятелей в 1848 г., издал в 1853 г. свою карту, изображавшую словенские земли в их этнических границах, под названием «Карта словенских земель и областей». Власти увидели в ней намек на политическую программу словенцев в 1848 г.— Объединенную Словению — и запретили ее. Этот запрет был снят в 1861 г., после чего было осуществлено второе издание карты Козлера. 24 сентября (1865 г.) М. Ф. Раевский послал 20 экземпляров карты с письмом В. И. Ламанскому. «Препровождаю Вам при сем,— писал Раевский,— 20 экземпляров карты с описанием Козлера Словении. Вы знаете, что 1-е издание этой карты было запрещено австрийским правительством; это второе издание. Карты эти вы можете раздать по библиотекам или сами, или через министра нар [одного] просвещения. Достойно и праведно избрать Козлера членом Географического русского общества, и Вы, надеюсь, постараетесь это сделать»³¹⁶.

Ходатайство Раевского было принято во внимание. Уже в на-

чале 1866 г. Козлер был избран членом Русского географического общества. «Знает ли Козлер,— сообщал Раевский Матице словенской 20 марта 1866 г.,— что он стал членом Русского географического общества? Его диплом еще не был готов, когда я уехал из Петрограда»³¹⁷. Словенской общественности об избрании Козлера было сообщено целовецкой газетой, издававшейся А. Эйншпиллером, «Словенец» в начале апреля 1866 г.³¹⁸ Впоследствии Русское географическое общество регулярно посылало Козлеру как своему члену свои труды³¹⁹.

После И. С. Аксакова в словенских землях побывало сразу несколько русских ученых путешественников. В октябре-ноябре 1862 г. в Любляне побывали М. П. Петровский и Е. Фортунатов.

О пребывании М. П. Петровского, молодого ученого из Казани, ученика В. И. Григоровича, была напечатана заметка в «Кметийских ин рокоделских новичах». В ней говорилось, что Петровский провел в Люблянской библиотеке много дней. По богатству славянскими книгами и рукописями он ставил ее на второе место в Австрийской монархии после Пражской библиотеки. Вместе с тем он выразил сожаление, что в лицейской библиотеке Любляны имеются не все словенские книги, выпущенные в последнее время³²⁰.

О Е. Фортунатове «Новицы» сообщили 12.X, как о кандидате на должность учителя славянских языков в Петрограде, желающем ознакомиться с словенским языком³²¹. Поездка его по словенским землям оказалась довольно продолжительной, о чем свидетельствует его письмо из Черномеля от 11/23 марта 1863 г. к неизвестному люблянцу, которого он называет Иваном Францевичем. «Не думал я, не гадал, что так долго пробуду в Рыбнице: 15 дней! Жалеть не об чем. Две недели пролетели весело и полезно в разговорах с бесценным Карлом Осиповичем [Рудежом.— И. Ч.] и другими рыбничанами, в прогулках, в чтении и т. п.,— сообщал Фортунатов своему корреспонденту.— Радужие и предупредительность моего хозяина не имели пределов. Спасибо ему! Он проводил меня и в Кочевье. Тут провел я один день, познакомился с Светицем, был у декана, который снабдил меня рекомендательным письмом к священнику Трга (Altmarkt). Здесь я жил дня 3, немножко прислушался к крестьянскому говору». Затем Фортунатов поехал в Виницы, где остановился у местного жупана. «К жупану часто приходили крестьяне краинские и хорватские, так что мне удалось несколько освоиться с местной речью». После Виниц Фортунатов отправился в Черномель. В письме он прислал Ивана Францевича сообщить Левстику некоторые лингвистические заметки, сделанные им в Рыбнице и в Белой Крайне. «Славной читавнице мой большой поклон,— заключал свое письмо Фортунатов,— особенно Томану, Левську, др. Блейвейсу, брату Вашему и, если К. О. Рудеж в Любляне, так ему. Будьте здоровы и веселы!» С особым удовольствием русский путешественник поправлял словенцев с основанием Матицы³²².

С 15 июня 1862 г. по 15 декабря 1863 г. по славянским землям путешествовал с ученой целью профессор кафедры истории и литературы славянских народов Киевского университета В. Я. Яроцкий. Он посетил словенские земли, о чем можно судить по его отчету, напечатанному в «Университетских известиях». В нем Яроцкий с большой симпатией отзывался о борьбе славянских народов Австрии за свои национальные права. При этом наиболее передовыми из них он считал чехов и словенцев, подчеркивая все же, что у словенцев культурная жизнь слабее. Причины этого Яроцкий видел в малочисленности и административной раздробленности словенцев, большом немецком гнете, отсутствии у них исторических традиций. Русский профессор отмечал большую роль католического духовенства в словенском национальном движении. Самой передовой личностью у словенцев, по его мнению, был Янез Блейвейс, ибо «ни один народный успех словенцев в чем бы то ни было не обошелся без содействия г. Блейвейса». Помимо Блейвейса, Яроцкий упоминал Д. Трстеньяка, Л. Томана, сотрудника Блейвейса, хорошего политического оратора. Особо остановился киевский профессор на газете «Напрей», главными сотрудниками которой были М. Вильхар и Ф. Левстик. «Оба эти журналиста известны также своими поэтическими опытами, — добавлял Яроцкий, — и, между прочим, г. Левстик перевел Краледворскую рукопись на словенский язык». О «Напрее» Яроцкий сообщал, что он пал жертвой закона о прессе, хотя и приобрел популярность среди словенцев. Такое выделение «Напрея» из всей словенской прессы, очевидно, не было случайным. Оно указывает на тесное общение Яроцкого с душой этого издания Ф. Левстиком и на его сочувствие последнему. Из других словенских национальных деятелей Яроцкий упоминал филологов Й. Марна и А. Лесара, М. Цигале, издавшего немецко-словенский словарь, О. Цафа. Несколько добрых слов сказал Яроцкий о А. Янежиче и А. Эйншпиллере, о П. Козлере³²³.

В 60-е годы из крупных русских славистов, побывавших в словенских землях, следует отметить А. Ф. Гильфердинга. Он завязал первые контакты со словенскими культурными деятелями уже во второй половине 50-х годов. В Вене через М. Раевского он познакомился с В. Клуном. Когда Гильфердинг задумал написать обзор по истории, литературе и политико-экономическому положению славян, он обратился к Раевскому с просьбой достать ему недостающие материалы. «Попросите д-ра Клуна, — писал Гильфердинг своему венскому корреспонденту 12 сентября 1858 г., — прислать мне, какие есть, материалы для истории словенцев в разных краях, где они живут. У меня есть сочинение Кремпла, но этого недостаточно. Есть ли хорошая история Крайны, Каринтии, а также Истрии, есть ли издания документов, касающихся до этих стран и преимущественно до их славянских обитателей?»³²⁴. Получил ли Гильфердинг нужные материалы, сказать трудно, ибо сведений об этом у автора не имеется.

Опираясь на переписку Трстеньяка с Бодуэном де Куртенэ, можно с уверенностью говорить о посещении словенских земель Гильфердингом. Во всяком случае, встреча с ним в 1867 г. произвела самое сильное впечатление на словенского патриота. «Известно ли Вам, окончил ли преждевременно умерший Гильфердинг свое исследование о жителях Норика? *— спрашивал Трстеньяк Бодуэна в письме от 3 марта 1876 г.— В своем сочинении „О венетах” он обещал писать также о норичанах, и сам мне сказал, что поддержит мои утверждения, когда посетил меня в 1867 г. Но я думаю, что смерть его опередила». Из писем Трстеньяка видно, что из всех русских ученых, с которыми он встречался (а он, еще будучи учеником, видел Бодянского, Срезневского, позднее его посетили Попов, Аксаков, Гильфердинг, Ламанский, Бодуэн де Куртенэ), наибольшая близость взглядов у него установилась именно с Гильфердингом. Несколько раз в письмах к Бодуэну Трстеньяк подчеркивал, что Гильфердинг, как и он сам, считал, что в Норике славяне жили еще с доисторических времен³²⁵.

То сочинение, о котором Гильфердинг говорил с Трстеньяком и которое так жаждал увидеть последний, русский ученый успел не только написать, но и опубликовать. Оно называлось «Древнейший период истории славян». В нем Гильфердинг доказывал, как и Трстеньяк, что венеты, жившие задолго до н. э. в северо-восточном углу Италии, являлись славянским народом, родственным славянам, жившим в то же время в Норике. В своей работе Гильфердинг активно использовал материалы, собранные им в словенских землях, в частности сопоставил слова из древнеримских надписей на территории северо-восточной Италии со словами современного ему словенского языка³²⁶.

На смерть Гильфердинга словенские газеты откликнулись несколькими некрологами. «Он был известен всему образованному славянскому миру,— писала „Соча”,— благодаря своим научным и литературным трудам филологического и исторического характера, а еще более своей ревностной и горячей деятельностью, целью которой было распространение и проведение в жизнь общеславянских идей». Полностью одобряя общественную деятельность Гильфердинга, автор некролога значительно сдержаннее отзывался о его научных трудах, замечая, что они были иногда чересчур фантастичны³²⁷.

Если уже с 40-х годов XIX в. русские ученые, бывая в Австрийской монархии, посещали словенские земли, то ни один из словенских ученых не приезжал в Россию вплоть до конца 60-х годов. Первым из словенских ученых, побывавших в России, был филолог и этнограф Матия Маяр Зильский.

Матия Маяр в 60-е годы был уже известным словенским поли-

* Норик — римская провинция в восточноальпийских землях с центром в теперешней Каринтии.

тическим и культурным деятелем, одним из создателей политической программы словенцев «Объединенная Словения». Вместе с тем он собирал фольклор, писал статьи этнографического и филологического характера. Будучи горячим сторонником идеи славянской взаимности, Маяр в 30—40-е годы поддержал идеи иллиризма. Но уже в 50-е годы, после революции 1848 г. он перешел к пропаганде всеславянских идей. Маяр издал в Праге в 1865 г. «Взаимную славянскую грамматику», в которой пытался дать рецепт создания общеславянского языка. Интерес к России у Маяра возник еще в 30—40-е годы. В 60-е годы он работал над русской грамматикой для словенцев, которая и вышла в 1867 г. в Вене на средства риекского купца Г. Блажа, горячего русофила, доброго знакомого русского консула в Риеке Л. В. Березина³²⁸. О выходе этой грамматики сразу же сообщила славянофильская газета «Москва». Правда, спустя несколько дней она напечатала на книгу Маяра очень сдержанную рецензию³²⁹. Но какие бы недостатки грамматика Маяра ни имела, в течение десятков лет она оставалась единственным пособием для словенцев при изучении русского языка.

В 1864 г. в Императорском обществе любителей естествознания при Московском университете возникла мысль об устройстве в Москве Всероссийской этнографической выставки. В ноябре 1865 г. на заседании Общества любителей естествознания было представлено мнение профессора Московского университета Н. А. Попова о необходимости привлечения на выставку материалов о зарубежных славянах. Предложение Попова встретило одобрение. Закупка народных костюмов и предметов быта у славян была поручена М. Ф. Раевскому.

Организация Московской этнографической выставки совпала с очередным политическим кризисом в Австрии, выход из которого правительство решило искать в дуализме. Поэтому посылка этнографических предметов на Московскую выставку славянскими национальными деятелями приобрела характер политической демонстрации. Пожертвования превзошли все ожидания.

В письмах к Н. А. Попову от мая — июня 1866 г. Раевский сообщал, что у словенцев он связался по вопросу о выставке с Томаном, Блейвейсом, стоявшими во главе Матицы словенской. Потом Раевский жаловался, что ему ничего не удалось получить из Словении. Однако уже в октябре 1866 г. он радостно сообщал в Москву: «Словенцы посылают нам краинскую свадьбу * со всем прибиранием, только без коня и телеги»³³⁰. Подробнее об этом даре писала газета А. Эйншпиллера «Словенец»: «Матия Маяр купил костюмы зиян и зиянок и послал их на всеславянскую выставку в Москву. В числе их костюмы невесты, жениха, подружки, сватов и т. д., приданое невесты — сундук, постель, прялка»³³¹. В воспоминаниях

* Раевский ошибся — это была каринтийская свадьба.

о Майре П. Нессия стоимость этих предметов оценивалась в 400 гульденов³³². Сумма огромная, если принять во внимание, что в 1873 г. годовое жалование Майра составляло 315 гульденов³³³.

Богатый набор свадебных костюмов и приданого привел устроителей Этнографической выставки к мысли о создании целой жанровой сцены словенского свадебного обряда из восковых фигур. Для этого понадобились фотографии и рисунки типических лиц из Зильской долины. Майр по поручению Раевского выполнил это задание. Он прислал двенадцать фотографий и несколько рисунков, изображающих шестерых словенцев (четыре мужчин и двух женщин), по которым и должны были быть сделаны восковые фигуры.

Именно посылка этих фотографий и счетов за них послужила Майру поводом для начала интенсивной переписки с М. Ф. Раевским. В первом письме Майра от 26 декабря 1866/8 января 1867 г. говорилось о том, что, помимо фотографий, Майр послал Раевскому свою «Взаимную грамматику». Одновременно Майр просил для себя две русские книги: И. П. Сахарова «Сказания русского народа» (СПб., 1841) и И. М. Снегирева «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» (М., 1847)³³⁴. По-видимому, Раевский смог прислать Майру только книгу Сахарова, и то на время. Уже в письме от 12 апреля 1867 г. Майр замечал: «Книга Сахарова для моего труда очень важна, внимательно ее читаю и выписываю некоторые особо замечательные места, поэтому покорнейше прошу Вас разрешить задержать ее еще некоторое время и затем отослать Вам ее с благодарностью». Вместе с письмом Майр послал Раевскому по 70 экземпляров двух своих сочинений: «Взаимную грамматику» и «Святые братья Кирилл и Мефодий — славянские апостолы» (Прага 1864). Он просил передать по 10 экземпляров каждой книги университетам: Московскому, Петербургскому, Харьковскому, Киевскому, Казанскому и Варшавскому, а остальные книги разделить по своему усмотрению. Книгу Сахарова Майр вернул Раевскому только через год, в мае 1868 г.³³⁵

Кроме костюмов и фотографий, Майр прислал в комитет этнографической выставки «Объяснение группы» записку, которая, по словам исследовавшего ее советского ученого М. Н. Сперанского, представляла собой «целый небольшой трактат, излагающий соображения и взгляды М. Майра по поводу обычаев и прошлого словенцев, а также отчасти и иных славянских племен». Это «Объяснение группы» сохранилось лишь в переводе Н. А. Попова на русский язык.

Сперанский просматривал все бумаги с этнографическими описаниями, присланные на выставку, и пришел к выводу, что «как в количественном и качественном отношениях, так и по историческому интересу среди бумаг на первом месте следует поставить бумаги Матфея Майра, священника из Зильской долины».

Сперанский подчеркивал, что «сообщения Маяра о быте и обычаях зильских словенцев заслуживают признания и в настоящее время: добросовестности, точности его наблюдений мы можем спокойно довериться; как внимательные наблюдения, сделанные на месте человеком, хорошо изучившим быт своих прихожан, близко и по своему положению стоящим к народному быту, они могут дать правильное представление о состоянии народного быта группы словенцев, хотя бы в условном объеме предметов, собранных им для выставки». Сперанский особо отмечал описание народных забав в дни храмовых праздников, праздничной одежды, различных игр, терминологию на местном словенском диалекте.

Вместе с тем, касаясь научной методики Маяра, Сперанский указывал, что «он и по методам не выходил далеко за пределы XVIII в., приспособляя к ним также то, что стало приобретением уже первой половины XIX столетия». Маяр был последователем школы Гримма, к которой принадлежал и Ян Коллар. Так, Маяр исходил из убеждения в глубокой древности особенностей современных ему словенских обычаев, восходящих к тому времени, когда славяне были едины. Маяр был одним из этнографов, «глубоких и искренних почитателей своей народности, но еще не освободившихся от археологических увлечений романтизма и не овладевших еще строго научными методами языкознания и сравнительного изучения быта и поэзии». Давая оценку этнографическим материалам Маяра, Сперанский сделал вывод, что они дают право «отнести Маяра к числу заметных работников, если не исследователей, то собирателей»³³⁶.

Что касается Матицы словенской, к которой Раевский прежде всего обратился с просьбой прислать экспонаты на Этнографическую выставку, то 20 октября 1866 г. Блейвейс отправил русскому священнику письмо, в котором уведомлял, что «Матица словенская в Любляне не может участвовать в выставке в Москве», так как это не допускается ее правилами³³⁷. Все же Блейвейс вместе со своими братьями, Э. Костой и Соуваном купили за свой счет костюм словенца из Крайны и послали его в Москву. Священник Орожен также подарил выставке модели различных домашних произведений словенцев.

За ценный дар Маяр был приглашен на Московскую этнографическую выставку, куда и поехал, несмотря на запрет своего непосредственного начальства епископа Виери и травлю немецкой националистической прессы. Интересно, что из десяти словенцев, получивших приглашение на выставку (в том числе — Блейвейс, Томан, Эйншпиллер, Янежич, Трстеняк, Разлаг, Коста и др.), отважился поехать только М. Маяр.

23 апреля 1867 г. произошло торжественное открытие Этнографической выставки в Москве. На ней было представлено 116 фигур, одетых в национальные костюмы неславянских народов России; 118 фигур, представлявших национальные типы восточнославянских

народов. В отделе западно- и южнославянских народов наибольшее впечатление производила группа экспонатов, присланных Маяром. В газете М. П. Погодина «Русский» она описывалась следующим образом: «Словинская группа изображает свадебную сцену, обставленную различными подробностями, относящимися к обряду, и, кроме того,— древнюю, сохранившуюся доселе игру прокалывания бочки, также принадлежащую к свадебному чину. В отдельной загородке виднеются различные лица свадебного поезда: знаменосец, дружка с эмблемами супружества в руках, жених в круглой шляпе с цветами и в красном кафтане, невеста в сияющем яркими цветами наряде; вдали виднеется свадебная кровать, расписанная с боков голубой краской с цветами; около нее на небольшом искусственном деревце виднеется ряд символических изображений соединения полов: два яблока, две фигуры, мужская и женская, и горсть орехов. Сундук с приданым стоит на тележке, наполненной принадлежностями домашнего хозяйства; середину ее занимает самопрялка»³³⁸. Высоко оценивал композицию, сделанную на основании дара Маяра, П. Лавровский. «Сцена в группе словинцев,— писал он,— представляющая со всеми местными подробностями, столь знаменательными для целого славянства, свадебные обряды с полною обстановкою предметов, а отчасти и обычаев, говорит ясно, как бы много выиграл этот отдел, если бы и при группах других славян были представлены, хотя и с меньшею сложностью, чем у словинцев, некоторые характеристические сцены из их народной жизни»³³⁹.

За свой дар Маяр получил одну из высших наград выставки — награду второй степени. Следует отметить, что награды первой степени были присуждены только лицам княжеского достоинства и М. Ф. Раевскому. Серебряную медаль получил за свой дар Я. Блейвейс.

Этнографическая выставка в Москве имела широкий отклик среди словенцев. В объяснении начальству по поводу посещения им выставки М. Маяр писал: «Этнографическая выставка в Москве была очень интересна и поучительна. Находились там фигуры в различных славянских костюмах, а также в нарядах прочих в России живущих народов. Половину Европы и третью часть Азии нужно бы посетить, чтобы посмотреть все то, что можно было узреть там, собранное в одном месте... Для меня было то большою честью, что я мог путешествовать в сопровождении ученых мужей; так как там был собран цвет славянской интеллигенции»³⁴⁰.

Словенская периодическая печать, прежде всего «Кметийске ин рокоделске новице», освещала с восторгом встречу славянских гостей русской общественностью и официальными кругами. «Несомненно, что посещение этнографической выставки в Москве,— писали „Новице“ 24 июля 1867 г.,— будет сильно способствовать развитию литературной славянской взаимности»³⁴¹. Словенцы в своих высказываниях подчеркивали прежде всего политическое значение для

них этнографической выставки. Сначала об этом писал Я. Майцигер, а спустя три десятилетия — Й. Вошняк³⁴².

Более всестороннюю оценку Этнографической выставки в Москве дал В. И. Ламанский. «Московская этнографическая выставка, — отмечал он, — с своим славянским съездом дала новый толчок возбуждению русских сочувствий в массах западнославянских [имеются в виду зарубежные славяне. — И. Ч.] и в некоторых интеллигентных кругах. Быстро стал возрастать спрос на русские грамматики, словари, на русские книги. Громче и чаще прежнего стали раздаваться голоса у чехов, словаков, хорватов, словинцев и пр. о необходимости всем славянам изучать русский язык, о великой, предстоящей ему роли в дальнейших судьбах славянской образованности»³⁴³.

И действительно, в словенских интеллигентных кругах резко повысилось внимание к русскому языку, культуре и науке. Уже в августе 1867 г. корреспондент славянофильской газеты «Москва» отмечал, что «поездка славян в Москву еще более утвердила словенцев в мысли учиться по-русски». Он же указывал и на появление большого количества русских книг в библиотеке Матицы словенской после приезда из Москвы гостей Этнографической выставки Вильхара и Гудца³⁴⁴. О стремлении словенцев изучать русский язык писали и другие русские путешественники — юрист В. И. Губин (октябрь 1867 г.) и В. И. Ламанский (лето 1868 г.). Об этом свидетельствовал и второй съезд учащейся словенской молодежи, состоявшийся в сентябре 1869 г. в Любляне. На нем было постановлено принять русский язык для высшей [т. е. научной. — И. Ч.] литературы словенцев³⁴⁵.

Увеличилось стремление словенцев читать русские книги. Матия Маяр не прекращал своей связи с Россией и после выставки. Кроме Раевского, он вел активную переписку с М. П. Погодиным, Н. А. Поповым. За дар Этнографической выставке интересных экспонатов, за обстоятельные объяснения к ним Маяр был избран сотрудником Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (Москва), членом Общества любителей русской словесности (Москва) и членом-корреспондентом Новороссийского университета (Одесса)³⁴⁶. Сообщение о Маяре в Новороссийском университете сделал В. И. Григорович, который отметил, что «г-н Маяр принадлежит к достойнейшим труженикам на поприще педагогики и слов [енской] филологии. Он известен сочинениями не только по языку хорутанскому, но и по сравнитель [ной] слав [ян-ской] грамматике»³⁴⁷. В феврале 1869 г. Маяр послал Обществу любителей естествознания рукопись «Сборник народных песен, загадок и пословиц иллирско-словенских», итог его многолетних хождений по словенским землям и сбора фольклора³⁴⁸. Некоторое время рукопись находилась в России, а затем ее взял И. В. Ягич и отвез К. Штрекелю, с конца XIX в. работавшему над многотомным изданием словенских народных песен³⁴⁹. Маяр получал большое ко-

личество русских книг, пожалуй, больше, чем любой другой словенец. Достаточно сказать, что только в 1873 г. ему было послано 98 книг, в то время как в Матицу словенскую — всего 86³⁵⁰.

Кроме Маяра, этнографическими разысканиями в словенских землях занимался Янез Трдина, которого современный югославский ученый С. Кременшек считает «может быть, одним из значительнейших носителей этнографической мысли в Словении в прошлом столетии». Трдина являлся одним из наиболее горячих русофилов среди словенцев. Он встречался в Риеке с И. С. Аксаковым. О каких-либо его связях с русскими учеными у нас нет сведений, однако Трдина знал русский язык, был хорошо знаком с русской художественной и научной литературой, в частности — с трудами русского этнографа С. В. Максимова, изучавшего не только деревню, но и городской быт. По мнению Кременшека, последний оказал известное влияние на Трдину³⁵¹.

Постоянную переписку с русскими учеными и общественными деятелями вел Иосип Вовк, работавший учителем сначала в Церкнице, а затем в местечке Чрни Врх у Идрии. Он организовал кружок по изучению русского языка, в который входили учителя Рант (в Терновом), Гантарь (в Випаве), Доминцель (в Орехеке). В письме в Московский славянский комитет от 27 августа 1871 г. Вовк просил русские книги, а в обмен посылал 14 годовых подшивок «Кметийских ин рокоделских новиз», словенские книги и учебники, ноты различных словенских песен. Вовк высказывался за принятие всеми славянами русского языка в качестве общеславянского литературного языка, но для этого предлагал упростить гражданскую кириллицу, казавшуюся ему чересчур сложной³⁵². 4 сентября 1871 г. Н. А. Попов благодарил Вовка за присланные им словенские издания в 40 переплетах, 4 фотографии, 2 засушенных растения и медали в память о таборе в Церкнице. Засушенные растения Попов обещал передать Обществу любителей естествознания, а книги — библиотеке Славянского комитета. Взамен он обещал выслать Вовку русские книги. Свое обещание Н. А. Попов выполнил. Посылка русских книг Вовку была осуществлена не один раз. Есть сведения, что он получал их и в 1875 г. через М. Ф. Раевского.

Среди учащихся Горицы тоже имелся интерес к русскому языку и литературе. Г. Блаж в сентябре 1867 г. писал Раевскому, что горичские семинаристы купили у него 60 экземпляров «Русской грамматики» Маяра. В 1872—1873 гг. И. А. Бодуэн де Куртенэ вел в Горице кружок по изучению русского языка, куда ходили учащиеся гимназии и семинарии³⁵³.

В Вене и в Граце словенские студенты еще более активно интересовались русской культурой. Созданное М. Ф. Раевским в 1868 г. в Вене русинское (западноукраинское) общество Русская основа, где проводились занятия русским языком и читались лекции по истории русской культуры, регулярно посещалось славян-

скими студентами. В числе последних особенно много было словаков и словенцев. «После словаков посещают Основу словенцы,— писал Раевский 1 марта 1870 г. славянским комитетам в Москве и Петербурге,— также принявшие за изучение русского языка. Число их простирается до 80 человек». Кроме того, венские словенцы организовали занятия русским языком в своем студенческом обществе Словения³⁵⁴.

Словенские и чешские студенты в Граце имели свое общество Славянская беседа, члены которого уже в 1868 г. просили прислать им русскую газету. Раевский горячо заботился об этом обществе, посылал ему газеты и книги. В 1873 г. он в отчете Московскому славянскому комитету указывал, что отправил в Славянскую беседу 234 книги. Имел контакты Раевский и с обществом словенских студентов-техников в Граце—Вендия. Наконец, большое число русских книг было послано славянскими комитетам 9 словенским читальням: в Целье, Мариборе, Каставе, Горице, Випаве, Циркно, Целовце, Триесте, Кране. Шли русские книги и в Драматическое общество Любляны.

Интерес к русским книгам настолько возрос в среде словенской интеллигенции, что в 1871 г. словенцем Иваном Блажем была предпринята попытка создать русский книжный магазин в Целье. Эту попытку активно поддержал русский консул в Риеке Л. В. Березин. Благодаря его хлопотам Петербургский комитет грамотности послал Блажу 800 русских книг. Но магазин так и не был открыт³⁵⁵.

Когда в России в 1871 г. праздновался пятидесятилетний юбилей научной и общественной деятельности М. П. Погодина, несколько виднейших словенских обществ (Матица словенская, Драматическое общество, политическое общество Словения, гимнастическое общество Сокол, Национальная читальня) отправили ему 26.XII 1871 г. приветственное письмо. «Народ,— говорилось в нем,— который не чтит своих великих мужей, не достоин, чтобы ему светило солнце. Среди звезд первой величины на обширном славянском небе, на котором никогда не заходит солнце, сверкает также Ваше имя, высокоученый господин... Неудивительно, что нет образованного славянина... который бы не знал Вашего славного имени, Ваших сочинений и выдающихся трудов, Вашего высокого духа, с одинаковой любовью охватывающего всех славян»³⁵⁶.

Московская этнографическая выставка и славянский съезд 1867 г. оказали известное влияние и на русское общество. Оно имело возможность из первых рук узнать о родственных славянских народах, об их истории, культуре, национальных стремлениях. С. А. Никитин прямо пишет, что именно славянский праздник 1867 г. способствовал зарождению симпатий к славянским народам в широких кругах русской общественности, что и объясняет «ту мощную реакцию русского общества по преимуществу средних и низших кругов его, на призывы к славянской солидарности, какая

обнаружилась восемью годами позже», т. е. в период Балканского кризиса и последовавшей за ним русско-турецкой войны³⁵⁷.

В сравнительно широких кругах русской интеллигенции увеличился интерес к славянам. Русские газеты помещали заметки о политическом положении в славянских землях, в журналах публиковались статьи о славянах и рецензии на книги славянских авторов. Интерес к словенцам у русской интеллигенции шел в русле роста внимания ко всем славянским народам. По-прежнему писал о славянах «Журнал министерства народного просвещения». В 1869 г. А. С. Будилович, один из самых консервативных русских славистов, опубликовал в нем статью «Славянские общества и ученые дружества», в которой касался деятельности и Матицы словенской. Указывая на ее ограниченные средства и небольшое число членов, он все же подчеркивал ее важность для словенцев. «Сумрачный крайнец,— заключал Будилович,— спит еще в своем угрюмом логовище, и чужды ему Копитары и Миклошичи, мало знакомы даже Водники и Прешерны. Дай бог, чтобы расшевелить их удалось Вончинам и Косам, Лесарам и Блейвейсам»³⁵⁸. Спустя несколько месяцев Будилович на страницах того же «Журнала министерства народного просвещения» поместил рецензию «Славянская библиография за 1868 год». В ней он коснулся издания Янежича «Цветник словенске словесности» и трудов Миклошича. Определив книгу Янежича как хрестоматию, Будилович отметил ее достоинства: «Выбор в хрестоматии довольно богатый и разнообразный; он знакомит с произведениями всех почти лучших хорутанских писателей». Будилович считал, что знакомство с нею будет любопытно и для русского читателя. Новые сочинения Миклошича были оценены русским ученым очень высоко. «Миклошич занимает почетное место в ряду славянских филологов,— писал Будилович.— В своих исследованиях он придерживается метода сравнительно-исторического, и его сочинения столь же замечательны по обилию материалов, которыми он пользуется, сколько по определенности и краткости изложения»³⁵⁹.

Еще один русский журнал проявлял особое внимание к славянам, и к словенцам в их числе, в конце 60-х — начале 70-х годов — «Филологические записки» в Воронеже. Правда, первые сведения, данные им о словенцах и других югославянах явились переводом чешской статьи. Так, в 1869 г. в «Филологических записках» была напечатана статья по этнографии сербов, хорватов, словенцев; а в 1871 г. — очерк по истории словенского языка и литературы. В следующем году в журнале появился оригинальный очерк Н. П. Задерацкого о Миклошиче. В нем автор оценивал знаменитого слависта как Гримма и Боппа, перенесенных по почву славянской грамматики. Особо подчеркивал он важность издания Миклошичем древнеславянских памятников. В «исторических трудах,— отмечал Задерацкий,— Миклошич принес огромные услуги восстановлением текста, часто до безобразия испорченного пере-

писчиками, и изданием памятников, важных для славянской истории»³⁶⁰.

Русские библиотеки, стремясь удовлетворить запросы читателей, старались пополнить свои фонды славянскими книгами и рукописями. Так, Славянский благотворительный комитет в Москве в конце 60-х годов решил составить библиотеку из славянских книг и обратился ко всем славянским писателям, издателям, редакторам журналов с просьбой дарить ему свои издания. Это обращение было напечатано в марте 1869 г. в газете словенских либералов «Словенски народ»³⁶¹. Директор Императорской публичной библиотеки в Петербурге А. Ф. Бычков также закупал много материалов по славяноведению. В частности, ему удалось приобрести архив и библиотеку видного деятеля старословенцев Э. Х. Косты и его отца Х. Косты, директора люблянской таможни, от сестры Э. Х. Косты К. Шолмайер за 1000 гульденов³⁶².

После Этнографической выставки и до середины 70-х годов словенские земли посетило несколько русских ученых, большую часть мимоходом. Самым интересным из этих путешественников был В. И. Ламанский, тогда еще молодой ученый, с интересом изучавший не только культуру и историю славянских народов, но и их современное положение, их борьбу за свои национальные права. Впервые он заезжал в Люблян в конце 1862 г. Но в тот раз он недолго оставался в ней, так как лицейская библиотека, ради которой он приезжал, была закрыта. Вторая поездка Ламанского в словенские земли состоялась в 1868 г. Весной этого года он по дороге из Вены в Загреб заезжал в Марибор, Шентюр, Целье. В Штирии он встречался с Д. Трстеняком. В начале лета Ламанский отправился в Люблян. Главной целью его поездки было ознакомление с национальным движением словенцев, центром которого к тому времени стала Крайна. Но наряду с этим Ламанский хотел осмотреть и лицейскую библиотеку, зная о вхождении в ее состав книг и рукописей Е. Копитара. Староболгарская рукопись, найденная им в библиотеке, заставила Ламанского пробыть в Любляне дольше, чем он предполагал: «...ежедневно... с 19 по 28 июня сидел я в Библиотеке над этою небольшою рукописью»³⁶³.

Из словенских ученых Ламанский в свой второй приезд наиболее близко сошелся с Ф. Левстиком, вождем левого крыла младословенцев, видным писателем и филологом. Левстик был горячим русофилом, считал, что русский язык призван быть общеславянским литературным языком. Отсюда понятно его стремление как можно больше общаться с русскими. Приведенное выше письмо Е. Фортунатова прямо свидетельствует об этом. Однако в первый приезд Ламанского в Люблян Левстику не удалось с ним познакомиться. «Я не знаком с Ламанским, — писал он своему другу К. Рудежу 1 августа 1867 г. — Он единственный из побывавших у нас русских, с которым я не сумел познакомиться, так как он был в Любляне очень мало времени, и я имел только один случай

немного поговорить с ним в читальне... Но никто не представил нас друг другу»³⁶⁴. В 1868 г. знакомство Левстика с Ламанским все же состоялось. Во всяком случае, один из активных деятелей младословенцев Мурник, посылая Ламанскому 22 июля 1868 г. его фотографии из Любляны, добавлял: «Левстик и Ноли пошлют Вам портреты вскоре»³⁶⁵. И позднее, вспоминая свои встречи в Люблине, Ламанский с симпатией писал о Левстике. «Особенно выдается как деятель преимущественно литературный,— отмечал он в статье “Непорешенный вопрос”,— г. Левстик; краткая, но полная умных замечаний грамматика словинская, уже напечатанная им, и богатые рукописные материалы для изготовляемого им словаря дают полное право ожидать от него труда, важного для науки славянской». Ламанский имел в виду работу Левстика над словенско-немецким словарем, который должен был быть создан и издан на средства, оставленные по завещанию епископом Вольфом. В 1866—1868 гг. Левстик являлся его редактором. Очевидно, он откровенно говорил с Ламанским о трудностях, препятствующих ему завершить свой труд, в числе которых были не слишком хорошие отношения с краинскими властями. Русский ученый замечал далее в указанной статье по этому поводу: «Пожелаем только, чтобы местный краинский сейм, поручивший ему эту работу, не столько бы торопил г. Левстика из желания поскорее видеть ее готовою, сколько бы позаботился о лучшем его материальном обеспечении для того, чтобы он мог всецело посвятить свое время этому важному труду»³⁶⁶.

По-видимому, именно статья В. И. Ламанского возбудила интерес к Левстику и других русских ученых, в частности С. П. Микуцкого, библиотекаря, а затем доцента Варшавского университета. Сам Микуцкий изучал литовский и белорусский языки, собирал материалы для их словарей. Вместе с тем он занимался и сравнительным языкознанием. 3 ноября 1870 г. Микуцкий отправил Матице словенской письмо вместе с некоторыми своими работами по сравнительному славянскому языкознанию. «Словенское наречие,— отмечал Микуцкий,— составляет весьма важное звено в славянском языке, и жаль, что несметные богатства словенского наречия доселе не собраны и не изучены. По слухам, г. Левстик составляет „Полный словарь словенского языка“. Не найдет ли Словенская матица уместным обратиться к господину министру народного просвещения графу Дмитрию Андреевичу Толстому и к Славянским благотворительным комитетам в Москве и Петербурге с просьбою о подмоге на издание „Полного словаря словенского языка“». Предложение Микуцкого рассматривалось на восемнадцатом заседании комитета Матицы 30 ноября 1870 г. По-видимому, никакого определенного решения по этому поводу Матица не вынесла, ибо запись ее секретаря Лесара на письме Микуцкого «ad acta» означала, по сути дела, сдать в архив³⁶⁷. Такое решение понятно, ибо руководство Матицы отрицательно относилось к Левстику, кото-

рого еще в 1865 г. вынудило оставить пост секретаря Матицы. Кроме того, Левстик больше не работал над упомянутым словарем, так как в 1868 г. был отстранен от его редактирования.

В 1872 г. в Любляне проездом в Италию останавливался В. В. Макушев. Первый свой визит Макушев нанес Я. Блейвейсу, о котором много слышал еще от своего учителя И. И. Срезневского. Блейвейс и познакомил его с теми словенскими учеными, которые являлись его сторонниками,— секретарем Матицы словенской А. Лесаром и профессором богословия и словенского языка в Люблянском лицее Й. Марном. «Этими лицами ограничился круг моего знакомства,— замечал Макушев в своей статье „Словенцы”, — с другими Блейвейс не считал нужным знакомить меня». Из новых знакомых особенно благоприятное впечатление произвел на русского ученого Марн. «Марн чрезвычайно скромнен, хорошо образован и искренно предан народному делу,— подчеркивал Макушев.— Он знаком с историей славянства, читает на всех славянских наречиях и свободно объясняется по-сербски. Последователь земляка своего Маяра, он ревностный защитник и распространитель славянской взаимности и славянского объединения путем кириллицы и общего литературного языка». Макушеву импонировало то, что Марн преподавал своим ученикам старославянский язык и даже издал для них в 1863 г. грамматику старославянского языка, что он обучал их кирилловской азбуке. С Лесаром Макушев, по-видимому, завел разговор о Левстике. «С 1866 г.,— сделал на основе этого разговора запись русский ученый,— по смерти известного словенского лингвиста Левстика, Лесар занимает место секретаря Словенской матицы в Любляне»³⁶⁸. Старословенцы не хотели встречи Макушева с их политическими противниками, среди которых Левстик был особенно непримиримым, поэтому они предпочли сделать последнего покойником за 15 лет до его действительной смерти.

В том же 1872 г. А. С. Будилович, отправившийся в земли австрийских славян для изучения славянской этнографии и истории культуры, жил некоторое время в Вене, где активно занимался в библиотеках, слушал лекции Миклошича и чешского ученого Шемберы. Мнение о Миклошиче у Будиловича сложилось двоякое. «Миклошич принял меня очень любезно,— делился он своими впечатлениями с Ламанским в письме от 11/23 ноября 1872 г.,— но он не имеет способности или желания делиться с другими своими знаниями. Раз у него побываешь, а другой раз идти как-то не идет». Лекции Миклошича также не полностью удовлетворили Будиловича. Один его курс он считал уже достаточно известным по статьям, другой — чересчур сухим и схематичным. «Впрочем, я должен сказать,— добавлял Будилович,— что как профессор Миклошич производит хорошее впечатление тем одушевлением, с которым он трактует о самых сухих материях». Весной 1874 г. Будилович останавливался в Любляне. К сожалению, почти не сохранилось сведений о его пребывании там. В письме Ламанскому из

Загреба от 14/26 февраля 1874 г. Будилович, сообщая о своей поездке в Любляну, просил писать ему туда на имя Левстика³⁶⁹. Это беглое указание говорит о том, что Будилович не только знал Левстика (скорее всего, еще по Вене, где в 1872 г. Левстик жил), но и находился с ним в достаточно близких отношениях. Первое письмо из Любляны Будилович написал Н. А. Попову 23 марта 1874 г. (ст. ст.)³⁷⁰. Следующее, имеющееся у нас письмо предназначалось М. Ф. Раевскому. Оно датировалось 3/15 апреля 1874 г. и тоже было отправлено из Любляны. «Познакомился здесь с некоторыми тузами местного литературного и народного движения,— сообщил ученый своему корреспонденту.— Печальный раздор и разлад царит в их среде, и причин его было бы ошибочно искать лишь на одной из двух сторон: старой или молодой. Мне только кажется, что последняя с каждым днем здесь усиливается и с тем вместе умнеет. Конечно, наше положение должно быть совершенно нейтральным»³⁷¹.

Несмотря на последнее замечание, все же чувствуется, что Будиловичу были ближе младословенцы. Русский ученый не ограничился поездкой в Любляну. В письме к Н. А. Попову от 15/27 мая 1874 г. из Любляны Будилович замечал, что только что вернулся из десятидневной поездки по Хорутании и Штирии.³⁷² Во время этого путешествия Будилович посетил в Поникве Трстеняка, познакомился с профессором славянской филологии в Грацком университете Грегором Креком. Об этом свидетельствует письмо Крека, написанное им в 1874 г. Й. Цимперману, словенскому поэту и культурному деятелю, в котором он отмечал, что находится в долгу перед двумя русскими учеными — Будиловичем и Котляревским³⁷³. В письме же к Потевне два года спустя Крек назвал Будиловича своим другом³⁷⁴.

В 1873 г. в словенских землях побывал А. А. Котляревский.

А. А. Котляревский был одним из наиболее прогрессивных и широко образованных русских славистов. После окончания Московского университета из-за подозрений в антиправительственной деятельности он был арестован и заключен на 6 месяцев в Петропавловскую крепость. До 1869 г. Котляревский находился под негласным наблюдением полиции. С 1867 г. он работал в Дерптском университете, а после защиты в 1868 г. магистерской диссертации «О погребальных обычаях языческих славян» стал там экстраординарным профессором. В 1872—1874 гг. Котляревский находился в заграничной командировке для сбора материала к докторской диссертации.

Кроме Трстеняка, Котляревский пытался познакомиться в словенских землях с Г. Креком, но неудачно. Об этом свидетельствует переписка А. Н. Пыпина с Г. Креком в ноябре 1890 г. А. Н. Пыпин, найдя в архиве Котляревского несколько писем Г. Крека, обратился к последнему с просьбой: «...1) указать мне, когда и как начались Ваши отношения с К[отляревски]м, и 2) сообщить мне для прочте-

ния его письма, которые затем я возвратил бы Вам в полной сохранности»³⁷⁵. На это Крек ответил 24 ноября, что лично он не был знаком с Котляревским, хотя и вел с ним переписку. Однако письма последнего у него не сохранились. Уже в 1868 или в 1869 г. Крек получил из Москвы книгу Котляревского «О погребальных обычаях языческих славян», которую глубоко изучил и использовал в своем труде «Введение в историю славянской литературы и описание ее древнейшего периода» (1874). Спустя некоторое время, сообщал Крек Пыпину, ему неожиданно доставили из Любляны второй экземпляр книги Котляревского с подписью автора: «Госп [одину] Креку от уважающего его труды автора, Любляна, 1873, 24 октября». На оборотной стороне титульного листа Котляревский написал: «Быть может, Вы найдете возможным дополнить мое изложение чертами родных Вам словинских обычаев, тогда — прошу Вас — о дружеском сообщении их через посредство господина Левстика». Крек так и не сумел исполнить просьбу Котляревского, однако через Ф. Левстика передал ему от своего имени благодарность. Позднее Крек получил от Котляревского его вторую книгу [по-видимому, «Древности юридического быта балтийских славян», 1874, — *И. Ч.*] и книгу А. Стороженко «Очерки по истории чешской литературы» (Киев, 1880). В указанном письме к Пыпину Крек отмечал, что Котляревский был в Любляне, где много работал в лицейской библиотеке³⁷⁶.

Обращает на себя внимание один факт — все русские ученые, бывавшие в 60-х — начале 70-х годов в словенских землях, обязательно встречались с Ф. Левстиком, интенсивно общались с ним, о чем говорят упоминания о нем в их записках. Даже после того, как в 1872 г. Левстик отошел от политической деятельности, он не отказался от своих русофильских симпатий. Наоборот, для Котляревского и Будиловича, приезжавших уже после 1872 г., он был как бы связующим звеном между ними и словенскими учеными. Немудрено, что в высказываниях русских ученых о Словении и словенцах чувствовалось влияние взглядов Левстика и его окружения (у Яроцкого, Ламанского, Будиловича).

Таким образом, научные связи между словенцами и русскими в 50-х — начале 70-х годов продолжали развиваться по восходящей линии. Наладился постоянный книгообмен между русскими общественными и научными организациями и культурно-просветительскими учреждениями словенцев. Русская общественность смогла ознакомиться со словенцами — их этнографией, историей, литературой, современным положением — благодаря статьям о них, время от времени появлявшимся в русской прессе. Они были написаны большей частью сведущими людьми: русскими учеными-славистами и даже иногда словенскими культурными деятелями. Словенская общественность, в свою очередь, проявила значительный интерес к русской культуре и русскому языку, стремясь их использовать в своей борьбе против австрийского правительства и политики герма-

низации, проводимой им. Известную роль во взаимном ознакомлении русских и словенских научных кругов сыграла Этнографическая выставка в Москве.

То поколение русских ученых, которое общалось со словенцами в 50-х — начале 70-х годов, отличалось от первых русских славистов (О. М. Бодянского, П. И. Прейса, И. И. Срезневского, В. И. Григоровича). Это уже подметил известный русский историк литературы А. Н. Пыпин. Если первое поколение русских славистов, при всем своем сочувствии к славянским народам, питало к ним романтически-этнографический интерес, то второе, по словам А. Н. Пыпина, смотрело на них уже с национально-политической точки зрения³⁷⁷. Замечание Пыпина вполне справедливо. Но стоит к нему добавить следующее соображение: первые русские слависты были в славянских (в том числе и словенских) землях накануне 1848 г., когда политическая борьба в них или отсутствовала, или была слабо развита, а преимущественно все силы сосредоточивались на культурном развитии. Это поколение русских ученых общалось со славянскими национальными деятелями, видевшими свою главную задачу в содействии культурному развитию своих народов. Именно их взгляды и были восприняты молодыми русскими славистами. Другое дело — 50—70-е годы, когда во всех славянских землях политическая борьба стала основным содержанием общественной жизни. Теперь вопрос стоял не только о приобретении возможности для культурного развития славянских народов, но и о завоевании для них политических прав. Не случайно поэтому в связях между русскими и словенскими учеными играет особую роль один из активнейших словенских демократических деятелей Ф. Левстик. Он вел беседы с русскими славистами не только на научные темы, но и знакомил их с современным положением словенцев. В научные контакты привносятся политические моменты, как это было в случае со старословенцами, не допустившими встречи Макушева с Левстиком.

Разница в понимании задач, стоящих перед национальными движениями славянских народов, которая была у славянских национальных деятелей 40-х годов, и у славянских национальных деятелей 50-х — начала 70-х годов, и отразилась на отношении двух поколений русских славистов к славянским народам.

И. А. БОДУЭН ДЕ КУРТЕНЭ И СЛОВЕНЦЫ

Целую эпоху в развитии русско-словенских научных связей составила деятельность крупнейшего ученого-слависта, много сделавшего для русского и польского славяноведения Ивана Александровича (Яна Игнацы Нецислава) Бодуэна де Куртенэ. Блестящий лингвист, он сочетал в себе талант ученого-языковеда со способностями полиглота: Бодуэн свободно владел русским, польским, немецким, французским, итальянским, литовским, словенским, чешским, лужицко-сербским и другими языками. Научная деятельность Бодуэна получила самую высокую оценку лингвистов. «Он сделал эпоху в истории языкознания,— писал о нем А. А. Леонтьев,— оставшись сам не понятым до конца современниками. Каждое последующее поколение языковедов открывает в нем что-то новое, существенное именно для данного этапа развития лингвистической науки»³⁷⁸.

С Леонтьевым полностью соглашается В. В. Иванов: «...ни в одном лингвистическом сочинении, написанном в 70—80-х годах прошлого века, нельзя найти мыслей, настолько созвучных современной нам науке, как те, которые в изобилии рассыпаны в казанских работах Бодуэна де Куртенэ»³⁷⁹.

Высоко оценивалась научная деятельность Бодуэна де Куртенэ и его современниками. В представлении историко-филологического факультета от 24 ноября 1882 г. по поводу занятия Бодуэном должности ординарного профессора по кафедре сравнительной грамматики славянских языков в Дерптском университете, говорилось: «Научная деятельность Бодуэна признана с многих сторон. Его можно ставить рядом с Миклошичем, Ягичем, Лескиным и Потебнею. Он издал научные труды на шести языках: польском, русском, чешском, словенском, немецком и итальянском. За его докторскую диссертацию ему в 1876 г. присуждена императорскою Академиею наук Уваровская премия, в 1878 г. ему дарована тою же Академиею золотая медаль за рецензию сочинения Кочубинского „К вопросу о взаимных отношениях славянских наречий”». Далее представление подкреплялось публичными высказываниями о деятельности Бодуэна известнейших европейских ученых-филологов: Ягича, Бругмана, Брюкнера, Лескина. Все они давали ей самую высокую оценку»³⁸⁰.

Бодуэн де Куртенэ являлся не только выдающимся ученым. В отличие от других русских ученых-славистов, бывших по большей части людьми либеральных или, реже, умеренно-консервативных взглядов, он был демократом по убеждению. «Вы напрасно соблазняетесь сравнениями с мастеровыми,— писал он редактору „Филологических записок” А. А. Хованскому.— В этом сравнении нет, по-моему, решительно ничего обидного. Мастеровые такие же

люди, как и все остальные, ученые и неученые, и мы не имеем никакого права презирать ни их, ни их ремесла. Занятия мастеровых и ремесленников ничуть не хуже других занятий, и я не вижу ничего более благородного в занятии напр. математикой или же грамматикой, нежели в занятии сапожным ремеслом»³⁸¹. С симпатией Бодуэн де Куртенэ относился к социал-демократам, подчеркивая в своих статьях, что только они удовлетворительно решают национальный вопрос³⁸².

Сын польского землемера, Бодуэн окончил Варшавский университет, затем, после двухлетнего пребывания за границей, отправился в Петербург, где занимался при университете под руководством И. И. Срезневского. Именно знакомство со Срезневским определило в значительной степени интерес Бодуэна к изучению словенского языка и его диалектов, особенно наречий венецианских словенцев. В 1872 г. он был направлен в научную командировку в словенские земли (Крайна, Горица, Резья). При составлении плана путешествия он пользовался донесениями П. И. Прейса и И. И. Срезневского, опубликованными в «Журнале министерства народного просвещения» за 1841, 1842 и 1843 гг., а также советами А. Ф. Гильфердинга.

Прибыв в Вену в середине марта 1872 г., Бодуэн прежде всего с рекомендательным письмом от Гильфердинга посетил М. Ф. Раевского. «Позвольте Вам рекомендовать,— писал Гильфердинг,— подателя сего, магистра славянской филологии и отличейшего знатока по своей части Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ. Хоть он поляк, но без политических тенденций, а полезный труженик науки. Он едет изучать на месте наречия словенцев и далматинцев. Дайте ему все необходимые указания и снабдите его рекомендациями, особенно к Блейвейсу и к Трстеняку»³⁸³. М. Ф. Раевский, как всегда, отнесся к молодому ученому с полной благожелательностью.

Желая сразу же приступить к изучению словенского языка, русский ученый предполагал встретиться с Миклошичем, но последнего в то время в Вене не оказалось. Тогда Бодуэн познакомился с двумя словенскими учеными гг. Левстиком и Цигале, которые предупредительно снабдили его полезными указаниями и советами. 1 апреля он выехал из Вены в Грац, где его встретил «весьма радушный прием со стороны г. Григория Крека, профессора славянской филологии в тамошнем университете, и со стороны Антона Клодича, инспектора народных училищ». С Креком Бодуэн беседовал особенно часто и узнал от него много нового. Познакомился он и с Германном, словенским депутатом штирийского провинциального собрания. После Граца Бодуэн посетил Марибор, где виделся с Юрчицем, «одним из лучших словенских писателей и в настоящее время редактором газеты „Slovenski narod“, с ученым филологом, учителем гимназии Валенчаком, сообщившим мне интересные данные о словенских диалектах». Из Марибора Бодуэн отправился

в Поникву, небольшое селение, где жил и работал в качестве приходского священника Д. Трстеняк.

Бодуэн де Куртенэ не только знал сочинения Трстеняка, но и интересовался ими. Целые сутки пробыл он в Поникве в беседах со словенским ученым. «Но при всей его учености,— писал о своих впечатлениях Бодуэн,— ему недостает истинно научного, критического взгляда на научные вопросы и строгой школы, он самоучка и все знания по своей специальности добыл себе собственным, самостоятельным трудом. Вследствие сего его лингвистические и мифологические соображения лишены твердого научного основания и являются скорее — иногда, впрочем, весьма блестящими — творениями фантазии, нежели обдуманно, строго логическими плодами ума. Но при всем этом, относясь критически к выводам и предположениям Трстеняка, можно извлечь из его трудов и из бесед с ним много полезного»³⁸⁴. Между Бодуэном де Куртенэ и Трстеняком завязались самые дружеские отношения, продолжавшиеся в течение ряда лет.

7 апреля Бодуэн прибыл в Целье, где посетил местную читальню и познакомился с некоторыми учителями гимназии. После заезда в Загрёб, 9 апреля он приехал в Любляну. В отличие от других русских ученых Любляна оставила Бодуэна равнодушным. Он встретился здесь с Блейвейсом, Разлагом, Вошняком, Грасели. К последнему ему дал рекомендательное письмо его земляк Бронислав Грабовский, учитель Второй гимназии в Варшаве³⁸⁵. Бодуэн посетил читальню, но задержался всего на день. Причины этого Бодуэн высказал очень определенно: «В столице словенцев Любляне нет вовсе людей, занимающихся языковедением, там не удалось мне слышать даже о серьезных исследователях отечественного, словенского языка». Однако в Любляне его снабдили рекомендациями и указаниями, необходимыми для изучения словенских наречий. Местом своего пребывания Бодуэн де Куртенэ выбрал Горицу, ибо решил исследовать словенские говоры прежде всего в ее округе, особенно те, которые наиболее были смешаны с фуриянскими говорами, принадлежавшими к семье романских языков. Во время пребывания в Горице он изучил итальянский и словенский «в той степени, чтобы без затруднения сообщать другим свои мысли и получать желаемые ответы». С целью лучшего изучения словенского языка Бодуэн регулярно посещал местную читальню, где упражнялся в живом разговорном словенском языке. Два словенца обучали его — один словенскому, а другой — итальянскому языкам, в ответ Бодуэн помогал им в занятиях русским языком. В результате он уже за месяц изучил словенский язык настолько хорошо, что многие, по его словам, «не хотели верить, что я не словенец, и думали, что я только прикидываюсь прибывшим из России, но что в самом деле я какой-то словенский проходимец»³⁸⁶.

Со своей стороны Бодуэн, идя навстречу пожеланиям молодых

словенцев, организовал в Горице кружок по изучению русского языка. «Везде выражали мне желание учиться по-русски,— писал Бодуэн в начале апреля 1872 г. М. Ф. Раевскому.— Для членов здешней читальницы я устроил три раза в неделю общие уроки русского языка: более всего их сокрушает то, что они не в состоянии понимать получаемые ими русские газеты». Далее Бодуэн просил прислать в Горицкую читальню пособия по изучению русского языка, а также ноты русских песен³⁸⁷. В ответном письме от 23 апреля/6 мая 1872 г. Раевский сообщал Бодуэну о высылке в Горицу книг и нот романсов Балакирева³⁸⁸. Всего Раевским было отослано в читальню 70 книг³⁸⁹. 19 июля 1872 г. Бодуэн уведомил его, что передал полученные книги в читальню. «И я со своей стороны считаю обязанностью душевно поблагодарить Вас, почтеннейший Михаил Федорович,— замечал Бодуэн далее,— от имени всех моих учеников и других молодых людей, желающих изучать русский язык. Они несказанно радуются и усердно взялись за работу, насколько, разумеется, им позволяют их обязательные занятия. Вы благодетельствовали Горицкую читальницу так, что, кажется, не остается желать ничего больше; все есть: и грамматики, и словари, и практические руководства, и значительный запас книг из всех отраслей литературы. Этого материала, я думаю, хватит надолго»³⁹⁰.

Занятия с Бодуэном в Горицкой читальне продолжались до начала августа, когда он отправился на озеро Блед. Они проходили очень живо, учитель и ученики испытывали друг к другу большую симпатию. Накануне отъезда Бодуэна из Горицы его ученики устроили ему теплые проводы. Ученый был тронут. Из Бледа он написал «Открытое письмо» в газету горицких либералов «Сочу», в которой благодарил своих учеников за их сочувствие и доброту. «Я буду стараться,— писал он,— чтобы оправдать, насколько это возможно, Ваше доверие и Ваше сочувствие. Навсегда останутся в моей памяти ясные и веселые мгновения, которые я испытал при общении с некоторыми из Вас, а день 5 августа 1872 г. я всегда буду считать одним из замечательнейших дней в моей жизни. Ничего более не желаю, только бы повсюду встречать ту открытую сердечность и истинную симпатию, которую я нашел среди горицких словенцев вообще, а среди словенских учеников в Горице особенно. Да здравствуют благородные словенские ученики, надежда и опора будущего словенского народа!»³⁹¹

В Горице Бодуэн нашел ряд лиц из числа словенских интеллигентов, которые с удовольствием оказывали ему помощь в его научных исследованиях. Особенно много для него сделал профессор горицкой духовной семинарии и ученый лингвист Коциянчич, которому он принес рекомендательное письмо от русского адмирала, редактора «Морского сборника» А. В. Фрейганга, близкого к славянофилам. Кроме Коциянчича, ему очень помогли Карел Лаврич, вождь либерального крыла горицких словенцев, учителя Ф. Эрьявец,

Ф. Левец (будущий редактор «Люблянского звона») и редактор либеральной газеты «Соча» Доленц.

Как можно видеть из отчета Бодуэна де Куртенэ, круг его знакомств среди представителей словенской интеллигенции был достаточно широк. В числе его знакомых были и культурно-политические деятели — Блейвейс, Герман, Вошняк, Разлаг, Лаврич, Доленц, Левстик, Трстеньяк, Левец, Юрчич, и словенские ученые — Крек, Эрьявец, Коциянчич. Только у Срезневского имелись столь широкие связи в словенских кругах. Таким обширным знакомством помогли личные качества Бодуэна — общительность, уважение к собеседнику. «Со всеми он обращается одинаково,— писал Л. В. Щерба,— искренне уважая человеческое достоинство у детей и взрослых, образованных и необразованных»^{392–393}. Интересно отметить, что, за исключением Блейвейса и Германа, все словенские знакомые Бодуэна принадлежали к деятелям либерального направления. Этому вряд ли содействовал целенаправленный выбор Бодуэна. Просто с ним искали встречи как с представителем русской науки и России вообще прежде всего либералы, в то время возлагавшие определенные надежды в достижении своих национальных целей на Россию.

Бодуэн де Куртенэ сотрудничал в органе горицких либералов «Соча», поместив там в начале 1873 г. цикл статей под общим заглавием «Некоторые заметки русского профессора». В них он с особой теплотой писал о словенской молодежи и женщинах. Делясь своими впечатлениями от общения со словенками, Бодуэн подчеркивал: «Повсюду я находил значительно больше ума и доверия среди женщин, чем среди мужчин». Особенно ему понравились крестьянки, которые своим умом и стремлением к просвещению произвели на него значительно большее впечатление, чем женщины из так называемого образованного общества. Бодуэн выражал уверенность, что скоро и в словенских землях наиболее смелые из женщин начнут требовать для себя равноправия, что их поддержат в этом просвещенные мужчины³⁹⁴. Бодуэн, таким образом, выступил одним из первых поборников эмансипации женщин в словенских землях.

В июне 1872 г. редакция «Сочи» по просьбе Бодуэна обратилась к своим читателям с призывом оказывать всяческое содействие ученому в его занятиях. Представляя его словенским патриотам, «Соча» писала: «Цель ученого профессора, который за несколько недель так хорошо изучил наш язык, что уже свободно говорит на нем, по окончании путешествия опубликовать собранный материал и написать особый труд о словенских наречиях»³⁹⁵. Несколько позднее Бодуэн опубликовал в главном органе словенских либералов «Словенский народ» ряд призывов, обращенных к словенским учащимся, образованным людям и всем словенцам вообще. В первом обращении Бодуэн подчеркивал, что главным его желанием является «собрать как можно больше материала для

описания различий между отдельными диалектами словенского языка». Для этого он просил присылать ему всякого рода фольклорный материал. «Я намереваюсь с помощью петроградской Академии наук,— заключал он,— издать полное собрание словенского народного творчества. Поэтому... просил бы посылать собранный для меня материал в Горицкую читальницу»³⁹⁶.

Во втором своем обращении Бодуэн сообщал о своем намерении опубликовать полный словарь всех словенских слов, используемых в разговорной речи, и просил присылать ему все те словенские слова, которые отсутствуют в словарях или употребляются в них в другом значении, указывая точно место, где так говорят. «Уважая авторское право,— добавлял он,— я не выдам чужого труда за свой и при всяком слове и всякой грамматической особенности не премину сослаться, кто мне ее прислал»³⁹⁷.

Редакция «Словенского народа» не только опубликовала обращение Бодуэна де Куртенэ, но и представила его читателям как профессора из Петербурга, которому должен помочь каждый патриот, имеющий возможность это сделать. Редакция с удовольствием отмечала, что русский ученый за два месяца хорошо научился говорить по-словенски³⁹⁸.

На призыв Бодуэна де Куртенэ откликнулись гимназисты и представители сельской интеллигенции. «Ученики гимназии и даже простые крестьяне стали присылать мне разного рода материалы,— сообщал Бодуэн в своем отчете,— по большей части записанные весьма добросовестно и удовлетворительно даже с научно-лингвистической точки зрения. Некоторые не ограничились доставлением одних сырых материалов, но пытались тоже теоретически характеризовать известные им говоры»³⁹⁹. Особенно много помощников у Бодуэна де Куртенэ оказалось среди горицких учащихся. Из них выделялись: 1) Матей Лютман, сделавший записи говора в селении Штандреж у Горицы; 2) Миха Голоб, записавший образцы говора в Немшком Ровту; 3) Карл (Драготин) Штрекель, представивший записи говора Краса; 4) Антон Микулуш, собравший образцы говора Певма под Горицей; 5) Миха Вуга, делавший записи речи в Солкане под Горицей.

Кроме горицких гимназистов, активными сотрудниками Бодуэна стали Иван Ржен, школьник Франц Маврич и нотариус Янез Бойц, приславшие ему образцы цирклянского говора, а также Гашпар Крижник Подшавнишки, сапожник, самоучка, большой любитель словенского фольклора, доставивший русскому ученому примеры разговорного языка из Мотникского округа⁴⁰⁰. Много помог Бодуэну инспектор народных училищ А. Клодич, который, по словам ученого, «обязательно сообщил мне свое рукописное рассуждение о говоре венецианских словенцев»⁴⁰¹. Эта работа была сделана Клодичем для Миклошича, который использовал ее в своей «Сравнительной грамматике». Ознакомившись с ней, Бодуэн предложил Клодичу опубликовать ее. Ему удалось поместить ее в при-

ложении к книге И. И. Срезневского «Фриульские славяне» (СПб., 1878). После выхода статьи в свет Бодуэн написал на нее рецензию, в которой отмечал ряд ее недостатков, среди которых он указывал на безусловное следование Клодича в теоретическом отношении за Миклошичем «со всеми его достоинствами и недостатками». «Не все тут схвачено верно, и даже, пожалуй, главные отличия наречия венецианских славян от языка словенцев вовсе не замечены нашим автором, но тем не менее по его изложению можно составить себе довольно ясное понятие о многих характеристических чертах описываемого им наречия». Особо хвалил Бодуэн приложения к статье Клодича — несколько рассказов, написанных на наречии венецианских словенцев⁴⁰².

Сам Бодуэн очень усердно записывал интересовавшие его говоры. Из Горицы он совершил несколько экспедиций в различные районы Словении. Первая его экспедиция состоялась в начале июня 1872 г. в местность, расположенную между Горицей и Постойной. Во время нее Бодуэн изучил говоры в селениях Дорнберк, Првачина, Рихемберк, Мале Жаблье, Свет Криж на Цести, Айдовщина, Отлица, Дол, Випава и т. д. Затем весь июль Бодуэн обрабатывал в Горице собранный материал.

В августе—сентябре 1872 г. Бодуэн дважды побывал на оз. Блед в Верхней Крайне — первый раз лечась от нервозности, второй — на открытии в селе Врба, недалеко от Бледа, памятника великому словенскому поэту Ф. Прешерну. Во время этих двух поездок Бодуэн записывал говоры в селениях Врба, Смокучъ, Храще, Бегне, Лесце, Горье, Полшица, Град, Речица, Желече, на Млино, Бохиньска Бела, Копривник, в общине Бохинь, также включавшей в себя ряд деревень. В 20-х числах октября Бодуэн совершил свою третью экспедицию, целью которой было изучение говормов средней полосы Горицкой земли. Объектами его исследований стали Толмин и его округа, Цирклянский округ, Подбрдо, Перезенска, Немшки Рут. После обработки материалов в Горице в январе 1873 г. Бодуэн посетил еще ряд селений недалеко от нее⁴⁰³.

Затем он уехал в Милан, где слушал лекции проф. Асколи, а в мае 1873 г. вернулся в Горицу «с целью пополнить свои сведения об особенностях говормов, свойственных словенскому народонаселению, проживающему в так называемых Бердах [Горишка Брда.— И. Ч.], на северо-запад от Горицы». Окончив работу на территории вокруг Горицы, Бодуэн де Куртенэ уехал в Удине (словен. Видем), откуда рассчитывал направиться к венецианским словенцам⁴⁰⁴. Все остальное время он посвятил изучению этих крайних юго-западных словенских говормов, где собрал огромный материал.

Все свои экскурсии по словенским деревням Бодуэн проводил пешком. Помимо чисто физических неудобств (трудности горных дорог, непривычность пищи и ночлега), ему приходилось встречаться с препятствиями, так сказать, морального плана. Во-первых,

ему очень трудно было найти подходящих собеседников из народа: летом в будние дни все работали в поле, а в воскресенье находились или в церкви, или в трактирах. Несколько легче обстояло дело с пастухами. За все рассказы и беседы Бодуэну приходилось расплачиваться деньгами или вином. «Впрочем,— отмечал он,— ради истины не могу не заявить, что нашел между здешним народом некоторые личности, рассказывавшие мне совершенно даром и не соглашавшиеся ни под каким видом принять вознаграждение за свой труд»⁴⁰⁵.

Особенно мешала в работе Бодуэну де Куртенэ недоверчивость крестьян, привыкших видеть в любом «господине» (чиновнике, торговце, помещике и пр.) потенциального недоброжелателя. В разных местах степень недоверчивости была различной. В окрестных Горице и Толмину деревнях, в Верхней Крайне и во Внутренней Крайне она почти не наблюдалась. Зато в Цирклянском и Подбрдском округах Бодуэна встретили крайнее недоверие и невежество. Сам Бодуэн такую разницу в отношении к себе лично и к иноземцам вообще объяснял большею цивилизованностью сел, лежащих на торговых путях по сравнению с теми, которые были удалены от основных путей сообщения⁴⁰⁶.

Кроме того, по его мнению, на степень развитости и доброжелательности населения влияла активность деятельности местных просветительских обществ⁴⁰⁷. Когда ученый записывал сказки или песни, рассказчики относились к этому довольно спокойно, но стоило ему начать записывать разговор, как рассказчики замолкали и начинали смотреть на него враждебно. Среди крестьян рождались самые необыкновенные слухи из которых тот, что Бодуэн является сумасшедшим, был самым лучшим и безопасным. Одни думали, что он в качестве адского приказчика скупает души для Люцифера; другие — что он антихрист, распространяющий новую веру, третьи считали его атаманом разбойничьей шайки, а большинство — немецким или итальянским шпионом. «О русских шпионах здесь не думают,— писал Бодуэн в своем отчете,— по причине слишком значительного расстояния от русской границы». Однако некоторые из представителей местной интеллигенции полагали, что Бодуэна послало русское правительство для возбуждения среди народа русско-славянских симпатий, распространения панславистских идей и подстрекательства к неповиновению законным властям. Ходили слухи об изучении Бодуэном всех славянских наречий в целях создания одного общеславянского языка. «Но что гораздо удивительнее,— отмечал Бодуэн,— так это то, что я, можно сказать, нашел более индивидуумов, понимающих цель моих экскурсий, между простонародьем, нежели в среде так называемой интеллигенции». Указывая на понимание его задач многими простыми людьми, Бодуэн де Куртенэ имел здесь в виду прежде всего словенскую молодежь, о которой был высокого мнения. «Здесь почти все члены молодого поколения грамотны, неграмотных очень мало,—

подчеркивал он,— потребность читать и образоваться сильно развита... Почти все представители словенской интеллигенции вышли из народа»⁴⁰⁸.

Отношение к Бодуэну в словенских землях Италии было иным. Впоследствии он отмечал большое гостеприимство резьян: «Если многие частные резьяне и резьянки старались угощать меня, чем могли, то опять некоторые жертвовали мне своим временем и не хотели принять за это никакого вознаграждения». Но и в Резье не обошлось без вымыслов относительно личности Бодуэна. Некоторые подозревали его в шпионаже, другие считали, что следствием его визита будет увеличение налогов, наиболее желательные видели в нем даже апостола, деяния которого будут благославляться во все времена всеми народами⁴⁰⁹.

Результаты первой командировки Бодуэна де Куртенэ в словенские земли были весьма значительными. В 1875 г. он издал в Лейпциге «Опыт фонетики резьянских говоров», ставший его докторской диссертацией. Эта работа вызвала самый положительный отклик И. И. Срезневского, подчеркивавшего, что для автора характерны «строго научные приемы... его постоянное стремление проникнуть в глубь явлений, подвести под определенные законы drobные факты языка». Особо высокую оценку получила фонетическая часть работы Бодуэна. «Трудно представить себе глаз более внимательный к буквам памятников известного языка, чем глаз автора сочинения „О древнепольском языке“, — писал Срезневский, — и трудно также вообразить себе ухо, более внимательное к звукам живого говора, чем ухо автора „Фонетики резьянских говоров“». Вместе с тем некоторые выводы Бодуэна де Куртенэ вызывали у Срезневского возражение, например предположение о том, что резьяне возникли от смешения славянского и туранского (аварского) элементов, сделанного на основании вокальной гармонии в говорах. Срезневский полагал, что автор должен был «вместо анализа величин бесконечных малых, а часто и призрачных, сосредоточить свои наблюдения на более существенных и несомненных сторонах языка, не забывать за звуками форм, слов, построения речи». В той же статье Срезневский приветствовал издание Бодуэном «Резьянского катехизиса», единственного письменного памятника резьянского наречия⁴¹⁰.

Позднее И. И. Срезневский, представляя труды Бодуэна о резьянских наречиях на Уваровскую премию, высказывался о них, как о замечательном вкладе в лингвистическую литературу. Указав, что Резья почти неизвестна по своей природе, языку, обычаям, И. И. Срезневский подчеркивал особую важность работ Бодуэна о ней. «Обе книги его, главная и добавочная, заключают в себе очень богатый подбор и свод наблюдений — не только по разным частным вопросам, но и по более общим, важным для истории языка — писал Срезневский. — В одной из этих книг, в главной, находится подробный разбор всех свойств резьянских говоров

с фонетической точки зрения во всех возможных отношениях на основании обширного запаса личных наблюдений исследователя. В другой, дополнительной книге, издан единственный письменный памятник резьянского наречия по очень редкой рукописи, и издан, как только можно желать,— верно, по подлиннику, с приложением описания рукописи, грамматических примечаний, служащих дополнением тому, что отмечено в первой книге, и отчетливого словаря». Срезневский особенно ценил труды Бодуэна потому, что до него ни по одному из местных наречий не была проведена столь большая и плодотворная работа⁴¹¹. Современные лингвисты так же высоко оценивают труды Бодуэна, как и сто лет назад делал это Срезневский. «Благодаря трудам Бодуэна,— пишет Н. И. Толстой,— и сейчас в середине XX в. полнее всего известными в науке оказываются крайние северо-западные наречия». И это несмотря на то, что словенские диалекты исследовали уже после Бодуэна такие видные лингвисты, как В. Облак, К. Штрекель, Ф. Рамовш, А. В. Исаченко, Т. Логар и др. Кроме указанных книг, Бодуэн издал еще два тома «Материалов по южнославянской диалектологии и этнографии», где приводились записи текстов резьянского и терского наречий, а всего им было издано по словенистике до 40 работ, тесно связанных с его деятельностью как этнографа, диалектолога, текстолога, лексикографа и теоретика языкознания.

Поездка 1872—1873 гг. не была единственной поездкой Бодуэна де Куртенэ в словенские земли. Для дополнительного сбора и проверки материалов по резьянскому и терскому говорам Бодуэн ездил в Резью в 1877, 1890, 1892, и 1893 гг., и на Теру — в 1901 г. Большая часть материалов Бодуэна по словенской диалектологии, приблизительно 9/10, до сих пор не издана, в том числе словарь резьянских говоров и глоссарий терского диалекта, находящиеся в рукописном и необработанном виде в архиве Академии наук (Ленинград), куда он их передал в 1903 г.⁴¹²

Бодуэн де Куртенэ оставил не только лингвистические исследования по резьянским говорам. Он написал и опубликовал статью о Резье и ее жителях. Это был интересный географический, социально-экономический и этнографический очерк. Так же, как и в более ранних статьях Срезневского, в нем подробно описываются природные условия в Резье, перечисляются ее села и деревни, указываются занятия жителей. Но если Срезневский больше внимания уделял этнографическим моментам — описанию одежды резьян, их плясок, песен, праздников, верований, особо отмечая остатки языческого культа, то Бодуэна де Куртенэ наряду с этим интересовали социальные отношения в среде резьян, их политико-административное управление, национальные симпатии. В этом сказался не только больший демократизм Бодуэна по сравнению со Срезневским, но и разные эпохи, в которые эти два ученых посетили Резью. Срезневский побывал в ней в начале 40-х годов, когда капиталистические отношения еще слабо затронули ее жителей,

когда в отношениях между ними еще много было патриархального. Бодуэн посетил Резью спустя тридцать лет. Капиталистические отношения там уже в значительной степени утвердились, а патриархальные связи остались лишь как пережиток. Бодуэн и Срезневский имели в виду и разного читателя. Срезневский писал для небольшого круга интеллигенции, сочувствовавшей идеям славянского возрождения, интересовавшейся этнографией и фольклором. Читатель Бодуэна был более многочислен и значительно более искушен в политических и социально-экономических вопросах, так как уже пережил эпоху 50—60-х годов, эпоху буржуазных реформ и дискуссий о путях дальнейшего развития России.

Характеризуя административное управление в Резье, Бодуэн отмечал, что, несмотря на наличие выборного старосты, вся настоящая власть там сосредоточивалась в руках секретаря, назначенного правительством. Вынужденная эмиграция многих мужчин из Резьи из-за отсутствия средств к пропитанию в 70-х годах была такой же, как тридцать лет назад. Некоторые уходили из родных краев навсегда, другие — на несколько лет, третьи — на зимние месяцы (оптовые и мелочные торговцы фруктами, поденщики). Бодуэн давал подробный перечень всех профессий, существовавших в Резье, с указанием количества людей, занимавшихся ими. При этом он подчеркивал, что почти все жители Резьи должны, помимо сельского хозяйства, заниматься кустарною промышленностью, ремеслом или торговлей. Бодуэн отмечал гордость резьян, не позволявшую им даже в бедности становиться прислугой, их демократичность в общении друг с другом независимо от степени зажиточности. «Это,— полагал Бодуэн,— во всяком случае свидетельствует о высокой степени общественного развития резьян». На наш взгляд, перечисленные выше обычаи скорее свидетельствовали о низкой степени общественного развития резьян, связанной с пережитками патриархальщины.

Отмечая известную демократичность резьянского общества, Бодуэн вместе с тем указывал и на существование в нем значительного неравенства. С одной стороны, он писал о торговцах-оптовиках, ведущих дела с торговыми фирмами Триеста, Граца, Пешта, с другой — о многочисленных тряпичниках, угольщиках, дровосеках. Сама идеология резьянина была уже далека от патриархальности. «И я постоянно думал только о том,— говорил Бодуэну его собеседник из Резьи,— что я должен заработать много денег и что я должен сделаться вследствие этого человеком, всеми уважаемым... У голяка же и пьяницы нет нигде кредита, и везде над ним смеются».

Бодуэна интересовал и уровень культуры резьян. Сравнивая его с уровнем культуры населения Крайны, он приходил к выводу, что «крайно-словенский народ более или менее образован, народ же фурлянский находится в состоянии относительного рабства и невежества». Причины этого ученый видел в лучшем материальном

положении учителей в Австрийской монархии по сравнению с Италией, в том, что обучение в Крайне велось на словенском языке, в то время как в Резье — на итальянском. Вместе с тем Бодуэн восхищался способностью резьян к учению. «Удивительна легкость,— писал он,— с которою они усваивают себе чужие языки. Резьянин, говорящий на четырех или же пяти иностранных языках, вовсе не диковинка». Если общий культурный уровень резьян отставал от культурного уровня жителей Крайны, то в области религии они отличались большей веротерпимостью и свободомыслием, меньшей фанатичностью, чем краинцы.

Бодуэн заметил сильно развитое национальное чувство у части резьян, их интерес к национально-литературному и политическому движению словенцев в Австрийской монархии. Вместе с тем он не мог не увидеть, что «и симпатии для других славян, и известного рода шовинизм, и пуризм по отношению к отечественному языку встречаются далеко не у всех резьян. Многие из них совершенно равнодушны в этом отношении...»⁴¹³.

Очерк Бодуэна о резьянах давал значительный новый материал для исследователя по экономике, социальным отношениям, культуре этой части словенцев.

Интересы Бодуэна к словенской тематике не ограничивались его работами по словенской филологии и этнографии. Ни один русский ученый не мог похвастаться таким обилием словенских корреспондентов, как он. Ему писали из словенских земель и такие известные культурно-национальные деятели, как Д. Трстеньяк, Г. Крек, К. Штрекель и гимназисты. Всех этих людей объединял интерес к родному языку, фольклору, истории, доброжелательное отношение к Бодуэну де Куртенэ. Некоторые из словенцев вели переписку с ученым в течение многих лет на правах его друзей. Так, пятнадцать лет переписывался с Бодуэном Ватрослав Облак, около двадцати лет — Грегор Крек, а Карл Штрекель — даже двадцать пять лет.

Много интересного для исследователя русско-словенских связей дает переписка Бодуэна с Трстеньяком, продолжавшаяся в течение семи лет. Бодуэна интересовали взгляды Трстеньяка на происхождение словенцев. Некоторые из них он воспринял и сам — например о туранско-славянском происхождении резьян. Трстеньяк и Бодуэн активно обменивались научной литературой. Уже в своем первом письме от 31 июля 1872 г. Трстеньяк сообщал, что посылает своему корреспонденту работу «Славянские элементы в венецком языке», в которой доказывает, что венецы и норичане были славянами⁴¹⁴. И позднее, делаясь с Бодуэном своими житейскими и научными планами, Трстеньяк не устал повторять, что верит в славянство древних венецов. Все свои работы, касающиеся этой проблемы, он неизменносылал Бодуэну, прося печатно высказать о них свое мнение⁴¹⁵.

Мнение Бодуэна о работе Трстеньяка, по-видимому, было не очень

высоким. В письме от 27 июня 1876 г. Трстеньяк упрекал его за то, что Бодуэн говорил о легковерии Трстеньяка русскому министру народного просвещения. Его очень волновал и тот факт, что его работы не убедили Бодуэна в славянском происхождении венетов. Но и после этого дружеские отношения между Трстеньяком и Бодуэном не прерывались, и словенский ученый послал своему коллеге в 1879 г. свою новую работу «Славянские элементы в романских языках»⁴¹⁶.

Бодуэн также постоянно снабжал Трстеньяка своими трудами. В июле 1872 г. Трстеньяк благодарил ученого за его статьи о бохиньско-посавском говоре, о Резье и резьянах и обещал послать их люблянскому богослову А. Коблару с тем, чтобы тот перевел их на словенский язык для Матицы словенской⁴¹⁷. В августе 1875 г. Трстеньяк вновь получил труды Бодуэна. «Ваши книги получил и уже прочитал и удивился Вашей учености и Вашему трудолюбию, — сообщал он российскому коллеге, — но еще не имел времени их похвалить в каком-либо словенском журнале. Может быть, я сделаю это в „Вестнике“, который снова издается». Трстеньяк выполнил свое обещание и написал рецензию на книгу Бодуэна о резьянах. Однако, как он жаловался в своих письмах, ему очень трудно было ее пристроить в словенских изданиях. «Зора» не печатала столь серьезных вещей, «Вестник» с нового года прекращал выходить, а «Новице» Блейвейса стали больше заниматься политикой, чем наукой. Все же Пайк, издатель «Зоры» обещал поместить эту рецензию⁴¹⁸.

Рецензия была напечатана в «Зоре» в 1876 г. В ней Трстеньяк рассказал о Бодуэне де Куртенэ, его занятиях и интересах. Книгу «Опыт фонетики резьянских говоров» он очень хвалил и заканчивал свою рецензию словами: «Дай бог нам больше таких ученых, как г. проф. Бодуэн де Куртенэ»⁴¹⁹.

Через Бодуэна де Куртенэ Трстеньяк поддерживал связи и с другими русскими учеными, а также с научными обществами. Так, получив книги от Ореста Миллера, видного русского ученого-фольклориста, он просил Бодуэна де Куртенэ передать ему его благодарность⁴²⁰. К Бодуэну же Трстеньяк обратился, когда ему понадобились статьи Срезневского в «Журнале министерства народного просвещения». Археологическое общество в Москве избрало Трстеньяка своим членом-корреспондентом. Некоторое время оно регулярно посылало ему свои издания, но потом прекратило это делать. Трстеньяк несколько раз обращался с просьбой к Бодуэну узнать у Н. А. Попова, в чем дело, и попросить последнего прислать ему материалы Третьего археологического съезда в Киеве. В свою очередь издатель «Зоры» Пайк через Трстеньяка просил у Бодуэна для своего журнала культурно-историческую или этнографическую статью⁴²¹.

Трстеньяк горячо мечтал об основании научного словенского журнала. Задумав издание журнала «Ведь», в котором бы печата-

Гм

Гм
Гм

лись труды по старославянской истории, археологии, мифологии, славянскому и сравнительному языкознанию, народной поэзии и истории литературы, Трстеньяк сообщил об этом Бодуэну, выразив пожелание, чтобы и русские ученые подписались на него, так как «словенское читающее общество слишком невелико и не может само содержать журнал». Но уже спустя месяц словенский ученый отказался от этой мысли ⁴²².

Письма Трстеньяка знакомили Бодуэна с событиями культурной и политической жизни словенцев. Много писал он о своем друге священнике Орославе Цафе, страстном любителе филологии. Трстеньяк сообщал, что у Цафа собралось большое количество филологического материала, который он думает после смерти завещать Академии наук в Петрограде [т. е. в Петербурге.— И. Ч.]. Тяжелое впечатление произвело на Трстеньяка сумасшествие и самоубийство Цафа. Архив погибшего друга он думал разобрать сам и составить его опись ⁴²³. Но после осмотра архива Трстеньяк убедился, что Цаф в припадке сумасшествия почти весь его уничтожил. Биография Цафа, помещенная в 1876 г. в «Зоре» и написанная Ф. Штифтаром и В. И. Срезневским (сыном И. И. Срезневского), была составлена не без влияния Трстеньяка ⁴²⁴.

Положение Трстеньяка, как материальное, так и моральное, далеко не было блестящим, хотя в 70-е годы он являлся одним из старейших признанных руководителей словенского национального движения. «Я бедный сельский священник,— писал он Бодуэну 5 декабря 1873 г.— должен жить одиноко, ни ученого друга поблизости, ни библиотеки, и поэтому я бываю в своих исследованиях односторонним» ⁴²⁵. Понимание Трстеньяком недостаточности своих научных средств наполняло его горечью. Когда Бодуэн посоветовал ему печатать свои работы в «*Archiv für slawische Philologie*» Ягича, он с болью ответил, что не может писать для немецкого критического читателя, так как является самоучкой и ему не хватает формальных знаний и научной школы ⁴²⁶. Печататься в словенских землях ему также не всегда представляется случай. Особенно докучали ему фанатики из духовенства, группировавшиеся вокруг «Даницы» и «Гласника». Они считали для него как священника неприличным редактировать журнал «Зора», в котором пишут о любви и о других вещах, далеких от религии ⁴²⁷. С консерваторами круга Блейвейса в 70-е годы отношения Трстеньяка были достаточно сложными. Раньше в «Новицах» охотно помещали его статьи, но теперь, по словам Трстеньяка, «глаза Блейвейса не так приязны ко мне, как некогда, так как я не разделяю его политических пристрастий». Когда Трстеньяк предложил третью часть своей работы «Славянские элементы в венецком языке» напечатать в изданиях Матицы, Блейвейс ее отдал на рецензирование, по мнению автора для того, чтобы или задержать, или не допустить ее выход в свет. Боясь этого, Трстеньяк просил Бодуэна перевести его работу на русский язык и пристроить ее в каком-нибудь

русском журнале. Зная неподдельный интерес Бодуэна де Куртенэ к словенским делам, Трстеняк информировал его о литературной и научной жизни в словенских землях. С удовлетворением он отмечал выход в Вене работы своего земляка и ученика Шумана, указывая, что теперь уже четверо словенцев (Крек, Шуман, Глазер, Трстеняк), не считая Миклошича, занимаются сравнительным языкознанием. Трстеняк приветствовал выход в свет литературного журнала «Звон» Стритара, выразив, однако, недовольство его направлением «A la Heine — Weltschmerzlein» (мировая скорбь в духе Гейне) ⁴²⁸.

Отношения между Бодуэном и Трстеняком прекратились к началу 80-х годов XIX в. Причиной этого, очевидно, послужила рецензия Бодуэна де Куртенэ на книгу Д. Трстеняка «Славянские элементы в романских языках», которую так жаждал получить словенский ученый. Еще до получения книги 16 декабря 1878 г. Бодуэн писал редактору воронежских «Филологических записок» А. А. Хованскому: «О книге Terstenjaka „Slovanščina v romanščine“ я приготовлю краткий отзыв для 1-й книжки „Записок“ 1879 г.» ⁴²⁹ Но книга Трстеняком была прислана только в 1879 г., и рецензия была опубликована через год. В ней Бодуэн писал, что Трстеняк давно уже занимается отысканием в романских наречиях слов, якобы издавна заимствованных из славянских языков. Итогом его разысканий в этой области и является работа «Славянские элементы в романских языках», в которой, по мнению Бодуэна, автор должен был показать, что 1) приведенные им слова заимствованы из славянского; 2) они заимствованы издавна. «К сожалению, ни то, ни другое не доказано, — подводил итог Бодуэн де Куртенэ. — Зная все трудности, сопряженные с решением подобных этимологическо-этнологических вопросов, и зная средства, находящиеся в распоряжении у современной науки, мы должны заявить, что г. Трстеняк не доказал окончательно славянского происхождения *ни одного* из разбираемых им романских слов. Напротив, большинство этих слов, очевидно, не славянского происхождения». И хотя Бодуэн писал в рецензии о громадной учености Трстеняка и о том, что собранный им материал заслуживает внимательного изучения со стороны лингвистов и историков, это ни в коей мере не смягчало основного вывода рецензента — книга не научна, метод Трстеняка произволен ⁴³⁰.

Из ученых старшего поколения Бодуэн де Куртенэ имел контакты с М. Маяром. Сохранилось только одно письмо Маяра к Бодуэну де Куртенэ от 6/19 декабря 1874 г. В нем словенец просил Бодуэна ходатайствовать за него перед Славянским благотворительным комитетом в Петербурге, чтобы он опубликовал его труд «Следы праславян» на русском языке, а также взял под свое покровительство его журнал «Славян» ⁴³¹. Еще ранее Маяр помещал в «Славяне» заметку, в которой сообщал, что Бодуэн де Куртенэ по поручению В. И. Ламанского обратился к словенцам с призы-

вом писать статьи исторического, географического и экономического содержания для петербургского «Славянского сборника»⁴³².

Других сведений о контактах между Бодуэном и Маяром нет. Однако Бодуэн регулярно получал «Славян» — комплект этого журнала с его штемпелем находится сейчас в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Бодуэн не только получал «Славяна», но и изучал его, ибо он печатался Маяром на искусственном общеславянском языке. А Бодуэн в отличие от большинства филологов положительно относился к идее создания такого языка. Еще в 1874 г. он писал: «...нельзя отрицать, что различия для взаимного понимания даже между всеми славянскими языками... ничуть не больше различий между отдельными французскими, итальянскими и т. п. говорами. Стало быть, если у немцев, у французов, у итальянцев есть один литературный язык, то точно так же мог бы существовать один общий литературный язык для всех славян...». Спустя много лет для съезда славяноведов, историков и филологов, который должен был состояться в 1904 г. в Петербурге, Бодуэн де Куртенэ предложил тему «О славянском взаимном (международном) языке Матии Маяра и Орослава Цафа». Бодуэн вообще считал, что создание искусственного языка для облегчения общения между собой народов не только возможно, но и необходимо⁴³³.

Теплые отношения сложились у Бодуэна со словенскими студентами и гимназистами, помогавшими ему в сборе материалов по словенским диалектам. В своем отчете Бодуэн с симпатией описывал лучших своих помощников: «Некоторые не ограничились доставкой одних сырых материалов, но пытались тоже теоретически характеризовать известные им говоры. Здесь прежде всего заслуживают быть упомянутыми труды бывшего ученика горницкой гимназии, в настоящее время студента Пражского университета М. Лютмана (особенности Штандержского говора), учеников 8 класса горницкой гимназии М. Голоба (особенности народного говора в Немшком Руте, преимущественно же в Облоках) и М. Вуги (особенности Соуканского диалекта) и т. д.»⁴³⁴ К этим лицам, названным самим Бодуэном, следует добавить и ученика III класса Драготина Штрекеля. Бодуэн не только выражал признательность своим помощникам, но и пытался помочь им опубликовать свои первые опыты по диалектологии. С этой целью он вел переговоры с Д. Трстеняком, который имел большое влияние в двух изданиях: «Зора» и «Вестник». «Ваши и Лютмана etc статьи,— писал Трстеняк Бодуэну де Куртенэ 6 ноября 1873 г.,— я еще все храню, а в этом году мне их было невозможно напечатать в „Вестнике“». 20 июля 1874 г. Трстеняк вынужден был вернуть статьи гимназистов Бодуэну. «Посылаю Вам статьи Лютмана, Голоба, Штрекеля,— писал Трстеняк.— Они были бы уже давно напечатаны, но руководители Национальной типографии теперь стали „Geschäft-

leut" [„деловые люди”.— И. Ч.], филологические статьи им не подходили»⁴³⁵.

Таким образом, попытка Бодуэна опубликовать труды гимназистов через Трстеньяка не удалась. Но встреча и работа с Бодуэном произвели на некоторых из них неизгладимое впечатление, в определенной степени предопределили выбор ими профессии.

Это прежде всего относится к Драготину (Карелу) Штрекелю (1859—1912), самому юному из помощников Бодуэна, будущему замечательному словенскому лингвисту и фольклористу. Штрекель и стал самым долговременным из словенских корреспондентов Бодуэна де Куртенэ — их переписка длилась 25 лет.

Уже в первом своем письме Бодуэну от 28 ноября 1880 г. Штрекель напоминал ученому о его встречах в Горице с неким резвым мальчуганом, «который собирал для русского профессора... народные песни и другой подобный материал» и выражал надежду, что тот еще и сейчас сохранил «некоторую благожелательность от 1873 г., когда счастливая звезда привела меня в Горицу в Ваше окружение». Штрекель сообщал, что он в данный момент является студентом третьего курса, изучает общую филологию, в особенности же славянскую. «Прежний интерес к народному языку, к народным песням и рассказам,— продолжал он,— у меня не погас, но еще более увеличился, т. к. меня в нем утвердила наука». Штрекель делился с Бодуэном планами об изучении словенских говоров Краса, его родного края, однако он признавался, что не знает методики диалектологических исследований. Поэтому Штрекель просил Бодуэна помочь ему в его начинании, а именно — прислать свои сочинения о словенском языке хотя бы на некоторое время и дать ряд компетентных советов. «Поэтому я надеюсь,— заключал Штрекель свое первое письмо,— что Вы поможете мне советом и книгами. Ведь я думаю служить тому же делу, что и Вы, и если не с таким же успехом, то все же надеюсь, что мой труд не пропадет даром»⁴³⁶.

Бодуэн не преминул откликнуться на письма своего юного коллеги. 30 ноября/12 декабря 1880 г. он послал Штрекелю письмо. «Меня действительно обрадовало Ваше письмецо от 27 ноября, которое я получил накануне,— писал Бодуэн.— Хорошо Вас помню и очень рад, что Вы занимаетесь филологией. В 1873 г., когда мы встретились в Горице и когда Вы мне передали диалектологические материалы, записанные добросовестно и точно, я говорил моим горицким знакомым, что у Вас истинный талант лингвиста». Далее Бодуэн выражал полное удовлетворение тем, что Штрекель стал заниматься языкознанием, и сообщал о посылке ему нескольких своих книг, добавив при этом, что больше не одобряет тех методов, которых придерживался в «Опыте фонетики резьянских говоров»⁴³⁷. В письме от 22 декабря 1880 г./3 января 1881 г. Штрекель благодарил его за присланные книги. И позднее русский ученый не раз присылал ему их. Штрекель тоже, в свою очередь, старался

помочь Бодуэну приобрести интересующие его работы. Когда в Вене вышла «Сравнительная грамматика славянских языков» Миклошича, стоившая очень дорого, он предложил Бодуэну купить ее по более низкой цене, так как ему как ученику Миклошича делалась большая скидка ⁴³⁸.

8/20 июня 1881 г. Бодуэн сообщил Штрекелю о своем возможном приезде в словенские земли в следующем году ⁴³⁹. Штрекель сразу же поместил об этом сообщение в «Люблянском звоне» (Ljubljanski zvon). «Хорошо известный среди словенцев ученый,— писал он,— в будущем году прибудет в Словению. Он хочет обработать материал, собранный им в 1872 г. и 1873 г. в Гореньском, Горице, Венеции. По рождению Бодуэн де Куртенэ — поляк. Пусть словенцы так же помогают Бодуэну де Куртенэ, как и раньше. Бодуэн де Куртенэ — профессор Казанского университета. О словенских наречиях он издал 2 книги». Далее Штрекель перечислял работы Бодуэна де Куртенэ, изданные в конце 70-х — начале 80-х годов ⁴⁴⁰.

Бодуэну не удалось приехать в словенские земли в 1882 г. Но его переписка со Штрекелем продолжалась. Штрекель обсуждал с Бодуэном различные работы, вышедшие на словенском языке. Он полностью соглашался с критикой филологических трудов Трстеньяка Ягичем и Бодуэном, но замечал, что словенцу трудно писать о Трстеньяке в таком духе, так как «в слишком большой чести у моих земляков Трстеньяк». Вообще Штрекель, будучи патриотом своего народа, объективно оценивал труды словенских ученых, часть из которых не соответствовала уровню развития мировой науки последней четверти XIX в. Очень слабой он считал «Историю словенской литературы», изданную Клейнмайром, и в этом отношении полностью поддерживал резкий отзыв о ней Левстика в «Люблянском звоне». Зато с большим воодушевлением Штрекель сообщал Бодуэну о всех работах по филологии, которые считал стоящими. Так, Штрекель писал ему о выходе в свет книги Цигале «Научная терминология», о статье Шейнига относительно рожанского наречия. Особенно горячо Штрекель рекомендовал Бодуэну работы словенского филолога Станислава Шкрабца. Уже во втором своем письме он сообщал ученому о публикации статей Шкрабца в церковном журнале («Cvetje z vrtov sv. Frančiška». «Цветы из садов св. Франциска»). Поскольку ученые не читают это издание, труды Шкрабца остаются им неизвестными, в то время как он, по словам Штрекеля, является одним из самых трезвых словенских филологов ⁴⁴¹.

Шкрабец заинтересовал Бодуэна. 8/20 июня 1881 г. он обратился к Штрекелю с просьбой прислать ему труды Шкрабца, а заодно спрашивал, не является ли Шкрабец францисканцем ⁴⁴². В ответе от 21 июня/3 июля 1881 г. Штрекель давал краткие биографические данные о последнем. Шкрабец — монах францисканец. Два года он был помощником учителя в гимназии Нового Места, находившейся в руках францисканцев. Затем учился на

средства своей конгрегации в университете Граца. После его окончания поселился в монастыре Костаньевица. «Человек знает словенский язык исключительно,— характеризовал его Штрекель,— особенно протестантский период новословенской литературы *. Каким прекрасным языком он пишет, Вы увидите сами из „Цветье“, когда я Вам их пришлю». Отмечая высокие достоинства Шкрабца как филолога, Штрекель не скрывал, что он является душой францисканского издания, где редактирует все статьи, написанные «в строго католическом духе»⁴⁴³.

В своих письмах Штрекель сообщал Бодуэну о работе Миклошича над сравнительным словарем славянских языков по заданию некоего русского **, о продвижении дела составления словенско-немецкого словаря Плетершника, о последних находках старословенских текстов: словенского перевода виноградарского закона Штирии от 1644 г.— в Долском архиве (Дол — селение около Любляны) и присяги люблянских мещан на словенском языке второй половины XVI в. С грустью писал Штрекель Бодуэну о смерти Ф. Эрьявца, известного словенского естествоиспытателя и видного национального деятеля⁴⁴⁴, о смерти Й. Юрчича, которого считал лучшим словенским писателем.

Литературная жизнь словенцев также находила свое отражение на страницах писем Штрекеля. С большим удовлетворением он писал о появлении нового литературного журнала «Люблянский звон» («Люблянский колокол»), в котором предполагалось участие крупнейших писателей и литераторов Словении: Ф. Левца, Й. Юрчича, Я. Крсника, И. Тавчара и др. «Газета пишет, что он [журнал.— И. Ч.] будет хорошим,— добавлял Штрекель,— Левстик тоже сотрудник „Звона” и пишет филологические статьи». Как важное литературное событие, Штрекель отмечал появление сборника стихов Симона Грегорчича. «Они словенцам очень понравились,— сообщал он,— читают и покупают их очень старательно и почитают Грегорчича первым вслед за Прешерном поэтом»⁴⁴⁵.

Штрекель старался держать Бодуэна в курсе всех своих научных дел. 21/3 июля 1882 г. он сообщал ему о своем выступлении на заседании студенческого общества, по-видимому, «Словении», на тему «О вокализме горянского наречия на Красе». Это выступление очень расстроило его. «Я понял,— признавался Штрекель Бодуэну,— какую тяжкую ношу взвалил себе на плечи и что сил моих для этой ноши совершенно недостаточно. Для такого предприятия требуются действительно огромная подготовка и знания». Штрекель пришел к выводу, что ему не стоит пока ехать в экспедицию на Крас, но следует готовиться к ней в научном плане⁴⁴⁶.

* Штрекель пользуется терминологией Миклошича, называя словенскую литературу — новословенской.

** Принц Ольденбургский поручил Миклошичу создать словарь русско-старославянско-болгарско-сербско-польско-словенско-французско-немецкий. Словарь вышел в Вене в 1885 г.

В ответном письме от 30 августа Бодуэн ободрял молодого ученого в его предприятии: «Не сомневайтесь, что, как словенец и как талантливый филолог, Вы сделаете это много лучше, чем это сделал бы кто другой, например, я». Бодуэн просил Штрекеля ускорить работу, так как сам он тоже предполагал написать статью о диалектах селений Барки и Мислеч на Кресе, но отложил ее из-за нехватки материалов. Недостающие материалы он надеялся найти в труде Штрекеля. Бодуэн просил своего корреспондента сообщать ему о новых трудах словенских лингвистов, поскольку он мало что знает о них⁴⁴⁷.

В августе 1882 г. Штрекель писал Бодуэну о сборе им материала на Кресе, о желании особо заняться фонетикой. Работа Штрекеля на Кресе, о которой он советовался с Бодуэном, вылилась затем в диссертацию на звание доцента: «Морфология горницкого средне-красского диалекта с особым обращением внимания на ударение». Уже в ноябре 1885 г. Штрекель сообщал Бодуэну о том, что Миклошич полностью доволен его диссертацией⁴⁴⁸. После ее защиты в 1886 г. Штрекель стал доцентом Венского университета, а в 1887 г. она вышла в Вене отдельной книгой. Штрекель сразу же послал ее Бодуэну. Бодуэн написал на нее рецензию для «Архива...» Ягича. 17/29 июля 1887 г. он сообщил об этом Штрекелю. «Надеюсь, что вы не обидетесь на меня, т. к. я в некоторых местах своей рецензии несколько слишком остро говорю о Вашем труде». Бодуэн поздравлял словенского коллегу со званием приват-доцента и советовал ему опубликовать заметки о цирклянском наречии⁴⁴⁹. «То, что Вы будете критиковать мой труд в „Архиве...“, мне уже рассказал Ягич,— писал Штрекель Бодуэну 7 сентября 1887 г.,— и меня действительно радует, что я попаду в Ваше решето. Не думайте, что я враг строгой критики, я радуюсь, так как знаю, что она необходима и только на пользу науке и автору, который станет после нее более осторожным и внимательным. Мой труд теперь критикует в „Звоне“ г. Облак, его оценка также очень существенна и поучительна».

Другим важным направлением работы Штрекеля было соби́рание и издание фольклора. Все связанное с этим очень интересовало его. В конце 80-х годов Словенская матица предложила Штрекелю взять на себя издание фольклорных материалов из рукописного наследия С. Враза. Он горячо взялся за дело. «Занимаюсь я больше всего нашей народной поэзией,— писал Штрекель Бодуэну 7 сентября 1887 г.— Матица мне послала рукописное наследство Враза. Я думаю все до сих пор собранные (изданные и неизданные) народные песни собрать в один большой сборник. Насколько я могу сейчас предполагать, сборник будет содержать более 1000 мелко напечатанных страниц. За один год я надеюсь его приготовить»⁴⁵⁰.

Бодуэн с искренней радостью встретил эту весть. «Поздравляю Вас с делом по изданию полного собрания народных песен,— отвечал он Штрекелю 17 сентября 1887 г.— Этим Вы заслужите

благодарность всех славистов и всех, кто заботится о народной литературе». Прогнозы Штрекеля оказались слишком оптимистичными. Первый том «Словенских народных песен» вышел из печати только в 1895 г., а последний — в 1923 г., через 11 лет после смерти редактора. Первый том «Словенских народных песен» Штрекель сразу же послал Бодуэну.

И позднее, уже в начале XX в., Бодуэн вел переписку со Штрекелем, привлекал его к сотрудничеству в русских академических изданиях, в частности — в «Славянской библиографии».

Много дал Бодуэн де Куртенэ и второму замечательному словенскому филологу-слависту Ватрославу (Игнатию) Облаку (1864—1896). Еще будучи гимназистом, Облак обратился к Бодуэну с письмом от 16/28 декабря 1881 г. с просьбой прислать ему рецензию Бодуэна на труды по словенскому языкознанию, поскольку сам он их по бедности приобрести не может⁴⁵¹. По-видимому, просьба гимназиста не осталась без ответа. Завязалась переписка. Письма Облака касались различных вопросов филологии, книгообмена. Так, в письме от 30 марта 1882 г. он интересовался русской грамматикой, наиболее удобной для словенцев, книгами, которые помогли бы ему быстрее изучить русский язык.

22 сентября 1886 г. Облак спрашивал у Бодуэна совета, в какой университет ему лучше поступить для изучения сравнительного славянского языкознания. Сам он мечтал в первый год прослушать курс Лескина в Лейпциге, во второй — учиться в Дерпте у Бодуэна или в Петербурге у Будиловича, в третий — в Праге у Гатталы и Гебауера, а в четвертый — в Вене у Ягича. Особенно привлекал его Дерптский университет, где читал лекции Бодуэн. 1 ноября 1886 г. Облак сообщил, что поступил в Венский университет и слушает лекции Ягича, которые ему очень нравятся. Однако университетская библиотека его не удовлетворяла из-за отсутствия в ней сочинений русских ученых Срезневского, Григоровича, Потехина и др.⁴⁵²

Высоко оценивая своего учителя в университете В. Ягича, Облак все же просил в апреле 1887 г. у Бодуэна разрешения обращаться к нему, так как он был для него «уже раньше благосклонным учителем, хотя бы, при большом расстоянии между ними, только письменно». Об этом же писал Облак и три года спустя. «Я очень обрадовался Вашему сообщению, что Вы опять приедете в наши края, — замечал он. — Вы ведь были первым, кто ободрил бедного гимназистика и любовно поддержал его интерес к славистике. Хотя я позднее получил выдающегося во всех отношениях учителя, так что лучшего и желать не могу, однако я не забываю своего первого благодетеля». В своих письмах Облак не только просил Бодуэна о литературе, но и советовался с ним. В частности, он послал ему свою рецензию на работу Штрекеля «Морфология горницкого среднекрасского диалекта» и просил опубликовать ее в случае одобрения в журнале «Prace filologiczne»⁴⁵³ (выходил

в Варшаве в 1885—1931 гг. под редакцией Бодуэна де Куртенэ и Крынского). Правда, эта попытка не удалась. Рецензия Облака на Штрекеля вместе с рецензией Бодуэна де Куртенэ была опубликована в «Archiv für slawische Philologie» (1887, т. X) Ягича. 5 июня 1887 г. Облак попросил Бодуэна прислать ему материал по словенским диалектам, который он хотел использовать для своей работы. Бодуэн сразу же откликнулся на просьбу молодого коллеги, так что последний уже 17 августа того же года с благодарностью вернул этот материал. Год спустя, в сентябре 1888 г. по просьбе Облака Бодуэн прислал ему свои записи по резьянскому говору. Облак отговаривал Бодуэна от его намерения покинуть Россию и перебраться в Краковский университет. Сам Облак, получив место в Грацком университете, откровенно писал о своем недовольстве им. Его раздражали апатия студентов, отсутствие в них стремления к знаниям, плохая университетская библиотека^{453a}.

Интерес к Бодуэну де Куртенэ и его работе не угасал у Облака до конца жизни. Одной из последних работ, опубликованных им, была рецензия на книгу Бодуэна «Материалы к южнославянской диалектологии и этнографии. I. Резьянские тексты, собранные в 1872, 1873 и 1877 гг., обработанные и переведенные Бодуэном де Куртенэ. СПб., 1895». В ней Облак подчеркивал, что работа ученого «одинаково важна как для диалектолога, так и для фольклориста», что Бодуэн не только точно отметил все особенности резьянского наречия и дал дословный немецкий перевод текстам, но и указал все романские и немецкие заимствования в резьянских говорах. «Наречье забытых и отдаленных резьян,— заключал Облак,— среди всех славянских наречий является наиболее изученным и известным. И в этом заслуга проф. Бодуэна де Куртенэ»⁴⁵⁴

Бодуэн с величайшим уважением относился к Облаку, видел в нем надежду славянской филологии... Смерть молодого словенского ученого в начале 1896 г. потрясла его. «Ваша потеря,— писал Бодуэн отцу покойного,— является также невозместимой потерей для науки. С Ватрославом Облаком ушел в могилу, несомненно, самый значительный словенский филолог и один из первых филологов всего славянства. Его имя всегда будет занимать почетное место в истории славянской филологии»^{454a}.

Третьим словенским ученым, получившим очень много от Бодуэна де Куртенэ в начале своего пути, был Даворин (Мартин Матвеевич) Хостник, создатель первых словенско-русского и русско-словенского словарей. Впервые Хостник обратился к Бодуэну в мае 1874 г. «С радостью я изучаю языки,— писал он,— и, кроме немецкого и словенского, лучше всего пишу по-французски. Особенно я хотел бы изучить русский язык, но мне не хватает хороших учебников. По-хорватски, сербски и чешски я также читаю, а русский бы хотел выучить так, чтобы знать, как свой родной язык». Хостник просил Бодуэна указать, по каким учебникам лучше изучать русский язык. Бодуэн де Куртенэ написал юноше благо-

желательный ответ. Но Хостника призвали в армию, и переписка на три года прекратилась.

Только в апреле 1877 г. Хостник вновь обратился к Бодуэну, сообщив ему о своем желании заняться филологией и попросив указать ему пути получения стипендии от русского правительства. Бодуэн не смог помочь Хостнику получить русскую стипендию. Тем не менее переписка между ними завязалась. Хостник, активно участвовавший в национальной деятельности словенцев, подробно писал о ней Бодуэну: восхищался Й. Стритаром, с которым познакомился в Вене, ругал редактора «Словенского народа» Й. Юрчича, сообщал о новой редакции либеральной «Сочи»; просил что-либо написать для альманаха, который студенты думали издать на всех славянских языках⁴⁵⁵. Переписка Хостника с Бодуэном, очень оживленная в 1877—1878-х годах, оборвалась из-за отъезда Хостника в Россию. Позднее Хостник и Бодуэн находились в разных лагерях словенских филологов.

Большой интерес Бодуэна де Куртенэ вызвал известный словенский филолог Станислав Шкрабец, с трудами которого его познакомил Штрекель. Бодуэн переписывался с Шкрабцем в 90-е годы; по-видимому, несколько раз встречался с ним. Известно, что он собирался поехать к Шкрабцу в 1890 г. Об этом писал Облак в письме к Бодуэну от 5/17 июня 1890 г.⁴⁵⁶ Возможно, Бодуэн заезжал к Шкрабцу и в 1901 г., когда ездил в Италию на Тер. Во всяком случае в письме от 5 июля 1901 г. Шкрабец приглашал его к себе, сообщая, что у него сейчас находятся неопубликованные записки Облака, очень интересные, особенно по каринтийским диалектам. Шкрабец посылал Бодуэну журнал «Цветы из сада св. Франциска», в котором печатал свои труды, в ответ Бодуэн дарил ему «Leshica», помог подписаться на третье издание словаря Даля. Шкрабец нашел поддержку Бодуэна де Куртенэ в своей филологической борьбе против Хостника, Перушека, Илешича, которых называл «декадентами»⁴⁵⁷.

Бодуэн де Куртенэ вел переписку с рядом представителей словенской интеллигенции. Из венецианских словенцев особенно долго переписывался с ним Иван Тринко из Удине (словен. Видем) — с 1890 по 1907 г., с которым Бодуэн познакомился при посредничестве А. Габршека, известного словенского издателя в Горице⁴⁵⁸. Бодуэн не раз встречался с Тринко во время своих поездок к венецианским словенцам. Тринко посылал ученому собранные им слова и различные сведения о венецианских словенцах, со своей стороны ученый слал ему русские литературные журналы, материал из которых Тринко использовал для написания статей в итальянские и чешские журналы, для своих научных трудов⁴⁵⁹.

Один из основных помощников Бодуэна де Куртенэ во время его экспедиции 1872—1873 гг., Гашпар Крижник, сапожник, увлекавшийся сбором словенского фольклора, посылал ему собранный

им материал и оттиски своих публикаций, в ответ Бодуэн подарил ему свою книгу «Опыт фонетики резьянских говоров» и некоторую сумму денег⁴⁶⁰. 26 декабря 1877 г. Г. Крижник обратился к комитету Матицы словенской с предложением избрать Бодуэна де Куртенэ почетным членом Матицы. «Среди славянских ученых сейчас особенно славится г. Бодуэн де Куртенэ, профессор Казанского университета, который в прошлую осень был у нас в Словении; цель его — описать все словенские наречия,— указывал Крижник.— ...Он уже выпустил в свет четыре книги о словенских наречиях на русском языке»⁴⁶¹. Предложение Крижника не встретило поддержки руководства Матицы словенской и осталось без последствий.

Многие корреспонденты Бодуэна являлись видными деятелями словенской культурной и политической жизни. Ему писали Ф. Целестин, Я. Пайк и Й. Сернец, А. Клодич и друг Трстеняка Орослав Цаф. К Бодуэну де Куртенэ обращались не только как к выдающемуся ученому, но и как к человеку с симпатией и вниманием следившему за событиями словенской общественной жизни. Когда И. Хрибар задумал издавать еженедельную газету «Слован», он обратился 10 декабря 1883 г. к Бодуэну с просьбой сотрудничать в ней и привлечь для нее корреспондентов среди русских и поляков⁴⁶².

Пребывание Бодуэна де Куртенэ в словенских землях способствовало не только созданию им замечательных трудов по словенской филологии, но и имело большое значение для развития словенской научной мысли. Бодуэн критиковал те труды, которые не соответствовали современному уровню науки, ободрял молодые таланты, став для ряда молодых словенских ученых настоящим учителем, способствовавшим становлению их научных интересов. В статьях, помещенных в словенской прессе, Бодуэн выступал как горячий просветитель ратующий за просвещение широких народных масс, за равноправие женщин.

Наконец, Бодуэн де Куртенэ много сделал для ознакомления русских научных кругов с достижениями словенских ученых, для пропаганды новейших выводов русской науки среди словенцев.

Сам Бодуэн де Куртенэ сохранил самые теплые воспоминания о своем пребывании в Словении. «С великой радостью,— писал он много лет спустя 8 декабря 1921 г. выдающемуся словенскому ученому И. Приятелю,— посетил бы я снова словенские земли и все те места, с которыми меня связывают самые лучшие воспоминания о моей научной деятельности, но это полностью невозможно из-за печальных условий моего теперешнего существования»⁴⁶³.

В середине 70-х годов XIX в. резко возрос интерес к славянам со стороны русской общественности. Связано это было с балканским кризисом и русско-турецкой войной 1877—1878 гг., приведшей к освобождению Болгарии, к официальному признанию независимости Сербии и Румынии. Этот интерес в той или иной степени сохранялся до первой мировой войны, хотя бывали моменты его спада. Славянофильство, по мнению ряда советских историков, именно с конца 70-х годов утратило свои прогрессивные черты и стало в один ряд с консервативными и реакционными течениями в России, все больше теряя привлекательность в глазах передовой русской общественности, а также прогрессивной части национальных деятелей славянских народов. И все же в новых условиях усиления классовых и национальных противоречий в славянских землях идея славянской взаимности по-прежнему остается привлекательной для широких кругов интеллигенции. Часть русских буржуазных деятелей также пыталась приспособить эту идею к своим новым экономическим, политическим и культурным потребностям. Так, в начале XX в. возник неославизм, признававший самостоятельное развитие каждого славянского народа. Согласно неославизму славянская солидарность должна была выражаться прежде всего в укреплении между славянами экономических и культурных связей при сохранении статус-кво их политического положения.

Как славянофильство, так и неославизм влияли на развитие русского славяноведения в указанный период. Русское дореволюционное славяноведение в это время достигло своего расцвета. С самого своего возникновения оно развивалось как комплексная дисциплина, преимущественно занимавшаяся лингвистикой и отчасти этнографией. С 60-х годов в славяноведении начинается дифференциация. Из него выделились самостоятельные отрасли: славянские филология, этнография, история, история литературы и т. д. Это привело к более углубленной разработке славяноведческой проблематики. В русской науке вообще и в славяноведении в частности благодаря деятельности таких крупнейших ученых, как академики А. Н. Пыпин, А. Н. Веселовский, А. А. Шахматов, все большее применение находили позитивистский и сравнительно-исторический методы.

Русские слависты последней четверти XIX — начала XX в. в большинстве придерживались либеральных взглядов различных оттенков, начиная от либерально-монархических и вплоть до либерально-демократических. Однако среди них имелись как люди с реакционно-охранительским мировоззрением, так и (в меньшей степени) близкие к народникам⁴⁶⁴.

Русская словенистика в этот период делает определенные успехи. Хотя таких крупных вкладов в ее развитие, какие внесли И. И. Срезневский и И. А. Бодуэн де Куртенэ, не было сделано, вместе с тем многие слависты изучали проблемы, связанные с нею. Указанные проблемы касались уже не только лингвистики и этнографии, но и истории, истории литературы, истории славяноведения у словенцев.

В 1876—1878 гг. по славянским землям путешествовал П. А. Кулаковский, известный славист, близкий к славянофилам. Особенно долго он жил в Загребе, где собирал материал по илирскому движению. Посетил он и Любляну, но задержался в ней ненадолго, так как нашел мало документов по интересовавшей его тематике ⁴⁶⁵.

В начале 80-х годов XIX в. в Словении был И. С. Пальмов. Он был командирован в славянские земли для научных занятий по истории славянских церквей. В инструкции ему предписывалось изучать письменные и вещественные памятники церковной истории, а для этого посещать библиотеки, архивы, музеи ⁴⁶⁶.

Пальмов побывал в Загребе и Любляне весной 1883 г., после путешествия по Галиции и Чехии, после пребывания в Вене. Как и все русские ученые, останавливавшиеся в австрийской столице, он повидал М. Ф. Раевского. Тот дал Пальмову рекомендательные письма, в том числе к словенцу Ф. Целестину, преподававшему русский язык и литературу в Загребском университете. «Ваше поручение о передаче письма по назначению я исполнил в тот же день, как приехал в Загреб,— писал Пальмов Раевскому 12/24 мая 1883 г.— При посредстве его я познакомился с любезнейшим г. Целестином, который в свою очередь познакомил меня и с другими хорватскими учеными деятелями. Передал я от Вас поклон Рачкому и Матковичу» ⁴⁶⁷. Знакомство с Целестином и хорватскими учеными очень помогло Пальмову в его изысканиях в Загребе. Целестин, в свою очередь, также был доволен знакомством с Пальмовым. «Я был очень рад Ивану Савичу П[альмову],— сообщал он Раевскому 17 июня.— Много толковали о русских и славянских делах: для меня настоящий праздник, если какой-нибудь русский, приехав в З[агреб], пожалует ко мне. Здесь о России толково говорить нельзя ни с кем» ⁴⁶⁸. Из Загреба Пальмов отправился в Любляну, где пробыл неделю. В Любляне его интересовала прежде всего бывшая лицейская библиотека с собранием рукописей Копитара. «Дополнивши здесь свои прежние сведения о словинцах из новых доселе недоступных мне сочинений, которые я мог получить только на месте,— сообщал Пальмов в донесении совету Санкт-Петербургской духовной академии,— я занялся главным обр[азом] разбором рукописей в библиотеке. Пересмотревши их все по порядку, я оставил только на некоторых» ⁴⁶⁹. Среди книг, прочитанных Пальмовым в Любляне, почти все касались истории словенцев, как работа «Слава герцогства Крайны» (1689) Вальвасора и «Опыт истории

Крайны, Каринтии и Штирии» Линхарта (1788—1791). Прочитал Пальмов и первые исторические труды (правда, не всегда удачные), вышедшие на словенском языке: книгу Я. Трдины «История словенского народа» (1866) и сборник «Славянство», написанный Майцигером, Плетершником и Раичем.

Интерес к словенской тематике не угасал у Пальмова и позднее. Через русско-славянский книжный склад К. Геруца в Петербурге русские слависты в 80—90-е годы XIX в. выписывали многие славянские книги из Австро-Венгрии. В перечне книг, изданных Матицей словенской, которые можно было купить через Геруца, сохранились отметки, сделанные Пальмовым. Его интересовали историко-географические книги, выпущенные Матицей о всех провинциях, где жили словенцы: о Крайне, Каринтии, Горице и Градишке, Венецианской Словении; библиография словенских изданий, работа одного из основоположников научной словенской медиевистики Ф. Коса к тысячелетию смерти Мефодия. Особо отмечены были два издания: К. Глазер. «История словенской литературы» и К. Штрекель. «Словенские народные песни» (т. I, II) ⁴⁷⁰.

В 70—90-е годы XIX в. в России вышло несколько работ по словенской филологии, помимо трудов Срезневского и Бодуэна де Куртенэ. В Киеве было издана книга А. А. Соколова «Зарождение литературы у словенцев». А. А. Соколов получил образование в Юрьевском (Дерптском) университете, где изучал славяно-русскую филологию. В 1878 г. Соколов получил место приват-доцента по кафедре славянской филологии в Киевском университете ⁴⁷¹. В это время и вышла его книга. Она была написана на основании литературы и опубликованных источников и впервые знакомила русского читателя с историей словенской литературы, а именно — ее начального, протестантского периода, ибо работы Срезневского и Бодуэна де Куртенэ касались прежде всего лингвистических и отчасти этнографических моментов. Соколов рассматривал деятельность Трубара и протестантских словенских писателей с позиций апологета православной церкви. Всю историю словенцев с момента принятия ими христианства вплоть до начала реформации он оценивал в плане козней римской церкви, «всеми средствами уже несколько сот лет старавшейся отторгнуть это племя окончательно от его греко-славянских братьев». С теплом и симпатией Соколов описал деятельность Трубара и его сподвижников. Подчеркнув, что Трубар не был самостоятельным мыслителем, Соколов отметил, что «он первый возвел словинское наречие на степень литературного языка». Это, по мнению киевского ученого, имело огромное значение для дальнейшей истории словенцев. «И вот тут-то сказалась польза, принесенная Трубером, — заключал он: — и народность и язык выдержали все последующие удары судьбы; раз пробужденное сознание, что можно читать и писать на словенском языке, что он обладает достаточной внутренней силой, это сознание, вызванное Трубером, окрепшее благодаря трудам Юрия Далма-

тина, Севастьяна Крелля, Адама Богорича,— не могло уже более заглухнуть; и если словенскую народность не постигла судьба поморян и кашубов, то этим она, быть может, всецело обязана Труберу и его сподвижникам»⁴⁷². Книга Соколова стала первым исследованием в России, посвященным П. Трубару. Как справедливо отмечает советский литературовед Ю. Д. Беляева, в ней «четко прозвучала уверенность в будущем словенского народа и его культуры, заинтересованность в успехах самобытной литературы на славянском юге»⁴⁷³.

Русская научная критика встретила работу А. Соколова отрицательно. В «Журнале министерства народного просвещения» была опубликована рецензия В. Качановского, подчеркивавшего новизну и важность темы, взятой Соколовым. Однако он упрекал автора в том, что он не изучил всех трудов, вышедших до него по истории словенской литературы. Об истории словенской литературы писали Копитар, Дайнко, Метелко, Мурко, Янежич, Клун, Срезневский, Шафарик, Миклошич, Бодуэн де Куртенэ. Незнание их работ привело к тому, что у автора отсутствует четкий план в книге. Этапы деятельности Трубара, намеченные Соколовым, Качановскому казались неоправданными, характеристика трудов знаменитого словенского реформатора — совершенно недостаточной, исследование языка переводов Трубара — филологически чрезвычайно слабым. Единственный его личный вклад заключался в снятии им упрека Копитара Трубару за наличие в переводах последнего большого количества германизмов. Это Соколов объяснял не личным пристрастием к ним Трубара, а тем, что их было много в словенском разговорном языке XVI в. Приговор книге Соколова был самым строгим: Качановский заключал, что желание автора в какой-то степени ликвидировать пробел по рассматриваемому вопросу «исполнилось в весьма малой степени, тем более, что в славистике уже имеются кое-какие „труды и монографии“ по вопросу, занимавшему г. Соколова, и притом значительно выше стоящие, чем исследование нашего автора»⁴⁷⁴. После такого серьезного разгрома А. Соколов больше не выступал в печати по словенским сюжетам.

В 1879—1881 гг. вышло 2-е издание книги А. Н. Пыпина (1833—1904) и В. Д. Спасовича «История славянских литератур». Ученик Чернышевского, Пыпин являлся человеком передовых, демократических убеждений. В желании славянских народов культивировать свой родной язык, создавать свою собственную литературу Пыпин видел их естественное стремление освободиться духовно от чужеземного гнета. Поэтому историю славянских литератур русский ученый рассматривал в неразрывной связи с историческими процессами, протекавшими в славянских землях. Пыпин подчеркивал две стороны процесса создания литератур у славянских народов: опору на национальные традиции и вместе с тем усвоение лучшего из того, что было создано мировой культурой.

Книга Пыпина стала важной вехой в развитии русского славяноведения. Рассматривалась в ней и история словенской литературы. Она была написана очень бегло и неравномерно. Если о словенских деятелях реформации и первого периода возрождения Пыпин говорил сравнительно подробно, то уже литераторы более позднего времени были даны им в самых общих чертах, при этом на первый план выдвинуты такие незначительные писатели, как Я. Блейвейс. Объяснялось это тем, что Пыпин основывался на уже устаревшей словенской и чешской литературе, главным образом на очерке В. Клуна, опубликованном в «Русской беседе», на статье Мацуна в чешском словаре. Тепло отозвался Пыпин о замечательных словенских ученых Е. Копитаре и Ф. Миклошиче. У Копитара он особо подчеркнул его заслуги перед славяноведением: создание им словенской грамматики, издание Глаголиты Клоцианус, исследование Реймского евангелия, помощь В. Караджичу в создании сербской азбуки и нового сербского правописания⁴⁷⁵.

В целом книга Пыпина была положительно встречена словенской общественностью. Ф. Левец, видный словенский литератор, редактор «Люблянского звона», опубликовал на нее рецензию. Идея написать эту рецензию была подсказана Ф. Целестином. «Пыпин,— написал Целестин Левцу 10 декабря 1880 г.,— член Петербургской Академии наук, но не профессор университета. Он известен как один из предводителей западников и, по-моему мнению, первый из живущих сейчас русских литературных критиков. Не думай, что он по злому умыслу писал неточно или неверно о Прешерне, он случайно не имел под руками лучшего материала. Я его очень уважаю, хотя он не славянофил, но здраво и справедливо пишет о славянофильстве и панславизме в „Вестнике Европы“ за этот год»⁴⁷⁶. Целестин же и послал книгу Пыпина Левцу.

В своей рецензии Левец подчеркнул, что книга Пыпина — «первая критически и прагматически написанная история всех славянских литератур». Однако Левец отметил, что раздел о словенской литературе написан слабо. Так, Пыпин назвал Прешерна не словенским, а верхнекрайским поэтом, Косеского — лучшим словенским поэтом, а Малавашича, Маяра, Муршеца — хорватскими писателями. Левцу не понравилось и суждение Пыпина о словенцах, как о народе, которому грозит скорое онемечение. «Онемечение народа нам грозит не так сильно,— подчеркивал рецензент,— как думает плохо осведомленный Пыпин». Все же мнение Целестина о Пыпине, как о лучшем русском литературоведе, оказало влияние на концовку рецензии, где Левец указал, что, не будь этих ошибок, книга была бы достойна благодарности со стороны славян⁴⁷⁷.

В 1884 г. книга Пыпина и Спасовича вышла на немецком языке. На это издание написал рецензию Ф. Висталер. Он горячо поддержал главную идею Пыпина о том, что славянское возрож-

дение не противоречит цивилизации. Нравилось Висталеру у Пыпина отсутствие всякого шовинизма, признание им заслуги немецких ученых в духовном развитии славян. Однако и Висталер должен был подчеркнуть, что разделы по словенской и чешской литературы — бедны⁴⁷⁸. Хорошо отозвался об «Истории славянских литератур» М. Мурко, но и он указал на недостаточность знаний автора о словенцах⁴⁷⁹.

Известный вклад в русскую словенистику сделал профессор Киевского университета Т. Д. Флоринский, ученик В. И. Ламанского и известного русского византиниста В. Г. Василевского. Его политические взгляды были консервативны. Однако как славист он достиг значительных успехов в изучении истории южных славян, их культурных и политических связей с Византией. Большое внимание уделял Флоринский вопросам источниковедения, занимался он и лингвистикой.

В 1895 г. Флоринский издал книгу «Лекции по славянскому языкознанию», в которой описывал южнославянские языки — болгарский, сербохорватский и словенский. Раздел, посвященный словенскому языку, делился на две части. В первой из них Флоринский давал библиографический материал для изучения словенского языка и литературы. В нем характеризовались все словенские грамматики, начиная с Богорича (1584 г.) и кончая Шуманом (1881 г.), не была пропущена ни одна, даже грамматики Япеля и Кумердея, оставшиеся в рукописи. Флоринский высоко оценивал грамматику Богорича, в которой, по его мнению, «замечательно верно понят дух словенского языка». Лучшими из всех словенских грамматик XIX в. русский ученый считал грамматики Копитара, Метелко, Янежича и Шумана.

Помимо перечня грамматик, Флоринский перечислял словенские словари вплоть до словаря М. Плетершника, начавшего выходить в 1893 г., а также издания словенских памятников литературы и фольклора. При этом списки их были исчерпывающе полны. Флоринский указал в библиографии и ряд словенских периодических изданий, главным образом тех, которые носили литературный характер. Флоринский в библиографическом разделе отметил заслуги всех словенских ученых, внесших вклад в дело изучения словенского языка и литературы. Особенно он высоко ставил труды «двух известных словинцев, знаменитых славистов-филологов Копитара и Миклюшича», однако их теорию паннонского происхождения старославянского языка решительно отвергал. Флоринский упомянул и тех русских и чешских славистов, которые занимались словенистикой.

Флоринский, помимо оценки словенских ученых, дал и краткую характеристику многим словенским национально-культурным деятелям и существовавшим в то время словенским культурно-просветительским обществам. Результаты деятельности словенских просветителей он ставил достаточно высоко. «В настоящее время

положение словинского языка как органа духовной и общественной жизни народа, — заключал Флоринский, — можно считать более или менее обеспеченным. Правда, политическая раздробленность небольшого народа, разделенного между восемью областями, притязания соседних, сильных своею культурою языков немецкого и итальянского на господство в словинской земле, стеснение центральной властью национальных стремлений словенцев — все это мешает полному развитию словинского языка. Тем не менее достигнутые им успехи весьма значительны. На словинском языке имеется небольшая, но заслуживающая полного внимания литература... Изучение народности в ее прошлом и настоящем ведется на народном языке».

Вторая часть раздела о словенском языке книги Флоринского, посвящалась наречиям и говорам словенцев. Отметив богатство и разнообразие словенских наречий, еще далеко не полную их изученность, Флоринский дал в своей работе ту систематизацию словенских говоров, которую предложил в 40-х годах И. И. Срезневский⁴⁸⁰.

Книга Флоринского, несмотря на то, что он не проводил в ней никаких новых исследований, получила высокую оценку русской научной общественности и была представлена на Ломоносовскую премию. В рецензии на нее Р. Ф. Брандт подчеркивал, что цель, поставленная перед ней ее автором, — оказать помощь студентам-филологам в изучении славянских языков и подвести итог современному изучению славянских языков. «Автор, — продолжал Брандт, — вообще прекрасно разрешил поставленную им себе задачу: хотя он сам и не работал в грамматической области славянской науки, но он проявляет основательное знакомство с трудами других ученых и сумел извлечь из этих трудов все существенное».

Особо Брандт отмечал богатую библиографию, даваемую Флоринским, хотя и указывал на некоторые упущения в ней: например, отсутствие труда Левстика по грамматике словенского языка⁴⁸¹.

Положительный отклик вызвала книга Флоринского и в словенских землях. На нее написал рецензию В. Облак. Он отметил, что труд Флоринского является первой русской книгой, в которой исследуются все славянские языки, что автор использовал всю новейшую литературу по этому предмету. Главы о словенском языке Облак оценивал достаточно высоко, указав, однако, на их некоторую фрагментарность. «Вообще же, — подводил итоги Облак, — историческое развитие словенского языка представлено лучше, и о словенских наречиях в этой книге собрано больше данных, чем в книгах Миклошича»⁴⁸².

Значительно позднее, уже в наше время словенский ученый Р. Нахтигал подтвердил высокую оценку, данную книге Флоринского Облаком. Назвав Флоринского «многосторонним критическим исследователем», Нахтигал подчеркнул, что «труд Т. Флоринского после труда Миклошича⁴⁸³ — вторая вызывающая уважение,

написанная на основе достигнутых результатов и для своего времени хорошо использованная попытка создания сравнительной славянской грамматики в форме параллельных грамматик отдельных славянских языков»⁴⁸⁴.

Флоринский проявлял постоянный интерес к словенской научной литературе. В конце 80-х годов XIX в.— начале XX в. он вел библиографический отдел в «Университетских известиях», издававшихся Киевским университетом. В 1886 г. в них была опубликована его статья «Словенская Матица и ее издания». Указав, что «историческая судьба народности сложилась весьма печально: словенцам не удалось образовать своего государства», Флоринский все же констатировал, что «словенцы теперь уже возродились как нация». Причину этого он видел в развитии национального самосознания народа, чему способствовала самоотверженная деятельность словенских писателей, которые «при давлении двух сильных культур, немецкой и итальянской, сумели на скудные средства, какие может дать миллион с небольшим душ простого бедного люда, и создать народную литературу, и упрочить ее существование». Развитие литературы у словенцев Флоринский объяснял наличием у них множества обществ, среди которых ведущую роль играла Словенская матица. Флоринский подчеркивал, что Матица издала многие учебники, книги по разным отраслям знания, что ее «Летопись Матицы словенской» («Letopis Matice Slovenske») — «единственный ученый журнал, посвященный изучению родной страны и народа».

В качестве примера Флоринский разбирал содержание последнего тома «Летописи» (за 1885 г.). Среди статей, заслуживающих внимания, он отмечал работы И. Вошняка «Социальная проблема и крестьянское сословие», Ф. Ремца «Свадебные обычаи на Гореньском», И. Навратила «Словенские народные верования и суеверия сравнительно с другими славянскими и неславянскими народами», Д. М. Обаловича «Свадебные обычаи в округе Триеста», И. Апиха «Жига Герберштейн» и т. д. Более подробно Флоринский останавливался на труде И. Врховца «Топографическое описание Любляны и история люблянского городского представительства в прошлые столетия», указывая, что факт написания монографии на архивных материалах достаточен, чтобы «признать за данной монографией важное значение в словенской исторической литературе». Статья С. Рутара о Павле Дьяконе, по мнению Флоринского, отличалась строго научным методом. «Ни одна малейшая подробность показания источника, — указывал русский ученый, — не оставлена без внимания и объяснения. Мнения автора по некоторым частным вопросам отличаются новизною и убедительностью».

Разобрав содержание указанного тома «Летописи Матицы словенской», Флоринский делал вывод, что оно вполне дает возможности, «признать полезность и значительный общеславянский интерес за люблянским учено-литературным изданием»⁴⁸⁵.

Статья Флоринского была с удовлетворением встречена словенцами. «Люблянский звон» посвятил ей небольшую заметку, в которой говорилось: «Сообщение Флоринского имеет целью обратить внимание русского мира на словенцев, на их литературу, и особенно на плодотворную деятельность нашей Матицы»⁴⁸⁶. Спустя 15 лет Флоринский написал рецензию на «Зборник Матице словенске», вышедший в свет в 1899 г., особо похвалив помещенные в нем материалы И. Куншича о словенско-чешских литературных связях⁴⁸⁷.

Не раз рецензировал Флоринский и «Archiv für slawische Philologie» Ягича, в котором публиковались статьи многих словенских ученых. Ему понравилась статья Ф. Видица о жизни и деятельности В. Водника⁴⁸⁸, лингвистические статьи Шкрабца и Штрекеля⁴⁸⁹.

Получили отклик у Флоринского и некоторые книги словенских ученых. Он писал о сборниках словенских народных песен, издававшихся К. Штрекелем, о словарях М. М. Хостника, о книге М. Мурко, посвященной В. Облаку. Об этих рецензиях Флоринского речь будет впереди. Здесь несколько слов стоит сказать о рецензии Флоринского на книгу К. Глазера «История словенской литературы» (Ljubljana, 1894, 1895, zv. 1, 2). Труд словенского ученого охватывает период до 1848 г. Флоринский указывал, что книга Глазера представляет собою систематический свод историко-литературных фактов, дающая подробный биографический и библиографический материал. Вместе с тем русский ученый подчеркивал, что она «не раскрывает развития умственной и духовной жизни словинского народа, поскольку она отражалась в литературе, и не определяет, как и в чем выразилось влияние идей и направлений той или другой эпохи в произведениях словинской литературы». Флоринский видел причину этого прежде всего в том, что история словенской литературы пока еще не разработана монографически. Он желал Глазеру довести свой труд до конца, представив «возможно полный и обстоятельный обзор словинской литературы нового времени»⁴⁹⁰.

Рецензия Флоринского на Глазера была известна широкой словенской общественности, поскольку ее краткое содержание было опубликовано в «Люблянском звоне»⁴⁹¹.

Борис Михайлович Ляпунов (1862—1943), ученый, принадлежавший к прогрессивным кругам, серьезный исследователь проблем формирования и развития старославянского языка, в начале 90-х годов опубликовал свою лекцию о словенской литературе. В то время он работал в Харьковском университете. Опубликованная Ляпуновым лекция являлась вводной к его курсу «Краткий обзор словенской литературы», который он читал.

С самого начала Ляпунов оговаривался, что его работа является не оригинальным исследованием, а всего лишь компиляцией из сочинений на русском, немецком, чешском, словенском языках, что он решился опубликовать ее только потому, что на русском язы-

ке почти нет трудов о данном предмете. В какой-то мере работа Ляпунова являлась полемичной по отношению к трудам ряда русских ученых-славистов, в которых прослеживались панславистские тенденции (труды В. И. Ламанского, А. С. Будиловича, П. А. Кулаковского и др.). «Всякая и самая мелкая народность, а следовательно, и ее язык и письменность, как главнейшие ее проявления,— писал Ляпунов,— имеют весьма важное значение как с чисто научной точки зрения, так и с точки зрения общечеловеческого развития». Поэтому, по мнению Ляпунова, как для общечеловеческого, так и общеславянского движения вперед «желательно не только сохранение, но и дальнейшее распространение отдельных наречий и литератур». Ляпунов высоко оценивал достижения словенской литературы нового времени. «Словенцы могут гордиться,— замечал он,— тремя весьма даровитыми и несколькими хорошими поэтами, появившимися в новое время, в XVIII и XIX веках, могут указывать на значение, какое имела литературная деятельность их представителей в эпоху реформации в печатании славянских книг, а главное и всего более они с гордостью могут указывать на то, что из их среды вышли такие гиганты славянской филологии, правда, писавшие по-немецки и по-латыни, как Б [артоломей.— И. Ч.] Копитар и Фр. Миклошич». С удовлетворением Ляпунов указывал на развитие литературы на словенском языке по вопросам истории, фольклора, диалектологии, исторической грамматики. Ляпунов, как и большинство русских ученых, резко отрицательно относился к паннонской теории, считая сходство между болгарским и словенским языками, подчеркиваемое Миклошичем, значительно меньшим, чем между словенским и сербохорватским.

Ляпунов постарался использовать всю литературу по исследуемому вопросу, в том числе самые последние труды словенских ученых. С некоторыми из них он имел тесные научные связи. В частности, в начале статьи он выражал признательность В. Ягичу, В. Облаку и М. Мурко за присылку ему их сочинений, особенно подчеркивая важность для его труда «нескольких прекрасных монографий даровитого словенского молодого ученого В. Облака, посвященных разработке древнейших памятников словенского языка и письменности»⁴⁹². Связи Ляпунова с Облаком в 90-е годы XIX в. были довольно крепкими. При этом русский ученый признавал, что ему важны были не только те печатные труды, которые посылал Облак, но и его богатые научным содержанием письма. В частности, Ляпунов упоминал письма Облака от 7.XI 1892 г. и 29.VIII 1894 г., в которых последний делился своими выводами о юнском и зильском говорах Каринтии⁴⁹³. Смерть Облака оборвала интенсивную переписку двух ученых. Близко знал Б. М. Ляпунов и Станислава Шкрабца, которого посетил в августе 1901 г., о чем Шкрабец сообщил Бодуэну де Куртене⁴⁹⁴.

Ляпунов был в словенских землях всего две недели. Непосредственно с Шкрабцем он, очевидно, вел беседы о фонетике словенского языка, о словенско-немецком словаре М. Плетершника. Во время своей поездки Ляпунов встречался и разговаривал с другим словенским лингвистом, знатоком фонетики М. Вальявцем. Во всяком случае, когда через год Ляпунов опубликовал свою работу, посвященную фонетике словенского языка на основании изучения словаря Плетершника, он подчеркивал в ней, что при оценке труда Плетершника руководствовался «указаниями знатоков словенского языка Шкрабца и Вальявца»⁴⁹⁵. Продолжительная переписка была у Ляпунова с К. Штреклем. Сохранилось несколько писем русского ученого словенцу, начиная с апреля 1901 г. и кончая мартом 1912 г. Все они касались книгообмена. Штрекель регулярно посылал Ляпунову свои тома «Словенских народных песен», статьи и публикации по словенистике, Ляпунов в ответ — сочинения Р. Брандта, «Сборник русских народных песен» Кишешской и др.⁴⁹⁶ В 1901 г., когда Ляпунов был в Любляне, он писал оттуда Ивану Приятелю⁴⁹⁷.

Свой труд о словаре Плетершника Ляпунов оценивал достаточно скромно, считая его лишь своеобразным дополнением к монографиям Р. Ф. Брандта «Славянская акцентология» и Т. Д. Флоринского «Лекции по славянскому языковедению». Ляпунов доводил до сведения русского читателя последние достижения словенских ученых в лингвистике. Особенно высоко Ляпунов оценивал С. Шкрабца, как тонкого знатока современных словенских говоров и старого словенского языка, замечательные исследования которого «могли бы сделать честь любому из лучших европейских лингвистических журналов». С большим уважением Ляпунов отзывался о Штрекеле, Облаке, Вальявце. Словарь Плетершника он считал одним из крупнейших явлений в области славянского языкознания за последние десять лет, указывая, что он «должен быть настольною книгой не только у занимающихся словенским языком, но и у исследователей сравнительной фонетики славянских языков вообще»⁴⁹⁸.

Хотя Ляпунов немного сделал для развития словенистики, и его вклад в нее нельзя сравнить со вкладом Срезневского или Бодуэна де Куртенэ, он, однако, способствовал лучшему ознакомлению русской научной общественности с деятельностью и трудами таких выдающихся словенских филологов, как В. Облак, М. Плетершник, С. Шкрабец. И в этом его заслуга в развитии русско-словенских научных связей.

Некоторое внимание словенской лингвистике уделил и замечательный русский ученый А. А. Шахматов. В 1902 г. им была опубликована обширная статья «Русское и словенское аканье». В ней Шахматов доказывал, что среднерусское и словенское акания имеют разные происхождения. Работая над статьей, русский ученый пользовался, по его словам, работами лингвистов Ф. Метелко,

С. Шкрабца, И. А. Бодуэна де Куртенэ, М. Вальявца, К. Штрекеля, Я. Шейнига⁴⁹⁹.

В 1901—1902 гг. Шахматов вел переписку со Шкрабцем. Сохранилось три письма Шкрабца Шахматову. Первое, от 8 ноября 1901 г., было написано словенцем в ответ на просьбу русского ученого прислать ему все выпуски издания «Цветы из садов св. Франциска», в которых печатались его статьи. Шкрабец посылал Шахматову те выпуски, которые у него были, и взамен просил «Известия Отделения русского языка и словесности», присовокупив, что имеет только т. X, который был послан ему Ляпуновым. Шкрабец советовал русскому ученому, если ему будут непонятны какие-либо места в его трудах, обратиться за помощью к Бодуэну де Куртенэ, превосходно знающему словенский язык. «С огромной благодарностью подтверждаю,— сообщал Шкрабец во втором письме от 6 февраля 1902 г.,— что я принял благосклонно присланную мне Вашу книгу, а также и Ваше любезное письмо. Нас, бедных словенцев, по праву должно радовать, что выдающиеся русские ученые с таким интересом относятся к нашему языку, к нашей скромной литературе. Если нам суждено через некоторое время исчезнуть среди живых славянских народов, то нас тревожит только одно: чтобы мы не исчезли бесследно, чтобы нас в будущие столетия наши более жизнеспособные братья вспоминали бы только добром». Словенский ученый спрашивал Шахматова о возможности напечатать его статьи в России, в том числе статью об общеславянской стенографии. Последнюю, по мнению Шкрабца, было возможно использовать и для стенографии других европейских языков. В последнем письме без даты Шкрабец благодарил Шахматова за готовность опубликовать его статью в «Известиях ОРЯС» и обещал послать ее ему через два-три месяца⁵⁰⁰.

Кроме лингвистики, внимание русских ученых в начале XX в. привлекла и словенская этнография. В 1901 г. словенские земли посетил известный русский этнограф и археолог А. Н. Харузин (1864—1931). Результатом его поездки явились две этнографические статьи: «Крестьянин Австрийской Крайны и его постройки» и «Жилище словинца Верхней Крайны»⁵⁰¹.

В этих статьях Харузин кратко останавливался на истории словенцев, а также на характеристике современного положения словенских крестьян в Крайне. Автор подчеркивал, что помещичье землевладение там незначительно, а крестьяне владеют землей на правах полной собственности. Вместе с тем он обращал внимание на неравномерное распределение земли среди крестьян, на кризис в сельском хозяйстве, продолжающийся уже 50 лет и превративший Крайну из процветающей провинции в бедную. Главным бичом для крестьян Харузин считал их большую задолженность, вызывающую их разорение, а как следствие ее — их эмиграцию в чужие земли. Все же русский ученый выражал полную уверенность в лучшем будущем словенского крестьянина. «Слови-

нец Крайны,— писал он,— трудолюбив, трезв и находчив... Свободный и поэтому гордый крайнский словинец самолюбив и одинаково способен как к сельскому хозяйству, так и к промыслу и торговле, а равно к развитию умственному. Все эти качества словинца делают из него жизнеспособного человека, сумевшего не только отстоять свою народность и ее самобытные черты, но и сделаться хозяином своей страны, взяв в свои руки как материальные богатства, так и руководство духовного и политического развития». Конечно, до того, чтобы стать хозяином своей страны, словенскому крестьянину было еще далеко, но сама характеристика его Харузиным показывает глубокую симпатию последнего к словенцам, прежде всего к трудящимся слоям.

Далее Харузин описывал различные крестьянские постройки, которые для него являлись выражением творческих начал народа. В его исследовании подробно характеризовалась словенская деревня — способ ее застройки, важнейшие ее центры — церковь, трактир, лавка и др. Затем Харузин переходил непосредственно к крестьянским строениям. Он подробно останавливался на каждом типе жилого дома, описывал различные хозяйственные постройки. Сопоставив жилище более раннего и более позднего времени, Харузин пришел к выводу, что более древним типом дома является деревянный дом с каменным фундаментом и очагом. Этот дом сохранился в самых отдаленных районах, уступив место в оживленных местностях каменным постройкам. Кстати, последнее он не приветствовал, считая, что камень убивает архитектурные достоинства дома, лишает его национального стиля.

Статьи Харузина вызвали одобрение в словенских ученых кругах. Ф. Илешич написал о них рецензию, в которой отметил, что русский ученый исследовал то, чему сами словенцы не уделяют внимания. Рецензент подчеркнул, что словенское крестьянское жилище точно и хорошо описано Харузиным. «Мы словенцы,— заключал Илешич,— должны быть благодарны Харузину за описание нашего дома, показ его в рисунках всему миру»⁵⁰².

В том же 1902 г. Харузин опубликовал две статьи в «Русском вестнике» о своих общих впечатлениях от Крайны: ее природе, политическом положении. В первой из них — «Крайнский кряж и его чудесные явления» Харузин давал описание области Крас и карстовых явлений, наблюдающихся там. Особенно подробно он останавливался на Постоянской пещере и Циркницком озере⁵⁰³.

Вторая статья «Национальная эволюция словинцев» касалась современного положения словенских земель. Харузин с искренней симпатией писал о тяжелой истории словенцев, рассказывал о современном положении крестьян. Он видел в господстве немецкого капитала в словенской промышленности опасность для национального развития словенцев. Отметив, что германизация словенских земель усилилась с конца XVIII в., Харузин указал, что только

во второй половине XIX в. словенцы вступили в открытую борьбу с ней. За последние 50 лет, по его мнению, эта борьба увенчалась блестящим успехом: полностью словенизированы начальные школы, словенский язык активно вводят в средние школы, администрацию и суд. «В Крайне,— делал вывод Харузин,— строго говоря, уже нет словенско-немецкой борьбы», но она пока еще существует в Штирии и Каринтии. Харузин полагал, что в районе Триеста и в Приморье также приостановлена романизация словенского населения. Включаясь в спор между словенцами о месте будущего словенского университета, Харузин отдавал предпочтение Триесту перед Люблянкой. В Триесте, подчеркивал он, столичная жизнь и студенты не будут замкнуты в сферу провинциальных интересов, как в Любляне.

Подробно останавливался Харузин на различных словенских обществах, ставя на первое место среди них общество св. Мохора, ибо оно объединяло наибольшее число членов — 76 тыс. человек. И только на второе место ставил он Словенскую матицу, которая, по его мнению, являлась по преимуществу обществом образованных слоев населения. Упомянул Харузин читальни, Сокол, Драматическое общество, Музыкальную матицу, кружки по изучению русского языка. Он сетовал на раскол в среде словенских национальных деятелей, считал, что он пагубно отражается на «национальном саморазвитии»⁵⁰⁴.

Последней статьей Харузина остались недовольны словенские либералы. А. Ашкерц подчеркивал, что своей статьей автор «выполняет благородный культурный труд и действительно распространяет славянскую взаимность», что он «добросердечный друг» словенцев. Все же Ашкерц упрекнул Харузина, что из-за неверной информации он смотрит слишком оптимистично на положение словенского языка; не по заслугам расхваливает деятельность общества св. Мохора; неправильно выступает за создание словенского университета в Триесте, а не в Любляне⁵⁰⁵.

В письме к Д. Н. Вергуну, одному из переводчиков его стихов на русский язык, Ашкерц высказывался более резко: «Харузину показали какие-то потемкинские деревни,— с горечью писал он.— Школы средние в старших классах полностью немецкие, люблянская учительская школа — немецкая! А Харузину сказали, что слов[енский] язык в Крайне употребляется абсолютно повсюду!»⁵⁰⁶ Год спустя Ашкерц в целом оценил статьи Харузина положительно, подчеркнув, что они положили начало ознакомлению русских со словенцами⁵⁰⁷.

Г. А. Ильинский, выдающийся русский филолог и археолог, в январе—феврале 1903 г. побывал в Любляне. Он активно общался там со словенскими учеными, общественными деятелями, 5 февраля он прочитал в Русском кружке лекцию о Гоголе, об его отношении к другим русским писателям, особенно к пушкинскому кругу и романтикам⁵⁰⁸. Но основной целью посещения Ильинским

Любляны было изучение кирилловских рукописей в Лицейской библиотеке. Результатом работы ученого явилась статья «Рукописи Копитара в Люблянской лицейской библиотеке»⁵⁰⁹. В ней Ильинский давал описание кирилловских рукописей, находившихся в собрании Копитара. За рамками статьи остались только две из них: Супрасльская рукопись, изданная Миклошичем, и Дамаскин XVII в., уже описанный Ламанским.

Статья Ильинского получила благожелательный отклик в русских научных кругах. «Описание рукописей,— отмечал Т. Д. Флоринский,— несмотря на свою сжатость и краткость, отвечает запросам современной науки. Оно содержит сведения как о палеографических особенностях памятника, так и об его языке, отмечает содержание рукописей и находящиеся в них важнейшие записи». Флоринский указал и на некоторые недочеты работы Ильинского. Так, он считал, что Ильинский должен был сделать описание всех кирилловских рукописей Копитара, не исключая Супрасльскую рукопись и Дамаскина. Кроме того, Флоринский выразил сожаление, что ученый «совсем оставил без внимания глаголические рукописи»⁵¹⁰.

Спустя несколько лет Ильинский опубликовал статью, посвященную одной из наиболее замечательных рукописей в собрании Копитара — Триоди XIII в., являющейся уникальной среди среднеболгарских текстов⁵¹¹.

Словенские сюжеты привлекали Ильинского еще до его поездки в Люблян. Он опубликовал, в частности, обзоры о «Летописи Матицы словенской» за 1897 и 1898 гг. В первом из них Ильинский особо отмечал, как отличавшуюся наибольшей научной ценностью, статью Ф. Коса «Заметки о нашем отечестве до прихода словенцев». Понравился Ильинскому и очерк И. Врховца «Французская народная школа в Крайне», написанный на архивном материале и правдиво показавший тяжкое положение словенской школы, несмотря на реформы французских властей в Иллирийских провинциях. В исследовании Мурко о Яне Колларе Ильинский видел повторение его предшествующих работ. Рецензент указывал на преувеличение автором воздействия немецкого романтизма на чешское возрождение, недооценку им внутренних условий австрийской действительности⁵¹². В обзоре «Летописи» за 1898 г. Ильинский останавливался прежде всего на двух статьях: Видица (сравнение, переводов Катехизиса Трубара на словенский язык и Далматина — на хорватский) и Л. Пинтара (по лексикографии полянского наречия словенского языка)⁵¹³.

Большое внимание русской научной общественности привлекала деятельность крупнейших словенских ученых и писателей XIX — начала XX вв. Среди них особый интерес вызывал Ф. Миклошич, признанный ведущий славист второй половины XIX в. Уже первые его шаги были, как указывалось выше, отмечены русскими учеными, прежде всего И. И. Срезневским.

В начале 70-х годов в «Филологических записках» была помещена статья о Миклошиче, представлявшая собою перевод с чешского, сделанный Задерацким. Она и помещена была в рубрике, под заголовком «Деятели нового периода чешской литературы»⁵¹⁴. В ней перечислялись заслуги Миклошича в развитии славистики, он сравнивался с известными немецкими филологами Гриммом и Боппом.

Труды Миклошича довольно регулярно рецензировались на страницах русских научных изданий. Живой отклик встретил в России «Этимологический словарь славянских языков» Миклошича. Вышедшая в «Русском филологическом вестнике» рецензия на него подчеркивала: «...каковы бы ни были его недостатки, нельзя отрицать, что он — явление весьма и весьма полезное и приятное»⁵¹⁵. Более развернутый отзыв на «Этимологический словарь» написал Р. Ф. Брандт. Отметив, что он, «как и прежние произведения Нестора современных славистов, есть труд весьма основательный и ценный, который сделается настольною книгою всякого языковеда», Брандт указал и на ряд его недостатков. Одним из главных недостатков книги Миклошича он считал «прием совершенно глухих ссылок, или лучше сказать, намеков на чужие мнения», т. е. отсутствие полнокровной полемики на ее страницах. Кроме того, Брандт находил ошибочным толкование ряда слов Миклошичем⁵¹⁶.

Несколько другого рода была рецензия В. И. Ламанского на словарь Миклошича. Указав, что о таком словаре мечтали еще Шлейхер и Срезневский, Ламанский отмечал, что словарь был заказан знаменитому слависту русским вельможей принцем П. Г. Ольденбургским. Ламанский сожалел, что при этом не было учтено живое знание русского языка Миклошичем. В частности, в русской части словаря многие толкования слов даны неверно, совсем не представлены идиомы. Ламанский признавал значение словаря как пособия для славян при чтении русских книг, но отрицал его научное значение: «Словарь же этот не имеет строго научного характера и не представляет интереса для ученых»⁵¹⁷.

Любопытно, что ученик Ягича словенский славист М. Мурко, отметив в своей рецензии на словарь Миклошича его недостатки, все же назвал критику Ламанского тенденциозной. В отличие от Ламанского, считавшего словарь предназначенным для славян, Мурко полагал, что он написан прежде всего для русских⁵¹⁸. Однако, спустя много лет, в своих воспоминаниях Мурко должен был волей-неволей согласиться с главным замечанием Ламанского, подтвердив, что словарь Миклошича не имел научного значения⁵¹⁹.

Положительный отзыв получила в России брошюра Миклошича «Изобразительные средства славянского эпоса», вышедшая на немецком языке в Вене в 1890 г. и на русском языке в 1895 г. в Москве. Рецензия «Русского филологического вестника» на нее была сдержанной. В ней кратко давалось содержание книги, указывалось на обилие материалов, использованных Миклошичем,

но наряду с этим выражалось неудовольствие отсутствием исследования причин разницы в стиле эпосов⁵²⁰. В воронежских «Филологических записках» рецензия А. И. Степовича отличалась меньшей квалифицированностью и значительно большей восторженностью. По его мнению, книга Миклошича характеризовалась не только богатством материала, но и глубиной теоретических положений. Он считал, что она принесет большую пользу русским филологам «не только по богатству своего содержания, обильного фактическим материалом, но и по самому методу изложения»⁵²¹.

Кроме брошюры Миклошича «Изобразительные средства славянского эпоса», на русском языке была издана в 1884 г. в Москве его «Сравнительная морфология славянских языков», перевод которой сделал Н. В. Шляков под редакцией Брандта. Этот перевод был замечателен тем, что редактор полемизировал в нем с Миклошичем по ряду чисто филологических вопросов.

Более критическое отношение со стороны русских ученых вызвал способ издания Миклошичем старославянских памятников. В 1876 г. А. А. Котляревский отмечал, что Миклошич выступает против русского принципа издания памятников, т. е. публикации их в таком виде, как они есть, с сокращениями и трудно читаемыми фразами и словами. Котляревский, возражая Миклошичу, указывал на необходимость издавать памятники «буква в букву, знак в знак», иначе, по его мнению, публикацию нельзя называть научной. Вместе с тем Котляревский признавал полезность изданий с пояснениями издателя, облегчающими их чтение⁵²². Еще в 1856 г. русский палеограф и археограф А. Ф. Бычков заметил ряд ошибок в издании Супрасльской рукописи Миклошича⁵²³. Спустя 30 лет Флоринский вновь указал на неточность этого издания⁵²⁴.

Русская общественность отметила сорокалетний юбилей научной деятельности Ф. Миклошича. В 1884 г. вышел перевод на русский язык его монументального труда «Сравнительная морфология славянских языков». В предисловии к нему Р. Брандт выражал желание, чтобы этот перевод стал лишним листком в лавровом венке почтенного юбиляра⁵²⁵. Т. Д. Флоринский опубликовал о Миклошиче статью. Указав, что он является учеником Е. Копитара, Флоринский подчеркнул, что Миклошич превзошел своего учителя. «Он не только много потрудился, — писал русский ученый, — для уяснения судеб старославянского языка, но и с большою тщательностью и глубиной изучил все славянские языки, положив в своих сочинениях прочное основание сравнительной славянской грамматике. В лице Миклошича славянская филология обладает лингвистом всесторонним, глубоким, каким, например, для германской филологии был Яков Грим, а для романской — Диц. Сверх того у Миклошича чисто лингвистические занятия соединяются с историческими и литературными. Кроме целого ряда статей и замечаний, относящихся к этой области, ему принадлежит заслуга издания многих ценных памятников языка, истории и литературы»⁵²⁶.

Московский и Харьковский университеты избрали Миклошича своим почетным членом. Академия наук послала ему адрес, русский император наградил орденом Станислава II степени со звездой. На страницах русской прессы публиковались известия о праздновании юбилея Миклошича в Вене ⁵²⁷.

В 1884 г. Миклошич был избран почетным членом Новороссийского университета (Одесса). Представление Миклошича в Новороссийском университете делал профессор А. А. Кочубинский, славист и историк славистики. Он подчеркнул у Миклошича «сочетание теоретической части славяноведения с новой, еще только формировавшейся наукой сравнительного языкознания». «Мы же, слависты... — отмечал Кочубинский далее, — подменить сможем тот или другой камешек, перекрасить ту или другую часть в здании, воздвигнутом трудами Миклошича, но не расшатать его: оно выведено не на песке свободных измышлений, а на твердом грунте глубокого и многообъемлющего знания» ⁵²⁸.

Миклошич был избран почетным членом всех русских университетов.

Смерть Миклошича вызвала отклик в научных кругах России, высоко ценивших деятельность замечательного словенского ученого. В некрологе Миклошичу В. И. Ламанский называл его одной из лучших слав Академии наук в Вене, одним из крупных филологов XIX в. Подчеркивая трезвый и положительный ум Миклошича, его твердость и настойчивость в исполнении задуманного, Ламанский отмечал, что он оставил труды, «хотя лишённые творческой мысли, глубины и особенного ясновидения, все ж таки поистине монументальные, отмеченные чрезвычайною силою». Наряду с научными заслугами Миклошича Ламанский указывал на его высокие человеческие качества: доброжелательность, прямоту, благородство ⁵²⁹. С высокой похвалой о деятельности Миклошича отзывался «Русский филологический вестник»: «Он был почти исключительно лингвист, но зато славянское языковедение было разрабатываемо им так широко, как никем другим» ⁵³⁰.

Наиболее полную характеристику Миклошичу дал Т. Д. Флоринский, отмечавший, что он занимает в истории славянской филологии почетное место наряду с Добровским, Востоковым, Копитаром, Шафариком, Срезневским, Григоровичем. «Подобно Копитару, — писал Флоринский, — Миклошич обладал сильным критическим умом, широким образованием, богатством и разнообразием познаний, выдающимся трудолюбием и необыкновенною настойчивостью в исполнении раз намеченных научных планов и предприятий». Флоринский прежде всего подчеркивал заслуги словенского ученого в области славянской лингвистики, куда он внес «строгие научные методы, выработанные наукой о языке на Западе». Вместе с тем Флоринский указывал на исследования Миклошича по истории, этнографии и фольклору славян, которые, по его мнению, не уступали по своим научным достоинствам его языковедческим

работам. «Имя Миклошича,— заключал Флоринский,— будет написано золотыми буквами в истории славистики... Для нас, русских, имя это надолго останется дорогим, как имя великого ученого славянина, который не только много потрудился для изучения всего славянского мира, но, в частности, в своих многочисленных сочинениях отвел немало места русскому слову... был тесно связан с русской наукой и близко принимал к сердцу ее успехи»⁵³¹.

Другие видные словенские филологи второй половины XIX в. также были известны русской научной общественности. Все они вышли из школы Миклошича, многие из них проявляли интерес к России и русской славистике.

Одним из учеников Миклошича старшего поколения являлся Грегор Крек, сначала доцент, а в 1874—1902 гг. профессор славянской филологии Грацкого университета. Он находился под значительным влиянием романтической филологической школы. В 1874 г. Крек издал главную свою работу «Введение в историю славянских литератур», которую затем переиздал в 1887 г., значительно расширив в новом издании материал исследования и дополнив библиографию. Книга Крека уже в первом издании вызвала отклик в научных кругах России. Прежде всего часть ее была опубликована в «Славянском ежегоднике», изданном в Киеве⁵³². Эта публикация не удовлетворила Крека. «Перевод меня не удовлетворил,— писал Крек А. А. Потебне 27 декабря 1876 г.,— некоторые вещи г. Задерацкий понял плохо, другие — повернул по-другому; многое выпустил из того, что я считал очень важным — вообще я должен сказать, что этот перевод меня не удовлетворил»⁵³³.

В воронежских «Филологических записках» появилась рецензия на книгу Крека с пересказом ее основных положений. Рецензия в целом носила благожелательный характер. «Автор написал свое „Введение...“ на основании исследований новейших ученых, и это делает его книгу в известной степени сводом данных науки славянской филологии,— писал рецензент...— труд его можно пожалуй рекомендовать и как справочную книгу, особенно для начинающих. Все это делает сочинение Крека весьма интересным и очень полезным трудом». Вместе с тем рецензент указывал на наличие некоторых фантастических элементов в книге Крека, обусловленных, по его мнению, «желанием автора защитить славянскую расу от тех нападков, которые существуют на нее на Западе»⁵³⁴.

Второе издание труда Крека получило отзыв А. С. Будиловича на страницах «Русского филологического вестника» в Варшаве. Будилович подчеркивал, что второе издание по сравнению с первым значительно переработано и дополнено, так что многие разделы книги только теперь получили научную постановку и освещение. Особую ценность книга Крека, по мнению Будиловича, представляла для специалистов и студентов главным образом благодаря хорошей библиографии и метким критическим замечаниям. «Сочувствия автора обыкновенно склоняются,— писал Будилович,— ко

взглядам старым, проверенным временем и утверждающимся на авторитете основателей общего языковедения и славянских древностей». Это Будилович назвал здоровым консерватизмом, заметив, однако, что он у Крека все-таки чрезмерен, поскольку тот признает и теорию норманизма в древнерусской истории и теорию паннонского происхождения старославянского языка, опровергнутые уже новейшими научными открытиями. Особой похвалы рецензента удостоился библиографический аппарат труда Крека, составлявший, по его мнению, «самую блестящую его сторону»⁵³⁵. Следует указать, что Ягич был приблизительно такого же мнения о работе Крека, считая ее компилятивной, но дающей богатую библиографию⁵³⁶.

По-видимому, именно монография Крека «Введение в историю славянской литературы» послужила причиной его избрания 27 декабря 1887 г. действительным членом Российской Академии наук⁵³⁷.

Отмечались русской научной литературой и некоторые другие труды Крека, в частности — его публикация старословенской рукописи XV в. в журнале «Крес», на которую дал отзыв К. Аппель⁵³⁸. В «Русском филологическом вестнике» в рецензии, посвященной журналу «Крес», особо отмечался раздел «Razne malenkosti», который вел Крек. «Вообще заметим,— писал рецензент,— что „malenkosti“ проф. Крека, каждая сама по себе, составляют интересный этюд из славянской филологии»⁵³⁹. Внимание русских этнографов привлекла небольшая статья Крека «К истории русской свадьбы», в которой он на основании данных летописей пытался установить основные формы брака у русского населения. В статье велась полемика с С. М. Соловьевым, который отрицал возможность существования у русских договорной формы брака⁵⁴⁰.

Грегор Крек проявлял интерес к России и русской славистике, имел связи с рядом русских ученых и общественных деятелей. С Раевским он начал переписку с 1869 г., получал от него русские книги, рекомендовал ему своих студентов для Славянского учительского института в Петербурге. В течение нескольких лет Крек переписывался с А. А. Потебней, обменивался с ним трудами. Когда Крек узнал о выходе перевода отрывков своей книги в Киеве и о появлении рецензии на нее в «Филологических записках», он обратился к Потебне с просьбой прислать их ему. Эту просьбу Потебня выполнил. Обширную и долговременную переписку имел Крек с Бодуэном де Куртенэ. По-видимому, вел переписку он и с А. С. Будиловичем, от которого получал книги и которого в письме к Потебне называл своим другом и товарищем⁵⁴¹.

Сохранилось несколько писем Г. Крека к В. И. Ламанскому. В одном из них от 2 апреля 1887 г. Крек сообщал своему адресату о посылке ему второго издания «Введения в историю славянской литературы», а также просил ему послать даром или по низкой цене все вышедшие тома «Записок русского географического общества по отделению этнографии». Вообще Крек интересовался русскими

исследованиями по этнографии: он регулярно подписывался на журнал «Живая старина», по крайней мере в первые пять лет его существования⁵⁴².

В 1890 г. Крек обменялся письмами с А. Н. Пыпиным. Последнему Академия наук поручила издать письма А. А. Котляревского. Найдя в его архиве несколько писем Крека, Пыпин решил обратиться к словенскому ученому с просьбой сообщить ему, когда и как началось его знакомство с Котляревским, а также переслать ему на время для прочтения имеющиеся у него письма русского ученого⁵⁴³. 24 ноября 1890 г. Крек ответил Пыпину, что, к сожалению, писем Котляревского у него нет, что лично он не был знаком с ним. В 1873 г. русский ученый передал ему свою книгу «О погребальных обычаях языческих славян». Котляревский и позднее посылал Креку некоторые свои небольшие сочинения. В конце письма Крек благодарил за присланную Пыпиным книгу по истории русской литературы⁵⁴⁴.

Знаком был Крек и с М. Хостником. Хостник писал, что виделся с ним в 1894 г. в Граце, когда в последний раз посетил Австрийскую монархию. Тогда у них состоялся разговор об Облаке, которого Крек очень хвалил⁵⁴⁵.

Крек являлся сотрудником «Русского филологического вестника» чуть ли ни с самого его основания, ибо уже в № 3 редакция журнала информировала об этом своих читателей⁵⁴⁶. Но, по-видимому, в «Русском филологическом вестнике» была помещена только одна его работа под названием «Славянские библиографические заметки»⁵⁴⁷. Она носила чисто библиографический характер. Хотя статья и не была подписана Креком, некоторые моменты дают возможность полагать, что ее автор был именно он. Во-первых, несмотря на название «Славянские библиографические заметки», работа касалась в основном словенской литературы — журнала «Крес» (Целовец — Клагенфурт), книги М. Мацуна «История литературы в Штирии», «Лексикона» («Езичника») Иосифа Марна, труда чеха Иозефа Коубле о Станко Вразе. Подробное описание статей, помещенных в «Кресе», свидетельствовало о том, что автор «Славянских библиографических заметок» был его постоянным читателем. Выше-сказанное делает весьма вероятным предположение о том, что он был словенцем. Во-вторых, если предположение о том, что автор «Заметок» — словенец, правильно, то, по наибольшей вероятности, им мог быть Грегор Крек, поскольку он являлся единственным словенским корреспондентом «Русского филологического вестника». Это предположение подтверждает и тот факт, что автор «Славянских библиографических заметок» всячески рекламировал «Крес», подчеркивая, что он «довольно полно знакомит читателя-несловенца со словенцами». Это тем более знаменательно, что Крек был сотрудником «Креса» и, следовательно, лицом весьма заинтересованным в его распространении.

«Славянские библиографические заметки» имели сугубо информативный характер. В них давалось подробное перечисление

наиболее значительных художественных и научных произведений, помещенных в «Кресе» с начала его выхода (т. е. с января 1881 г.). При этом автор особо обращал внимание на историко-этнографические статьи Майцигера, Трстеняка, фольклорные публикации М. Вальявца, работы по истории словенской литературы Фекони, Жваба, Шейнига, Безеншека, Напотника и т. д. Остальные заметки о словенских книгах были очень невелики и всячески подчеркивали оживление культурной и литературной деятельности словенцев.

Смерть Крека вызвала отклик в русских научных кругах. Молодой славист В. А. Францев указывал, что монография Крека известна каждому слависту. В числе заслуг покойного Францев отмечал постановку им в Грацком университете преподавания славянской филологии на должную высоту⁵⁴⁸.

В некрологе Г. Креку, помещенном в «Известиях С.-Петербургского славянского благотворительного общества», говорилось о нем, как об известном словенском ученом и писателе, приобретшем известность своим трудом «Введение в историю славянской литературы»⁵⁴⁹.

Горячий интерес к России и русской науке проявлял Ватрослав Облак. Еще гимназистом в 1882 г. он написал письмо М. Ф. Раевскому, в котором просил о предоставлении ему стипендии для завершения среднего образования и обучения в русском университете с тем, чтобы потом остаться в России⁵⁵⁰. Это письмо было связано с исключением Облака из Цельской гимназии за организацию им пения учениками австрийского гимна на словенском языке. Письмо не имело последствий, и аттестат зрелости Облак получил в Загребе. Еще до окончания гимназии Облак завязал сношения с Бодуэном де Куртенэ, о которых уже упоминалось выше.

Поступив в Венский университет, Облак проявил незаурядные способности к филологии и стал ближайшим учеником профессора Венского университета В. Ягича. Ягич высоко оценивал возможности своего ученика, указывая впоследствии, что он «принадлежал бесспорно к самым даровитым представителям славянской филологии из младшего поколения славистов»⁵⁵¹. С Ягичем Облака связывали самые близкие личные отношения. «Ягич справедливо называл его любимейшим своим учеником,— писал Ляпунов,— действительно, трудно себе представить большую гармонию между учителем и учеником по самым основным вопросам славянской филологии».

Первой работой, доставившей Облаку известность, была его рецензия на книгу К. Штрекеля. Он послал ее для опубликования Бодуэну де Куртенэ, а тот вместе со своей рецензией на ту же книгу направил ее Ягичу. Обе рецензии вышли одновременно в «*Archiv für slawische Philologie*» (т. X).

Успешно работая под руководством Ягича, Облак в это время не оставлял надежды побывать в России, познакомиться с русскими учеными, поработать в богатых книгохранилищах Москвы⁵⁵².

Однако, опасаясь, что слабое здоровье Облака не выдержит сурового русского климата, Ягич отговорил его от поездки в Россию, направил его в более южные края: сначала в экспедицию в Македонию, затем устроил его на место приват-доцента в Грацком университете у профессора Крека. Но интерес к России у молодого словенского ученого не угас. «Между прочим, я надеюсь в течение года иметь честь познакомиться с Вами, если мне удастся поехать в Россию,— писал он 15/28 августа 1890 г. молодому русскому ученому В. Н. Щепкину,— что в известной степени зависит от моего непрерывного нездоровья. Еще не знаю, будет ли мое посещение связано с Петербургом или Москвой, это зависит — над какими вопросами филологии и рукописями я буду там работать. Мурко часто рассказывал мне, что у молодых московских славистов научная жизнь более оживлена и привлекательна, чем в Петербурге, и поэтому меня влечет больше туда. Ягич всегда хвалит мне своих русских студентов как образцы большого прилежания». Спустя месяц Облак вновь делился своими мечтами о посещении Москвы. «Также и меня самого больше влечет в Москву, чем в С[анкт] П[етербург], — замечал он Щепкину. — И не только потому, что найду в Москве целый круг молодых славистов и там мне представится больше возможности беседовать о разных научных вопросах, но и потому, что тамошние профессора мне более нравятся. Кроме Фортунатова, Тихонравова и Брандта, многому можно было бы научиться от старика Буслаева (думаю, что он не преподает). Хотя я слышал, что Буслаев теперь заброшен, что мало кто о нем заботится и что он теперь одинок, но это меня не пугает»⁵⁵³.

Облаку так и не удалось осуществить своей мечты и посетить Москву и Россию. Однако он вел оживленную переписку с рядом русских ученых. Кроме Бодуэна де Куртенэ и Щепкина, он активно переписывался с харьковским ученым Б. М. Ляпуновым: посылал ему новейшие работы, делился научными выводами, к которым приходил в результате своих исследований. Ляпунов свидетельствовал, что в письмах Облак проявлял большой интерес к работам А. А. Шахматова, особенно к его труду «Исследования в области русской фонетики», ко всей русской филологической школе Ф. Ф. Фортунатова и А. А. Шахматова; что с глубоким уважением он относился к А. А. Потебне⁵⁵⁴. Последнему он еще в юности написал письмо, прося книг по фонетике славянских языков с учетом и литовского⁵⁵⁵. Переписка с В. Н. Щепкиным, известным русским славистом-филологом, палеографом и историком, подтверждает свидетельство Ляпунова. В письмах к Щепкину Облак серьезно интересовался деятельностью таких русских ученых, как Шахматов, Брандт, Соболевский, Фортунатов. Особые симпатии вызывал у него Шахматов. «Больше года тому назад, — писал он 15/28 августа 1890 г. Щепкину, — он [Ягич. — И. Ч.] сообщил мне, что, вероятно, Шахматов во время своей научной поездки приедет в Вену. Не могу сказать, как я этому чисто по-детски радовался». Шах-

матов в то время так и не приехал в Вену, но Облак и впредь старался что-либо узнать о нем у Щепкина. Его радовали успехи русского ученого, с особым нетерпением он ожидал публикации его древнерусской грамматики, мечтал, что Шахматов со временем напишет историческую русскую грамматику. Интересовали Облака и «Лекции по фонетике старославянского языка» Фортунатова, или, как он их называл, «старославянская грамматика». «Очень жду этой книги,— писал он 26 декабря 1890 г. Щепкину,— т. к. знаю, что по многим вопросам славянской фонетики проф. Фортунатов имеет свое особое мнение». Лекции Фортунатова печатались отдельными выпусками в 1888—1893 гг. в Москве, но полностью они были опубликованы только после революции. Очень волновали Облака публикации русских источников, он все спрашивал Щепкина об издании Брандтом Григоровичева Парамейника, о возможности издания Новгородской летописи, об издании сборника Успенского собора XII в. и т. д.⁵⁵⁶

Последнее письмо Щепкину было написано Облаком из Целье 12 мая 1893 г. В нем он сообщал о своем путешествии по Македонии, а также о поездке на далматинские острова Хвар и Крку, где он думал найти глаголические грамоты⁵⁵⁷.

Был знаком В. Облак и со М. Н. Сперанским, с которым встречался в Абации у Ягича. Знакомство это, по-видимому, было очень близким, ибо в единственно сохранившемся письме Облака Сперанскому от 26 декабря 1892 г. он называет русского слависта «дорогой друг!» В письме Облак спрашивал Сперанского о среднеболгарской рукописи, которую тот обещал ему на время послать в Вену, а также просил узнать о работе Лаврова над исследованием о болгарском языке⁵⁵⁸.

Облак умер рано, но за свою короткую жизнь успел сделать ряд замечательных исследований. Он провел большую работу по изучению македонских диалектов, исходив пешком всю Македонию при самом неблагоприятном отношении турецких властей к его занятиям. В Македонии Облак получил действительную помощь со стороны русского консула И. С. Ястребова. «Ястребов мне говорил,— писал Облак Ягичу из Солуни 12 декабря 1891 г.,— что он мне не советует в некоторых областях, граничащих с албанцами и частично населенных ими, делать письменные заметки». Ястребов же рекомендовал ему идти в Афон только после Пасхи⁵⁵⁹.

Монография Облака о македонских диалектах была опубликована уже после его смерти. Она вызвала восторженный отклик русских ученых. «Прекрасный талант и строгая научная мысль, которыми была отмечена его ученая деятельность,— писал об Облаке Щепкин,— имели в указанной области самое плодотворное влияние». По мнению русского ученого, труд Облака по диалектам Македонии должен стать своеобразным мериллом для оценки последующих изданий диалектических текстов. «К этим тщательным, живым и беспристрастным наблюдениям слависты будут обра-

щаться с самыми различными вопросами языка», — заключал Щепкин⁵⁶⁰.

Много и плодотворно работал Облак по исследованию различных диалектов словенского языка, особенно каринтийских диалектов. Об этом у него в 1890 г. вышла обширная монография «К истории именных склонений в словенском языке». По словам Ляпунова, она давала больше, чем обещало название⁵⁶¹. Благоприятный отклик книга Облака получила и в «Русском филологическом вестнике»: «Автор ... дает тщательно собранный материал для знакомства со словинским склонением по печатным книгам XVI в. (Трубара, Богорича, Далматина) и по современным говорам, — писал рецензент, — постоянно сравнивая словинские данные с данными иных слав[янских] языков, старых и новых, и объясняя отношение этих данных к формам ц[ерковно]славянским. Труд выполнен автором вполне добросовестно и объяснения его в большинстве случаев, кажется, достаточно основательны». Однако в рецензии отмечалось, что автор допускает ряд неудачных объяснений, поскольку за исходный момент взял постулат, что все словенские формы именного склонения «должны восходить непременно к тем или другим ц[ерковно]слав[янским] формам»⁵⁶². Таким образом, Облака критиковали прежде всего за приверженность к паннонской теории, которая чувствовалась в этой его работе. Вызвали отклик русских ученых и отдельные статьи Облака⁵⁶³.

Глубоко изучил Облак и болгарский язык. Он опубликовал обширную рецензию на две книги А. Калины «Исследования по истории болгарского языка», вышедшие в 1891 г. в Кракове. Рецензия эта вызвала восторженный отклик Т. Д. Флоринского. Он писал, что ее автор «справедливо может считаться одним из лучших ученых знатоков болгарского языка». Облак настолько глубоко, по мнению Флоринского, разобрал труд А. Калины, привлекая материалы собственных разысканий, что его рецензия «превратилась в самостоятельное изложение некоторых отделов болгарской грамматики. Обработка этих отделов отличается такую глубиной и обстоятельностью, что при ближайшем ознакомлении с ними невольно подсказывается желание, чтобы почтенный автор не ограничился несколькими главами, а подарил науке полную историческую грамматику болгарского языка, такой труд ему по силам более чем кому-либо другому из славистов». Флоринский также хвалил статью Облака «Дополнения к болгарской грамматике», пожелав автору «успешного выполнения предпринятого им труда, который должен пролить много света на темную историю болгарского языка и несомненно проложит путь к правильному решению мудреного вопроса о происхождении старославянского языка»⁵⁶⁴.

Много времени уделил Облак изучению различных сербохорватских диалектов. Такое широкое и полное исследование южнославянских языков и диалектов привело Облака к убеждению, что существует постепенный переход одного южнославянского языка

к другому через окраинные диалекты. В силу этого Облак заключил, что сербохорватский язык значительно ближе по своему строю и лексике к словенскому, чем болгарский. Этим выводом Облак наносил удар паннонской теории, краеугольным камнем которой было утверждение особой близости словенского и болгарского языков, якобы происходящей от того, что болгары и словенцы составляли некогда, до вторжения сербских и хорватских племен на Балканы, единый народ. В письме к Щепкину от 17 декабря 1890 г. Облак писал, что он давно уже отказался от паннонской теории и может кое-что привести против нее⁵⁶⁵.

Облак внимательно следил за русской филологической литературой, откликался на новые русские книги в «Archiv für slawische Philologie». Он написал рецензию на ряд трудов А. И. Соболевского, на лекцию Б. М. Ляпунова «Краткий обзор главных явлений словенской (хорут) литературы», на монографию Т. Д. Флоринского «Лекции по славянской филологии» и т. д.

Безвременная смерть талантливого словенского ученого вызвала искреннее сожаление его русских коллег. «Наука славянской филологии понесла значительную утрату в лице скончавшегося молодого выдающегося слависта д-ра Ватрослава Облака», — писал Ляпунов⁵⁶⁶.

Теплый некролог об Облаке написал Т. Д. Флоринский. «В лице покойного, — отмечал он, — славянская наука лишилась одного из своих наиболее даровитых, энергичных, широкообразованных деятелей. Труды Облака, посвященные ... старославянскому, словенскому и болгарскому языкам, представляют собой крупные явления в современной разработке славянской филологии. А сколько новых ценных работ и научных открытий можно было ждать от такого огромного дарования, от такого сильного критического ума!»⁵⁶⁷.

Большую симпатию у русских ученых вызвала деятельность Карла Штрекеля, профессора Грацкого университета, по изданию «Славянских народных песен». Штрекель предполагал сначала издать один том. Но уже в предисловии к 1-му тому он говорил о шести томах. Всего за 1895—1923 гг. вышло 4 тома, последний — после смерти Штрекеля.

Уже первый том вызвал отклик со стороны русских ученых. Т. Д. Флоринский считал издание Штрекеля весьма важным, ибо в него вошли все народные словенские песни, взятые им не только из известных публикаций Корытко, Кастелица, Вразы, Маяра, Янежича и др., но и из различного рода рукописных собраний. Флоринский был полностью согласен с большинством научных принципов, которыми руководствовался словенский ученый, а именно: представить словенские народные песни возможно полнее; воспроизводить песни в том виде, в каком они находятся в источнике; печатать в первую очередь более старые и исправные редакции, отмечая позднейшие прибавления и подновления; все варианты песен приводить точно, указывая место записи и источник, из которого

она попала в сборник; где возможно, приложить напевы. «Едва ли можно что-либо возразить против правильности метода, принятого г. Штрекелем,— заключал Флоринский.— Несомненно, что в его труде наука получит до известной степени критическое издание словинских народных песен. Нужно только пожелать, чтобы оно возможно скорее было доведено до конца»⁵⁶⁸.

2-й том «Словенских народных песен», вышедший в Любляне в 1903 г., тоже был отрецензирован Флоринским. Указав, что Штрекель «поставил перед собою задачу осуществить при содействии словенской Матицы полное и критическое издание народных песен словинцев», Флоринский добавлял: «...и задача эта выполняется блестяще». Рецензент отмечал полноту собранного материала, строгую научность аппарата. «Тексты песен печатаются с возможной точностью, с соблюдением всех диалектических особенностей,— подчеркивал Флоринский.— Такой научный метод, требующий массы кропотливой работы, еще не применялся при издании народных песен ни у одного славянского народа». Далее русский ученый выражал пожелание, «чтобы проф. Штрекелю удалось возможно скорее довести до конца издание его замечательного сборника. Только тогда станет возможным научное исследование словинских народных песен»⁵⁶⁹.

В том же духе писал о 2-м томе «Словенских народных песен» и Н. М. Петровский. В своем обзоре он выделял его из всех прочих изданий Матицы словенской. «От души желаем,— подчеркивал Н. М. Петровский,— этой прекрасной книге скорейшего окончания, независимого от таких суждений, какие г. Штрекелю иногда приходится выслушивать от своих соотечественников, например, будто некоторые из печатаемых им песен оскорбляют нравственное и эстетическое чувство читателей, или, что изобилие вариантов произвольно повышает цену книги»⁵⁷⁰.

Пожелания Петровского не были случайными. Уже в 1902 г. в «Летописи Матицы словенской» высказывались мнения, приведенные в рецензии русского ученого. А весной 1903 г. даже встал вопрос об отказе от публикации «Словенских народных песен». Об этом 5 апреля 1903 г. М. Мурко писал А. А. Шахматову: «Невероятно, но факт, что я уже второй раз побежал * в Люблянну защищать Штрекелевы Слов[енские] нар[одные] песни,— сообщал он.— Хотя в прошлом году в полном собрании Matic-ы Slovensk-ой благодаря моему приезду было решено выдавать далее Штрекелевы Slov[enske] nar[odne] pesni, все-таки в январе, когда Вы выбрали Штрекеля в члены-корреспонд[енты] Русской Академии, краинские попы и некоторые гимн[азические] учителя, которые по разным причинам недовольны Штрекелем, в književno-m odsek-e ** сделали предло-

* Так в подлиннике.

** Литературный отдел. Он решал вопрос об изданиях Словенской Матицы.

жение всей рукописи, которую предложил Штрекель за тот год, не издавать «iz moralnih, estetičnih in finančialnih ozirrov» *** и победили». Мурко все же удалось и на этот раз отстоять публикацию Штрекеля, «причем мне очень помогал голос Русской Академии», замечал он ⁵⁷¹.

В 1900 г. словенская общественность отметила 100-летнюю годовщину со дня рождения великого словенского поэта Франце Прешерна. Этот юбилей не остался без отклика и со стороны русских образованных, прежде всего научных, кругов. В 1900 г. усилиями А. Ашкерца в Любляне был издан «Альбом Прешерна» — сборник в честь поэта, включавший в себя не только его неопубликованные стихотворения, переводы их на другие языки, но и многие научные статьи о его жизни и творчестве. В нем приняли участие многие словенские ученые и писатели, а также некоторые славянские литераторы, среди последних было трое русских: В. Францев, подготовивший публикацию неизвестного стихотворения Ф. Прешерна, написанного им И. И. Срезневскому в 1841 г.; В. Н. Щепкин, поместивший в «Альбоме» несколько своих переводов стихотворений Прешерна на русский язык, и Ф. Е. Корш. Корш написал небольшую статью «Нечто о тексте Прешерновых стихотворений», в которой сравнивал три издания стихов великого словенского поэта: прижизненное 1847 года, 1866 года, подготовленное Ф. Левстиком; 1900 года — под редакцией Л. Пинтара.

По просьбе Ашкерца Ф. Е. Корш написал обширную рецензию на «Альбом Прешерна», опубликованную в «Известиях отделения русского языка и словесности Академии наук». В ней он знакомил русского читателя с содержанием «Альбома Прешерна». Вывод рецензии гласил: важность сборника заключается «не только в сообщении до сих пор неизвестных материалов, но и в том, что он освежил некоторые старые вопросы и поставил новые» ⁵⁷².

Ашкерц в «Люблянском звоне» сообщил словенским читателям об этой рецензии, поблагодарив за нее Ф. Е. Корша ⁵⁷³. «Альбом Прешерна» вызвал живой интерес со стороны таких крупных русских ученых, как А. Н. Пыпин и А. А. Шахматов ⁵⁷⁴. С именем Ф. Е. Корша связано и появление первого сборника стихов Прешерна, переведенных на русский язык.

Ф. Е. Корш, академик, блестящий лингвист, литературовед и переводчик, занимался этимологией, правописанием, морфологией и фольклором; его интересовали классические языки и персидское стихосложение, пушкиноведение и славистика. По словам С. Б. Бернштейна, история русской филологии не знает равного Коршу полиглота ⁵⁷⁵.

В сферу интересов этого чрезвычайно одаренного человека попала и словенская литература, и прежде всего — ее поэт Ф. Пре-

*** По моральным, эстетическим и финансовым соображениям (словен. яз.).

шерн. О нем Корш узнал еще в 1869 г., когда, находясь в заграничной командировке, попал в венскую больницу и пролежал в ней три месяца. Здесь он познакомился с молодым словенцем, ассистентом врача Л. Енко. Они подружились. Именно от Енко молодой русский ученый получил томик стихов Прешерна, который и стал ему главным пособием в изучении словенского языка. Со своей стороны Корш помогал словенцу овладеть русским языком⁵⁷⁶. Для обоих эти три месяца не прошли даром. Енко не только изучил русский язык, но и стал его горячим пропагандистом в Словении. А Ф. Е. Корша увлек Прешерн, сделавшийся одним из его любимых поэтов. В течение многих лет Корш работал над переводами стихов Прешерна на русский язык. Первый свой перевод Прешерна Корш опубликовал в 1881 г. в «Крестном календаре», а в 1889 г. в журнале «Русская мысль» был помещен перевод одного из значительнейших произведений поэта «Венок сонетов»⁵⁷⁷.

В 1901 г. Корш выпустил сборник «Стихотворения Франца Прешерна» с большой вступительной статьей. В ней Корш подчеркивал, что Прешерн является лучшим словенским и одним из лучших славянских поэтов, излагал биографию Прешерна, его взгляды на развитие словенской литературы. Корш одобрил борьбу Прешерна против иллиров за самостоятельную литературу на словенском языке. Он приводил, в частности, такие аргументы в поддержку позиции поэта: во-первых, иллирское движение было направлено главным образом против мадьяризации, словенцам же угрожала германизация; во-вторых, его в известной мере поддерживало, а в 1848—1849 гг. и использовало в своих целях австрийское правительство. Поэзия же Прешерна, по мнению Корша, выражала идеалы свободы, человечности, национальности, т. е. была созвучна идеалам революции 1848 г.⁵⁷⁸ Ф. Е. Корш показал глубокое понимание сущности поэзии Прешерна, ее демократизма и свободолюбия.

В честь юбилея Прешерна в Киеве была опубликована брошюра А. И. Степовича «К столетию рождения словинского поэта Франца Ксаверия Прешерна». Будучи сторонником колларовской концепции славянской взаимности, Степович осуждал выступления Прешерна против иллиризма, указывал, что он «оказался слишком узким националистом и не понял всего исторического значения данной эпохи и предпринятой „иллирами” борьбы». Иллиризм, по мнению Степовича, явился бы для словенцев оплотом в их борьбе с германизацией. Прешерн не смог понять этого из-за своего немецкого воспитания. Вместе с тем Степович высоко оценивал поэтическое творчество замечательного словенского поэта, считая, что он как «выдающееся явление, делает честь своему народу». Степович подчеркивал свежесть дарования Прешерна, сочетание в нем трезвого реализма изображения с отсутствием ходульности и напыщенности, с высоким техническим мастерством. «Все, что он ни создал,— писал русский славист,— прямо вылилось из его страстного, измученного сердца»⁵⁷⁹.

Краткую справку о Прешерне дал Н. Н. Бахтин (псевдоним Н. Нович) в своем сборнике «Словинские поэты». Бахтин характеризовал Прешерна как самого выдающегося из словенских поэтов, творца словенского литературного языка. Он подчеркивал, что Прешерн был воспитан на европейской литературе и сумел все богатство ее поэтических форм ввести в словенскую литературу, заложив тем самым основание самостоятельному развитию последней⁵⁸⁰.

В 1905 г. обширную статью о Прешерне опубликовал А. И. Яцимирский (1873—1925), ученый широкого профиля, занимавшийся историей, этнографией, археологией, фольклором, историей литературы и т. д. Статья Яцимирского, несмотря на свой небольшой объем, отличалась глубиной и рядом тонких замечаний. Прешерна он считал талантливейшим из словенских поэтов, задумчивым и изящным певцом любви и красоты. Яцимирский подчеркивал народность поэзии Прешерна, которая отразилась прежде всего в его языке. «Язык его стихотворений, — писал русский ученый, — всегда образен, гибок, меток, язвителен в сатире, трогательно нежен в лирике, словом, мы встречаем мельчайшие оттенки народной речи. Содержание произведений Прешерна всегда отличается здоровым естественным реализмом». В этом здоровом реализме, чуждом беспочвенным мечтаньям, бесплодным порывам и фальшивым эффектам, Яцимирский видел опять-таки близость Прешерна к народному пониманию и восприятию жизни. По-иному, чем Корш и Степович, Яцимирский трактовал неприятие словенским поэтом иллиризма. Прешерн, по его мнению, был чужд веры в исключительность славянства. «Он думал, — подчеркивал русский ученый, — что славяне призваны совершать культурную работу рядом с западноевропейскими народами».

Таким образом, Яцимирский видел в поэзии Прешерна удачное сочетание народного, национального начала с восприятием им лучшего, что было создано мировой культурой. Этой точки зрения на творчество словенского поэта придерживаются и современные словенские литературоведы. Яцимирский отмечал у Прешерна многие элементы романтизма, прежде всего глубокую неудовлетворенность жизнью, известный пессимизм и наряду с ними — неумирающую надежду на лучшее будущее. Русского ученого восхищали безукоризненность формы стихов поэта, их эlegantность, богатство выражений. Яцимирский справедливо утверждал, что Прешерн сделал бесконечно много для создания словенской художественной литературы⁵⁸¹.

Как можно видеть, русские ученые высоко ценили творчество Прешерна, если даже и не всегда соглашались с его идейными установками. Особенно много верного о нем сказали Ф. Е. Корш и А. И. Яцимирский.

Яцимирский и в дальнейшем проявлял интерес к словенистике. В 1909 г. Яцимирский сделал попытку сотрудничать в «Люблянском

звоне». Он послал в его редакцию две рецензии: на «Чтения по новейшей русской литературе» (Киев, 1907, вып. II) и на книгу Н. Котляревского «Старинные портреты» (СПб., 1907). В «Люблянском звоне» были опубликованы не сами рецензии, а только их кратчайший пересказ⁵⁸². Такая форма сотрудничества, по-видимому, не устраивала Яцимирского, и сведений о присылке им своих сочинений в «Люблянский звон» больше не имеется.

В 1910 г. Яцимирский с женой были в словенских землях. В июне 1910 г. они послали письмо И. Приятелю из Бледа, куда приехали на отдых. «Устроились мы очень недурно,— сообщали Яцимирские,— изучаем словенский язык, читаем Ваш перевод „Евгения Онегина“». Следующее письмо, не датированное, но написанное несколько позднее первого, уведомляло Приятеля о приезде Яцимирских в Любляну. «А я очень хотел бы видеть Вас,— заключал русский ученый,— и поговорить... по слов[енской] лите[ратуре]»⁵⁸³. Помимо Приятеля, Яцимирский познакомился в Словении с супругами Енко, с Антоном Ашкерцом, с Иваном Хрибаром, известным словенским либеральным политиком русофильского направления⁵⁸⁴.

Из новейших словенских писателей особой популярностью в русских интеллигентных кругах пользовался замечательный словенский поэт Антон Ашкерц, имевший много друзей среди русских славистов и известный своею любовью к русской культуре. «Русская антология в словенских переводах», составленная Иваном Веселом и Антоном Ашкерцом, которые одновременно были и главными переводчиками стихотворений русских поэтов, вызвала одобрение со стороны русских славистов.

П. А. Драганов, библиограф, историк и этнограф, отмечал особо в своей рецензии на «Русскую антологию» переводы И. Весела и А. Ашкерца. Ашкерца Драганов характеризовал как признанного на своей родине поэта, редактора солидного журнала «Люблянский звон» и убежденного славянофила «в самом широком и благородном значении этого слова». Краткие характеристики, данные Ашкерцем русским поэтам, тоже понравились Драганову, указавшему на их сжатость, рельефность и меткость⁵⁸⁵.

Горячо откликнулся на «Русскую антологию» П. А. Заболотский. «На фоне не особенно многочисленных и далеких в большинстве случаев от совершенства иностранных антологий русской поэзии,— писал он,— выделяется как одно из светлых исключений „Русская антология в словенских переводах“, составленная Ив. Веселом и А. Ашкерцом». Для Заболотского Ашкерц — «виднейший из представителей не только словенской, но и вообще славянской современной поэзии... Вдохновенный поэт своей чудной словенской земли; любитель и знаток русской поэзии и литературы, находящийся притом в полном расцвете жизненных и поэтических сил». По мнению Заболотского, из всех переводов русских стихов самыми лучшими, самыми художественными являются переводы Ашкерца. Он хвалил

краткие характеристики, данные Ашкерцем русским поэтам. Общий вывод Заболотского был таков: «„Русская антология“ является весьма ценным приобретением для словенской литературы и заслуживает внимания с нашей стороны, как показатель растущего у словенцев интереса к нашей литературе»⁵⁸⁶.

Заболотский в отличие от других русских славистов интересовался словенскими литераторами из клерикального лагеря. Он написал обзор католического литературного журнала «Дом и свет» за 1906 г., ставя его по художественности и содержательности на одну доску с литературно-научными изданиями либералов «Слован» и «Люблянский звон». Заболотский указывал на интерес журнала к славянам, и русским в том числе, на благожелательное отношение его редакции к пропаганде русского языка и литературы либералами, в частности — к деятельности Русского кружка Л. Енко, к переводам с русского А. Ашкерца⁵⁸⁷. Заболотский был в добрых отношениях с рядом словенских ученых: с И. Приятелем, Р. Нахтигалом, А. Дермотой, Видицем. Об этом свидетельствует переписка русского слависта с Приятелем⁵⁸⁸.

Кроме Драганова и Заболотского, об Ашкерце писали А. Н. Сиротинин, Н. Н. Бахтин, С. Штейн. Н. Н. Бахтин видел в Ашкерце певца лучшего будущего, зовущего к борьбе против тирании, «но к борьбе не мечом и кровью, а просвещением и культурой»⁵⁸⁹.

Наиболее обстоятельную статью об Ашкерце написал филолог и переводчик А. Н. Сиротинин. В ней он называл Ашкерца первым после Коллара всеславянским поэтом, гуманистом, которому дороже всего «святое чувство любви брата к братьям людям». Вместе с тем Сиротинин, человек глубоко религиозный, сожалел, что у словенского поэта подрезан «религиозный корень истинного гуманизма». Спустя десять лет, перепечатав эту статью, Сиротинин написал к ней добавление, в котором объяснял снижение художественности произведений в последний период жизни Ашкерца дальнейшим его отходом от христианства. Несмотря на явно тенденциозный подход к творчеству словенского поэта, Сиротинин сделал несколько интересных наблюдений о духовном родстве Ашкерца с некоторыми его героями⁵⁹⁰.

Статья Сиротинина вызвала благожелательный отклик в «Люблянском звоне». Ф. Илешич, написавший заметку о ней, подчеркнул мнение Сиротинина об Ашкерце, как об истинном гуманисте и всеславянском поэте. «Мы ему благодарны,— заключал Илешич,— за его посещение и за его добрые и открытые слова. Ашкерц сам не может себе пожелать более благородного почитателя и друга»⁵⁹¹.

В 1908 г. С. Штейн издал небольшую антологию «Славянские поэты». Из словенских поэтов в ней были представлены О. Жупанчич и А. Ашкерц. Об Ашкерце был дан небольшой очерк, для которого поэт написал свою автобиографию. «Я глубоко верю,— писал Ашкерц в ней,— что истинным поэтом может быть лишь тот, кто

стремится к солнцу, свету свободы и прогрессу. И мое перо всегда боролось против реакции и тьмы». Сам Штейн добавлял к автобиографии поэта и свою характеристику, опираясь на суждения об Ашкерце И. Приятеля и А. Сиротинина. У Сиротинина он брал его вывод о вере Ашкерца в светлую и благородную природу человека. Из отзыва И. Приятеля Штейн цитировал место, где говорилось о борьбе Ашкерца за уничтожение исторических привилегий, за равенство народов и отдельных лиц. Сам Штейн считал Ашкерца многогранным поэтом, наделенным исключительным творческим воображением, близким природе, воспевающим радостную и бодрую жизнь «Труд, культура и любовь к ближнему, — отмечал Штейн, — это три кита, на которых покоится мировоззрение Ашкерца». К этим трем китам русский критик относился весьма благожелательно. Особо останавливался Штейн на любви Ашкерца к России. И здесь он подчеркивал, что поэта привлекает к ней не ее государственность и не особенности русского быта, но мощь русского национального характера, его потенциальная энергия, которая «лишь по временам выносит на поверхность истории таких титанов человеческого гения, как Пушкин, Достоевский и столь излюбленный Ашкерцом Лев Толстой»⁵⁹².

Творчество великого словенского писателя Ивана Цанкара сразу же привлекло к себе внимание в России. В начале XX в. на русский язык были переведены несколько его рассказов и повесть «Дом Марии Заступницы». Главными переводчиками их были М. Хостник и Я. Лаврин. Бахтин перевел на русский язык несколько стихотворений Цанкара. Но в примечаниях к ним он отметил: «значенье Цанкара как прозаика, пишущего ярким и звучным языком, гораздо выше его поэтических заслуг»⁵⁹³.

На Цанкара оказали большое влияние русские писатели, из которых он особенно чтит Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского. На словенский язык Цанкар перевел «Даму с собачкой» Чехова и «Двадцать шесть и одну» Горького⁵⁹⁴.

Первый обстоятельный очерк о Цанкаре был написан в России прогрессивным критиком Львом Савиным. «Южные славяне, — писал он, — сербо-хорваты и словенцы, сделали, вопреки всем препятствиям, в течение нескольких десятков лет то, для чего нужны были другим нациям столетия»⁵⁹⁵. Статья Савина была написана на материале ранних произведений И. Цанкара. В ней русский критик приветствовал появление великого таланта в словенской литературе, глубоко исследовал его творчество. «Иван Цанкар, — подчеркивал Савин, — сын маленькой нации, но он не ее типичный представитель — он самый сильный ее протест, и в этом его главное значение». Савин сравнивал роль Цанкара с ролью Прешерна, считая, что его появление означает начало новой эпохи в словенской литературе. «Почти вся новейшая словенская литература — это Иван Цанкар. В данный период он представляет собою самого колкого и едкого сатирика, немилосердного и жестокого разоблачи-

теля, лучшего стилиста, самого тонкого психолога и глубокого мыслителя». Цанкар, по словам Савина, осмеивал бессмысленную филистерскую жизнь словенского мещанства, срывая маски «с благообразных лицемеров, которые под флагом религии или патриотизма скрывают свои когти, на самом же деле своими „добродетелями“ высасывают кровь бедного народа». Все герои Цанкара — мечтательные, слабые люди, гибнущие в борьбе, так как у них светлые мечты, но нет сил для их осуществления. «Иван Цанкар,— отмечал Савин,— чуткая современная душа, которая глубоко чувствует разлад между внутренней жизнью и внешней,— между надеждами, мечтами и возможностью; душа мятежная и беспокойная, желающая полета, тоскующая по более высоким формам жизни»⁵⁹⁶.

Статья Савина о Цанкаре высоко оценивается современными советскими литературоведами. «Выводы Савина,— пишет Ю. Д. Беляева,— глубоки и верны; они дают правильное представление не только о раннем цанкаровском творчестве, но и открывают перспективу для дальнейшего изучения этого яркого и самобытного художника слова в России»⁵⁹⁷.

В начале XX в. молодой славист, сначала доцент, а затем профессор Казанского университета Н. М. Петровский увлекся исследованием деятельности крупнейшего словенского филолога первой половины XIX в. Ернея (Варфоломея, Бартоломеуса) Копитара. Монография Петровского «Первые годы деятельности В. Копитара» стала его докторской диссертацией. Она была высоко оценена русскими славистами. Так, А. М. Селищев писал, что Н. М. Петровский «со свойственной ему основательностью исследует с изумительной тщательностью собранный им материал, относящийся к деятельности В. Копитара 1807—1818 гг. и всесторонне разъясняет нам этот материал. В результате мы знаем теперь, как много обязано славянское возрождение и славяноведение первому периоду деятельности Копитара»⁵⁹⁸.

Книга Петровского, написанная три четверти века тому назад, и сейчас является лучшим, что было написано о Копитаре. Это косвенно признает и современный исследователь жизни и деятельности великого ученого Й. Погачник. «Книга этого казанского профессора,— пишет он,— выразительный пример позитивистского научного исследовательского метода: в ней приводится огромное количество драгоценного материала, который надо только интерпретировать и исторически осмыслить»⁵⁹⁹. К этому отзыву можно только добавить, что материал, собранный Петровским, получил определенную интерпретацию. Деятельность Копитара давалась русским ученым на фоне словенского и славянского возрождения, и ее он рассматривал как подвиг на благо всех славянских народов. Опираясь на труды Копитара, а именно — его введение к «Грамматике славянского языка в Крайне, Каринтии и Штирии» (1809) и статью «Патриотические фантазии славянина» (1810), русский ученый доказал, что именно Копитар выдвинул идею

литературного панславизма, как форму протеста против германизации. Огромной заслугой словенца Петровский считал создание им словенской грамматики, его помощь Вуку Караджичу в проведении реформы сербского языка⁶⁰⁰.

Издав книгу, Петровский не окончил исследование жизни и трудов Копитара и опубликовал еще ряд статей о нем, в том числе обширную работу «Копитар и *Institutiones linguae slavicae dialecti veteris* Добровского», посвященную отношениям между Копитаром и замечательным чешским ученым И. Добровским⁶⁰¹.

Работы Петровского о великом словенском ученом получили высокую оценку со стороны В. Ягича. Когда последнего попросили стать редактором нового издания статей Копитара в Сербии, он написал И. Приятелю 16 июня 1914 г., что желает, чтобы это издание отвечало требованиям «строгого критика Петровского»⁶⁰².

В первый раз Н. М. Петровский побывал в Любляне в конце мая — начале июня 1900 г. вместе со своим отцом М. П. Петровским. В письмах из Любляны П. А. Кулаковскому М. П. Петровский сообщал, что здесь ему удалось купить несколько словенских книг, а Нестору Мнемновичу — познакомиться с некоторыми люблянцами.

Работая над монографией о Копитаре, Н. М. Петровский посетил летом 1905 г. Люблян. «Вернувшись на родину, — писал он в августе 1905 г. из Казани А. Ашкерцу, — я продолжаю жить воспоминаниями о прекрасной стране и близких сердцу людях, среди которых я так приятно проводил время летом текущего года. С особым удовольствием вспоминаю я о Любляне и о беседах с Вами в „Иллирии“». Спустя год Петровский в письме к Ашкерцу тоже вспоминал с удовольствием о своем пребывании в Любляне. «Мне кажется, — продолжал он, — что исчерпать интересные для меня книжные и рукописные сокровища Вашего города я мог бы лишь в течение полугода; к сожалению, обстоятельства не позволяют мне провести у Вас столько времени». В том же письме Петровский просил Ашкерца прислать его рецензию на книгу о Копитаре⁶⁰³. Эта рецензия была опубликована Ашкерцем в журнале «Слован» за 1906 г. В ней он подчеркивал, что труд Петровского является первой большой монографией о Копитаре. Н. М. Петровский в предисловии к своей книге выражал благодарность словенским ученым, оказавшим ему свою помощь в работе над ней. «За некоторые весьма полезные указания для разработки биографии Копитара, — писал он, — считаем приятным долгом выразить глубокую признательность г. скриптору Люблянской лицейской библиотеки д-ру Л. Пинтарю и г. библиотечарю Люблянского музея (*Rudolphinum*) П. фон Радичу»⁶⁰⁴.

Путешествие в Люблян оставило свой след на дальнейшем творчестве Петровского. Он завязал сношения с рядом крупных деятелей словенской культуры. Выше уже говорилось о его связях с Л. Пинтаром, П. Радичем и А. Ашкерцем. С последним он обменялся книгами, в частности — послал ему сборник Н. Новича

«Словинские поэты», несколько статей⁶⁰⁵. Переписывался Н. Петровский и с И. Приятелем: сохранилось 5 его поздравительных открыток последнему⁶⁰⁶.

Контакты со словенскими учеными дали Петровскому возможность быть в курсе всех новинок словенской печати. Тем более, что Нестор Мнемнович энергично продолжал начатое его отцом собирание славянских книг. К концу его жизни библиотека Петровских насчитывала свыше 8 тыс. томов. Из них 240 трудов относились к Словении, в том числе такие редкие издания, как словенские грамматика Похлина, Шмигоца, Копитара, Водника, прижизненные издания стихотворений Водника и Прешерна, «Опыт истории Крайны» Линхарта, 4 выпуска альманаха «Краинская пчелка» и т. д. В 1906 г. Петровским была опубликована «Slovenika» — обзор вышедшей в последнее время литературы о словенцах⁶⁰⁷. В нем упоминалась статья Приятеля «Словенцы и их литература», опубликованная в «Известиях СПб. славянского благотворительного общества», сборник стихов Прешерна, переведенных Ф. Е. Коршем, сборник стихов словенских поэтов, изданный Н. Н. Бахтиным. Наряду с работами о словенцах, вышедшими в России, Петровский остановился на книге М. Мурко о хорватском ученом Шрепеле, на работе Е. Волчица об австрийском юристе словенского происхождения И. Долинаре, на статьях А. Трстеньяка о словенцах в Венгрии и о их просветителе Штефане Кюзмиче. Петровский подробно характеризовал последние издания Словенской матицы, особенно «Словенскую библиографию 1550—1900 гг.» Ф. Симонича. Вывод о последней был неутешительным. «Общее впечатление от первых двух выпусков „Словенской библиографии“ не может быть названо благоприятным ни в каких отношениях».

Гораздо более высоко оценил Петровский сборник «Словенские народные песни», изданный Штрекелем. Из «Сборника Матицы словенской» (1904, т. 4) внимание Петровского привлекли статья Ф. Илешича о «Bibliotheca saginoliae» Марка Похлина, биография П. Р. Витезовича, написанная И. Стекласой, публикация корреспонденции д-ра Муршеца и др. Книга К. Озвальда о сатире Прешерна не удовлетворила Петровского. Он считал бесплодными поиски корней сатиры Прешерна в творчестве Горация — «автор сделал бы гораздо лучше, если бы указал нам в словинской поэзии времен Прешерна явления, против которых восставал автор разбираемой сатиры».

Петровский приветствовал основание в Мариборе Словенского исторического общества и горячо хвалил первые тома его издания «Casopis za zgodovino in narodopisje», особенно ему понравились помещенные в нем статьи Ф. Илешича «Из первых времен романтизма» и о словенской Штирии в эпоху йозефинизма.

Непосредственным продолжением этого обширного библиографического обзора послужил небольшой очерк Н. М. Петровского «О некоторых новых изданиях Словенской матицы». В нем он,

в частности, разобрал содержание «Сборника Матицы словенской» (т. VI), в котором его особое внимание привлекла 2-я часть публикации Илешича «Корреспонденции д-ра Й. Муршеца». «Историк славянского возрождения вообще,— указал Петровский,— и 1848 г. в частности будет глубоко признателен г. Илешичу за обнаружение этих ценных материалов, снабженных важными замечаниями хронологического характера и тщательно составленными указателями к обеим частям».

В Мариборском журнале «Casopis za zgodovino in narodopisje» Петровский остановился на статье Штрекеля о глаголических записях XVI в. и на заметке Илешича «Два грацких журналиста в 1848 г.»⁶⁰⁸.

В «Журнале министерства народного просвещения» Петровский публиковал библиографические обзоры, в которых имелись разделы о словенской литературе⁶⁰⁹.

В 1909 г. в Любляне вышла книга известного впоследствии словенского литературоведа и фольклориста Ивана Графенауера «История новейшей словенской литературы». Петровский написал на нее обширную рецензию⁶¹⁰. В ней он подчеркнул, что труд Графенауера — первый полностью излагающий историю словенской литературы. Петровский не совсем был доволен тем, что Графенауер писал только о литературных трудах, оставляя в стороне труды научные. Такой принцип, по мнению русского ученого, вряд ли был уместен для первого периода, хотя может быть оправдан для последнего времени. В руках у Петровского была лишь первая книга Графенауера из задуманных им двух. Она охватывала по периодизации автора два начальных этапа развития словенской литературы: просвещение (1765—1810) и романтизм (1810—1848). У Петровского вызвало возражение распределение материалов в томе: просвещению Графенауер уделил 27 страниц, а романтизму — 132 страницы, из которых 82 были посвящены творчеству Прешерна. «Конечно,— замечал Петровский,— никто не станет отрицать, что Прешерн является центральной личностью словинской поэзии от самых начатков ее до настоящего времени, но все же отводить ему столько места в такой небольшой книге едва ли следует; иными словами, г. Графенауер дал нам не столько I том „Истории новейшей словинской литературы“, сколько компилятивную работу о Прешерне со введением, касающимся его предшественников». Не нравилось Петровскому и сравнительно небольшое количество сносок. Не совсем соглашался он и с периодизацией Графенауера, считая, что 3-й период развития словенской литературы, который он назвал «эпохой народного пробуждения, временем „Novic“ и „Glasnika“ (1848—1870)», нужно начинать не с 1848, а с 1843 г., года выхода первого номера «Новиц».

Несмотря на эти замечания, Петровский подчеркивал, что серьезных ошибок в книге он не обнаружил. «В общем,— заключал он,— однако, I том „Zgodovine novejšega slovenskega slovstva“ может

быть признан полезным пособием для первоначального ознакомления со словенской литературой нового периода».

В 1915 г. Н. Петровский опубликовал статью об Ашкерце под названием «Славинский поэт о России». Эта статья как бы явилась некрологом об умершем друге. Петровский пересказывал брошюру поэта «Две поездки в Россию», особо останавливаясь на тех местах, где Ашкерц высказывал свое отношение к русскому народу. Ученый приводил и те мнения поэта, где он говорил о вопиющих противоречиях российской действительности. В заключение Петровский указывал, что Ашкерц за две кратковременные поездки не мог увидеть и узнать русский народ. «Зато к русской интеллигенции, — продолжал он, — русским мыслителям, художникам, поэтам и вообще писателям Ашкерц относится с глубоким уважением; такое же чувство внушает ему и первое в хронологическом порядке духовное произведение русского народа — русский язык»⁶¹¹.

Помимо упомянутых выше славистов, которые более или менее глубоко занимались словенистикой, имелись и ученые, писавшие иногда рецензии на словенские научные книги.

В 1874—1875 гг. в Любляне вышла в свет 3-томная «История Крайны с древнейших времен до 1813 года», написанная А. Димитцем и изданная на немецком языке. Эта книга получила похвальный отзыв в России. Автор рецензии, напечатанной в «Славянском сборнике», отмечал большое количество использованных Димитцем источников, его большую научную добросовестность, беспристрастность в исследовании религиозных и национальных отношений. Вместе с тем в рецензии указывалось, что на страницах книги почти нет упоминаний о словенцах, составляющих основное население Крайны, за исключением XVI в., когда происходила восстания словенских крестьян и протекала деятельность словенских реформаторов⁶¹².

Положительно были приняты русской научной общественностью и выпуски сочинения И. Марна «Езичник»⁶¹³.

Этнографические изыскания Я. Пайка привлекли внимание замечательного русского ученого А. Н. Веселовского. В статье «Новые книги по народной словесности» он отмечал, что в последнее время интерес к изучению древних памятников стал уступать место методическому изучению фольклора. В качестве примера он приводил наряду с книгами о румынском и французском фольклоре и книгу о словенском фольклоре Пайка «*Crtnice iz duševnega žitka štajerskih slovencev*» (Ljubljana, 1884). Для нее было характерно, по мнению русского ученого, смешанное содержание. Наряду с песнями и сказками в ней приводился разнообразный этнографический материал, библиография шла попеременно с фактическими сведениями по этнографии. Веселовский останавливался на сопоставлении, сделанном Пайком, некоторых этнографических черт штирийских словенцев (обрядов, поверий, праздников) с подобными же чертами у других народов: австрийцев Тироля и украинцев. Недостатком труда Пайка Веселовский считал тот факт, что описания циклов

аграрных и святочных праздников не были даны автором целостно, а были разбросаны по всей книге в разных местах⁶¹⁴.

Этнографии и фольклору уделял внимание журнал «Живая старина», издававшийся В. И. Ламанским. В нем была отрецензирована статья Янко Б. о свадебных обычаях белых краинцев, опубликованная в «Летописи Матицы словенской» за 1889 г.⁶¹⁵ Большую рецензию на издание каринтийского ученого Янеза Шейнига «Народные песни каринтийских словенцев» написал чешский ученый Юрий Поливка. Эта рецензия тоже вышла в «Живой старине». Ю. Поливка отмечал, что Шейниг напечатал уже много материалов по этнографии словенцев. В рецензируемом сборнике Шейниг делил все песни на 2 категории — лирические и эпические. Первые характеризовались наличием значительного количества германизмов, вторые — их отсутствием. Ю. Поливка отсюда делал вывод, что первые песни записаны народным говором, а вторые — литературным словенским языком⁶¹⁶.

При всей симпатии русских славистов к словенцам они довольно резко откликались на те книги, которые не отвечали научным требованиям. Так, молодой славист А. Л. Погодин отрицательно отозвался о книге И. Тополовшека о свойствах баскского и славянского языков, вышедшей на немецком языке. Тополовшек доказывал, что баски являются славянами, а основу их языка составляют диалекты Крайны и Нижней Штирии. А. Погодин отметил ненаучность изысканий Тополовшека, который на основании случайных совпадений составил свою теорию и «со смелостью незнания» предрек ей вечную славу⁶¹⁷.

В рассматриваемый период между отдельными словенскими и русскими учеными не прекращался книгообмен. Существовали книжные сношения и между русскими и словенскими научными и просветительными обществами. В центре их стояли Матица словенская и Славянское благотворительное общество в Петербурге. Согласно отчету М. Ф. Раевского за 1875/76 г., Матица получила из России 66 книг и 16 годовых комплектов журналов⁶¹⁸. Со своей стороны Матица словенская в лице ее секретаря Андрея Прапротника отправила русским адресатам только в апреле 1879 г. 16 экземпляров «Летописи Матице словенске» за 1878 г. Три из них предназначались отдельным лицам, а 13 — различным русским обществам и университетам⁶¹⁹. В 1892 г. Матица из 260 книг, добытых ею путем книгообмена, 116 получила из России⁶²⁰. Однако в целом следует отметить к концу 90-х годов общее снижение уровня контактов Матицы словенской с русскими учреждениями по сравнению с 70—80-ми годами. Если в 1873 г., как указывалось выше, она вела обмен с 12 русскими учреждениями, то в 1899 г. число их упало до 6⁶²¹.

Словенские сюжеты разрабатывались не только во многих публикациях. О них читались лекции в русских университетах. Русские университеты являлись важными центрами развития русской науки,

в том числе и славяноведения. К 90-м годам во всех них, за исключением Томского, существовали кафедры славянской филологии, а именно: в Московском, Петербургском, Харьковском, Казанском, Киевском, Новороссийском (Одесса), Юрьевском и Варшавском. Обычно каждый университет имел единственную славянскую кафедру, замещенную одним, редко двумя профессорами. Только в Варшавском университете было несколько славянских кафедр: славянского права, славянских наречий и литератур, славянских древностей, истории польской литературы⁶²².

В университетах обычно читались общие курсы по славянской филологии, в которые входили разделы по словенскому языку и литературе.

В Петербургском университете много лет читал лекции П. А. Лавров. Часть его курса составляли лекции по истории сербской, хорватской и словенской литератур.

В Московском университете в течение 34 лет работал известный славист Р. Ф. Брандт. Основной научный интерес его был связан с изучением славянских языков. Но вместе с тем он читал лекционный курс по истории славянских литератур, в том числе и словенской⁶²³.

В конце XIX — начале XX в. в Киевском университете читал лекции по славянскому языкознанию Т. Д. Флоринский. Часть их была посвящена словенскому языку. Курс Флоринского был затем опубликован отдельной книгой, о которой уже говорилось выше.

В Варшавском университете в последней четверти XIX в. работали такие видные слависты, как И. Первольф, В. В. Макушев, К. Я. Грот, П. А. Кулаковский. В 1881/82 учебном году Первольф вел курс по славянским древностям. Восьмая лекция этого курса была посвящена древней истории словенцев: их поселению на Балканах, отношениям с государством Само, истории Великой Карантании, утрате словенцами независимости и принятию ими христианства. В тот же год Макушев читал лекции по истории славянских литератур, в которых уделялось внимание словенской литературе. Макушев делил историю словенской литературы на 3 этапа: I — время создания фрейзингенских отрывков; II — реформация; III — возрождение⁶²⁴.

В 1888 г. лекции по литературе южных славян читал К. Я. Грот. В той части, которая касалась словенцев, Грот рассматривал паннонскую теорию Копитара и Миклошича, останавливался на деятельности словенских писателей периода реформации, рассказывал о национальном возрождении словенцев, особо отмечая в нем заслуги В. Водника, Ф. Прешерна и Я. Блейвейса. В конце Грот уделял внимание некоторым современным словенским писателям и ученым, кратко характеризовал словенскую журналистику и деятельность Матицы словенской⁶²⁵.

В 90-е годы курс по славяноведению в Варшавском университете стал вести П. А. Кулаковский. Для студентов первого и вто-

рого годов обучения он читал лекции по славянской этнографии, славянскому языкознанию и по истории литературного возрождения югославян. Во всех трех курсах имелись разделы, посвященные словенцам. Эти курсы были похожи на те, которые до Кулаковского читали другие слависты. Однако в отличие от последних Кулаковский для студентов 3-го и 4-го годов обучения вел специальный курс по истории словенской литературы. Текст курса сохранился полностью в архиве В. Н. Кораблева. В начале его Кулаковский кратко давал древнейшую историю словенцев от поселения их на Балканах и до потери ими независимости и принятия христианства. Он подробно характеризовал Фрейзингенские отрывки, затем перечислял все отрывки на словенском языке, которые встречались в латинских и немецких рукописях вплоть до XVI в. С горячей симпатией Кулаковский писал о деятельности Трубара, считая ее важной не только для словенцев, но и для сербов и хорватов. Трубар «первый наметил литературный иллиризм, как бы предугадывая движение, которое обозначилось уже три столетия после его». Высоко оценивались в лекциях и такие писатели-протестанты, как Ю. Далматин, А. Богорич. Отметив отрицательное влияние контрреформации на развитие словенской литературы, Кулаковский затем остановился на деятельности И. В. Вальвасора. «Едва ли какая другая славянская народность,— писал он,— может представить такое капитальное описание страны и народа, как описание Крайны, сделанное Вальвасором». Русский ученый превозносил заслуги первых деятелей словенского возрождения: М. Похлина, О. Гутсмана, Ю. Япеля, Б. Кумердея, А. Линхарта и особенно В. Водника, который «был для своего времени и народа замечательная личность по энергии, глубине знаний и интересу к просвещению» и который «может быть назван народным поэтом словенцев». Ф. Прешерна Кулаковский называл словенским Пушкиным или Мицкевичем, народным словенским поэтом по духу и мотивам своих произведений.

Особо обращал внимание Кулаковский на словенских ученых. «Появление таких глубоко просвещенных ученых,— писал он,— как Чоп, Копитар и Миклошич, несомненно свидетельствует о том, что среди такого маленького народа, как словенцы, сохранилось немало сил духовных, несмотря на вековое рабство чужой, немецкой культуре». Кулаковский характеризовал Копитара, с одной стороны, как выдающегося ученого, обнаружившего громадный запас знаний и замечательную способность к критике, с другой — как верного католика и австрийца, отрицательно относившегося к идее славянского сближения. Миклошич, по мнению Кулаковского, являлся прямым преемником Копитара. «Все,— подчеркивал русский ученый,— занимающиеся славянскую филологию, историю, древностями, этнографию, всегда должны будут обращаться к трудам Миклошича, в к[ото]рых найдут решение многих вопросов и указания пути для этого решения». Далее Кулаковский перечислял, давая им краткую характеристику, наиболее видных сло-

венских деятелей второй половины XIX в., в том числе Я. Блейвейса, И. Косеского, А. Янежича, С. Енко, Й. Стритара, Ф. Левстика, И. Юрчича. Но особое внимание Кулаковского привлекли такие горячие сторонники идеи славянской взаимности, как Матия Маяр и Фран Подгорник, хотя они не оказали заметного влияния на словенскую литературу. В этом сказались личные симпатии Кулаковского.

В рукописи лекций Кулаковского сохранились ссылки на литературу, которой он пользовался. Это, прежде всего, «Езичник» Й. Марна, статьи из «Летописи Матицы словенской», некоторые работы Целестина, сочинения Ф. Прешерна, С. Врза, работы И. Первольфа и А. Гильфердинга, периодические словенские издания и альманахи («Лубланске новице» Водника, «Краньска чбелица», «Кметийске ин рокоделске новице» Блейвейса)⁶²⁶.

Еще один специальный курс лекций по словенской литературе читал в Харьковском университете Б. М. Ляпунов. В «Люблянском звоне» с удовлетворением отмечали этот факт, подчеркивая, что лекции имели большой успех. «Мы, словенцы, — писал корреспондент „Люблянского звона“, — не приучены, чтобы история нашей литературы читалась в университетах»⁶²⁷. О других курсах, посвященных специально словенцам, неизвестно.

Таким образом, в последнюю четверть XIX — начале XX в. словенистика в России сделала определенные успехи. Хотя ни один из русских славистов не отдавал ей предпочтение, многие из русских ученых и среди них — такие всемирно известные, как А. Н. Пыпин, А. Н. Веселовский, А. А. Шахматов, Ф. Е. Корш, изучали словенские сюжеты. При этом их исследования касались самых разных сторон словенистики: этнографии, истории, языка, истории литературы. Деятельность словенских ученых и поэтов находила отклик в русской прессе. Особое внимание последняя уделяла замечательным словенским лингвистам — В. Копитару, Ф. Мйклошичу и В. Облаку, выдающимся словенским поэтам Ф. Прешерну и А. Ашкерцу. Им посвящались научные работы, в которых давалась глубокая оценка их деятельности. Многие выводы, сделанные Коршем и Яцимирским о Прешерне, а Петровским о Копитаре, сохраняют свою актуальность и по сей день. Наконец, именно в указанный период появились первые переводы на русский язык трудов словенских деятелей науки и культуры, в частности — научных сочинений Миклошича и Крека, стихотворений Прешерна и Ашкерца.

После победоносной русско-турецкой войны 1877—1878 гг. резко возрос интерес словенской общественности к России: русскому языку, русской истории, русской литературе, русской внешней и внутренней политике. Он прослеживался на протяжении 80-х годов и, несмотря на правительственные и церковные гонения против русофилов, начавшиеся в 1887 г., сохранялся и позднее.

Выражением этого интереса явилось стремление широких кругов словенской интеллигенции к изучению русского языка. В 1899 г. по инициативе д-ра Л. Енко в Любляне был создан Русский кружок. Его правила были утверждены местными властями Крайны. Пропагандой деятельности Русского кружка занялся либеральный «Люблянский звон». В феврале 1900 г. в нем была опубликована статья А. А. Қалашникова, рассказывавшая о мировом значении русского языка, о необходимости для славян изучать его⁶²⁸. Спустя несколько месяцев в «Люблянском звоне» появилось объявление об открытии 2-го года обучения русскому языку. «Не должно быть,— призывалось в нем,— ни одного образованного молодого словенца, который бы не знал русский язык настолько, чтобы читать русских писателей в оригинале»⁶²⁹. По примеру Любляны русские кружки организовались в Идрии, Триесте, Целье, Мариборе, Горице и т. д. Активно содействовал их созданию жупан (бургомистр) города Любляны, видный словенский либерал Иван Хрибар. Ему удалось через М. М. Хостника, словенца, проживавшего в России, получить от Славянского благотворительного общества в Петербурге несколько ящиков русских книг, которые он разделил между русскими кружками в Словении. Иван Хрибар объяснял свое стремление распространять русский язык в кругах словенской интеллигенции желанием ослабить на нее влияние немецкой культуры⁶³⁰. О характере деятельности этих кружков писал в 1907 г. П. Заболотский: устраивались чаепития с разговорами только на русском языке, музыкально-вокальные вечера из произведений русских композиторов, ставились русские пьесы⁶³¹. Инициатор создания русских кружков Л. Енко был искренне уважаем русскими учеными, многие из которых знали его лично. П. А. Кулаковский в своей речи от 1 февраля 1912 г. в Галицко-русском обществе в Москве почтил память незадолго до этого умершего Енко теплыми словами, отметив, что он прослужил делу сближения словенцев со всем русским более 30 лет⁶³².

Интерес словенской интеллигенции к России выразился в том, что некоторые ее представители стали усердно заниматься изучением русской истории и русской литературы. Учитель Иван Стекла в апреле 1878 г. предложил Матице словенской свою рукопись «Русская история», важность опубликования которой обосновывал необходимостью для словенцев ознакомиться с братским народом,

который уже много достиг и которого ожидает великое будущее. Издательский отдел Матицы отверг предложение Стекласы. Однако Матица словенская поручила Стекласе написать раздел о русских для серии «Славяне», издававшейся Матицей⁶³³. Правда, из всей задуманной серии вышла только книга о югославянах, написанная Я. Майцигером, М. Плелершником и Б. Раичем. Стекласе все же удалось поместить ряд статей по русской истории в «Летописи Матицы словенской» и в «Люблянском звоне», в частности очерк «Григорий Александрович Потемкин», представлявший знаменитого фаворита Екатерины II в роли идеального государственного деятеля⁶³⁴. Статьи Стекласы носили компилятивный, популяризаторский характер, не содержали ни малейших признаков исследовательской работы.

Что касается русской литературы, то в изучении ее словенцы добились гораздо больших успехов, чем в изучении русской истории. Одним из первых ее исследователей среди словенцев стал Фран Целестин. Фран Целестин (1843—1895) изучал славистику в Венском университете, писал в словенскую либеральную прессу, отличался горячими симпатиями к России, интересом к русской литературе. В апреле 1869 г. он опубликовал в «Словенском народе» статью «Иван Тургенев, первый русский новеллист», в которой с большим сочувствием писал о великом русском писателе⁶³⁵.

В 1869 г. Целестин отправился в Россию в качестве учителя латинского и греческого языков. Сначала он изучал русский язык, литературу и историю в Петербургском славянском учительском институте, затем преподавал в гимназиях Владимира и Харькова. В 1873 г. Целестин вернулся на родину, полностью разочарованный в русских порядках. Результатом было появление его книги «Россия после отмены крепостного права», в которой он бичевал русскую бюрократию, русскую полицию. Эта книга была запрещена в России, но она встретила сочувственный отклик у прогрессивной русской интеллигенции, в частности — у русского писателя П. Д. Боборыкина⁶³⁶. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и освобождение Болгарии вновь возродили у Целестина надежду на то, что и другие славянские народы смогут освободиться от иноземного гнета с помощью России. В эти годы он стал преподавателем славянских языков в только что открывшемся университете в Загребе, где работал до своей смерти. Целестин читал студентам лекции по русской литературе, знакомя их с творчеством Грибоедова, Кольцова, Пушкина, Лермонтова, Тургенева. На основе этих лекций он написал историю русской литературы. Об этом он сообщал М. Ф. Раевскому 4 июня 1881 г., присовокупив, что надеется издать свою книгу с помощью Матицы хорватской или Матицы сербской⁶³⁷. Его надеждам не суждено было сбыться. Уже 16 марта 1881 г. Целестин замечал в письме к Ф. Левцу, что Матица хорватская отказалась печатать его труд. Тогда Целестин обратился к руководству Мати-

цы словенской. 3 апреля 1884 г. он писал тому же корреспонденту, что Матица словенская на его предложение даже не ответила ⁶³⁸.

И все же Целестину удалось издать некоторые части своей книги. Наиболее интересная из них статья «Виссарион Григорьевич Белинский», опубликованная в «Люблянском звоне». Она писалась Целестинным с большим подъемом. «Писал я ее с радостью, — сообщал он Левцу 17 апреля 1884 г., — но не знаю, будут ли ее словенцы радостно читать». Целестин указывал, что использовал при работе над статьей две книги, написанные Пыпиным о Белинском ⁶³⁹. «Но смею сказать, — добавлял он, — что мое общее понимание характера и деятельности Белинского — самостоятельно» ⁶⁴⁰. Помимо книг Пыпина, Целестин пользовался следующими изданиями: *Григорьев А.* Сочинения (СПб., 1876, т. 1); *Петров К.* Курс истории русской литературы (СПб., 1871); *Миллер О.* Публичные лекции (СПб., 1878) ⁶⁴¹.

Статья о Белинском в известной мере являлась программной для Целестина. В ней он наиболее полно выразил свое отношение к литературе, ее содержанию и задачам. Белинский для Целестина — идеал литературного критика, ибо он требовал, чтобы литература отражала жизнь и воспитывала общество. Белинский видел спасение России «в успехах цивилизации, просвещения, человечности, в пробуждении у народа чувства человеческого достоинства», он «страстно стремился к свободе мысли и жизни, как условию здорового прогресса». Великий критик много сделал для того, чтобы русская культура и литература в особенности достигли высокого уровня, приобрели огромное значение в русском обществе, оказали большое влияние на всю мировую литературу. Для Целестина деятельность Белинского — яркое доказательство того положения, что культурные деятели дают своему народу гораздо больше, чем политики. «Мы смеем выразить твердую уверенность, — заканчивал свою статью Целестин, — что наших потомков объединит общее чувство признательности к гениальному учителю, выдающемуся будителю, до сих пор непревзойденному русскому воспитателю, неустрашимому, самоотверженному, страстному борцу — В. Г. Белинскому» ⁶⁴².

Новейшими изданиями по русской литературе Целестина снабжали его русские корреспонденты, и прежде всего М. Ф. Раевский, с которым он переписывался с февраля 1869 г. до июля 1883 г. ⁶⁴³ Так, в мае 1880 г. Целестин получил через русского священника много русских книг, а именно по несколько экземпляров «Русской грамматики» Востокова, «Краткой русской грамматики» Лебедева, «Русской хрестоматии» Гилярова, кроме того, два тома сочинений С. Т. Аксакова, пять томов В. А. Жуковского и др. ⁶⁴⁴ В январе 1883 г. Раевский послал Целестину несколько экземпляров хрестоматии Ф. Гилярова и А. Кирпичникова, в марте того же года — сочинения Пушкина и Гоголя, «Историю русской литературы» П. Полевого. Большинство этих книг покупалось для Целестина

Петербургским славянским благотворительным обществом⁶⁴⁵. Он их раздавал студентам, изучавшим русский язык. «Мои студенты, — писал Целестин Раевскому 19 декабря 1881 г., — охотно читают русские книги, а покупать их трудно им, потому что они большею частью бедны и живут или лекциями, стипендиями, или другими пособиями». В феврале 1883 г. Целестин вновь сообщал русскому корреспонденту: «Студенты довольно охотно берут у меня книги и читают русские книги, какие у меня есть». Получал Целестин русские книги и от В. И. Ламанского⁶⁴⁶.

Из русских ученых, кроме Ламанского, Целестин лично знал И. И. Срезневского, с которым познакомился по приезду в Петербург в 1869 г. Позднее, уже работая в Загребе, он узнал историка русской православной церкви И. С. Пальмова. Среди русских знакомых Целестина был и А. С. Будилович⁶⁴⁷.

Но самыми постоянными после Раевского у Целестина были отношения с П. А. Кулаковским. Целестин переписывался с ним с декабря 1880 г. по сентябрь 1895 г., т. е. практически до самой своей смерти. Их знакомство состоялось в то время, когда Кулаковский преподавал русский язык и литературу в Великой школе в Белграде. Первые письма касались книгообмена. 19 марта 1882 г. Целестин благодарил Кулаковского за присылку его книги о Вуке Караджиче: «Она меня очень заинтересовала, — писал Целестин. — Я специально предмета не изучал, но могу сказать, что Ваше сочинение представляет вообще верную, объективную, если можно так сказать, картину деятельности В[ука] К[араджича]. Книга Ваша получена и другими». Сам Целестин послал Кулаковскому брошюру о Прешерне, обещал его записать в археологическое общество, чтобы он мог получать все его издания. Целестин доставлял русскому ученому сочинения хорватских историков: Рачкого, Клаича, Смичикласа и др., с середины 1882 г. стал ему пересылать «Люблянский звон»⁶⁴⁸.

Отъезд Кулаковского из Белграда на родину не прервал его связи с Целестином. «Проф. Платон Кулаковский, — сообщал Целестин Левцу 22 ноября 1882 г., — который был несколько лет (до конца нынешнего летнего семестра) в Белграде преподавателем русского языка и литературы, теперь не вернулся назад... Сейчас он в Москве и просит меня, между прочим, прислать ему а) «Историю славянской литературы» Клейнмайра и б) «Езичник» Марна, т. 1 и начиная с 15 т. и далее». Целестин просил Левца купить эти книги и высылал на них деньги⁶⁴⁹. В октябре 1883 г. Целестин вновь обратился к Левцу с просьбой достать для Кулаковского «Летопись Матицы словенской» за 1871—1880 гг. 8 декабря 1883 г. Целестин отослал Кулаковскому указанные книги, объяснив задержку в их отправлении тем, что Левец хлопотал об их бесплатном получении от Матицы словенской для русского ученого. Этого ему удалось добиться⁶⁵⁰. 28 января 1884 г. Целестин уже благодарил своего словенского друга за подаренные русскому ученому

книги и снова просил для последнего несколько изданий («Люблянский звон», 1883 № 12, «Летопись Матицы словенской» за 1867 и 1868 гг.). «Он хочет в качестве платы написать статью о Словенской матице», — пояснял Целестин⁶⁵¹. В феврале 1884 г. Целестин уже отправил Кулаковскому «Летописи», присовокупив в письме ему: «Очень Вас благодарю, за Ваше решение писать о деятельности Сл[овенской] матицы: мы все будем Вам благодарны»⁶⁵².

Обещанной статьи о Матице словенской и ее изданиях Кулаковский не написал. Однако два года спустя вышел очерк молодого слависта Т. Д. Флоринского «Словенская матица и ее издания». По-своему характеру он весьма напоминал ту работу, которую хотел написать Кулаковский.

Со своей стороны Целестин, работая над «Историей русской литературы», просил Кулаковского достать ему для этой цели монографии Буслаева, Пыпина, Миллера, Потебни. Часть этих книг Целестин получил от русского ученого. Во всяком случае — «Историю славянских литератур» Пыпина и Спасовича, которую Целестин, как уже говорилось выше, посылал на рецензирование Левцу в «Люблянский звон». В письме от 25 января 1895 г. Целестин благодарил Кулаковского за его книгу «Иллиризм». «Как уверяют, — добавлял он, — хорваты Вашей книгой довольны... Но недовольны, что и Вы говорите, что иллиры приняли язык от сербов... Мы часто думаем о Вас, Платон Андреевич»⁶⁵³.

Несколько позднее Целестина о русской литературе стал писать Карел Штрекель (1859—1912). Современный историк словенской литературы Ш. Барбарич назвал его лучшим знатоком И. С. Тургенева среди словенцев в 80-е годы XIX в. Он перевел ряд произведений великого русского писателя («Пунин и Бабурин», «Степной король Лир» и др.), и его переводы отличались квалифицированностью, тонким языковым чутьем⁶⁵⁴. Штрекель не только переводил Тургенева, он написал о нем большую статью, в которой подчеркивал, что Тургенев стоял на позициях Белинского в своих взглядах на роль литературы в обществе, что он был противником крепостного права. Штрекеля привлекало стремление русского писателя отразить в своих произведениях наиболее актуальные вопросы русской действительности. Так, в «Рудине» Тургенев показал героев фразы, неспособных на активные действия; в «Отцах и детях» развенчал нигилистов, в «Дыме» — панславистов 60-х годов, в «Нови» — хождение в народ. Из всех героев-мужчин Тургенева Штрекелю наиболее симпатичен был фабрикант, практический деятель Соломин, «здоровый элемент русской жизни», некий русский Шульце-Делич. В нигилистах Штрекель видел опасную социальную партию, герои хождения в народ возбуждали его симпатию, но он считал их легковверными, не приспособленными к жизни людьми, обреченными на неудачу. Русские люди, по мнению Штрекеля, из всех своих неудачных поисков должны сделать единственный

правильный вывод: «...западная культура должна быть для народа славянского, особенно русского, несколько изменена, переделана и в таком виде вступить в возможно более тесную связь с отечественной цивилизацией». Таким образом, произведения Тургенева Штрекель рассматривал с позиций либерала, видевшего вершину прогресса в буржуазном развитии общества. В этом отношении он стоял на более правых позициях, чем Целестин. Штрекель высоко оценивал художественное мастерство Тургенева, считал, что он «среди всех новейших писателей больше всего сделал для развития и формирования русского языка на основе народного говора»⁶⁵⁵.

Несколько меньшим по объему было исследование Штрекеля о Н. А. Некрасове. Некрасов был «мужичьим поэтом», любимцем русского общества. Восхищаясь им, Штрекель все же ставил его ниже Пушкина, отмечая, однако, что величие Некрасова в том, что он в свои стихи «вложил всю свою горячую любовь к народу»⁶⁵⁶.

Как Целестин, так и Штрекель были первыми серьезными исследователями русской литературы в словенских землях. Оба они печатались в «Люблянском звоне». И это не случайно: либеральный «Люблянский звон» стал в 80-е годы одним из пропагандистов русской культуры и литературы. Помимо статей, посвященных отдельным русским писателям и критикам, в журнале публиковались многочисленные рецензии на труды русских ученых. Частично о них уже говорилось выше, в частности — о рецензиях Левца и Висталера на книгу Пыпина и Спасовича «История славянских литератур».

Сочинение Р. Брандта «Начертание славянской акцентологии» (СПб., 1880) вызвало у словенского рецензента ряд замечаний. Рецензент сомневался в теории Шкрабца о тройном ударении в словенском языке, которой придерживался в своей книге и Брандт⁶⁵⁷. Правда, этой точки зрения придерживались не все словенские ученые. Й. Шуман, например, издавший в 1884 г. в Целовце «Словенскую грамматику» для средней школы, опирался в разделах об ударении в словенском языке на труды Бодуэна де Куртенэ и на книгу Брандта⁶⁵⁸.

Зато словарь В. И. Даля получил безусловное одобрение словенского рецензента «R». «Этот труд,— отмечал он,— важен не только для русских, но и для всех, кто изучает русский язык». Рецензенту особенно понравилось то, что Даль не только приводит слова в их различных значениях, но и дает здесь же некоторые моменты из народной жизни⁶⁵⁹. Нашел положительный отклик в «Люблянском звоне» и «Сборник статей по славяноведению», изданный в честь 25-летия научной деятельности В. И. Ламанского. Особо отмечалась статья Г. А. Воскресенского о В. Воднике: «Лучшего памятника любимому и трудолюбивому учителю не могли поставить благодарные ученики»⁶⁶⁰.

Много печаталось в «Люблянском звоне» некрологов о русских

писателях и ученых, сообщений о выходе различных русских книг и журналов. Так, были опубликованы некрологи о Ф. М. Достоевском, П. И. Мельникове-Печерском, И. С. Аксакове, слависте В. В. Макушеве, об археологе А. С. Уварове и т. д.

В конце 1887 г. в словенских землях на русофилов обрушились репрессии со стороны австрийских властей. Поводом для этого послужила статья Хостника, напечатанная в органе либералов «Словенский народ» и направленная против германизаторской политики австрийского правительства и антиславянской политики римского папы. Это несколько изменило отношение к России со стороны словенской прессы; в том числе и «Люблянского звона». В 90-е годы в нем помещалось гораздо меньше статей о русской культуре и литературе, чем в 80-е годы. По-прежнему публиковались некрологи русским ученым: профессору Варшавского университета Й. Первольфу, известному слависту-историку Н. А. Попову, академику Я. К. Гроту. Печатались в журнале и небольшие очерки о русских писателях А. С. Грибоедове, Н. С. Лескове, Н. В. Гоголе, А. А. Фете и т. д.

В «Люблянском звоне» старались отмечать все книги о славянах, особенно о словенцах, вышедшие в России. Писали об издании Будиловичем «Славянского обозрения», о собирании русскими учеными Ляпуновым и Истоминим в районе Вологды, Вятки и Костромы русских народных песен, о книге П. А. Кулаковского «Иллиризм»⁶⁶¹.

Более критическое отношение «Люблянского звона» к России было связано не только с опасением навлечь неудовольствие со стороны властей, но и с новыми явлениями в словенской общественной жизни, а именно распространением среди словенцев идей чешского политического деятеля Т. Масарика. Его сторонники, не отказываясь от идеи славянской взаимности, объективно оценивали Россию как реакционное государство, правительство которой ничего хорошего не может дать славянским народам Австро-Венгрии. Они попытались вдохнуть новую жизнь в идею австрославизма, считая, что только демократизированная Австрия, построенная по федеративному принципу, может дать свободное развитие славянским народам. К таким либералам-масариковцам принадлежал известный словенский филолог Матия Мурко, активно сотрудничавший в «Люблянском звоне» и как публицист и как ученый уже с конца 80-х годов.

Матия Мурко, выдающийся славист, историк литературы и этнограф (1861—1951) был учеником Ф. Миклошича. После окончания Венского университета, в котором он изучал славистику и германистику, Мурко, как стипендиат университета, был послан в Россию. В ней он провел 18 месяцев. В Петербурге Мурко стал слушателем историко-филологического факультета университета, где изучал русский язык и литературу. Он посещал лекции известного славянофила Ореста Миллера, в котором

ценил «благую душу человеколюбивого, искреннего друга молодежи и очень умного человека, одного из главных борцов за свободу и человеческое обращение в университете», а также лекции В. И. Ламанского и А. Н. Веселовского. Ламанский отпугнул Мурко, по его словам, плоскими анекдотами о различных славянских народах и языках. Зато общение с А. Н. Веселовским, профессором западноевропейских литератур, дало ему очень много⁶⁶². Сам Мурко называл Веселовского великаном русской науки, стоявшим не только на уровне европейских ученых того времени, но и в ряде моментов превосходящим их⁶⁶³. Именно Веселовский подсказал Мурко тему для работы — изучение русской средневековой «Повести о семи мудрецах»⁶⁶⁴.

Высоко ценил Мурко и другого замечательного русского ученого А. Н. Пыпина, которого считал лучшим знатоком русской литературы и народности, великим критиком⁶⁶⁵. Позднее Мурко признавался, что, работая над своей темой, он исходил из положения сочинения Пыпина «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских», опубликованного еще в 1857 г. Многие почерпнул молодой словенский ученый и из других трудов Пыпина, прежде всего из «Истории славянских литератур»⁶⁶⁶. Свое огромное уважение к А. Н. Пыпину Мурко выразил в поздравительном письме, написанном 28.III/10.IV.1903 г. по случаю пятидесятилетия научной деятельности русского ученого. «Желаю Вам от души прожить еще долго в пользу и на славу русской науки и наслаждаться нынешним общим признанием и успехами Ваших научных трудов, — писал Мурко. — К сожалению, были Вы рано оторваны от науки в университете, потом в Академии наук, но Вы остались ей верны, насаждали ее на более широкой почве, служили таким образом еще лучше русскому обществу и в конце концов все-таки состоите членом, одним из самых уважаемых, первого научного учреждения в России. Очень довольны можете быть и тем, что славянский вопрос развивается в Вашем направлении везде в славянском мире. Вы лучше всех русских славистов указали на индивидуализм славянских народностей, отметили верно также их слабости и недаром утверждали, что значение России, ее языка, литературы и науки делает больший прогресс без обоюдных увлечений и разочарований». Далее Мурко высказывал пожелание, чтобы в новом издании «Истории славянских литератур» были бы использованы новейшие труды по славяноведению⁶⁶⁷.

В Петербурге Мурко прожил 10 месяцев, затем летом 1888 г. путешествовал по Волге. Любопытна запись Мурко в альбоме М. И. Семева, сделанная им в это время (июль 1888 г.): «Приехал в Россию 10 августа 1887 г., чтобы как славист познакомиться с богатым русским языком и его литературой, и как поклонник идеи славянской взаимности — с великим братским народом вообще»⁶⁶⁸.

В июле 1888 г. Мурко некоторое время гостил в Боровичах

у Веселовского, семья которого, по его впечатлениям, сочетала высшую европейскую культуру с русской простотой. Затем он две недели провел в Поречье, поместье графини П. С. Уваровой. В ее домашней библиотеке он изучал старинные рукописи. Эта библиотека заинтересовала его благодаря рекомендации Веселовского, которому Мурко в письме от 8 июля 1888 г. и сообщал о результатах своей работы там⁶⁶⁹. Семья Уваровых произвела на словенца самое благоприятное впечатление как своей ученостью, так и своей благотворительной деятельностью⁶⁷⁰.

Осенью Мурко прибыл в Москву, где провел 6 месяцев. Здесь он трудился в архивах и библиотеках. О своей работе в Москве Мурко сообщал Веселовскому в письме от 30 декабря 1888 г. «Занимаюсь главным образом,— писал он,— с пов[естью] о семи мудрецах, для которой я нашел здесь неожиданное число рукописей, только в Румянцевском музее — 10... Выписок я тоже должен делать очень много, так как archetypa не нашел и, пожалуй, даже польского источника не найду, поэтому я должен свои выводы о достоинстве перевода, его языке, его распространности и т. д. основывать на сравнительном изучении рукописей»⁶⁷¹.

В Москве Мурко познакомился с Р. Ф. Брандтом, А. А. Шахматовым, Ф. Е. Коршем. Но особенно близко он сошелся с молодыми московскими славистами В. Н. Щепкиным и Б. М. Ляпуновым, которые брали у него уроки словенского языка. Сохранилось письмо Мурко В. Н. Щепкину по поводу этих уроков от 12 декабря 1888 г. «Я все-таки очень рад быть к Вашим услугам при изучении словенского языка»,— писал он. Мурко предлагал собираться у него дважды в неделю — во вторник и пятницу. «Финансовая постановка уроков мне неприятна, но если это для Вас даже *conditio sine qua non* *, тогда я не буду противиться»⁶⁷². Обоих своих учеников Мурко считал выдающимися славистами.

Многое разочаровало Мурко в университетской, общественной жизни России, но поездка туда оказала на него большое положительное влияние. Позднее он отмечал, что много работал в библиотеках, посещал ученых, «где меня повсюду и всегда принимали самым лучшим образом»⁶⁷³. Общение с русскими учеными А. Н. Веселовским и А. Н. Пыпиным пробудило у Мурко интерес к истории литературы, во время пребывания в России окреп его публицистический талант. Это отмечает, в частности, видный историк словенской литературы А. Слодняк. «Мурко в России развился в научном отношении,— пишет он,— и обогатился по своей специальности: только в школе Веселовского и Пыпина он получил... возможность стать из узкого слависта и германиста венской школы историком славянской литературы в сравнительном плане, этнографом и публицистом с широкими взглядами»⁶⁷⁴.

О своей поездке в Россию Мурко опубликовал в «Люблянском

* Необходимое условие.

звоне» серию статей «В русской провинции», в которых осуждал многое из внутривосточной жизни русской империи. «Повсюду,— писал он,— видите новое рядом со старым, величайшую ученость рядом со страшно распространенным невежеством, высочайшую культуру с допотопной первобытностью, пробуждающуюся общественную жизнь со старым деспотизмом и беспробудным сном»⁶⁷⁵. Еще ранее, 3/16 ноября 1887 г. Мурко делился со своим другом Я. Бабником первыми впечатлениями от России. Отмечая огромную отсталость России, Мурко заключал: «И если не придет второй Петр Великий, она еще долго не будет тем, чем должна стать»⁶⁷⁶.

Из общественных направлений в России Мурко особенно разочаровали славянофилы. Позднее он отмечал в прессе, что это произошло потому, что он слишком долго верил в России людям, считавшим, что западных славян можно спасти от всех неприятностей, послав им церковные книги и колокола⁶⁷⁷. Мурко считал славянофилов консерваторами, любящими средневековую мистику и крестьянскую первобытность. И если московские славянофилы, по его мнению, имели какие-то патриархальные черты, то петербургские были лишены их совершенно. Мурко выступал против теории трех миров Ламанского, считая ее реакционной и нежизнеспособной, поскольку она выдвигала на первый план не национальный, а религиозный принцип⁶⁷⁸. Однако ряд мыслей Ламанского он считал плодотворными, например о том, что не только Россия приносит пользу славянам своим существованием, но и славяне — России; что Россия должна быть благодарна полякам за их борьбу с германизаторским натиском и т. д. Научные труды, написанные со славянофильскими тенденциями, вызывали у Мурко видимую неприязнь. В частности, он довольно резко критиковал за ненаучность «Славянское обозрение», выходившее под редакцией А. С. Будиловича⁶⁷⁹.

Но с теми русскими учеными, которые отличались прогрессивными взглядами и строгой объективностью в научных изысканиях, Мурко стремился поддерживать контакты. Так, он не прерывал связи с А. Н. Веселовским. 5 декабря 1890 г. Мурко выслал русскому ученому свое исследование о семи мудрецах и просил написать на него рецензию для «Журнала министерства народного образования»⁶⁸⁰.

С А. А. Шахматовым Мурко переписывался более полутора десятков лет (1897—1913). Первые письма Мурко Шахматову явились ответом на предложение последнего написать для «Известий отделения русского языка и словесности императорской Академии наук» рецензию на сочинение чешского ученого Вондрака о Фрейзингенских отрывках. Мурко отказался от этого предложения, мотивируя свой отказ тем, что он специально не занимался этим предметом. Мурко просил о рецензии Ягича, который изучал в своем семинаре Фрейзингенские отрывки, но тот

ответил на это отрицательно, «потому что все-таки находит большие пробелы в издании и в исследовании»⁶⁸¹.

Отзыв на издание Вондрака был написан Н. К. Грунским, молодым славистом, только что окончившим Харьковский университет и впоследствии занимавшимся историей древнеславянской письменности. Грунский приветствовал издание Фрейзингенских отрывков, но со многими объяснениями Вондрака выразил несогласие⁶⁸².

Дальнейшая переписка между Мурко и Шахматовым также касалась серьезных научных проблем. В частности, Мурко писал о затруднениях К. Штрекеля по поводу издания «Словенских народных песен» Матицей словенской. Шахматова со своей стороны очень интересовала экспедиция двух филологов Царича и Будса, исследовавших чакавское наречие хорватов. Оба они являлись учениками Мурко, и последний довольно подробно информировал русского ученого о их деятельности. В начале 1904 г. он писал о задержке обработки собранных Царичем и Будсом материалов. «Впрочем,— замечал Мурко,— надеюсь, что получите материалы уже на Пасху и тогда сами увидите, что оба сделали больше, чем можно от них требовать». Материалы Царича были высланы Шахматову 22 мая/4 июня 1904 г., а Будса — только летом 1905 г. Будс написал на своих материалах докторскую диссертацию, которую Мурко остался очень доволен. «Теперь знаем,— делился он с Шахматовым в июне 1905 г.,— что такое чакавское и вообще хорватско-сербское ударение, так как замечания Будса о штокавском ударении несомненно верны».

Мурко проявлял интерес к съездам славистов и деятелей Славянского благотворительного общества в Петербурге. Так, он хотел написать статью о съезде славистов в апреле 1903 г. в «Люблянский звон», одобрял созыв съезда культурных и общественных деятелей славянских народов. В сентябре 1909 г. в Граце должен был состояться конгресс филологов, на котором предусматривалась работа секции славистов. Несмотря на попытку Мурко и Штрекеля организовать ее, секция славистов так и не была создана. «Славянское самосознание,— с грустью сообщал Мурко Шахматову,— которому надо радоваться, не знает всегда меры. Я говорил нашим словенцам, что следует присмотреться [к] так[ой] древней и хорошей организации, как Philologstag, и потом устраивать подобные съезды по крайней мере для южных славян, но мои увещания были напрасны».

Большое место в письмах Мурко Шахматову отводилось книгообмену. В последнем письме от 5/19 декабря 1913 г. он просил русского ученого прислать ему книгу «Русские писатели в академических изданиях». В конце письма Мурко добавлял: «Я не желаю получить ответа, тем более, что нас правительство все более стесняет в прямом сообщении с учен[ыми] учреждениями иностранных государств»⁶⁸³. Как следует из последней фразы,

переписка двух ученых оборвалась из-за политических осложнений.

Спорадически Мурко поддерживал контакты и с крупнейшим русским филологом, историком русского языка и диалектологии А. И. Соболевским. Сохранилось письмо Мурко к нему от 6 марта 1905 г., в котором он просил Соболевского прислать ему несколько его статей, особенно о технике перевода⁶⁸⁴.

Б. М. Ляпунову Мурко посылал свои книги и статьи. В частности, когда Ляпунову понадобились материалы для некролога об Облаке, русский ученый обратился за ними к Мурко. Последний прислал ему фотографию безвременно скончавшегося ученого и сведения о нем⁶⁸⁵. Б. М. Ляпунов и позднее сохранил о Мурко самые теплые воспоминания. Когда Мурко исполнилось в 1931 г. 70 лет, он откликнулся на его юбилей теплой статьей. В ней Ляпунов высказывался о юбиляре, как об одном «из наиболее известных славистов», талантливом ученике Ф. Миклошича, отличавшемся горячим интересом к исследованию современной культурной и общественной жизни славянских народов. Автор отмечал популяризаторский талант Мурко, его успешную преподавательскую деятельность в Граце, Вене, Лейпциге, Праге. «В заключение не могу не выразить,— подчеркивал Ляпунов,— своего удивления той энергии и неутомимой деятельности, которую обнаруживает Мурко в области изучения культурной жизни южного и западного славянства в его прошлом и настоящем, глубокой благодарности за сделанные им крупные вклады в изучение славянства и пожелания с такою же энергией продолжать свою полезную деятельность»⁶⁸⁶.

Через Ляпунова Мурко заочно в 1896 г. познакомился с Н. Ф. Сумцовым, профессором Харьковского университета, видным этнографом и литературоведом, завязал с ним переписку. Сумцов написал о Мурко статью в энциклопедический словарь, для которой попросил у него материала. Мурко прислал его, отметив, что пока еще не убежден в необходимости присутствия его биографии в русской энциклопедии. Мурко и позднее переписывался с Сумцовым, которого высоко ценил. «Пока я знал только Вашу ученую деятельность, которой хватит, чтобы Вас уважать и любить,— писал он Сумцову 12 января 1901 г., поздравляя его с двадцатипятилетием его педагогической и научной деятельности,— но я просто удивляюсь Вашей многосторонней общественной, педагогической и публицистической деятельности. Пожалуй, это более возможно и нужно в России, чем на Западе, но то и хорошо, что Вы так отлично исполняете задачи ученого, который действительно любит свой университет, свой город и свою родину».

Спустя 5 лет, поздравляя Сумцова с 30-летием его научно-педагогической деятельности, Мурко вновь подчеркивал: «В нынешние тяжелые времена можете себя утешать и тем, что Вы были всегда на верном пути, когда Вы защищали духовный и обществен-

ный прогресс и свободное развитие всех народных сил, благодаря которым могла бы Россия занимать уж совсем иное место в свою пользу и в честь всего славянства». Особенно высоко оценивал Мурко труды Сумцова по этнографии⁶⁸⁷.

В 90-е годы Мурко имел переписку с молодым русским ученым М. Н. Сперанским. Летом 1890 г. Сперанский был в Вене, где активно общался с Мурко. О своих впечатлениях от встреч со словенским филологом Сперанский подробно сообщал в письме В. Н. Щепкину от 8/20 июня 1890 г. «Мурко благодушествует по-своему,— замечал он,— т. е. весел, забавен, вносит оживление всюду, куда ни придешь... Разумеется, исповедовал я его за его „V provinciji na Ruskem“. Он очень наивно и откровенно каялся и объяснялся, что побудило его к подобному тону и т. д., ну теперь мы уже и не вспоминаем об этом». Отношения Сперанского с Мурко сложились довольно поверхностно. В уже упомянутом письме к Щепкину Сперанский сообщал, что каждый день обедает с Мурко и последний много говорит о политике. «Он при своих несомненно хороших способностях,— писал Сперанский,— страдает поверхностностью, как бы фельетонизмом». «У него,— продолжал русский ученый,— к сожалению, есть замашки публициста; это бы еще не беда, если бы это не сказывалось на его ученых работах... в ущерб делу. Таково мое мнение. А все-таки он премилый человек, мы с ним в большой дружбе пока»⁶⁸⁸. После Вены Сперанский отправился путешествовать по Венгрии, Хорватии, Сербии. Некоторые рекомендации, например к хорватскому ученому Шрепелю, были даны ему Мурко. Переписка между учеными в этот период шла очено интенсивно. Мурко писал о всех событиях в Вене: о приезде в нее Успенского, о здоровье Облака, об успехе в Вене оперы Сметаны «Проданная невеста», о праздновании 30-летия научной деятельности Ягича. 12/24 февраля 1893 г. словенский ученый приглашал Сперанского, а через него и Щепкина написать статьи о Колларе в альманахах, посвященный 100-летию со дня его рождения. «Мне кажется,— советовал Мурко,— что бы следовало посмотреть в Румянцевском музее Срезневского рукописный разбор Slávy Dsegu, пожалуй, вышло бы все-таки что интересное. О существовании такого разбора я слышал в Москве от С. О. Долгова. Влияние Коллара на славянофилов не подлежит сомнению»⁶⁸⁹.

В декабре 1897 — феврале 1898 г. Мурко написал Сперанскому два письма, в которых рассказывал о заметке в «Слованском свете», направленной против его статьи «В русской провинции». Мурко сообщал русскому ученому, что в полемике с автором заметки использовал выдержки из его писем⁶⁹⁰.

«Повесть о семи мудрецах», над которой Мурко работал в России, он хотел сделать своей габилитационной работой (для получения звания доцента), но Ягич этому воспротивился. Все же Мурко довел свое исследование на эту тему до конца и опубли-

ковал его в изданиях Венской Академии наук под заглавием «Повесть о семи мудрецах у славян» (1892). В своем исследовании Мурко доказывал, что эта повесть пришла в Россию из Чехии через Польшу. В России работа Мурко не встретила откликов, в западных научных кругах ее хвалили. Позднее она была напечатана в «Люблянском звоне» под заглавием «Первые шаги русского романа» (1897)⁶⁹¹. В том же году она вышла под тем же названием в Вене на немецком языке. Это немецкое издание нашло отклик в русской печати — в «Журнале министерства народного просвещения» в разделе «Книжные новости», был напечатан пересказ работы Мурко безо всяких комментариев⁶⁹².

Подготовкой к диссертационной работе Мурко явилась его статья «Смысл славянской взаимности Коллара», помещенная в чешском сборнике в честь столетия со дня рождения замечательного чехословацкого поэта и просветителя. Эта статья была замечена в России. На нее написал отзыв постоянный рецензент «Филологических записок» А. Степович, который отметил, что она имеет скорее публицистический, чем научный характер, и что является характерной для взглядов «известной, довольно значительной кучки австрийского славянского студенчества на межславянские отношения». В статье Мурко высказывал мнение о возможности единого общеславянского языка, подчеркивая, что им скорее всего может быть русский язык. Но для этого, полагал Мурко, необходим ряд условий, которые в данный момент отсутствуют в России: во-первых, широкое и глубокое просвещение, а во-вторых, известная общественная свобода. Степович не одобрял статью Мурко, но отмечал, что он иногда очень правильно указывает на недостатки. В частности, Мурко критиковал программу Санкт-Петербургского университета по истории и филологии на 1887/88 учебный год, которая рекомендовала студентам для чтения только немецкую, английскую и французскую литературу, не упоминая ни одного русского сочинения даже по истории православной церкви. Вместе с тем в своей статье Мурко упрекал славян в их слабом знакомстве с Россией и ее литературой⁶⁹³.

Диссертационной работой Мурко стала его книга «Немецкое влияние на зарождение чешского романтизма», вышедшая в Граце в 1897 г. на немецком языке. На эту книгу было написано всего 47 рецензий. По мнению А. Слодняка, за небольшим исключением, все они носили объективный характер⁶⁹⁴. В России отзыв на нее написал Н. Грунский. Он положительно отзывался о главах, посвященных Шафарику, Коллару, Челаковскому, обильным фактическим материалом. Вместе с тем Грунский считал, что Мурко слишком преувеличивает немецкое влияние на славянское возрождение, преуменьшая тем самым влияние на него других народов. В частности, восхваляя деятельность эрцгерцога Иоанна в словенских областях, он почти не затрагивает воздействия французской оккупации на Крайну, хотя «значение занесенных идей фран-

цузской революции, и особенно упомянутое присвоение Крайны, имели важное значение для развития словенской литературы и вообще словенского народа⁶⁹⁵.

В «Журнале министерства народного просвещения» поместил рецензию на книгу Мурко Н. В. Ястребов. Он считал работу словенского ученого интересной и богатой по содержанию. Но как и Грунский, Ястребов отвергал основной вывод Мурко о том, что «главную заслугу в возрождении чешского народа следует приписывать немецким влияниям, особенно романтике и ее предшественнику Гердеру». К такому выводу Мурко мог прийти, по мнению Ястребова, только потому, что видел «в возрождении не самостоятельное народное движение, а подражательное, немецкое». Мурко должен бы был показать жизнь чешского народа в конце XVIII — начале XIX в., связав ее с чешским возрождением. Рецензент отмечал, что автор ничего не сказал о влиянии на чешское возрождение других славян, в том числе и русских. Ястребов заканчивал пожеланием, чтобы в своих последующих работах Мурко проявлял «большее внимание к иным, нелитературным процессам народной жизни и меньшее увлечение теорией литературных заимствований»⁶⁹⁶.

С точкой зрения Грунского и Н. Ястребова, по-видимому, были согласны многие рецензенты, особенно из славянских земель. Слодняк замечает, что книгой Мурко немцы были значительно более довольны, чем славяне. Мурко воспринял критику и в следующих своих книгах не так преувеличивал роль немецкой романтики в развитии славянских литератур⁶⁹⁷.

Положительный отклик получил некролог Миклошичу, написанный Мурко и помещенный в «Летописи Матицы словенской». Этот некролог подробно пересказывался на страницах «Русского филологического вестника», рецензент которого полностью поддерживал основной вывод Мурко о том, что своею научною деятельностью Миклошич принес огромную пользу славянству⁶⁹⁸. Позднее в Веймаре Мурко опубликовал статью о юношеских годах Миклошича, охватывавшую его биографию до 1844 г. Эта статья была положительно оценена известным русским славистом П. Кулаковским, который подчеркивал «ученую добросовестность в работах г. Мурко»⁶⁹⁹.

В 1900 г. в Любляне вышла книжка Мурко, посвященная Облаку. Ее высоко оценил Т. Д. Флоринский, подчеркнув, что «прекрасно составленный им биографический очерк жизни и трудов незабвенного слависта дает весьма ценный материал для истории славянской филологии нового времени»⁷⁰⁰.

Большой похвалы Н. М. Петровского удостоилась брошюра Мурко «Миливой Шрепел», напечатанная в 1905 г. и посвященная профессору загребского университета, члену-корреспонденту Академии наук России, поклоннику и популяризатору русской литературы среди хорватов М. Шрепелю. Петровский советовал

перевести труд Мурко на русский язык, так как он дал прекрасный не только библиографический, но и критический обзор научной деятельности Шрепеля. «Этот некролог,— заключал он,— ярко характеризует понесенную хорватами, а с ними и всем славянством — утрату»⁷⁰¹.

Некоторое время спустя Н. М. Петровский вновь дал отзыв на статью Мурко. Она была опубликована в цикле сочинений, вышедших в 1908 г. в Берлине под общим названием «Восточно-европейские литературы и славянские языки». Здесь были напечатаны статьи Ягича о славянских языках, Веселовского — о русском языке, Брюкнера — о польской литературе и т. д. Статья Мурко была посвящена югославянской литературе. «Из очерков славянских литератур,— писал Петровский,— наиболее удачен в рассматриваемой книге последний, принадлежащий перу г. М. Мурко и характеризующий развитие духовной жизни югославян». И все же некоторые моменты в труде словенского ученого не удовлетворили Петровского, а именно: слабая характеристика кайкавской литературы хорватов, предшествовавшей иллирийскому периоду ее развития, рассмотрение сербской и хорватской литератур как единой литературы⁷⁰².

Важную роль в ознакомлении словенской общественности с русской культурой и русской общественности со словенской культурой сыграл Мартин Матвеевич (Даворин) Хостник. Он родился в 1853 г. в Нижней Крайне, в семье крестьянина. Окончив гимназию, служил в армии, затем учился в Венском университете. Однако активная национальная деятельность Хостника поставила его перед угрозой репрессий со стороны австрийских властей. В самом конце 1879 — начале 1880 г. он эмигрировал в Россию. В 1880 г. Хостник выдержал экстерном экзамен в Харьковском университете и получил русский диплом. Сначала он преподавал в Борисоглебске, а затем переехал в г. Рыльск, Курской губернии, где был учителем французского и немецкого языков с 1882 по 1923 г. Очутившись в России, Хостник не порвал своих связей с родиной. Он активно сотрудничал в либеральном «Словенском народе», и даже явился поводом для репрессий против последнего со стороны австрийского правительства. Затем Хостник в течение десятка лет был корреспондентом русофильской либеральной газеты «Словански свет». Занимался Хостник публицистикой и в России — писал статьи для «Известий С.-Петербургского славянского благотворительного общества», публиковал небольшие филологические статьи в «Филологических записках» (Воронеж). Вел он постоянную переписку и с двумя видными славистами: И. С. Пальмовым и В. И. Ламанским. Однако она касалась главным образом вопросов деятельности Славянского благотворительного общества в Петербурге. В 90-х годах С.-Петербургское славянское благотворительное общество решило издать за свой счет несколько русско-славянских и славянско-русских словарей. К каждому сло-

варю должна была быть приложена краткая грамматика «русского языка к словарям с русского на славянские наречия и грамматика того или другого славянского наречия к словарям со славянских наречий на русский язык», причем грамматика русского языка должна быть на соответствующем славянском наречии, а грамматика того или другого славянского наречия — непременно на русском языке⁷⁰³. Составление словенско-русского и русско-словенского словарей было поручено М. М. Хостнику. Для Хостника работа над словарями была не только интересным и значительным делом как для филолога, она полностью отвечала его идейным воззрениям словенского патриота и горячего русофила. В предисловии к русско-словенскому словарю, вышедшему в 1897 г., Хостник так определял его значение для словенцев: «В настоящем труде предлагаю своим дорогим землякам пособие, которое даст им возможность научиться языку величайшего и могущественнейшего славянского племени и черпать неизмеримые богатства русской литературы из ее первоисточника»⁷⁰⁴.

Хостник сразу же сел за составление русско-словенского словаря и работал очень интенсивно. Особое внимание он уделил написанию русской грамматики для словенцев. «Русская грамматика для словинцев обработана мною тщательно, причем я руководствовался „Исторической грамматикой русского языка“ Ф. Буслаева и учеными трудами покойного академика Грота, — писал он 19 января 1896 г. издательской комиссии Славянского благотворительного общества. — ...Вообще я подробно обработал все то, что для меня при изучении русского языка составляло затруднения или сомнения, полагая, что в таком же положении, как я, очутится каждый словинец»⁷⁰⁵.

Издательская комиссия послала рукопись Хостника на отзыв создателю словацко-русского словаря Л. Мичатеку. Оценка последним труда Хостника была положительной. «Русско-словинская грамматика г. Хостника, — указывал Мичатек, — представляет собою очень добросовестный труд, который может оказать словинцам, желающим усвоить себе русский язык, весьма полезную услугу. Книжка заключает в себе довольно грамматического материала, гораздо больше, чем моя русско-словенская [словацкая. — И. Ч.] грамматика. Правила дает автор верные и излагает их удобопонятно: коротко и ясно»⁷⁰⁶.

После долгих поисков удалось найти в Австрийской монархии типографию, которая взяла на себя издание словаря, — это была типография известного словенского национального деятеля Андрея Габрщека, принадлежавшего к кругу русофильски настроенных либералов. Для него издание русско-словенского словаря, как и для Хостника, было не столько коммерческим делом, сколько делом, полностью отвечающим его идейным взглядам. К концу 1897 г. русско-словенский словарь был издан.

Выход словаря Хостника был радостно воспринят в кругах

словенской интеллигенции. Еще в апреле 1897 г. Ф. Подгорник, издатель «Слованского света» и друг Хостника, писал ему: «Радостную для образованных словинцев и словинок весть прислали Вы мне, что благодаря Вашему труду мы вскоре получим давно и так сильно желанный русско-слов[инский] словарь и грамматику... Меня словинцы постоянно спрашивают, можно ли надеяться на появление русско-слов[инского] словаря и русской грамматики на слов[инском] языке; теперь я могу дать желательный ответ»⁷⁰⁷.

Словенские либеральные издания встретили словарь Хостника с воодушевлением. Уже в октябрьском номере «Люблянского звона» за 1897 г. была помещена редакционная заметка, горячо рекомендовавшая словарь всем образованным словенцам. «Грамматика включает в себя правила, необходимые для изучения русского языка, словарь же дает обширный словарный материал»⁷⁰⁸. Спустя несколько месяцев в том же журнале появилась хвалебная рецензия на труд Хостника начинающего свою научную карьеру Ивана Приятеля. Он с радостью констатировал, что словенцы получили нужные пособия для изучения русского языка. «Теперь нам не нужно будет больше ходить к немцам за грамматикой и словарями», — добавлял автор рецензии. Приятель хвалил Хостника за использование им в труде материала из сочинений Пушкина, Грибоедова, Крылова, русского народного творчества, за точные переводы. Среди недостатков рецензент отмечал обстоятельство, что грамматика не слишком хорошо приспособлена к учебным целям и хорошо понятна только тем словенцам, «которые имеют ясное представление о грамматической теории». «Но все это мелочи, — подводил итог Приятель, — вообще же нужно признать, что словарь и грамматика Хостника — важное явление, замечательный труд в нашей литературе»⁷⁰⁹.

Книга «Русско-словинский словарь и краткая грамматика русского языка» М. М. Хостника получила положительные отклики и в России. Т. Д. Флоринский отмечал, что толкование правил русского языка в грамматике ведется применительно к особенностям словенского языка. «Во всяком случае словинцы...получают теперь хорошее пособие при изучении русского языка», — заключал он⁷¹⁰. В Воронеже приветствовал выход словаря Степович. «Каковы бы ни были недостатки этого издания, — подчеркивал он, — нельзя не приветствовать от всей души подобного рода книг, облегчающих славянам взаимное ознакомление с их наречиями»⁷¹¹.

В частной переписке Хостник также получал лестные отзывы на свой словарь. В письмах к И. С. Пальмову от 20 октября 1898 г. и от 6 июня 1899 г. он сообщал о положительной оценке его труда со стороны грацкого профессора Г. Крека и молодого русского слависта Б. М. Ляпунова⁷¹².

Второй словарь — словенско-русский — Хостник начал составлять сразу же после окончания работы над первым словарем.

В ноябре 1897 г. труд Хостника был в основном закончен, и он просил Издательскую комиссию ходатайствовать о скорейшем напечатании словенско-русского словаря со словенской грамматикой⁷¹³. В письмах к Пальмову Хостник писал о трудностях, встретившихся ему при работе над словенской грамматикой для русских. «Есть главы,— признавался он своему корреспонденту в конце 1897 г.,— которые я несколько раз переписывал, пополняя их. При этом нужно много читать». 21 марта 1898 г. Хостник писал Пальмову о цели, которую он преследовал при написании словенской грамматики: «...научить русских читать слов [инские] книги. В источниках словинских многого нет, на что нужно указать в книге, предназначенной для русского»⁷¹⁴.

Словенско-русский словарь и словенская грамматика предназначались для русской интеллигенции. В упомянутом выше письме Издательской комиссии от ноября 1897 г. Хостник выражал надежду, что «мой труд в некоторой степени будет способствовать изучению слов [инского] языка со стороны русских студентов»⁷¹⁵.

Рецензентом на словенско-русский словарь и словенскую грамматику был снова Мичатек. «Труд почтенный, серьезный, богатый,— отмечал он.— Интересны, между прочим, и некоторые, как полагаю, верные поправки не вполне верного учения наших славистов (Брандт, Флоринский о видах и будущем времени). Определения поданы, насколько это возможно, и в суффиксологии, точные и полные. Против распределения материала грамматики наука вряд ли возразит что-нибудь существенное. Слог, насколько я могу судить, отличается ясностью и правильностью»⁷¹⁶.

Печатание словенско-русского словаря Хостника также происходило в горицкой типографии А. Габрщека. Однако оно шло более медленно, и второй словарь вышел в свет только в 1901 г. Уже в мае 1901 г. Хостник получил из типографии 2 экземпляра сброшюрованной грамматики⁷¹⁷. Один экземпляр он послал А. И. Соболевскому вместе с письмом от 10 февраля 1901 г.: «Покорнейше прошу Вас принять на добрую память прилагаемый экземпляр моей „Грамматики словинского языка“. Этим я воздаю только посильную дань почтения к Вам как к своему учителю: что я таким Вас считаю, Вы убедитесь на многих местах моего скромного труда». Далее Хостник выражал уверенность, что «в будущем акад[емическом] году студенты будут иметь в руках и грамматику и словарь. За неимением пока лучшего, и мои труды принесут пользу студентам-словесникам. Я надеюсь, что критика будет милостива: я ведь, так сказать, пахал целину»⁷¹⁸.

Словенско-русский словарь и словенская грамматика Хостника вызвали одобрение русской общественности. В 1902 г. в январском выпуске «Журнала министерства народного просвещения» была помещена рецензия П. А. Лаврова, видного специалиста по старославянскому языку, на труд Хостника. Лавров приветствовал появление словенско-русского словаря и словенской грам-

матики, которые должны облегчить русским изучение словенского языка. Отметив, что словарь Хостника вполне отвечает требованиям, предъявляемым к словарям, Лавров сравнил его со словенско-немецкими словарями А. Янежича и М. Плетершника. Автор рецензии пришел к выводу, что словарный запас и фразеология у Хостника гораздо богаче, чем у Янежича. Лавров делал и ряд замечаний: в сл. варе отсутствовали слова, одинаково звучащие по-русски и по-словенски; Хостник давал этимологические объяснения ряду слов, вступая в полемику с теми, кто толковал их иначе, и т. д. Вместе с тем Лавров подчеркивал: «Эти замечания несколько, однако, не препятствуют нам признать вполне заслугу автора, оказанную составлением словинско-русского словаря». Оценка Лавровым словенской грамматики была еще более высокой, чем словаря. «Ограничимся только замечанием,— писал он,— что грамматика обнимает фонетику, склонение и спряжение, образование слов и синтаксис, иначе говоря — полный курс словинского языка. Автор имеет в виду и народный и литературный язык и обнаруживает знакомство с относящейся к предмету литературой в достаточной степени»⁷¹⁹.

Особо высокую оценку русских научных кругов получила «Грамматика словенского языка» Хостника. Ей была присуждена премия Академии наук. «Присуждение мне премии Академией наук — отраднейший момент в моей жизни, известие это тронуло меня до глубины души,— писал М. М. Хостник А. И. Соболевскому 10 февраля 1901 г.,— лучше моя любовь к слав[янскому] языкознанию не могла быть оценена»⁷²⁰.

В Словении словенско-русский словарь Хостника тоже был встречен с воодушевлением. Рецензент «Люблянского звона» отмечал, что словарь и грамматика составлены со свойственным автору прилежанием и хотя не полны, но достаточны для начала. «Новая книга Хостника,— заканчивал рецензент,— имеет огромное культурное значение для славян. Русское благотворительное общество, которое эту книгу издало, хотело сказать: мы, русские, которых более 80 миллионов, не забыли, что вы, словенцы, которых всего полтора миллиона, наши братья. И вы также не забудьте, что русский язык для каждого образованного словенца, если он хочет быть истинным славянином, необходим!»⁷²¹ Таким образом, либералы подчеркивали не столько научное, сколько политическое значение труда Хостника.

Однако словари и грамматики Хостника вызвали не только положительные отклики. Словенский филолог С. Шкрабец не был согласен с рядом правил, приведенных в словенской грамматике Хостника. Шкрабца поддержали такие видные ученые, как Бодуэн де Куртенэ, Мурко, Штрекель. В письме к Ляпунову от 30 апреля 1897 г. Хостник писал, что его взгляды на словенский язык полностью совпадают со взглядами А. Янежича, Ф. Левстика, И. Шумана, авторов словенских грамматик, знавших словенский язык

не хуже С. Шкрабца. Из русских ученых, замечал Хостник, он опирался на труды Буслаева, Соболевского, Брандта. Не соглашаясь с доводами своего оппонента, Хостник так оканчивал свое письмо: «Не судите меня и слишком строго, ведь я сам за ученого себя никогда не считал... Я утешаюсь хотя тем, что я в глуши уездного города занимаюсь наукою „елико могу“»⁷²².

Заслуга Хостника в развитии русско-словенских научных связей заключалась в создании им двух словарей. О их значении хорошо сказал П. Миклавец, словенский этнограф-самоучка и фольклорист. «Этими двумя книжками,— подчеркнул он,— автор и издатель дали словенцам ключ к богатой русской литературе, и можно надеяться, что русские книги в непродолжительном времени найдут себе среди словенцев большее число читателей, чем до сих пор было»⁷²³.

Особое место в развитии русско-словенских научных связей занимает Иван Приятель (1875—1937), один из крупнейших демократических ученых Словении. Его деятельность высоко оценивается современными словенскими учеными. «Несмотря на различные изменения и перемены,— пишет Ш. Барбарич,— которые приносит время, его деятельность уже более полстолетия остается живой, стимулирующей и плодотворной, является неотъемлемой составной частью словенской культурной традиции, частью нашего современного сознания». Совершенно справедливо отмечал и председатель Словенской матицы Ф. Коблар, что «Иван Приятель не только создатель нашего литературоведения, но и истинный основатель нашего современного искусствознания»⁷²⁴.

Иван Приятель родился в 1875 г. в крестьянской семье, учился в Люблянской гимназии, где в 1894 г. вместе со своим однокашником Францем Гривцем стал изучать русскую литературу. В 1897 г. к ним присоединились Йосип Мурн (Александров), будущий замечательный поэт, и другие гимназисты. Они основали тайное литературное общество, члены которого создали альманах «Na gazstanku», изданный в 1898 г. в Горице А. Габршеком⁷²⁵.

С 1898 г. Приятель стал изучать в Венском университете славистику. Его руководителем был известный ученый-славист В. Ягич. Ягич в 1872—1874 гг. и 1880—1886 гг. преподавал в русских университетах (Новороссийском и Петербургском). В бытность свою в России он подружился с рядом выдающихся русских ученых, которых высоко ценил. Глубокое его уважение вызывал А. Н. Веселовский, которого Ягич характеризовал следующим образом: «...один из замечательнейших ученых второй половины XIX века, не только России, но и целой Европы»⁷²⁶. С А. Н. Пыпиным Ягича связывала долготелая дружба. Именно Пыпин ввел его в курс общественных отношений в России, обратил его внимание на русскую демократическую литературу и критику. Ягич был близко знаком с Ф. Е. Коршем, П. А. Кулаковским, Л. Н. Май-

ковым, Н. М. Петровским и др.⁷²⁷ Общение с Ягичем только помогло укрепить интерес Приятеля к русской культуре.

Уже в первом своем печатном выступлении — рецензии на русско-словенский словарь и русскую грамматику Хостника — Приятель выступил с призывом изучать русский язык и русскую культуру. «На основе русского языка должна развиваться у нас культурная деятельность, — писал он, — национальное возрождение, на его основе должно произойти освобождение нашего духа от чуждого влияния, от чуждых оков... Будем учиться русскому языку, особенно в настоящее время, когда нас хочет поглотить чужое море, теперь, когда чужие „ученые“ отказывают нам во всяком праве на будущее»⁷²⁸. Таким образом, Приятель видел в русском языке и литературе средство борьбы против ассимиляции и средство повышения уровня словенской культуры.

С этого времени Приятель активно сотрудничает в «Люблянском звоне». К его статьям начал проявлять интерес в начале девятисотых годов А. Ашкерц, известный русофил, большой словенский поэт, бывший тогда редактором «Люблянского звона». По заказу Ашкерца Приятелем была написана статья «Русский роман и новейшая французская литература». Во всяком случае, 6 января 1900 г. Ашкерц благодарил за нее Приятеля⁷²⁹. Статья не отличалась оригинальностью, сам автор указывал, что она написана на основании статьи З. Венгеровой, опубликованной в «Вестнике Европы» (февраль 1899)⁷³⁰. Прямо по заказу Ашкерца Приятель написал обширную статью «Толстой и его роман „Воскресенье“». В уже упомянутом письме от 6 января 1900 г. Ашкерц просил Приятеля собирать сведения о русской литературе, и особенно настаивал дать в «Люблянский звон» заметку о романе Толстого «Воскресенье». 26 января 1900 г. редактор «Люблянского звона» благодарил корреспондента за присланную статью о Толстом. Ашкерц просил автора сократить ту часть статьи, которая касается предшественников великого русского писателя⁷³¹.

30 января 1900 г. Приятель отправил из Вены Ашкерцу довольно резкое послание. «Вся моя статья, — подчеркивал Приятель, — целостна. Я не мог проанализировать Толстого в целом и все главные этапы развития его идей. Я ограничился теми идеями, которые особенно выпукло проявились в „Воскресенье“». Приятель далее указывал, что он твердо убежден, что каждый писатель является результатом прежнего развития литературы. «Долго я думал и трудился, прежде чем отыскал основную идею литературы до Толстого и главную нить, которой Толстой связан со своими предшественниками. И я ее нашел в отношении русской литературы (и Толстого вместе с ней) к иностранной литературе и культуре». Эту особенность русской литературы забыла критика, а ведь о ней писал в свое время еще П. А. Вяземский. Приятель считал, что всю русскую литературу пронизывает одна главная идея —

борьба против офранцуживания. Эту идею он прослеживал и у Гоголя, и у Достоевского, и у Толстого⁷³². Письмо Приятеля показывает, что в русской литературе он видел прежде всего орудие борьбы против иноземного засилья. Поэтому он гипертрофировал в ней такие черты, которые наиболее полно отвечали этому его взгляду. Правда, в статье о Толстом Приятель не проводит свои идеи столь четко и ясно, как в своем письме к Ашкерцу. Его статья стала не столько рассказом о «Воскресенье», сколько исследованием всего творчества Л. Толстого. Главной чертой Л. Толстого как писателя Приятель считал поиски им истины. «Всю свою жизнь,— подчеркивал он,— Толстой искал истину... Сотни раз он падал и сотни раз опять вставал за правду». Молодого словенского критика восхищало стремление Толстого к самоусовершенствованию, к самопожертвованию: «Толстой великий апостол, воспитатель народов и социолог с далеко идущими целями». В заключение Приятель подчеркивал, что творчество Толстого выходит за религиозные, политические и национальные рамки, оно принадлежит всему человечеству, ибо человечность — его отличительная черта⁷³³.

Советский литературовед М. И. Рыжова высоко оценивает научные достоинства статьи Приятеля о Л. Толстом. «Работа Приятеля,— пишет она,— содержит немало свежих, оригинальных мыслей, собственных наблюдений и заключений, возникших в результате тщательного изучения молодым литературоведом творчества великого русского писателя. При этом автор статьи широко использует и критическую литературу своего времени»⁷³⁴.

Кроме указанной статьи о Толстом, И. Приятель в 1901 г. напечатал в «Люблянском звоне» два перевода с русского языка: «Двадцать шесть и одна» А. М. Горького и «Дама с собачкой» А. П. Чехова. Перед переводом рассказа Чехова он дал краткую характеристику его творчества. По мнению Приятеля, Чехов описывал в своих рассказах роковые мгновения в жизни героев. «Рассказы Чехова кратки,— отмечал словенский критик,— кратки его мгновения, но это мгновения духовности. Душа же всеобъемлюща, бесконечна и вечна. И поэтому на кратких мгновениях лежит печать вечности»⁷³⁵. М. И. Рыжова полагает, что статья написана очень живо и эмоционально, и, хотя не все черты чеховского творчества находят в ней свое отражение, «облик русского писателя в каких-то важных чертах предстал перед словенской читательской публикой довольно рельефно»⁷³⁶.

В том же 1901 г. вышел сборник рассказов Чехова в переводе И. Приятеля с его же вступительной статьей. В сборнике были представлены самые различные произведения великого русского писателя: «Детвора», «Злоумышленник», «Черный монах», «Чайка» и др. Вступительная статья о Чехове вызвала одобрение П. А. Заболотского. Он отмечал у И. Приятеля сочетание дарования поэта с талантом ученого-исследователя. Приятель,

по мнению Заболотского, умел широко поставить вопрос и разобраться в нем. Рецензент сожалел, что Приятель не знал последних произведений Чехова — «Вишневого сада» и «Трех сестер». «Краткая, но содержательная и художественно написанная монография д-ра И. Ф. Приятеля» — таково было заключение Заболотского о его вступительной статье⁷³⁷.

К столетию со дня рождения А. С. Пушкина Приятель опубликовал в Словении статью «Пушкин в словенских переводах». Она в сокращенном варианте была напечатана в сборнике, выпущенном Академией наук России под редакцией Ягича, — «Пушкин в южнославянских литературах». В статье Приятель рассказывал об отношении к России и русской культуре деятелей словенского возрождения, начиная с В. Водника и кончая А. Жакелем (Радолобом Лединским). Затем он перечислил и коротко охарактеризовал все переводы на словенский язык стихов Пушкина, начиная с первого — Р. Лединского и кончая «Русской антологией в словенских переводах», вышедший в 1902 г. В конце Приятель давал полную библиографию всех работ о Пушкине в словенских изданиях⁷³⁸.

Статья Приятеля о Пушкине вызвала отклик и в Словении, и в России. В «Люблянском звоне» отмечали вывод автора, что надо переводить лишь то, что отвечает вкусу словенцев, и так, как этого требует словенский язык⁷³⁹. Русскому рецензенту Т. Д. Флоринскому особенно понравилась полная библиография переводов Пушкина на словенский язык и критические замечания о них, данные Приятелем⁷⁴⁰.

В 1902 г. в «Люблянском звоне» была напечатана статья И. Приятеля о Гоголе. Гоголь, по мнению автора, отразил в своих произведениях Россию, характер русского народа. Самым замечательным творением Гоголя Приятель считал «Мертвые души». «В них, — подчеркивал словенский критик, — он размышлял о России, о том, что она представляет собою на самом деле. И эти его размышления стали грандиозной и страшной картиной, проповедью, доходящей до самого сердца». Гоголь, по мнению Приятеля, «нецивилизованный, но полнокровный славянин. В нем все от чувства и фантазии, и ничего — от разума». Все русские реалисты имеют свои истоки в творчестве Гоголя. Тургенев взял от него беспокорность о судьбах России, Достоевский — интерес к патологической религиозности, Л. Толстой — сомнения; Салтыков-Щедрин — смех сквозь слезы⁷⁴¹.

В марте 1903 г. Приятель отправился в Россию как стипендиат Венского университета. Его учитель Ягич так определял его задачи в России в письме от 10 апреля 1903 г.: «Я бы желал, чтобы Ваше пребывание в России способствовало бы расширению Вашего кругозора, без чего нет успеха ни в науке, ни в политике. Поэтому старайтесь познакомиться с людьми разных направлений, разных партий»⁷⁴².

Петербург, в который Приятель прибыл для учения, ему не понравился. Он видел на нем печать официальной России, «самодержавную, роскошно украшенную столицу». Случайно увиденный им разгон студенческой демонстрации еще более усилил его неприязнь к Петербургу. В июле 1903 г. Приятель вернулся на родину, а уже в начале 1904 г. снова отправился в Россию, на этот раз в Москву. «Она мне бесконечно больше нравится,— сообщал Приятель Нахтигалу,— чем он [Петербург — И. Ч.], смелый, дерзкий, однообразный как море, одетый по-рабочему или по-чиновничьи Петров бастард. Москва же настоящая здоровая русская баба, как их рисует в последнее время Малявин, сильная, раскинувшаяся в свободной широте, в цветастой, почти расписной одежде, украшенная старинными домиками, как драгоценностями. И Кремль, в действительности, украшение не только Москвы, но всей России. Не знаешь, то ли это музей, то ли ризница, то ли светлый предел, то ли все вместе взятое»⁷⁴³. Во второй раз Приятель был в России полгода, до конца июля 1904 г. Последнюю часть этого времени он провел в Петербурге, куда его влекли богатые библиотеки, и в Варшаве. В России Приятель внимательно изучал русскую литературу, русскую общественную мысль. В письмах к Ягичу из Москвы Приятель сообщал, что штудирует философские основы славянофильства и западничества, эстетические основы русской критики, реформы 60-х годов. Его интересовало творчество Тургенева и Толстого, он заново открывал для себя А. Н. Островского. Приятель делился с Ягичем своими планами об изучении новейших политических учений, в том числе марксизма⁷⁴⁴.

В письмах к Нахтигалу Приятель перечислял тех русских критиков и писателей, которых он изучал: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Григорович, Гончаров, Достоевский, Л. Толстой, поэты 70—80-х годов, а также Белинский, Добролюбов, Чернышевский, А. Григорьев, Михайловский. Помимо реформ 60-х годов, о которых он писал Ягичу, его интересовала русско-турецкая война 1877—1878 гг. «Из истории русской мысли,— признавался Приятель Нахтигалу в письме от 23 мая/5 июня 1903 г.,— меня интересует славянофильство, первая целостная, последовательная философская доктрина в России, которая пережила разные этапы, как и общество вместе с ней. Позитивизм 60-х годов и социализм 90-х значительно менее оригинальны»⁷⁴⁵.

Изучение славянофильства потом помогло Приятелю написать статью о А. С. Хомякове в «Люблянский звон». Словенский ученый рассматривал появление славянофильства как реакцию на засилье французских и немецких влияний в русском обществе. И хотя Приятель осуждал поддержку Хомяковым идей православия и самодержавия, его консерватизм, он отмечал и те черты русского славянофильства, которые были ему симпатичны: борьбу за освобождение личности, любовь к своему народу. Хотя славянофильства уже нет, заключал Приятель, но жив призыв к пробуждению

духа и мысли народа. В 60-е годы он был подхвачен просвещенными позитивистами, в 70-е годы — субъективистскими народниками, в 90-е годы — марксистами. Стремление понять и изучить народ — вот главное, что, по мнению Приятеля, объединило все эти течения⁷⁴⁶. Приятель, человек не слишком образованный политически, смешивал самые различные в классовом отношении политические течения: славянофилов, представлявших либеральное дворянство, народников, выступавших от имени крестьянских масс, и марксистов, выражавших интересы пролетариата. Но важной в высказывании Приятеля была его высокая оценка стремления у политических деятелей понять и изучать народные массы.

В современной России наиболее горячее сочувствие у Приятеля вызывало русское студенчество. В письме к Нахтигалу от 23 мая/5 июня 1903 г. он называл его «единственным передовым элементом в России». Полицейский произвол, продажность официальной прессы были ненавистны молодому словенцу.

Русско-японская война застала Приятеля в России. По его собственному признанию Нахтигалу, он настолько сросся с русской действительностью, что чувствовал шемящую боль, когда слышал о поражениях русских, хотя «я знаю (из здешних честных кругов), что несколько поражений русского оружия только принесли бы пользу России». Как и русские «честные круги» (несомненно, либерально настроенные ученые, с которыми общался Приятель), он полагал, что после неудачной русско-японской войны, как после Крымской войны, Россия вступит в полосу либеральных реформ.

В России Приятель активно знакомился с русской культурной жизнью. В современных русских писателях он видел гораздо большее, нежели литераторов. «Я часто думаю,— размышлял он в уже цитированном письме Нахтигалу,— как тяжело быть русским писателем! Поэтому я удивляюсь, как могут такие свежие, открытые, не связанные таланты иметь успех в этом мандаринском государстве! Удивляюсь смелому Горькому, который для меня до сих пор был слишком грубым, теперь я его понимаю и понимаю также воодушевление, которое он вызывает в России»⁷⁴⁷. Много ходил Приятель в театры и на лекции.

Все же главным для Приятеля было общение с целой плеядой замечательных русских ученых. Самые близкие отношения сложились у него с Ф. Е. Коршем. Впервые Приятель обратился к Коршу 17 февраля 1900 г. Указав, что от Мурко он узнал о наличии у Корша всех стихотворений Прешерна, переведенных на русский язык, Приятель советовал ему «издать их целиком на русском языке к его столетию». В том же письме Приятель просил русского ученого узнать, кто переводил Прешерна на русский язык, так как он собирает материал для статьи «Прешерн в славянских переводах»⁷⁴⁸.

Корш ответил Приятелю 19.II/2.III 1900 г. Ему понравилась

идея издать сборник стихов Прешерна, и для этого он собирался перевести на русский язык те произведения поэта, которые им еще не переведены. Уже в сентябре 1900 г. Корш сообщил Приятелю, что перевел все стихи Прешерна, которые могут иметь интерес для русского читателя. Пользуясь сочинением Стритара о Прешерне, Корш написал введение к сборнику. Но он чувствовал недостаток материала и просил Приятеля ответить ему на ряд вопросов по биографии и творчеству Прешерна, «чтобы моя статья достигла своей цели и смогла сделать великого словенца возможно более близким русским»⁷⁴⁹. Письма Приятелю Корш писал по-словенски.

Приятель с лихвой выполнил просьбу Корша. 30 октября 1901 г. Академия наук России послала словенскому ученому 100 рублей, «за исполненную Вами работу по соборанию материалов для полного собрания сочинений Прешерна». Однако 8 ноября Академия отослала назад все материалы Приятеля. В сопроводительном письме говорилось, что полное критическое издание сочинений Прешерна мог бы предпринять только словенский ученый и это его предприятие «встретило бы нравственную и материальную поддержку» со стороны Академии⁷⁵⁰.

Есть сведения, что Ф. Е. Корш в то же самое время помог Приятелю в сборе данных о А. П. Чехове для вступительной статьи к сборнику его переводов⁷⁵¹.

Когда, в марте 1903 г. Приятель приехал в Петербург, Корш стал его своеобразным опекуном. Они вместе 24 марта составили план работы Приятеля на год. Однако им не удалось найти общего языка. В письме от 23 мая/5 июня 1903 г. Приятель рассказывал Нахтигалу о своих впечатлениях от Корша: «простой, надежный, ученый и искусный». Но тут же замечал, что план его работы еще не ясен, ибо в России ученые исследуют литературу прошлых времен, а новой занимаются только журналисты.

Приятель встречался и с Бодуэном де Куртенэ, который показался ему очень любезным человеком, ученым с головы до ног. Через него Приятель познакомился с финским профессором Микколой, что дало ему возможность побывать в Финляндии. Из других ученых Приятель общался с А. А. Шахматовым, А. Н. Веселовским, Ф. Ф. Фортунатовым, А. Н. Пыпиным, Р. Ф. Брандтом. «Алексей Александрович,— писал Приятель о Шахматове своему постоянно-му корреспонденту,— человек, у которого, как говорится, везде глаза — не любопытные, но спокойно внимательные, глубокие. И поэтому я уверен, что он все помнит, что увидит хотя бы однажды»⁷⁵². Словенский ученый бывал у Шахматова дома, и довольно часто. Так во второй половине марта 1903 г. он посетил его два раза⁷⁵³. По-видимому, это было связано с подготовкой съезда русских славистов, который проходил в Петербурге 10—15 апреля 1903 г. На нем обсуждались вопросы о международном съезде славистов, об издании славянской энциклопедии, инициатором которого выступил Ягич⁷⁵⁴. Иван Приятель был приглашен

на этот съезд: сохранилось приглашение ему принять участие «на заседании предварительного комитета» [т. е. съезда.— *И. Ч.*], подписанное А. Н. Веселовским⁷⁵⁵.

На съезде было решено издать славянскую энциклопедию под редакцией Ягича. Средства на это давала Российская Академия наук. Прежде чем уехать из Петербурга в Вену, Приятель зашел к Шахматову. О своей беседе с ним он сообщил Ягичу в письме из Варшавы, написанном, вероятно, в июле 1903 г. Приятель отмечал, что академия во главе с Шахматовым и Веселовским по-прежнему воодушевлена идеей создать славянскую энциклопедию. «А вообще все академики за энциклопедию и также за то, чтобы дать Вам неограниченные полномочия»⁷⁵⁶. На одном из вечеров у Шахматова Приятель познакомился с Фортунатовым, который ему очень понравился своей человечностью и простотой. С юмором он описывал Нахтигалу свою встречу с Брандтом, нагрузившего его таким количеством своих сочинений, что Приятель едва дошел до своего дома. Особенное значение для молодого словенского ученого имело его общение с А. Н. Веселовским и А. Н. Пыпином. С Веселовским он встретился в Москве, нередко бывал у него дома. «До сих пор я лучше всего чувствую себя у Веселовского,— делился Приятель с далеким другом.— В его салоне так хорошо ощущаешь широкие горизонты современности. И кроме того, он эlegantный человек, именно такой, каким я представляю себе современного профессора: внешне и внутренне в гармонии»⁷⁵⁷.

На Пыпина молодой ученый смотрел как на великого ученого. Спустя несколько лет, уже после смерти Пыпина, Приятель опубликовал большую статью о русском ученом. В ней он подчеркивал, что Пыпин являлся последователем позитивистской школы, главою которой был Н. Г. Чернышевский. Пыпин слушал лекции В. И. Григоровича, И. И. Срезневского, В. И. Ламанского; изучал европейскую литературу в Берлине, Лейпциге, Париже, Лондоне. «Историю славянских литератур», написанную Пыпином при содействии Спасовича, Приятель рассматривал не как нудный труд, а как факт русской общественной жизни, как сочинение, направленное против славянофилов. Отсюда не всегда верное понимание развития ряда славянских народов, например, словенцев. Самым выдающимся произведением Пыпина Приятель считал «Историю русской литературы», в которой русский ученый исследовал движение идей в русском обществе на протяжении нескольких столетий. Научные методы Пыпина, с удовлетворением отмечал словенец, теперь поддержаны и утверждены немецкими историками литературы.

Последнюю часть статьи Приятель посвятил своим встречам с Пыпином: «Всю свою жизнь он трудился, чтобы приблизить Россию Европе, доказать разным теоретикам географическую, историческую и культурную истину, что Россия принадлежит Европе и что ей должны светить те же путеводные звезды, что

и Западу». Но все помыслы Пыпина принадлежали России, во время встреч с Приятелем он не сказал ни слова о Европе, «только Россия и славянство у него на уме». И еще одну особенность подметил словенец: перед своими Пыпин критикует Россию, но если ее начинает ругать иностранец, он встает горой на ее защиту. «Эту русскую особенность я замечал повсюду среди русских. Но больше всего она меня удивила у двух известных западников: у московского профессора западных литератур Алексея Веселовского и Пыпина». Критику Пыпиным некоторых славянских ученых (Мурко, Холечека), которые приезжали в Россию не изучать ее, а судить, Приятель воспринял скептически. Он считал, что прежнее русофильство славян, базировавшееся на близости языков и могуществе России, справедливо уступает место вере в прогресс, критическому отношению к России, попытке славян выяснить, что осталось неизменного и общего у западных и восточных славян, чтобы сделать это базой реального единения. Пыпин учил Приятеля, что прошлое нужно изучать для того, чтобы понять настоящее. Входившего в то время в моду немецкого философа Ницше Пыпин резко критиковал, указывая, что человек, презирующий доброту и милосердие, пр-русски называется не *Übermensch*, а негодяй⁷⁵⁸. Вся статья Приятеля была пронизана чувством искреннего уважения и восхищения по отношению к русскому ученому. И это не случайно. Пыпин, его труды оказали большое влияние на формирование Ивана Приятеля, как ученого. Об этом пишут многие словенские исследователи, изучавшие творчество замечательного словенского историка культуры, например, Ш. Барбарич. «Позитивистская школа,— подчеркивал он,— развила у Приятеля убежденность, что литературоведение, как историческая наука, не может довольствоваться необоснованными суждениями и утверждениями, какими бы блестящими и привлекательными они ни были»⁷⁵⁹. Воздействие позитивистской школы Пыпина на творчество Приятеля отмечал и Ф. Задрavec⁷⁶⁰. Из других русских ученых более других оказал на него влияние А. Н. Веселовский с его сравнительно-историческим методом⁷⁶¹.

В России Приятель занимался и популяризацией словенской культуры. Еще до отъезда в Петербург им была написана статья по истории словенской литературы для венгерской энциклопедии. Но ее не использовали по назначению, очевидно, из-за ее размеров. В России Приятелю удалось ее опубликовать. В письме от 19 апреля [1903 г.] Приятель просил Нахтигала прислать ему рукопись его статьи, которую Ильинский обещал перевести на русский язык⁷⁶².

В октябре 1904 г. статья Приятеля стала печататься в «Славянских известиях». Сначала автор характеризовал Фрейзингенские отрывки, затем он останавливался на деятельности Примож Трубара в период реформации, указывая, что она была направлена не только на распространение протестантизма, но и на

национальное возрождение словенцев. После протестантской литературы Приятьель давал краткие сведения о словенских деятелях национального возрождения. У Линхарта автор особо подчеркивал его волнодумство, у Кумердея — его проект по обучению детей на родном языке. Особые симпатии Приятьеля вызывала деятельность кружка «Краньской чбелицы», и прежде всего — лучшего словенского поэта Ф. Прешерна. Из писателей 2-й половины XIX в. автор выделял Левстика, поэта и грамматика, прозаика и критика, который много сделал, чтобы вывести словенский народ к прогрессу. Й. Юрчич, Й. Стритар, С. Грегорич получили на страницах статьи краткую характеристику. Большое место было отведено А. Ашкерцу. Для Приятьеля он человек, «стоящий вровень со своим веком, и реалист до мозга костей с убеждениями демократа и социалиста». «К славянскому миру, — продолжал автор, — поэт относится с энтузиазмом, так как он горячо стоит за уничтожение исторических привилегий и за общее равенство народов и отдельных лиц, и не менее также за ту силу, которая скрывается в соединенных славянах». В обрисовке Ашкерца, поэта демократа, отважного борца за права словенского народа, чувствовалась горячая симпатия Приятьеля к нему, полное сочувствие его творческой и общественной деятельности. Высоко оценивал Приятьель представителей словенской модерна: Ивана Цанкара, обладавшего «величайшей отвагой в самобытном творчестве», Отона Жупанчича, Драготина Кетте, Александрова-Мурна ⁷⁶³. Именно последняя часть труда Приятьеля, посвященная современности, была наиболее яркой и полнокровной.

Труд молодого словенского ученого вызвал интерес у научной общественности. Мурко в письме от 1.XI 1905 г. просил своего коллегу прислать оттиски его статьи. Об этой статье сообщал словенцам «Люблянский звон». Отмечено было сочинение Приятьеля Н. М. Петровским в «Журнале министерства народного просвещения» ⁷⁶⁴.

Успех статьи Приятьеля побудил редактора «Известий С.-Петербургского славянского благотворительного общества». В. Кораблева попытаться напечатать ее отдельной брошюрой. Об этом в 1906—1907 гг. он вел переписку с И. Приятьелем ⁷⁶⁵. Но брошюра так и не была напечатана.

Еще находясь в России, И. Приятьель послал в «Люблянский звон» рецензию на постановку в Московском художественном театре (МХТ) пьесы Чехова «Вишневый сад». «Русский любит театр, — отмечал рецензент, — как ребенок игру и верующий божий храм». Приятьель с большой симпатией рассказывал о деятельности Московского художественного театра, подчеркивая, что на его сцене ставятся шедевры мировой драматургии. Постановка «Вишневого сада» стала триумфом великого русского писателя: «Сейчас Чехов, — писал он, — самое знаменитое имя в России». В гибели вишневого сада, по мнению рецензента, автор символи-

чески показывал гибель старого дворянского мира, на смену которому приходят две новые силы: с одной стороны — Трофимов, «всегда русский, всегда слабый, всегда — ничто, но всегда верящий в счастье „через двести, триста лет“», а с другой — купец Лопухин, огромная, элементарная, слепая и неизведанная сила. В отличие от Трофимова он ничего не читает и ни во что не верит. Эти две противоборствующие тенденции, согласно Приятелю, и есть русская действительность, лучшим психологом которой является А. П. Чехов⁷⁶⁶.

После возвращения в Вену Приятель получил место в Придворной библиотеке, в отделе славистики, где и прослужил до 1919 г., когда был призван в качестве профессора в новый Люблянский университет.

Связи Приятеля с родиной не ослабевали. Он продолжал трудиться и как переводчик и как критик. В 1909 г. Матица словенская издала перевод «Евгения Онегина» Пушкина, сделанный И. Приятелем. В то же время он сотрудничал в «Люблянском звоне», опубликовал в нем большую статью о А. Н. Пыпине, ряд рецензий на словенские книги по русской тематике. Там он поместил отзыв на книгу Б. Вошняка «На рассвете», в которой автор описал свои впечатления от поездки в Россию. Отметив, что труд Вошняка является в данное время лучшим словенским сочинением о России, Приятель указал и на его поверхностность. Он подверг Вошняка критике за славянофильский подход к явлениям русской жизни, за пренебрежение к противоречиям в русском обществе — социальным и национальным. Автор должен был показать причины недовольства крестьян и рабочих, чтобы читатель понял, «почему Россия идет через рабочие забастовки и крестьянские волнения к рассвету»⁷⁶⁷.

Две рецензии Приятель опубликовал на переводы Минки Говекарьевой — «Русский модерн» (Горький, Бунин, Андреев, Скиталец и т. д.) и «Власть тьмы» Л. Толстого. В общем он с похвалой отозвался о качестве переводов, отметив некоторые недостатки во вступительных статьях⁷⁶⁸.

В 1911 г. Приятель в связи со смертью Л. Толстого, опубликовал о нем статью, в которой рассматривал творчество великого русского писателя «как аттестат зрелости славянской культуры перед лицом всего мира». Словенский ученый восхищался Толстым и как художником, и как мыслителем, подчеркивая, что он «всегда исследовал, не просто рисовал, но сопоставлял факт с фактом».

Словенский литературовед Ф. Задрavec, отмечая страстную любовь Приятеля к русской литературе, совершенно справедливо указывает на корни этого. «Своими русскими исследованиями, — пишет Задрavec, — он хотел обогатить и стимулировать словенскую культуру вообще, литературу же в особенности, так как он писал свои литературно-критические труды, пытаясь поднять разнообразные проблемы в словенской литературе, вырвать ее из провинци-

ализма и мелочного субъективизма и направить ее по пути смелого исследования противоречий личной и национальной жизни»⁷⁶⁹.

Близким другом Ивана Приятеля являлся выдающийся лингвист, тоже ученик Ягича Райко Нахтигал (1877—1958). в 1895 г. он поступил в Венский университет, изучал там сравнительную лингвистику и славистику. В 1900—1902 гг. Нахтигал был в России, где усовершенствовал свои знания в области славистики. «Мое более близкое знакомство с Россией,— вспоминал впоследствии Нахтигал,— приходится на 1901—1902 годы, когда я в качестве молодого доктора славистики, ученика В. Ягича, два года учился в России, более года — в Москве, несколько месяцев в Ленинграде, а во время каникул — в деревнях Дмитровского и Подольского уездов Московской губернии, а также Трубачевского уезда Орловской губернии. В последнем близко соприкасаются все три наречия или языка восточных славян: велико-, бело- и малорусский или украинский языки... В Москве я имел возможность общаться прежде всего с великим русским языковедом Ф. Ф. Фортунатовым, в Ленинграде — со знаменитым русистом А. А. Шахматовым, а сверстниками моими были, наряду с другими, известные позднее русисты Д. Н. Ушаков, Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов». Нахтигал активно участвовал во всех начинаниях русских филологов, в частности, много работал в Московской диалектической комиссии, исследуя с ее членами русские диалекты. Впоследствии эта комиссия была присоединена к Академии наук, которая и взяла на себя публикацию результатов ее исследований. Главным из них была «Диалектологическая карта русского языка в Европе» (Пг., 1914). Одновременно Нахтигал являлся членом комиссии славистов при Московском археологическом обществе, читал там лекции⁷⁷⁰.

Труды Нахтигала получали отклик в русских научных кругах. Его статья «К вопросу об исследовании так называемой «Беседы трех святителей», помещенная в «Архиве...» Ягича, была одобрена Т. Д. Флоринским. «Работа основана,— писал он,— на внимательном изучении сохранившихся текстов памятника и посвященной ему литературы. Она еще не кончена. Автор представил историко-литературный обзор предшествующих исследований и приступил к анализу известных текстов данного апокрифа»⁷⁷¹.

Из молодых русских славистов Нахтигал, по-видимому, имел связи с Н. Н. Дурново. Во всяком случае он переводил совместно с Ягичем его библиографический обзор трудов о русских диалектах, помещенных затем в «Архиве...»⁷⁷². Общался Нахтигал и с Ламанским, которому в письме к Приятелю передавал привет наряду с Шахматовым и Фортунатовым. Но к ученым славянофильского направления он относился скептически. «Славянофилы,— писал Нахтигал Приятелю 31 мая 1903 г.,— правда, возможно, очень симпатичные и интересные, даже очень необходимые люди, но несчастье в том, что их так много среди... славистов... Такие люди настолько понимают в науке, в ее холодной объективности,

беспристрастности и единственном стремлении следовать истине, насколько это понимает последний священник... Да, действительно, слависты-славянофилы... скорее реакционные журналисты, чем ученые»⁷⁷³.

В центр своих научных интересов Нахтигал поставил исследование старославянского и русского языков. Словенские ученые отмечают то влияние, которое оказали на формирование Нахтигала как ученого В. Ягич и М. Мурко⁷⁷⁴. Несомненно, что и русские ученые, такие как А. А. Шахматов, Ф. Ф. Фортунатов, способствовали углублению его знаний в области лингвистики, особенно русистики. Нахтигал был прекрасно знаком с работами русских ученых предшествующих поколений, из которых особенно высоко ценил А. Х. Востокова и И. И. Срезневского⁷⁷⁵.

Вплоть до 1913 г., когда Нахтигал получил с помощью Мурко место экстраординарного профессора славистики в Грацком университете, он преподавал русский язык в различных высших учебных заведениях Вены. И потом русистика занимала важное место в исследованиях словенского ученого. В 1916 г. он попытался издать в Любляне книгу «Введение в изучение русского языка» Министр просвещения Австрийской монархии запретил это, несмотря на хлопоты Мурко, убеждавшего его в глупости подобных мер⁷⁷⁶. После разгрома фашизма Нахтигал опубликовал две книги, посвященные русскому языку и литературе: в 1946 г. «Русский язык в научно-популярном освещении», а в 1954 г. — «Древнерусский эпос „Слово о полку Игореве“».

И, наконец, нельзя обойти молчанием деятельность Антона Ашкерца (1856—1912), который много сделал в укреплении не только русско-словенских культурных, но и научных связей. Крупнейший словенский поэт конца XIX в., он принадлежал к тем деятелям словенской культуры, которые видели возможность ее дальнейшего успешного развития только в тесном взаимодействии с русской культурой. Средством лучшего познания России он считал русский язык и призывал молодежь изучать его. Будучи искренним демократом, Ашкерц ненавидел русское самодержавие. Дважды он посетил Россию в качестве туриста — в 1901 и 1902 г. Эти поездки были организованы ему Иваном Хрибаром, который хотел, «чтобы Ашкерц узнал великий славянский мир и его мощь»⁷⁷⁷.

О своих путешествиях в Россию Ашкерц оставил брошюру «Две поездки в Россию». В них Ашкерц с любовью писал о России и с ненавистью о самодержавии, характеризуя его как «страшный кошмар, который пригибает к земле свободную мысль в России».

Пропаганда русской культуры, русской литературы стала одной из главных сфер деятельности великого словенского поэта. Уже в 90-е годы он активно популяризировал русскую литературу⁷⁷⁸. В 1901 г. вышла в свет «Русская антология в словенских переводах», в создании которой Ашкерц принимал активное участие, переведя более 120 стихотворений русских поэтов и написав о пос-

ледних небольшие биографические справки. Среди поэтов, переведенных Ашкерцем на словенский язык, были такие выдающиеся демократы, как Н. П. Огарев, Н. А. Добролюбов, М. Л. Михайлов, В. С. Курочкин, Д. Д. Минаев. „Русская антология” вызвала одобрительные отклики в России. «В общем,— писал Ф. Е. Корш,— „Русская антология” производит на читателя самое благоприятное впечатление и должна найти себе глубокое сочувствие во всяком, кто дорожит взаимным сближением славянских народов для совокупного развития особенностей славянского духа на пользу общечеловеческого мышления и творчества»⁷⁷⁹.

В 1899 г. Ашкерц был соредактором, а в 1900—1902 гг. редактором «Люблянского звона». В эти годы русская тематика особенно активно присутствовала на страницах журнала. О русских писателях писали И. Приятель, сам Ашкерц. Однако это не удовлетворяло запросы редактора «Люблянского звона». Ашкерц решил привлечь к сотрудничеству в журнале русского литературоведа. Он обратился к Ф. Е. Коршу с просьбой найти русского критика, который мог бы написать для «Люблянского звона» очерк о русской литературе. 16/29 ноября 1900 г. Корш сообщил Ашкерцу, что уже имеет на примете человека, который может сделать это⁷⁸⁰. Вместе с тем, Корш написал известному в то время критику и искусствоведу А. Л. Волинскому (Флексеру) письмо, в котором сообщал ему о предложении редактора «Люблянского звона» и которое он оканчивал следующим образом: «Больших выгод от этого дела ожидать, разумеется, нельзя... но тут уж речь должна быть об идее»⁷⁸¹.

Волинский написал две обзорные статьи «Русская поэзия» и «Русские новеллисты», которые были опубликованы в «Люблянском звоне» в 1901 и 1902 гг.⁷⁸²

В первой статье Волинский давал характеристику русским поэтам, начиная от Пушкина и кончая Бальмонтом и Брюсовым. Всех русских поэтов он разделил на два направления: пушкинское, имевшее общечеловеческое значение, и лермонтовское, откликающееся прежде всего на общественные запросы своего времени. По мнению советского литературоведа М. И. Рыжовой, «познавательная ценность этой статьи несомненна ... однако, несмотря на множество чрезвычайно метких наблюдений, некоторые оценки в статье делаются с эстетских, идеологически ошибочных позиций»⁷⁸³. Именно из статьи Волинского словенский читатель узнал впервые о В. Брюсове, о декадентах. Вторая статья Волинского «Русские новеллисты» тоже была очень интересной. В центре ее стояли Л. Толстой, Ф. Достоевский, А. Чехов, В. Короленко, М. Горький. Волинский справедливо писал, что Толстой «истинный сын крестьянского духовного элемента, его живое выражение, его язык и его психология; он трезв, ясен, он истинный трудолюбивый пахарь на ниве идей». Поэзия Толстого — поэзия простоты и высшей человечности. Достоевского Волинский характеризовал как гениального сумасшедшего. «Это сумасшествие, высокое и гениальное в сво-

их проявлениях, такая же черта истинно русского характера, как и трезвая нормальность Толстого... Во главе нашей современной литературы стоят нормальный Толстой и сумасшедший Достоевский". Волинский указал, что в будущем Россия будет лучше понимать Достоевского ⁷⁸⁴.

Трактовка Волинского творчества двух великих русских писателей оказала влияние на Ивана Приятеля. Последний не только читал статьи русского критика, но, будучи в России, слушал его лекции. В письме к Нахтигалу из Москвы от 17 февраля 1904 г. Приятель замечал, что Тургенев и Толстой «являются в действительности гениями здоровой Московии, в то время как Достоевский — гений больного Петербурга» ⁷⁸⁵.

С искренней симпатией Волинский писал о Чехове, восхищаясь глубокой правдивостью и искренностью его творчества. М. Горького критик характеризовал, как одного из оригинальнейших талантов современности, нетерпеливого, горячего и свободолюбивого, однако негармоничного и риторичного в своем творчестве. Наконец, декаденты явно не импонировали Волинскому, который подчеркивал, что, хотя они и кричат о красоте, но в их душе нет красоты, ибо красота связана с жизнью и ее нельзя создать искусственно ⁷⁸⁶.

Ашкерц сам перевел статью Волинского на словенский язык. Ашкерц же написал краткие рецензии на две его книги: «Борьба за идеализм» (СПб., 1900) и «Царство Карамазовых. Н. С. Лесков. Заметки» (СПб., 1901). Первая книга представляла собою сборник очерков о 43 писателях, русских и западных. В числе их были Достоевский, Кольцов, Герцен, Тургенев, Чехов, Горький, а также Сенкевич, Золя, Ницше, Матерлинк, О. Уайлд и др. Ашкерц отмечал в работах Волинского эрудицию и прекрасный вкус, подчеркивал, что автор видит смысл деятельности этих писателей в борьбе за идеалы ⁷⁸⁷.

В августе 1902 г., после возвращения из России, Ашкерц должен был уйти из редакции. 29 августа 1902 г. он так писал о причинах этого: «Я также чувствую, что высшему начальству мои убеждения не нравятся, т. к. они чересчур словенски-радикальны и чересчур панславистичны». Кроме того, Национальная типография считала необходимым сделать журнал более легкого содержания, что также не устраивало Ашкерца ⁷⁸⁸.

Ашкерц поддерживал связи с некоторыми русскими учеными. Выше упоминалась его переписка с Ф. Коршем. Она продолжалась в 1900—1902 гг. Первым обратился к Ф. Коршу Ашкерц. Как редактор «Люблянского звона», он решил посвятить декабрьский номер журнала 100-летнему юбилею со дня рождения Ф. Прешерна. Ашкерц пригласил ряд ученых присылать статьи и материалы о поэте, в том числе и Корша. Письмо Коршу он написал на русском языке ⁷⁸⁹. Корш ответил ему на славенском языке, выразив свое удовлетворение знакомством с таким знаменитым поэтом, товарищем Прешерна по Парнасу. Он выслал просимую у него статью об изданиях сти-

хов Прешерна, при этом предоставлял Ашкерцу право сократить ее по своему усмотрению. В следующем письме от ноября 1900 г. Корш сообщал о посылке нескольких экземпляров сборника своих переводов Прешерна и просил их раздать живущим в Любляне словенцам. Корш предлагал свое содействие в установлении обмена между редакцией «Люблянского звона» и редакциями русских журналов «Русская мысль», «Русский вестник» и «Вестник Европы». 5/18 декабря 1900 г. Корш сообщал Ашкерцу, что редакция «Русского вестника» согласилась начать обмен с «Люблянским звоном». Здесь же он обещал написать рецензию на «Альбом Прешерна». Ф. Е. Корш выполнил свое обещание.

Осенью 1901 г. Корш получил от Ашкерца «Русскую антологию в словенских переводах». Большинство переводов ему очень понравились, особенно переводы Ашкерца и Приятеля⁷⁹⁰.

«Русская антология» была отмечена в русской прессе. «Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества» подчеркивали в предисловии Ашкерца слова о том, что русские писатели и поэты — настоящие представители русского народа, «почти все и мученики за свои идеалы и убеждения»⁷⁹¹.

Несколько лет Ашкерц переписывался с молодым русским славистом В. А. Францевым. Начало этой переписки опять-таки положило стремление Ашкерца привлечь русского ученого к участию в «Альбоме Прешерна». 26.X/8.XI 1900 г. Францев ответил ему из Варшавы: «Благодаря любезному разрешению сына нашего знаменитого слависта Измаила Ивановича Срезневского, — писал он, — я имею возможность сообщить Вам прилагаемое при сем пятистишие Ф. Прешерна для готовящегося юбилейного номера „Люблянского звона“». Насколько мне известно, оно еще нигде не было напечатано». Речь шла о стихах, которые Прешерн написал на память Срезневскому, когда он приезжал в 1841 г. в Люблян. В последующих письмах Францев сообщал о посылке Ашкерцу книг о Горьком, просил литературу о Прешерне. В 1901 г. он, по-видимому, послал словенскому поэту рукопись заговоров, собранных Маяром и оставленных им в России в 1867 г. В письме от 8 декабря 1901 г. Францев интересовался возможностью их публикации⁷⁹².

Поклонником творчества Ашкерца был редактор «Известий С.-Петербургского славянского благотворительного общества» литературовед и публицист В. Н. Кораблев. В августе 1902 г. он был в Любляне по делам Всеславянской художественной выставки, которую Славянское благотворительное общество предполагало организовать в Петербурге в 1904 г. Целью ее была демонстрация прогресса славянского искусства⁷⁹³. Возможно, тогда Кораблев и познакомился с Ашкерцом. Кораблев восхищался поэзией Ашкерца. Именно он, по словам С. Штейна, побудил последнего заняться переводом стихов Ашкерца на русский язык⁷⁹⁴. Позднее, в 1908 г. Штейн издал сборник «Славянские поэты», в котором поместил

свои переводы 31 стихотворения Ашкерца на русский язык, а также небольшой очерк о нем.

Итак, в последней трети XIX — начале XX в. русская наука (в данном случае — славистика) окрепла, получила международное признание. Крупнейшие русские лингвисты А. А. Шахматов, Ф. Ф. Фортунатов, А. И. Соболевский, литературоведы А. Н. Веселовский и А. Н. Пыпин, Ф. Е. Корш оказали заметное влияние на ряд словенских ученых, таких, как М. Мурко, И. Приятель, Р. Нахтигал и др. Молодая словенская наука, прежде всего словенистика, формировалась под определенным воздействием русской лингвистики, истории литературоведения, историографии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русско-словенские научные связи начинаются с возникновения славяноведения, т. е. с конца XVIII в. Они становятся более стабильными в 20—40-е годы XIX в., во время деятельности знаменитого словенского ученого Ернея (Варфоломея) Копитара, который был главным корреспондентом русских ученых. Уже в тот период русско-словенские научные связи сыграли большую роль в развитии славяноведения, ибо именно благодаря им были изданы древнейшие памятники славянской письменности: Фрейзингенские отрывки (латинский текст), Глаголита Клоцианус (глаголический текст), Супрасльская рукопись (кирилловский текст). Публикация этих важнейших памятников славянских языков помогла созданию базы для успешного развития славистики во второй половине XIX в.

Участие Копитара в «Библиографических листах» явилось одним из условий их высокой научности и того значения, которое они имели для развития славяноведения в России. Наконец, работы Копитара, его беседы с молодыми русскими славистами, которые должны были занять первые славянские кафедры в русских университетах, явились для них хорошей научной школой, ибо Копитара отличали такие замечательные качества ученого, как критическое отношение к источникам и научная добросовестность. Позднее для формирования русской научной славистической школы много значил ученик Копитара Ф. Миклошич, прежде всего его труды, но наряду с этим и его лекции, которые слушали молодые русские слависты (А. Н. Пыпин, А. С. Будилович и др.), его беседы с ними.

Уже первые русские слависты обратили внимание на изучение словенского языка. А. Х. Востоков издал и объяснил древнейший памятник словенской письменности — Фрейзингенские отрывки. И. И. Срезневский, пройдя пешком почти все словенские земли, первый произвел научную классификацию словенских говоров, разделив их на несколько диалектологических групп. Он смог это сделать благодаря консультациям, полученным им у многих словенских ученых, с которыми он встречался: Копитара, Метелко, Дайнко, Ярника, Майра и др. Классификации Срезневского придерживаются и современные словенские лингвисты. Первым из ученых Срезневский посетил забытые земли венецианских словенцев, оставив этнографическое, демографическое и экономическое их описание. Срезневский опубликовал несколько произведений словенского фольклора, написал значительное количество рецензий на труды словенских ученых, знакомя русскую научную общественность с достижениями словенской славистики.

Со второй половины XIX в. русские слависты стали более детально знакомиться с языком, литературой и фольклором словенцев.

Большую роль в развитии словенистики сыграл И. А. Бодуэн де Куртенэ. Он уделил большое внимание изучению словенских наречий, особенно крайних западных из них — терского и резыанского. Собранные им материалы и написанные на их основе работы по словенскому языку уникальны и до сих пор представляют богатейшие данные славистам, изучающим словенские диалекты.

Словенистикой в той или иной степени занимались многие русские ученые второй половины XIX — начала XX в.: Т. Д. Флоринский, Б. М. Ляпунов, М. Н. Спераинский, А. Н. Харузин, Н. М. Петровский и др. К ней проявили интерес такие корифеи русской научной мысли, как А. Н. Пыпин, А. Н. Веселовский, Ф. Е. Корш, А. А. Шахматов. Пожалуй, можно сказать, что после словенских ученых наибольший вклад в развитие словенистики в XIX — начале XX в. внесли слависты из России.

У словенской интеллигенции в связи с ростом национального самосознания в 60-е годы XIX в. резко увеличился интерес к России, а вместе с тем к ее культуре и науке. Впервые реальное сотрудничество с русским научным учреждением, а именно императорским обществом любителей естествознания при Московском университете, удалось осуществить Матии Маяру Зильскому, словенскому этнографу и филологу, в связи с проведением в Москве в 1867 г. Всероссийской этнографической выставки. Подлинным центром контактов между словенскими национальными обществами и русскими научными учреждениями стала со второй половины 60-х годов XIX в. Матица словенская.

В последней трети XIX — начале XX в. наблюдается воздействие русской научной школы на словенских ученых. Бодуэн де Куртенэ во время своей работы в словенских землях собрал вокруг себя энтузиастов из учеников старших классов гимназий и представителей местной интеллигенции. Работа с Бодуэном стала для них хорошей научной школой, помогала некоторым из них (К. Штрекелю, В. Облаку) найти свой путь в науке: Бодуэн содействовал формированию их научных интересов. Выдающиеся русские слависты А. Н. Пыпин, А. Н. Веселовский, А. А. Шахматов, Ф. Ф. Фортунатов и др. сыграли значительную роль в становлении целой плеяды молодых словенских ученых: К. Штрекеля, В. Облака, М. Мурко, и особенно Р. Нахтигала и И. Приятеля.

Во второй половине XIX — начале XX в. русская славистика много сделала для развития словенской филологии. Словенские ученые В. Облак, К. Штрекель, М. Мурко, И. Приятель, Р. Нахтигал стали проводниками влияния русской культуры на словенскую, способствуя тем самым, во-первых, оформлению ее как национальной словенской культуры, во-вторых, выходу ее из рамок провинциализма и мелкотемья.

Наконец, русско-словенские научные связи оказали благотворное влияние на развитие не только русского и словенского славяноведения, но и всей славистики в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Марков Д. Ф. Славистика как комплекс научных дисциплин.— В кн.: Методологические проблемы истории славистики. М.: Наука, 1978, с. 8.
- ² Будилович А. С. Словенские матицы и ученые дружества.— ЖМНП, СПб., 1869, № 2, с. 459.
- ³ Петровский Н. М. История славянской филологии. Труд ординарного академика И. В. Ягича. СПб., 1910.— ЖМНП, 1910, № 11, с. 182.
- ⁴ Дьяков В. А. Политические интерпретации идеи славянской солидарности и развитие славяноведения (С конца XVIII в. до 1939 г.).— В кн.: Методологические проблемы истории славистики, с. 233.
- ⁵ Там же, с. 258.
- ⁶ Кочубинский А. А. Начальные годы русского славяноведения. Одесса, 1887—1888.
- ⁷ Ягич И. В. Письма Добровского и Копитара в повременном порядке: Сб. отд-ния рус. яз и словесности. СПб., 1885, т. 39.
- ⁸ Там же, с. XVI, XVII.
- ⁹ Ягич И. В. Новые письма Добровского, Копитара и других юго-западных славян. СПб., 1897.
- ¹⁰ Ягич И. В. История славянской филологии. СПб., 1910.
- ¹¹ Петровский Н. М. Первые годы деятельности В. Копитара. Казань, 1906.
- ¹² Толстой Н. И. О работах И. А. Бодуэна де Куртенэ по словенскому языку.— В кн.: И. А. Бодуэн де Куртенэ: К 30-летию со дня смерти. М., 1960.
- ¹³ Slodnjak A. Matija Murko.— Slavistična revija, Ljubljana, 1954, N 5—7; Rogačnik J. Jernej Kopitar. Ljubljana, 1977.
- ¹⁴ Грот Я. К. Филологические занятия Екатерины Второй.— Рус. арх. 1877, № 1, с. 435—438.
- ¹⁵ Kidrič F. Dobrovský in slovenski prepoved njegove dobe. Ljubljana, 1930, s. 121.
- ¹⁶ Изв. Рос. академии. СПб., 1817, т. V, с. 23—50.
- ^{17—18} Булич С. Очерк истории языкознания в России.— Зап. ист.-филол. фак. имп. С.-Петербург. ун-та, СПб., 1904, с. 1178, 1179.
- ¹⁹ Кочубинский А. А. Начальные годы..., с. 23.
- ²⁰ Грамматика Копитара носила название: Grammatik der slavischen Sprache in Krain, Kärnten und Steyermark. Laibach, 1808.
- ²¹ Изв. Рос. академии, т. V, с. 54—55.
- ²² Грамматика Ломоносова вышла в Петербурге в 1755 г. Первая русская грамматика М. Смотрицкого была издана впервые в 1619 г. в Вильно и вторично — в 1648 г. в Москве.
- ²³ Вестн. Европы, 1829, № 12, с. 256.
- ²⁴ Гений времен, СПб., 1807, № 47 (9.XI), с. 190.
- ²⁵ Кочубинский А. А. Начальные годы..., с. 46.
- ²⁶ Вестн. Европы, 1811, № 2, с. 134.
- ²⁷ Там же, 1817, № 11, с. 189, 190, 208.
- ²⁸ Там же, 1820, № 3, с. 173.
- ²⁹ Там же, 1829, № 12, с. 254.
- ³⁰ Сын отечества, 1814, № 18, с. 209—218.

- ³¹ Изв. Рос. академии, 1815, кн. I, с. 11.
- ³² Там же, 1817, № 3, с. 45, 46.
- ³³ Ягич И. В. История славянской филологии, с. 139.
- ³⁴ Срезневский И. И. Фриульские славяне. СПб., 1878, с. 6.
- ³⁵ Францев В. А. Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX в. Прага, 1906, с. 60, 61.
- ³⁶ Петровский Н. М. Рец. на кн.: В. А. Францев. Очерки по истории чешского возрождения. Русско-чешские ученые связи конца XVIII и первой половины XIX ст. Варшава, 1902.— ЖМНП, 1903, № 2, с. 401.
- ³⁷ Ягич И. В. Новые письма Добровского, Копитара..., с. XXX.
- ³⁸ Кочубинский А. А. Начальные годы..., с. 229.
- ³⁹ Ягич И. В. Письма Добровского и Копитара..., с. 355.
- ⁴⁰ Там же, с. LXXXV.
- ⁴¹ В одном из писем к Добровскому М. Бобровский подписался «Ruthenus»; см.: Ягич И. В. Новые письма Добровского, Копитара..., с. XIX.
- ⁴² Вестн. Европы, 1824, № 22, с. 122—135.
- ⁴³ Наиболее выдающиеся случаи во время путешествия из Вильны в Австрию и Италию с 1817 по 1820 г., записанные для памяти Брестским кафедральным каноником кс. Михаилом Бобровским.— Описание рукоп. отд-ния Вилен. публ. б-ки, Вильна, 1906, вып. 5, с. 74.
- ⁴⁴ Там же, с. 82, 83.
- ⁴⁵ Францев В. А. Польское славяноведение..., с. 268, 269, 332.
- ⁴⁶ Ягич И. В. История славянской филологии, с. 227, 229.
- ⁴⁷ Библиографические листы. СПб., 1825, № 33 (30.XII), с. 474—475.
- ⁴⁸ Ягич И. В. Письма Добровского и Копитара..., с. LXII.
- ⁴⁹ Лябынец Ю. А. Первая книга, напечатанная глаголицей, и ее исследователь Михаил Бобровский.— Сов. славяноведение, 1983, № 4, с. 88.
- ⁵⁰ Приятель И. А. С. Пушкин у словенцев.— В кн.: А. С. Пушкин в южно-славянских литературах. СПб., 1901, с. 371.
- ⁵¹ Первольф И. Славянское движение в Австрии. 1800—1848.— Рус. речь, 1879, № 8, с. 210.
- ⁵² Legiša L., Slodnjak A. Zgodovina slovenskega slovstva. Ljubljana, 1959, zv. 2, s. 69.
- ⁵³ Кочубинский А. А. Начальные годы..., с. 173.
- ⁵⁴ Кеппен Ф. П. Биография П. И. Кеппена.— Сб. ОРЯС. СПб., 1911, т. 89, № 5, с. 32, 51, 59.
- ⁵⁵ Юбилей Петра Ивановича Кеппена 29 декабря 1859. СПб., 1860, Приложения, с. 5, 6.
- ⁵⁶ Rogačnik J. Jernej Kopitar, s. 209.
- ⁵⁷ Гильфердинг А. Ф. Развитие народности у западных славян.— Соч. СПб., 1868, т. 2, с. 79, 80.
- ⁵⁸ Петровский Н. М. Первые годы..., с. 738.
- ⁵⁹ Ягич И. В. Новые письма Добровского, Копитара..., с. III.
- ⁶⁰ Ягич И. В. История славянской филологии, с. 187.
- ⁶¹ Флоринский Т. Д. Лекции по славянскому языкознанию. Киев, 1895, т. I, с. 383.
- ⁶² Срезневский И. И. Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке.— Сб. ОРЯС. СПб., 1873, с. 372, 373.
- ⁶³ Будилович А. С. Добровский и Копитар.— ЖМНП, 1885, № 6, с. 410, 411, 414.
- ⁶⁴ Флоринский Т. Д. Лекции по славянскому языкознанию, т. I, с. 383.
- ⁶⁵ Петровский Н. М. Первые годы..., с. 116—126, 251—265, 751.
- ⁶⁶ Ягич И. В. Новые письма Добровского, Копитара..., с. XXVIII.
- ⁶⁷ Grafenauer I. Stolica za slovenski jezik na ljubljanskem liceju in slovnškovni tečaji v celovškem semenišču.— Zgodovinski časopis, 1958/59, s. 276, 277.
- ^{68—69} Legiša L., Slodnjak A. Zgodovina..., с. 30.
- ⁷⁰ Ягич И. В. Письма Добровского и Копитара..., с. XVI.

- ⁷¹ Петровский Н. М. Первые годы..., с. 744.
- ⁷² *Pogačnik J.* Jegpej Koritar, s. 36.
- ⁷³ *Ibid.*, p. 45.
- ⁷⁴ Ягич И. В. Письма Добровского и Копитара..., с. 539.
- ⁷⁵ Кеппен Ф. П. Биография П. И. Кеппена, с. 71.
- ⁷⁶ Кеппен П. И. Литература славянских народов.— ЖМНП, 1836, № 2, с. 424.
- ⁷⁷ Кочубинский А. А. Начальные годы..., с. 200.
- ⁷⁸ Там же, с. 167.
- ⁷⁹ Потепалов С. Г. О роли П. И. Кеппена в истории русско-славянских культурных связей в 20—30 годах XIX в.— Вопр. слав. языкознания, М., 1962, вып. 6, с. 177—211.
- ⁸⁰ Ягич И. В. История славянской филологии, с. 223.
- ⁸¹ Срезневский И. И. Обзорение научных трудов А. Х. Востокова, между прочим и неизданных. СПб., 1865, с. 1.
- ⁸² Грунский Н. Отзыв об исследовании и издании Вондрака Фрейзингенских отрывков.— Изв. ОРЯС, 1898, т. 3, кн. 1, с. 267.
- ⁸³ Ягич И. В. Новые письма Добровского, Копитара..., с. XXXVIII.
- ⁸⁴ Кочубинский А. А. Начальные годы..., с. 201—203.
- ⁸⁵ Там же, с. 175.
- ⁸⁶ Ягич И. В. Письма Добровского и Копитара..., с. LXXXIX.
- ⁸⁷ Срезневский И. И. Переписка А. Х. Востокова..., с. 24, 26, 27.
- ⁸⁸ Срезневский И. И. Филологические наблюдения А. Х. Востокова: (Грамматические объяснения на три статьи Фрейзингенской рукописи). СПб., 1865, с. 7, 8.
- ⁸⁹ Моск. телеграф, 1828, № 16, с. 589, 590.
- ⁹⁰ Срезневский И. И. Обзорение научных трудов А. Х. Востокова..., с. 23.
- ⁹¹ Ягич И. В. История славянской филологии, с. 220.
- ⁹² Кочубинский А. А. Начальные годы..., с. 204.
- ⁹³ Срезневский И. И. Переписка А. Х. Востокова..., с. 432.
- ⁹⁴ *Nahtigal R.* Uvod v slovansko filologijo. Ljubljana, 1949, s. 20.
- ⁹⁵ Срезневский И. И. Обзорение научных трудов А. Х. Востокова..., с. 23, 24.
- ⁹⁶ Потепалов С. Г. О роли П. И. Кеппена..., с. 182, 184.
- ⁹⁷ Библиографические листы, Объявление.
- ⁹⁸ Библиографические листы, 1825, Предисловие.
- ⁹⁹ Кеппен П. И. Литература славянских народов.— ЖМНП, 1836, № 2, с. 423.
- ¹⁰⁰ Кочубинский А. А. Начальные годы..., с. 206.
- ¹⁰¹ Ягич И. В. История славянских литератур, с. 225.
- ¹⁰² *Prelog M.* Slavenska renesansa (1780—1848). Zagreb, 1924, s. 29.
- ¹⁰³ Потепалов С. Г. О роли П. И. Кеппена..., с. 186, 201.
- ¹⁰⁴ Библиографические листы, 1825, № 1(6.I), с. 7.
- ¹⁰⁵ Там же, № 18 (29.VI), с. 255—257.
- ¹⁰⁶ И. И. Срезневский был высокого мнения о грамматике Метелко. (Срезневский И. И. Библиографические заметки.— Изв. ОРЯС, 1852, т. 1, с. 58.) Бодуэн считал грамматику Метелко лучшей из всех словенских грамматик. См.: *Grafenauer I.* Stolica za slovenski jezik..., s. 277.
- ¹⁰⁷ Библиографические листы, 1826, № 39 (31.III), с. 584, 585.
- ¹⁰⁸ Там же, 1825, № 33 (30.XII), с. 484.
- ¹⁰⁹ Там же, 1826, № 39 (31.III), с. 570.
- ¹¹⁰ Кочубинский А. А. Начальные годы..., с. 220—224.
- ¹¹¹ Погудин М. П. Иноземная литература славянских наречий.— ЖМНП, 1836, № 1, с. 213, 214.
- ¹¹² Ягич И. В. Письма Добровского и Копитара..., с. 553, 602.
- ¹¹³ *Добрашиновић Г.* Петар Иванович Кепен и Вук.— Београдски универзитет. Анали филолошког факултета. Београд, 1966, с. 4, 129.
- ¹¹⁴ Плетнев П. А. Отчет имп. Акад. наук по отд-нию рус. языка и словесности, 29.XII 1844.— ЖМНП, 1845, № 2, с. 39.

- ¹¹⁵ Кеппен Ф. П. Биография П. И. Кеппена, с. 112—114.
- ¹¹⁶ Кочубинский А. А. Начальные годы..., с. 196, 197.
- ¹¹⁷ Jerneja Kopitarja spisov II del. Ljubljana, 1945, s. 207.
- ¹¹⁸ Срезневский И. И. Переписка А. Х. Востокова..., с. 227.
- ¹¹⁹ Хорватов кайковского диалекта Копитар также причислял к словенцам.
- ¹²⁰ Срезневский И. И. Переписка А. Х. Востокова..., с. 280, 281.
- ¹²¹ Там же, с. 291—296.
- ¹²² Последнее письмо Копитара Востокову от 28 июня 1844 г., умер же Копитар 11 августа 1844 г.
- ¹²³ Срезневский И. И. Переписка А. Х. Востокова..., с. 348, 349.
- ¹²⁴ Погодин М. П. Иноземная литература..., с. 215.
- ¹²⁵ Кеппен П. И. Литература славянских народов.— ЖМНП, 1836, № 7, с. 209.
- ¹²⁶ Письма П. И. Прейса М. С. Куторге, И. И. Срезневскому, П. О. Шафарику, Куршату и др., (1836—1846). СПб., 1892, с. 14.
- ¹²⁷ Срезневский И. И. О глаголитской письменности.— Изв. ОРЯС, 1852, т. 1, с. 353—358.
- ¹²⁸ Григорович В. И. О древней письменности славян.— ЖМНП, 1852, № 3, с. 165.
- ¹²⁹ Ягич И. В. История славянской филологии, с. 203, 204.
- ¹³⁰ Там же, с. 210, 211.
- ¹³¹ Срезневский И. И. Переписка А. Х. Востокова..., с. 443.
- ¹³² Кочубинский А. А. О Супрасльской рукописи.— Изв. ОРЯС, 1897, т. 2, кн. 3, с. 1143—1148.
- ¹³³ Срезневский И. И. Переписка А. Х. Востокова..., с. 349.
- ¹³⁴ Кочубинский А. А. О Супрасльской рукописи, с. 3.
- ^{135—136} Ягич И. В. Письма Добровского и Копитара..., с. XC, XVI.
- ¹³⁷ Кеппен П. И. Литература славянских народов.— ЖМНП, 1836, № 2, с. 428.
- ¹³⁸ Моск. вестн., 1827, ч. II, с. 188.
- ¹³⁹ Там же, с. IV, с. 177, 178.
- ¹⁴⁰ Погодин М. П. Иноземная литература..., с. 215.
- ¹⁴¹ Погодин М. П. Еще славянские новости.— ЖМНП, 1836, № 9, с. 660.
- ¹⁴² ОР ГПБ, ф. 588, оп. 1, д. 16.
- ¹⁴³ Погодин М. П. Дорожный дневник. Письма к М. П. Погодину из славянских земель (1835—1861). М., 1879, с. XI, XII.
- ¹⁴⁴ Априлов В. Денница новоболгарского образования. Одесса, 1841, ч. 1, с. III, 93, 127.
- ¹⁴⁵ Байцура Т. Закарпатоукраинская интеллигенция в России в первой половине XIX в. Пряшев, 1971, с. 170, 177.
- ¹⁴⁶ Пыпин А. Н. Новые данные о славянских делах.— Вестн. Европы, 1893, № 6, с. 728.
- ¹⁴⁷ Молнар И. Черты частной и ученой жизни Юрия Ивановича Венелина.— В кн.: Венелин Ю. И. Древние и нынешние словене в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. М., 1841, т. II, с. XXVI, XLV.
- ¹⁴⁸ Венелин Ю. И. Древние и нынешние словене..., с. 1.
- ¹⁴⁹ Венелин Ю. И. Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. М., 1829, т. 1, с. 65, 66.
- ¹⁵⁰ Венелин Ю. И. Древние и нынешние словене..., с. 2.
- ¹⁵¹ Lončar D. Politično življenje slovencev. Ljubljana, 1906, s. 5.
- ¹⁵² Венелин Ю. И. Древние и нынешние словене..., с. 2, 8.
- ¹⁵³ Там же, с. 8—10, 39, 78.
- ¹⁵⁴ Там же, с. 101, 102, 185, 308.
- ¹⁵⁵ Эти сопоставления Венелина критиковал уже В. Г. Белинский, называя их «филологической дыбой»; см.: Климова Л. Н. В. Г. Белинский

- про Ю. І. Венеліна.— Українське слов'язнознавство, Львів, 1970, № 3, с. 105.
- ¹⁵⁶ Ягич І. В. Історія слов'янської філології, с. 80.
- ¹⁵⁷ Срезневський І. І. На пам'ять о Бодянском, Григоровиче и Прейсе, первых преподавателях славянской филологии.— Сб. ОРЯС. СПб., 1878, т. 18, № 6, с. 31—39.
- ¹⁵⁸ Погодин М. П. Дорожний дневник. Письма к М. П. Погодину из славянских земель, с. 76, 77, 100.
- ¹⁵⁹ Там же, с. 28, 29.
- ¹⁶⁰ Кулаковский П. А. Письма О. М. Бодянского к Станку Вразу в Загреб.— Живая старина, 1895, № 1, с. 49, 53.
- ¹⁶¹ Погодин М. П. Дорожний дневник. Письма к М. П. Погодину из славянских земель, с. 36.
- ¹⁶² Письма П. И. Прейса М. С. Куторге, И. И. Срезневскому..., с. 1.
- ¹⁶³ Там же, с. 16—19, 11.
- ¹⁶⁴ Там же, с. 32, 40, 47.
- ¹⁶⁵ Там же, с. 51, 57—58.
- ¹⁶⁶ Там же, с. 58.
- ¹⁶⁷ Дневник И. С. Аксакова. Приложение.— В кн.: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1892, т. III, с. 115.
- ¹⁶⁸ РО ИРЛИ, ф. 3, оп. 5, д. 25, л. 2 об.
- ¹⁶⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1947, т. 3, с. 140, 141, 145.
- ¹⁷⁰ Манн Ю. Н. И. Надежди — предшественник Белинского.— Вопр. лит., 1962, № 6, с. 157, 158.
- ¹⁷¹ Телескоп, 1836, № 12, с. 535—553.
- ¹⁷² Надеждин Н. И. Записка о путешествии по южнославянским странам.— ЖМНП, 1842, № 4/6, с. 90, 91.
- ¹⁷³ Надеждин Н. И. Отчет о путешествии, совершенном в 1840 и 1841 годах по южнославянским землям.— В кн.: Зап. Одесского о-ва истории и древностей. Одесса, 1844, т. 1, с. 546.
- ¹⁷⁴ Надеждин Н. И. Записка о путешествии..., с. 100, 101.
- ¹⁷⁵ Ягич І. В. Новые письма Добровского, Копитара..., с. LXX.
- ¹⁷⁶ Надеждин Н. И. Русская литература.— Северная пчела, 1842, № 77 (7.IV), с. 307.
- ¹⁷⁷ Надеждин Н. И. Записка о путешествии..., с. 105.
- ¹⁷⁸ ОР ГБЛ, ф. 231/II (М. П. Погодин), к. 31, д. 14, л. 1 об., 2.
- ¹⁷⁹ Срезневский В. И. Краткий очерк жизни и деятельности И. И. Срезневского.— В кн.: Памяти Измаила Ивановича Срезневского. Пг., 1916, с. 16.
- ¹⁸⁰ Пылин А. Н. Новые данные о славянских делах.— Вестн. Европы, 1893, № 7, с. 285.
- ¹⁸¹ Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель, 1839—1842. СПб., 1895, с. 187.
- ¹⁸² Ягич І. В. Історія слов'янської філології, с. 322.
- ¹⁸³ Срезневський І. І. Переписка А. Х. Востокова..., с. 349.
- ¹⁸⁴ Ягич І. В. Новые письма Добровского, Копитара..., с. LXX.
- ¹⁸⁵ Срезневский И. И. Библиографические записки.— Изв. ОРЯС, 1857, т. 6, с. 322.
- ¹⁸⁶ Срезневский И. И. Переписка А. Х. Востокова..., Примечания. Примеч. 271, с. 464.
- ¹⁸⁷ ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, д. 139.
- ¹⁸⁸ Там же, д. 19, л. 4.
- ¹⁸⁹ *Slodnjak* A. Slovensko slovstvo. Ljubljana, 1968, s. 110.
- ¹⁹⁰ *Petre F.* Poizkova ilirizma pri slovincih. Ljubljana, 1939, s. 14.
- ¹⁹¹ ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, д. 180.
- ¹⁹² Там же, д. 19, л. 2.
- ¹⁹³ Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского..., с. 192, 199.
- ¹⁹⁴ Францев В. А. И. Срезневский и славянство.— В кн.: Памяти Измаила Ивановича Срезневского, с. 126.

- ¹⁹⁵ ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, д. 247.
- ¹⁹⁶ Там же, д. 19, л. 4, 4 об.
- ¹⁹⁷ *Pešič F. Rec.: Deželič V. Pisma pisana D-ru Ljudevitu Gaju in neki pjeгови sastavci (1828—1850).*— Carniola, Ljubljana, 1910, N 1, s. 265.
- ¹⁹⁸ Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского..., с. 201, 199.
- ¹⁹⁹ *Срезневский И. И.* Библиографические заметки.— Изв. ОРЯС, 1852, т. 1, с. 58.
- ²⁰⁰ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Приложение. М., 1892, т. III, с. 115.
- ²⁰¹ Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского..., с. 203, 204.
- ²⁰² ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, д. 123, 137.
- ²⁰³ Там же, д. 198.
- ²⁰⁴ Там же, д. 137.
- ²⁰⁵ *Mole R. Doneski k življenjepisu dr. Jakoba Zupana (1785—1817).*— Carniola, 1910, N 1, s. 109—112.
- ²⁰⁶ Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского..., с. 207.
- ²⁰⁷ *Срезневский И. И.* Библиографические заметки.— Изв. ОРЯС, 1852, т. 1, с. 58, 59.
- ²⁰⁸ *Шафарик П. И.* Обзорение новейшей литературы иллирийских славян.— Телескоп, М., 1836, № 12, с. 540.
- ²⁰⁹ *Ягич И. В.* Письма Добровского и Копитара..., с. XXXII.
- ²¹⁰ Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского..., с. 207.
- ²¹¹ *Wilim Dušah (Lambt).* Zpominka na Korutany.— Poutnik. Pr., 1847, II, s. 371, 373.
- ²¹² ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, д. 779.
- ²¹³ Памятники и образцы народного языка и словесности. СПб., 1852, № 1, 2, с. 125—128.
- ²¹⁴ *Wilim Dušah (Lambt).* Zpominka na Korutany, s. 373.
- ²¹⁵ Памятники и образцы народного языка и словесности, с. 126, 127.
- ²¹⁶ Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского..., с. 207.
- ²¹⁷ *Шафарик П. И.* О резьянах и фуриянских словинах.— Денница, Варшава, 1842, № 9, с. 110.
- ²¹⁸ *Срезневский И. И.* Фриульские славяне. СПб., 1878, с. 4, 5, 8, 10.
- ²¹⁹ Там же, с. 18—20, 23—25.
- ²²⁰ ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, д. 692.
- ²²¹ *Шафарик П. И.* О резьянах..., с. 113.
- ²²² Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского..., с. 211.
- ²²³ *Толстой Н. И.* О работах И. А. Бодуэна де Куртенэ по словенскому языку.— В кн.: И. А. Бодуэн де Куртенэ..., с. 73.
- ²²⁴ *Срезневский И. И.* О наречиях славянских.— ЖМНП, 1841, № 9, с. 136, 137.
- ²²⁵ *Nahtigal R.* Uvod v slovansko filologijo, s. 23.
- ²²⁶ *Срезневский И. И.* О наречиях славянских, с. 137—161.
- ²²⁷ *Срезневский И. И.* Обзорение главных черт сродства звуков в наречиях славянских.— ЖМНП, 1845, № 12, с. 150.
- ²²⁸ Флоринский Т. Д. Лекции по славянскому языкознанию. Киев, 1895, т. I, с. 503.
- ²²⁹ Толстой Н. И. О работах И. А. Бодуэна де Куртенэ..., с. 67.
- ²³⁰ *Ramovš F.* Karta slovenskih narečij. Ljubljana, 1957, s. 11, 12.
- ²³¹ *Nahtigal R.* Uvod v slovansko filologijo, s. 23.
- ²³² Францев В. А. И. И. Срезневский и славянство, с. 165, 166.
- ²³³ *Плетнев П. А.* Отчет имп. Акад. наук..., с. 37—40.
- ²³⁴ *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1892, кн. 5, с. 341.
- ²³⁵ ЦГИА, ф. 735, оп. 2, д. 530, л. 6 об.
- ²³⁶ Рус. арх., 1895, кн. 3, № 11, с. 354.
- ²³⁷ *Срезневский И. И.* Публичные чтения о славянах.— Денница, Варшава, 1843, № 2, с. 136, 137.
- ²³⁸ *Срезневский И. И.* На память о Бодянском, Григоровиче и Прейсе. СПб., 1872, с. 18—20.

- 239 Донесения В. И. Григоровича об его путешествии по славянским землям. Казань, 1915, с. 49.
- 240 Там же, с. 30.
- 241 Там же, с. 233.
- 242 ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 28.
- 243 Донесения В. И. Григоровича..., с. 234.
- 244 М. П. Петровский прямо говорит о сочувствии Григоровича «ученым изысканиям» Копитара. [м.: *П-ий М. П. В. И. Григорович в Казани.*— Слав. обозрение, СПб., 1892, т. II, с. 258, 259.
- 245 Донесения В. И. Григоровича..., с. 234, 235.
- 246 ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 28.
- 247 *Ламанский В. И.* Непорешенный вопрос.— ЖМНП, 1869, № 5/6, с. 350.
- 248 *Петровский Н. М.* Путешествие В. И. Григоровича по славянским землям.— ЖМНП, 1915, № 11, с. 114, 115.
- 249 *Срезневский И. И.* Публичные чтения о славянах, с. 128—138.
- 250 Славянские наречия: Лекция проф. В. И. Григоровича. IV. Хорутанский язык.— Рус. филол. вестн., Варшава, 1883, т. IX, № 2, с. 258, 259.
- 251 Денница, Варшава, 1842, № 9, с. 111, 113.
- 252 Там же, 1843, № 2, с. 191—205.
- 253 Там же, 1842, № 10, с. 129.
- 254 Там же, № 13, с. 170
- 255 Там же, № 23, с. 292.
- 256 Там же, 1843, № 3, с. 47—49.
- 257 Там же, с. 78.
- 258 Там же, 1842, № 23, с. 285.
- 259 Там же, 1843, № 1, 3, с. 130, 119.
- 260 Москвитянин, 1841, № 2, с. 461.
- 261 Там же, 1845, № 9, с. 82.
- 262 Там же, № 10, с. 43.
- 263 Там же, 1846, № 4, с. 180.
- 264 Там же, 1842, № 9, с. 179, 180.
- 265 ЦГИА, ф. 786, оп. 128, д. 9, л. 6.
- 266 Милош Обренович — сербский князь, низведенный с престола в 1839 г. и вновь взошедший на него в 1858 г. Петр II Негош — черногорский князь, поэт, автор знаменитой поэмы «Горный венец». Й. Раяич — сербский патриарх, возглавивший в 1848 г. контрреволюцию в Воеводине.— Новое время, 1884, 28.II/11.III.
- 267 Письма Платона Атанацковича, Вука Караджича, Миклошича и Коллара к Н. И. Надеждину.— Рус. арх., 1873, № 26, с. 1218, 1219.
- 268 Письма Платона Атанацковича...— Рус. арх., 1873, № 8, с. 1170; № 10, с. 1186; № 11, с. 1188, 1189.
- 269 ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 51.
- 270 Письма Платона Атанацковича...— Рус. арх., 1873, № 26, с. 1219.
- 271 ОР ГБЛ, 231/11, к. 27, д. 38, л. 2, 3.
- 272 ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 48.
- 273 *Ламанский В. И.* Франц Миклошич.— Живая старина, 1891, № 3, с. 251.
- 274 ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 25.
- 275 Зарубежные славяне и Россия. М., 1975, с. 134.
- 276 Изв. ОРЯС, 1852, т. 1, с. 353—366.
- 277 *Срезневский И. И.* Хорутанские песни из Зильской долины.— В кн.: Памятники и образцы народного языка и словесности. СПб., 1852, № 1/2, с. 125—128.
- 278 *Срезневский И. И.* Хорутанская песня Mlada Breda.— В кн.: Памятники и образцы народного языка и словесности русских и западных славян. СПб., 1856, № 3/4, с. 427.
- 279 Изв. ОРЯС, 1860—1861, т. 9, с. 345—354.
- 280 *Arhiv I. Slovenci in leto 1848.* Ljubljana, 1888, s. 119.

- 281 Ягич И. В. История славянской филологии, с. 715.
- 282 П. Б. Новые иностранные книги.— ЖМНП, 1848, № 8, с. 159, 160, 164, 165.
- 283 ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 68.
- 284 Зарубежные славяне и Россия, с. 293.
- 285 ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 68.
- 286 Срезневский И. И. Библиографические записки.— Изв. ОРЯС, 1852, т. 1, с. 12, 22—24.
- 287 Срезневский И. И. Новые книги.— Изв., ОРЯС, 1853, т. 2, с. 68.
- 288 Там же, с. 346—348.
- 289 Срезневский И. И. Библиографические заметки.— Изв. ОРЯС, 1856, т. 5, с. 170, 172; *Он же*. Библиографические заметки.— Изв. ОРЯС, 1857, т. 6, с. 365, 366; *Он же*. Библиографические заметки.— Изв. ОРЯС, 1858, т. 7, с. 29; *Он же*. Библиографические заметки.— Там же, с. 204, 205; *Он же*. Библиографические заметки.— Там же, 1861—1863, т. 10, с. 143—147.
- 290 Срезневский И. И. Библиографические записки.— Изв. ОРЯС, 1858, т. 7, с. 358—361.
- 291 Срезневский И. И. Библиографические записки.— Изв. ОРЯС, 1860—1861, т. 9, с. 93—99.
- 292 Там же, с. 239—246.
- 293 ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 68.
- 294 Миклошич Ф. Учение о звуках древнесловенского (древнецерковно-славянского) языка.— Унив. изв., Киев, 1865, № 6—11.
- 295 Срезневский И. И. Новые книги.— Изв. ОРЯС, 1852, т. 1, с. 119, 120.
- 296 Срезневский И. И. Новые книги.— Изв. ОРЯС, 1853, т. 2, с. 171.
- 297 Срезневский И. И. Труд и мнения Н. В. Берга касательно народных песен.— Изв. ОРЯС, 1855, т. 4, с. 383.
- 298 Срезневский И. И. Новые книги.— Изв. ОРЯС, 1854, т. 3, с. 250—252.
- 299 РО ИРЛИ, ф. 382, д. 48, л. 1 об.
- 300 ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 25.
- 301 Клуи В. Словенцы.— Рус. беседа, 1857, № 3, с. 65—122.
- 302 Клуи В. Словенцы: Очерк истории их словесности.— Рус. беседа, 1859, № 1, с. 87—114; № 2, с. 95—125.
- 303 ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 42.
- 304 Рус. беседа, 1859, № 1, с. 91.
- 305 Чуркина И. В. Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия. М., 1978, ч. 221—223.
- 306 АВПР, ф. 360, д. 49, л. 1; д. 165, л. 2 и об.
- 307 Лавровский П. А. Письмо к редактору о южных славянах.— Изв. ОРЯС, 1859, т. 8, с. 393.
- 308 Документы к истории славяноведения в России. М.; Л., 1948, с. 18.
- 309 Иван Сергеевич Аксаков в его письмах, т. III, с. 432, 436, 437.
- 310 Fekonja A. Davorin Trstenjak slovenski pisatelj. Ljubljana, 1887, s. 5—8, 19, 22; Lončar D. K prijateljevi kulturni in politični zgodovini slovencev 1848—1895.— Zgodovinski časopis, Ljubljana, 1950, s. 188.
- 311 Иван Сергеевич Аксаков в его письмах, т. III, Приложение, с. 108—110, 116.
- 312 Slovenec, Celovec, 1865, N 3 (21.1), s. 10.
- 313 Чуркина И. В. Матица словенская и русские славянофилы.— В кн.: Славяне и Россия. М., 1972, с. 119.
- 314 Зарубежные славяне и Россия, с. 433.
- 315 Чуркина И. В. Матица словенская и русские славянофилы, с. 118.
- 316 Арх. АН СССР, ф. 35, оп. 1, д. 1197, л. 98.
- 317 Arhiv Matice Slovenske, 1866, št. 48.
- 318 Slovenec, 1866, N 28 (7.IV.), s. 112.
- 319 ОР ГПБ, ф. 608, Письма Рус. геогр. о-ва Раевскому.
- 320 Novice, 1862, N 45 (5.XI), s. 379.
- 321 Ibid., N 46 (12.XI), s. 388.

- ³²² Rokopisna zbirka NUK, ms 491.
- ³²³ Отчет исправляющего должность экстраординарного профессора кафедры истории литературы славянских наречий Яроцкого по случаю командировки в славянские земли с ученою целью с 15 июня 1862 по 15 декабря 1863 года.— Унив. изв., Киев, 1864, № 2, с. 78—99.
- ³²⁴ ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 25.
- ³²⁵ Арх. АН СССР, ф. 102, оп. 2, д. 298, л. 20, 9, 23.
- ³²⁶ *Гиллфердинг А. Ф.* Древнейший период истории славян.— Вестн. Европы, 1868, № 9, с. 153—199.
- ³²⁷ Soča, Gorica, 1872, N 32 (8.VIII).
- ³²⁸ *Čurkina I. Matija Majar Ziljski.* Ljubljana, 1974, s. 54, 55, 62.
- ³²⁹ Москва, 1867, № 98 (3.VIII); № 111 (19.VIII).
- ³³⁰ ОР ГБЛ, ф. 239, к. 17, д. 11.
- ³³¹ Slovenec, 1867, N 33 (19.III), s. 136.
- ³³² Rokopisna zbirka NUK, in. št. 30/49. Osebni spomini dr. Nessija, s. 7.
- ³³³ ОР ГБЛ, ф. 239, к. 13, д. 19.
- ³³⁴ ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 47.
- ³³⁵ Зарубежные славяне и Россия, с. 280, 281.
- ³³⁶ *Сперанский М. Н.* К истории славянской этнографии.— Изв. АН СССР. Отд.-ние обществ. наук. Сер. VII, Л., 1931, № 8, с. 988—1000.
- ³³⁷ АВПР, ф. 360, д. 175, л. 4.
- ³³⁸ Русский. М., 1867, № 19, 20 (29.V), с. 318.
- ³³⁹ *Лавровский П. А.* Впечатления, вынесенные из обзора русской этнографической выставки в Москве.— Современ. летопись, 1867, № 19, с. 3, 4.
- ³⁴⁰ *Čurkina I. Matija Majar Ziljski,* s. 61.
- ³⁴¹ Novice, 1867, N 30 (24.VII), s. 246.
- ³⁴² *Majciger J., Pleteršnik M., Raič B.* Slovanstvo. Ljubljana, 1873, s. 136, 137; *Vošnjak J.* Spomini. Ljubljana, 1905, zv. I, s. 247—48.
- ³⁴³ *Ламанский В. И.* История славянских литератур Пыпина и Спасовича.— Русь. М., 1880, № 5 (13.XII), с. 18.
- ³⁴⁴ Москва, 1867, 18.VIII (№ 110).
- ³⁴⁵ *Чуркина И. В.* Словенское национально-освободительное движение..., с. 187—189.
- ³⁴⁶ *Čurkina I. Matija Majar Ziljski,* s. 106.
- ³⁴⁷ ОР ГБЛ, ф. 86, к. 3, д. 14.
- ³⁴⁸ Зарубежные славяне и Россия, с. 282.
- ³⁴⁹ *Strekelj K.* Slovenske narodne pesmi. Ljubljana, 1895—1898, zv. I, s. XIV.
- ³⁵⁰ *Чуркина И. В.* Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия, с. 209.
- ³⁵¹ *Kremenšek S.* Mesto Janeza Trdine v razvoju slovenske etnološke misli.— In: Janez Trdina etnolog. Ljubljana, 1980, s. 15, 22.
- ³⁵² ОР ГБЛ, ф. 239, к. 6, д. 38.
- ³⁵³ *Чуркина И. В.* Словенское национально-освободительное движение..., с. 198, 199.
- ³⁵⁴ ЦГАОР, ф. 1750, д. 13, л. 3 и 9 об.
- ³⁵⁵ *Чуркина И. В.* Словенское национально-освободительное движение..., с. 192—197, 205, 206, 210.
- ³⁵⁶ Arhiv Maticе Slovenske, 1871, št. 26.
- ³⁵⁷ *Никитин С. А.* Славянские комитеты в России. М., 1960, с. 258, 259.
- ³⁵⁸ *Будилович А. С.* Славянские матицы и ученые дружества.— ЖМНП, 1869, № 2, с. 474.
- ³⁵⁹ *Будилович А. С.* Славянская библиография за 1868 год.— ЖМНП, 1869, № 6, с. 430, 431.
- ³⁶⁰ *Задерацкий Н. П.* Деятели нового периода чешской литературы: Франц Миклошич.— Филол. зап., Воронеж, 1872, с. 1—12.
- ³⁶¹ Slovenski narod, 1869, 23.III.
- ³⁶² Архив ГПБ, 1875, № 13, л. 9, 10, 12, 33.

- ³⁶³ Ламанский В. И. Непорешенный вопрос.— ЖМНП, 1869, № 5/6, с. 350.
- ³⁶⁴ Levstikova pisma. Ljubljana, 1931, s. 249.
- ³⁶⁵ Арх. АН СССР, ф. 35, оп. 1, д. 435.
- ³⁶⁶ Ламанский В. И. Непорешенный вопрос, с. 350.
- ³⁶⁷ Arhiv Matice Slovenske, 1870, št. 185.
- ³⁶⁸ Макушев В. В. Словенцы.— Рус. вестн., 1873, т. 6, с. 345—367.
- ³⁶⁹ Документы к истории славяноведения в России, с. 65, 81.
- ³⁷⁰ ОР ГБЛ, ф. 239, к. 5, д. 41.
- ³⁷¹ ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 13.
- ³⁷² ОР ГБЛ, ф. 239, к. 5, д. 41.
- ³⁷³ Rokopisna zbirka NUK, ms. 484.
- ³⁷⁴ ЦГИА УССР (Харьков), ф. 781, д. 92, л. 3.
- ³⁷⁵ РО ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. 250, оп. 2, № 34.
- ³⁷⁶ Там же, оп. 3, № 127.
- ³⁷⁷ Пыпин А. Н. Литературный панславизм.— Вестн. Европы, 1879, № 8, с. 718, 719.
- ³⁷⁸ Леонтьев А. А. Творческий путь и основные черты лингвистической концепции И. А. Бодуэна де Куртенэ.— В кн.: И. А. Бодуэн де Куртенэ..., с. 16, 26.
- ³⁷⁹ Иванов В. В. И. А. Бодуэн де Куртенэ и типология славянских языков.— В кн.: И. А. Бодуэн де Куртенэ..., с. 37.
- ³⁸⁰ ЦГИАЭ, ф. 402, оп. 3, д. 157, л. 14 об.—15 об.
- ³⁸¹ ЦГАЛИ, ф. 538, д. 19, л. 11 н об.
- ³⁸² Григорьев В. П. И. А. Бодуэн де Куртенэ и интерлингвистика.— В кн.: И. А. Бодуэн де Куртенэ..., с. 57.
- ³⁸³ ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 25.
- ³⁸⁴ Отчеты командированного министерством народного просвещения за границу с ученою целью И. А. Бодуэна де Куртенэ о занятиях по языковедению в течение 1872—1873 гг., ч. 1.— Изв. н учен. зап. Казан. ун-та, 1876, № 1, с. 60—63.
- ³⁸⁵ Mestni arhiv Ljubljane. Fond Grasselli.
- ³⁸⁶ Отчеты... И. А. Бодуэна де Куртенэ..., ч. 1, с. 65, 67.
- ³⁸⁷ Зарубежные славяне и Россия, с. 65.
- ³⁸⁸ Арх. АН СССР, ф. 102, оп. 2, д. 260, л. 1 и об.
- ³⁸⁹ ЛГИА, ф. 400, оп. 1, д. 7, л. 11.
- ³⁹⁰ Зарубежные славяне и Россия, с. 66.
- ³⁹¹ Soča, 1872, N 34 (22.VIII).
- ^{392—393} Леонтьев А. А. Творческий путь..., с. 5.
- ³⁹⁴ Soča, 1873, N 1 (2.I).
- ³⁹⁵ Soča, 1872, N 26 (27.VI).
- ³⁹⁶ Slovenski narod, 1872, N 90 (6.VIII).
- ³⁹⁷ Ibid., N 106 (12.IX).
- ³⁹⁸ Ibid., N 90 (6.VIII).
- ³⁹⁹ Отчеты... И. А. Бодуэна де Куртенэ..., ч. 1, с. 79.
- ⁴⁰⁰ Толстой Н. И. О работах И. А. Бодуэна де Куртенэ..., с. 79, 80.
- ⁴⁰¹ Отчеты... И. А. Бодуэна де Куртенэ..., ч. 1, с. 80.
- ⁴⁰² Бодуэн де Куртенэ И. А. О наречии венецианских словенцев. Соч. А. Клодича. СПб., 1878.— Филол. зап., 1880, № 5, с. 1, 2.
- ⁴⁰³ Отчеты... И. А. Бодуэна де Куртенэ..., ч. 1, с. 68, 73—77.
- ⁴⁰⁴ Отчеты командированного министерством народного просвещения за границу с ученою целью И. А. Бодуэна де Куртенэ о занятиях по языковедению в течение 1872 и 1873 г., ч. 2.— Изв. и учен. зап. Казан. ун-та, 1877, № 2, с. 122, 127.
- ⁴⁰⁵ Отчеты... И. А. Бодуэна де Куртенэ..., ч. 1, с. 68.
- ⁴⁰⁶ Soča, 1873, N 17 (24.IV).
- ⁴⁰⁷ Ibid., N 16 (17.IV).
- ⁴⁰⁸ Отчеты... И. А. Бодуэна де Куртенэ..., ч. 1, с. 68—70.
- ⁴⁰⁹ Бодуэн де Куртенэ И. А. Резья и резьяне.— В кн.: Слав. сб. СПб., 1876, т. 3, с. 282—284.

- ⁴¹⁰ *Срезневский И. И.* Рец. на кн.: Бодуэн де Куртенэ И. Опыт фонетики резыанских говоров. Лейпциг, 1875; *Он же.* Резыанский катехизис. Лейпциг, 1875.— В кн.: Слав. сб., 1877, т. II, с. 25—27.
- ⁴¹¹ *Срезневский И. И.* Рец. на кн.: Отчет о трех книгах И. А. Бодуэна де Куртенэ.— Зап. имп. Акад. наук, СПб., 1881, т. XXXVIII, кн. II, с. 37, 38, 47.
- ⁴¹² *Голтой Н. И.* О работах И. А. Бодуэна де Куртенэ..., с. 69, 70, 74.
- ⁴¹³ *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Резья и разьяне, с. 223—297.
- ⁴¹⁴ Арх. АН СССР, ф. 102, оп. 2, д. 298, л. 1 и об. Последнюю часть второго сочинения Трстеняк прислал Бодуэну 27 июня 1876 г.; см. там же, л. 22.
- ⁴¹⁵ Там же, л. 11, 14.
- ⁴¹⁶ Там же, л. 22, 24.
- ⁴¹⁷ Там же, л. 1 и об.
- ⁴¹⁸ Там же, л. 17, 19.
- ⁴¹⁹ Zoga, Maribor, 1876, N 7 (I.IV), s. 108—111.
- ⁴²⁰ Арх. АН СССР, ф. 102, оп. 2, д. 298, л. 2.
- ⁴²¹ Там же, л. 20, 21, 23.
- ⁴²² Там же, л. 7, 8 об.
- ⁴²³ Там же, л. 9—10 об., 16.
- ⁴²⁴ Там же, л. 22 об.
- ⁴²⁵ Там же, л. 8
- ⁴²⁶ Там же, л. 22 об.
- ⁴²⁷ Там же, л. 8 об.
- ⁴²⁸ Там же, л. 18, 19 и об.
- ⁴²⁹ ЦГАЛИ, ф. 538, д. 19, л. 7.
- ⁴³⁰ *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Рец. на кн.: Slovanščina v romanščine. Davorin Trstenjak, V. Celovcu. 1878 — Филол. зап., 1880, № 2, с. 14—16.
- ⁴³¹ Арх. АН СССР, ф. 102, оп. 2, д. 198.
- ⁴³² Slavjan, Celovec, 1874, N 6, s. 81.
- ⁴³³ *Григорьев В. П.* Бодуэн де Куртенэ и интерлингвистика, с. 58.
- ⁴³⁴ Отчеты... И. А. Бодуэна де Куртенэ..., ч. 1, с. 79, 80.
- ⁴³⁵ Арх. АН СССР, ф. 102, оп. 2, д. 298, л. 6, 10 об.
- ⁴³⁶ Там же, д. 353, л. 1 и об., 2.
- ⁴³⁷ Pokrajinski arhiv. Privata, Boudouin — Štreklju, pis. I.
- ⁴³⁸ Арх. АН СССР, ф. 102, оп. 2, д. 353, л. 3, 5 об., 7, 17.
- ⁴³⁹ Pokrajinski arhiv, Privata, Boudouin—Štreklju, pis. II.
- ⁴⁴⁰ Ljubljanski zvon, 1881, N 10, s. 645—646.
- ⁴⁴¹ Арх. АН СССР, ф. 102, оп. 2, д. 353, л. 4 и об., 6 и об., 7 об.
- ⁴⁴² Pokrajinski arhiv Maribora. Privata, Boudouin — Štreklju, pis. II.
- ⁴⁴³ Арх. АН СССР, ф. 102, оп. 2, д. 353, л. 5.
- ⁴⁴⁴ Там же, л. 3 и об., 7 об., 12.
- ⁴⁴⁵ Там же, л. 4 об., 6 об., 8.
- ⁴⁴⁶ Там же, л. 6 об.
- ⁴⁴⁷ Pokrajinski arhiv Maribora. Privata, Boudouin — Štreklju, pis. IV.
- ⁴⁴⁸ Арх. АН СССР, ф. 102, оп. 2, д. 353, л. 7 об., 9 об.
- ⁴⁴⁹ Pokrajinski arhiv Maribora. Privata, Boudouin—Štreklju, pis. IX.
- ⁴⁵⁰ Арх. АН СССР, ф. 102, оп. 2, д. 353, л. 4, 13, 14.
- ⁴⁵¹ Документы к истории славяноведения в России, с. 103.
- ⁴⁵² Арх. АН СССР, ф. 102, оп. 2, д. 226, л. 2, 24 об., 25, 26 и об.
- ⁴⁵³ Документы к истории славяноведения в России, с. 123, 137.
- ⁴⁵⁴ Арх. АН СССР, ф. 102, оп. 2, д. 226, л. 31 об., 33, 42, 43, 53—56, 68 и об.
- ⁴⁵⁴ *Oblak V.* Rez.: Materialien zur südslawischen Dialektologie und Ethnographie. I. Rezianische Texte, gesammelt in den J. J. 1872, 1873 und 1877, geordnet und übersetzt von Boudouin de Courtenay. St. Petersburg, 1895.— Ljubljanski zvon, 1896, n 2, s. 122.
- ^{454a} Арх. АН СССР, ф. 102, оп. 2, д. 226, л. 79 об.
- ⁴⁵⁵ Там же, д. 326, л. 1 об., 2, 3 и об. 4, 7 и об., 8 и об., 9 об., 10.

- 456 Документы к истории славяноведения в России, с. 137.
- 457 Арх. АН СССР, ф. 102, оп. 2, д. 341, л. 1—4, 13, 16.
- 458 Там же, д. 69, л. 1.
- 459 Там же, д. 310, л. 1—5, 6 об., 9.
- 460 Там же, д. 163.
- 461 Arhiv Matice Slovenske, 1878, št. 78.
- 462 Арх. АН СССР, ф. 102, оп. 2, д. 327, л. 1 и об., 2.
- 463 Rokopisna zbirka NUK, ms. 895, m. 2.
- 464 Дьяков В. А., Мыльников А. С. Об основных этапах истории славяноведения в дореволюционной России.— В кн.: Славяноведение в дореволюционной России. М., 1979, с. 42.
- 465 Ljubljanski zvon, 1895, N 3, s. 190.
- 466 Арх. АН СССР, ф. 105, оп. 1, д. 30, л. 1—3 об.
- 467 ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 57.
- 468 Там же, д. 60.
- 469 Арх. АН СССР, ф. 105, оп. 1, д. 34, л. 4.
- 470 Там же, д. 247, л. 17 и об.
- 471 ЦГИАЭ, ф. 402, оп. 3, д. 1577, л. 5, 12.
- 472 Соколов А. А. Зарождение литературы у словенцев. Киев, 1878, с. 8, 17, 18, 74.
- 473 Беляева Ю. Д. Литературы народов Югославии и России. М., 1979, с. 102.
- 474 Качановский В. В. Заметки о словенском языке XV и XVI вв. Зарождение литературы у словенцев. Примус Трубар.— ЖМНП, 1878, № 9, с. 101—118.
- 475 Пыпин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. СПб., 1879, т. 1, с. 298—302.
- 476 Rokopisna zbirka NUK, ms. 973, VIII/B.
- 477 Ljubljanski zvon, 1881, N 2, s. 128—130.
- 478 Ibid., 1884, N 9, s. 563—567.
- 479 Ibid., 1886, N 4, s. 251.
- 480 Флоринский Т. Д. Лекции по славянскому языкознанию. Киев, 1895, т. I, с. 382, 383, 384, 387, 406, 503, 504.
- 481 Брандт Р. Ф. Отзыв о 1-й части труда орд. проф. Т. Д. Флоринского: Лекции по славянскому языкознанию. Киев, 1895. СПб., 1898, с. 1, 9.
- 482 Oblak V. Рец. на кн.: Лекции по славянскому языкознанию Тимофея Флоринского. Ч. I. Введение, Ч. II. Юго-западные славянские языки (болгарский, сербско-хорватский и словинский). Киев, 1895.— Ljubljanski zvon, 1896, N 2, s. 127, 128.
- 483 Имеется в виду: Флоринский Т. Д. Лекции по славянскому языкознанию. Ч. I; Miklosih F. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Wien, 1852.
- 484 Nahtigal R. Uvod v slovansko filologijo, s. 16.
- 485 Флоринский Т. Д. Словенская матрица и ее издания.— Унив. изв., Киев, 1886, № 2, с. 1—26.
- 486 Ljubljanski zvon, 1886, N 5, s. 319.
- 487 Флоринский Т. Д. Обзор новейших трудов и изданий по славяноведению.— Унив. изв., 1901, № 9, с. 87.
- 488 Флоринский Т. Д. Критико-библиографический обзор новейших трудов и изданий по славяноведению.— Унив. изв., 1902, № 9, с. 108.
- 489 Флоринский Т. Д. Критико-библиографический обзор новейших трудов и изданий по славяноведению.— Унив. изв., 1904, № 8, с. 59.
- 490 Флоринский Т. Д. Критико-библиографический обзор новейших трудов и изданий по славяноведению.— Унив. изв., 1898, № 6, с. 102—104.
- 491 Ljubljanski zvon, 1898, N 9 s. 575, 576.
- 492 Ляпунов Б. М. Краткий обзор главнейших явлений словенской (хорутанской) литературы вместе с введением об отношении словенского

- языка к старославянскому и другим славянским.— Зап. Харьк. ун-та, 1893, № 1, с. 165—186.
- ⁴⁹³ *Ляпунов Б. М.* Д-р Ватрослав Облак.— Изв. ОРЯС, 1896, т. 1, кн. 4, с. 932.
- ⁴⁹⁴ Арх. АН СССР, ф. 102, оп. 2, д. 341, л. 15.
- ⁴⁹⁵ *Ляпунов Б. М.* Несколько замечаний о словенско-немецком словаре Плетершника. Одесса, 1903, с. 2.
- ⁴⁹⁶ Pokrajinski arhiv. Privata, Ljapunov — Štreklju.
- ⁴⁹⁷ Rokopisna zbirka NUK, ms. 895, т. XVI.
- ⁴⁹⁸ *Ляпунов Б. М.* Несколько замечаний..., с. 1.
- ⁴⁹⁹ *Шахматов А. А.* Русское и словенское аканье.— Рус. филол. вестн., 1902, № 3/4, с. 1—91.
- ⁵⁰⁰ Арх. АН СССР, ф. 134, оп. 3, д. 1700, л. 1—5 об.
- ⁵⁰¹ *Харузин А. Н.* Крестьянин Австрийской Крайны и его постройки.— Живая старина, СПб., 1902, № 1, с. 1—31; *Он же.* Жилище словинца Верхней Крайны.— Живая старина, 1902, № 3/4, с. 259—357.
- ⁵⁰² Ljubljanski zvon, 1904, N 10, s. 639, 640.
- ⁵⁰³ *Харузин А. Н.* Крайнский краж и его чудесные явления.— Рус. вестн. М., 1902, № 3/4, с. 306—314.
- ⁵⁰⁴ *Харузин А. Н.* Национальная эволюция словинцев.— Рус. вестн., 1902, № 7, с. 76—99; № 8, с. 536—560.
- ⁵⁰⁵ *Aškerc A.* Russkij vestnik.— Ljubljanski zvon, 1902, N 9, s. 645, 646; N 10, s. 715—717.
- ⁵⁰⁶ *Рыжова М. И.* Письма Антона Ашкерца А. В. Суворову, Ф. Е. Коршу, А. Л. Волынскому, Д. Н. Вергуну.— Литература славянских народов. М., 1960, вып. 5, с. 212.
- ⁵⁰⁷ *Aškerc A.* Dva izleta na Rusko.— Ljubljanski zvon, 1903, N 12, s. 729, 730.
- ⁵⁰⁸ Ljubljanski zvon, 1903, N 3, s. 192.
- ⁵⁰⁹ *Ильинский Г. А.* Рукописи Копитара в Люблянкой лицейской библиотеке.— Изв. ОРЯС, 1904, т. 9, кн. 1, с. 245—272.
- ⁵¹⁰ *Флоринский Т. Д.* Критико-библиографический обзор новейших трудов и изданий по славяноведению.— Унив. изв., 1904, № 8, с. 91.
- ⁵¹¹ *Ильинский Г. А.* Копитарова Триодь XIII в.— Рус. филол. вестн., 1906, № 1/2, с. 199.
- ⁵¹² *Ильинский Г. А.* Letopis Slovenske Matice za leto 1897. Ljubljana, 1897.— Изв. ОРЯС, 1898, т. 3, кн. 3, с. 941—946.
- ⁵¹³ *Ильинский Г. А.* Letopis Slovenske Matice za leto 1898. Ljubljana, 1898.— Изв. ОРЯС, 1899, т. 4, кн. 4, с. 1496.
- ⁵¹⁴ *Задерацкий Н. П.* Деятели нового периода..., с. 1—12.
- ⁵¹⁵ Новый труд Миклошича Etymologisches Wörterbuch.— Рус. филол. вестн. 1886, № 15, с. 412.
- ⁵¹⁶ *Брандт Р. Ф.* Об этимологическом словаре Миклошича.— Рус. филол. вестн., 1887, № 18, с. 1—40.
- ⁵¹⁷ *Ламанский В. И.* Словарь шести славянских языков.— ЖМНП, 1885, № 12, с. 239—250.
- ⁵¹⁸ *Murko M.* Miklošičeva novejša dela.— Ljubljanski zvon, 1886, N 4, s. 249—252.
- ⁵¹⁹ *Murko M.* Spomini. Ljubljana, 1951, s. 40.
- ⁵²⁰ Библиографические заметки.— Рус. филол. вестн., 1890, № 24, с. 345—346.
- ⁵²¹ *Степович А. И.* 93 отзыва о новейших книгах по славяноведению. Воронеж, 1897, с. 153, 154.
- ⁵²² *Котляревский А. А.* Обзор успехов славяноведения за последние три года (1873—1875).— Унив. изв., 1876, № 7, с. 296, 297.
- ⁵²³ *Бычков А. Ф.* Известие о Супрасльской рукописи XI века.— Изв. ОРЯС, 1856, т. 5, с. 335—336.
- ⁵²⁴ *Флоринский Т. Д.* Критико-библиографический обзор новейших трудов и изданий по славяноведению.— Унив. изв., 1905, № 5, с. 39.

- 525 Миклошич Ф. Сравнительная морфология славянских языков. М., 1884.
- 526 Флоринский Т. Д. Юбилей Франца Миклошича.— Слав. ежегодник, Киев, 1884, № 6, с. 312, 313.
- 527 Изв. С.-Петербург. слав. благотвор. о-ва, 1883, № 1—3.
- 528 Кочубинский А. А. Франц Миклошич. Одесса, 1884, с. 4—6.
- 529 Ламанский В. И. Франц Миклошич.— Живая старина, 1891, № 3, с. 251—253.
- 530 Рус. филол. вестн., 1891, № 25, с. 159.
- 531 Флоринский Т. Д. Памяти Миклошича (1813—1891). Киев, 1891, с. 5—6, 12, 13.
- 532 Слав. ежегодник, Киев, 1876, т. 1, с. 91—106.
- 533 ЦГИА УССР (Харьков), ф. 781, д. 92, л. 7.
- 534 Rez.: Dr. Gregor Krek. Einleitung in die slavische Literaturgeschichte. Graz, 1874.— Филол. зап., 1876, № 4, с. 2.
- 535 Будилович А. С. Rez.: Einleitung in die slavische Literaturgeschichte. Dr. Gregor Krek. Graz, 1887.— Рус. филол. вестн., 1887, № 17, с. 409—415.
- 536 Ягич И. В. История славянской филологии, с. 786.
- 537 Ljubljanski zvon, 1888, N 2, s. 124.
- 538 Аппель К. Библиографические заметки.— Рус. филол. вестн., 1881, № 5, с. 384, 385.
- 539 Рус. филол. вестн., 1885, № 13, с. 210—211.
- 540 Живая старина, 1894, № 3/4, с. 543.
- 541 ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 42; ЦГИА УССР (Харьков), ф. 781, д. 92; л. 5—6 об., 3.
- 542 Арх. АН СССР, ф. 35, д. 735, л. 2—8 об.
- 543 РО ИРЛИ, ф. 250, оп. 2, д. 34.
- 544 Там же, оп. 3, д. 127.
- 545 Арх. АН СССР, ф. 752, оп. 2, д. 343, л. 1 и 1 об.
- 546 Рус. филол. вестн., 1880, № 3.
- 547 Славянские библиографические заметки.— Рус. филол. вестн., 1885, № 13, с. 203—218.
- 548 Францев В. А. Профессор Григорий Крек.— Рус. филол. вестн., 1905, № 4, с. 406.
- 549 Изв. С.-Петербург. слав. благотвор. о-ва, 1906, № 1, с. 94.
- 550 Зарубежные славяне и Россия, с. 330.
- 551 Ягич И. В. История славянской филологии, с. 837.
- 552 Ляпунов Б. М. Д-р Ватрослав Облак.— Изв. ОРЯС, 1896, т. 1, кн. 4, с. 929, 930.
- 553 Документы к истории славяноведения в России, с. 138, 141, 142.
- 554 Ляпунов Б. М. Д-р Ватрослав Облак, с. 936, 937.
- 555 ЦГИА УССР (Харьков), ф. 781, д. 115.
- 556 Документы к истории славяноведения в России, с. 138—141, 145, 146.
- 557 Арх. АН СССР, ф. 254, оп. 1, д. 53, л. 10—11 об.
- 558 ОР ГБЛ, ф. 601, к. 2, д. 13, л. 1 и об.
- 559 Dr. Oblak v Macedoniji.— Ljubljanski zvon, 1897, N 1, s. 19, 20.
- 560 Щепкин В. Н. Рец. на: Macedonische Studien von dr. Vatroslav Oblak.— Изв. ОРЯС, 1897, т. 2, кн. 1, с. 216, 217, 229, 230.
- 561 Ляпунов Б. М. Д-р Ватрослав Облак, с. 933.
- 562 Библиографические заметки.— Рус. филол. вестн., 1890, № 24, с. 162.
- 563 Рус. филол. вестн., 1894, № 32, с. 141, 142.
- 564 Флоринский Т. Д. Обзор важнейших трудов по славяноведению за 1895 г.— Унив. изв., 1896, № 5, с. 32—35, 42.
- 565 Документы к истории славяноведения в России, с. 141.
- 566 Ляпунов Б. М. Д-р Ватрослав Облак, с. 928.
- 567 Флоринский Т. Д. Некролог.— Унив. изв., 1896, № 5, с. 52.
- 568 Флоринский Т. Д. Критико-библиографический обзор новейших трудов и изданий по славяноведению.— Унив. изв., 1898, № 6, с. 102, 103.

- 569 *Флоринский Т. Д.* Критико-библиографический обзор новейших трудов и изданий по славяноведению.— Унив. изв., 1905, № 5, с. 44, 45.
- 570 *Петровский Н. М.* Slovenica.— ЖМНП, 1906, № 1, с. 156, 157.
- 571 Арх. АН СССР, ф. 134, оп. 3, д. 1019, л. 6 и об.
- 572 *Корш Ф. Е.* Рец на кн.: Prešernov album, 1800—1900 (Ljubljanski zvon, 1900, № 12).— Изв. ОРЯС, 1900, т. 5, кн. 4, с. 1332—1346.
- 573 Ljubljanski zvon, 1901, N 7, s. 497.
- 574 Арх. АН СССР, ф. 111, оп. 2, д. 39.
- 575 *Бернштейн С. Б.* Корш Федор Евгеньевич.— Славяноведение в дореволюционной России. М., 1979, с. 190.
- 576 Ljubljanski zvon, 1901, N 1, s. 55.
- 577 *Беляева Ю. Д.* Литературы народов Югославии в России. М., 1979, с. 200.
- 578 *Корш Ф. Е.* Предисловие переводчика.— В кн.: Стихотворения Франца Прешерна. М., 1901, с. V, XVIII—XX.
- 579 *Степович А. И.* К столетию рождения словинского поэта Франца Ксаверия Прешерна. Киев, 1902, с. 8—11.
- 580 *Нович Н.* Словинские поэты. СПб., 1904, с. 93.
- 581 *Яцимирский А. И.* Франц Прешери и его лирика.— Изв. С.-Петербург. слав. благотвор. о-ва, 1905, № 8, с. 653—665.
- 582 Ljubljanski zvon, 1909, N 4, s. 254.
- 583 Rokopisna zbirka NUK, ms. 895, m. 10.
- 584 Ibid., ms. 972, m. 6.
- 585 ЖМНП, 1904, январь, с. 244—249.
- 586 *Заболотский П. А.* Рец. на кн.: Ruska antologija v slovenskih prevodih/Zbrala in uredila Ivan Vesel in Anton Aškerc. V Gorici, 1901.— ЖМНП, 1906, № 5, с. 174—181.
- 587 *Заболотский П. А.* Русский элемент в словенском литературно-художественном журнале «Дом и свет» за 1906 г.— Рус. филол. вестн., 1907, № 1/2, с. 215, 216.
- 588 Rokopisna zbirka NUK, ms. 895, m. 36.
- 589 *Нович Н.* Словинские поэты, с. 110.
- 590 *Сиротинин А. Н.* Россия и славяне. СПб., 1913, с. 349—370; *Он же.* Антон Ашкерц.— Слав. изв., 1904, № 2, с. 117—142.
- 591 Ljubljanski zvon, 1905, N 3, s. 186, 187.
- 592 *Штейн С.* Славянские поэты. СПб., 1908, с. 95—101.
- 593 *Нович Н.* Словинские поэты, с. 111.
- 594 *Kreft V.* Sankar in ruska književnost.— Slavistična revija, 1969, N 1, s. 72, 79—85.
- 595 *Беляева Ю. Д.* Литературы народов Югославии в России, с. 223.
- 596 *Савин Л.* Иван Цанкар.— Слав. мир, СПб., 1908, № 1, с. 31—34.
- 597 *Беляева Ю. Д.* Литературы народов Югославии в России, с. 245.
- 598 *Селищев А. М.* Памяти профессора Нестора Мнемновича Петровского.— Казан. библиофил, 1921, № 1.
- 599 *Рogačnik J.* Jernej Kopitar, s. 10.
- 600 *Петровский Н. М.* Первые годы деятельности В. Копитаря. Казань, 1906, с. 750, 751.
- 601 *Петровский Н. М.* Копитар и Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris Добровского — ЖМНП, 1911, с. 6—109.
- 602 РО ИРЛИ, ф. 572, д. 198; Rokopisna zbirka NUK, ms. 895, m. XI.
- 603 Rokopisna zbirka NUK, ms. 972, m. VIII.
- 604 *Петровский Н. М.* Первые годы деятельности В. Копитаря, с. XVI—XVII.
- 605 Rokopisna zbirka NUK, ms, 972, m. VIII.
- 606 Ibid., ms. 895, m. XXII.
- 607 Список книг библиотеки М. П. и Н. М. Петровских, ряд их писем, некоторые материалы к биографии Н. М. Петровского были предоставлены Марианной Нестеровной Петровской, за что автор выражает ей искреннюю признательность.

- 608 *Петровский Н. М.* Slovenica, с. 145—167; *Он же.* О некоторых новых изданиях Словенской матицы.— ЖМНП, 1906, № 5, с. 213—216.
- 609 *Петровский Н. М.* Рец. на кн.: Проф. Т. Д. Флоринский. Славянское племя. Киев, 1907.— ЖМНП, 1908, № 1, с. 210—218; *Он же.* Рец. на кн.: Die Osteuropäischen Literaturen und die slawischen Sprachen. В., 1908.— ЖМНП, 1909, № 5, с. 189—198.
- 610 *Петровский Н. М.* Рец. на кн.: Zgodovina novejšega slovenskega slovstva. Ivan Grafenauer. Ljubljana, 1909.— ЖМНП, 1910, № 10, с. 395—398.
- 611 *Н. П.* Словинский поэт о России.— Слав. изв., 1915, № 5, с. 67.
- 612 Слав. сб. СПб., 1877, т. 2, с. 27—28.
- 613 Слав. ежегодник. Киев, 1877, т. 2, с. 296, 297; Рус. филол. вестн., 1885, № 13, с. 218.
- 614 *Веселовский А. Н.* Новые книги по народной словесности.— ЖМНП, 1886, № 3, с. 210—212.
- 615 Живая старина, 1890, № 1, с. 24—29.
- 616 Там же, № 2, с. 200—203.
- 617 *Погодин А. Л.* Рец. на кн.: Johann Topolovšek. Die Basko-slavische Sprachenheit. Wien, 1894, Bd. 1.— ЖМНП, 1894, № 9/10, с. 403—405.
- 618 ЛГИА, ф. 400, оп. 1, д. 159, л. 2 об.
- 619 ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 61.
- 620 Слав. обозрение, СПб., 1892, № 2, с. 488.
- 621 *Чуркина И. В.* Матица словенская и русские славянофилы, с. 119.
- 622 *Лаптева Л. П.* Развитие славяноведения в России с 90-х годов XIX в. по 1917 г.— История на славистиката. С.: БАН, 1981, с. 35.
- 623 *Беляева Ю. Д.* Литературы народов Югославии в России, с. 70, 91, 92. Варшав. унив. изв., 1882, № 4, с. 1—4.
- 624 Там же, 1888, № 1, с. 3.
- 625 ЦГАЛИ, ф. 1836, оп. 1, д. 4, л. 4—89.
- 626 Ljubljanski zvon, 1892, N 6, s. 386.
- 627 Ibid., 1900, N 2, s. 133—136.
- 628 Ibid., 1900, N 11, s. 715.
- 629 *Hribar J.* Moji spomini. Ljubljana, 1928, I del, s. 190, 191.
- 630 Изв. С.-Петербург. слав. благотвор. о-ва, 1907, № 4, с. 320.
- 631 РО ИРЛИ, ф. 572, д. 25, л. 10.
- 632 Arhiv Matice Slovenske, 1878, št. 145, 337, 353; 1879, št. 256.
- 633 Ljubljanski zvon, 1898, N 6, s. 334, 335; N 8, s. 481—485.
- 634 *Voršnik M.* Fran Celestin. Ljubljana, 1951, s. 46, 47.
- 635 *Боборыкин П. Д.* На славянском распутье.— Отеч. зап., 1878, № 6, с. 204.
- 636 ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 77.
- 637 Rokopisna zbirka NUK, ms. 973, m. VIII/V.
- 638 *Лытин А. Н.* Белинский, его жизнь и переписка. СПб., 1876, т. II; *Он же.* Характеристики литературных мнений. СПб., 1876.
- 639 Rokopisna zbirka NUK, ms. 973, m. VIII/V.
- 640 *Рыжова М. И.* Русская литература в словенском журнале «Люблянски звон» (1881—1918).— В кн.: Зарубежные славяне и русская культура. Л.: Наука, 1978, с. 125.
- 641 Ljubljanski zvon, 1886, N 1, s. 36—41; N 2, s. 100—104; N 3, s. 165—168; N 4, s. 223—225; N 5, s. 278—281.
- 642 ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 77.
- 643 РО ИРЛИ, ф. 572, д. 250, л. 2.
- 644 ОПИ ГИМ, ф. 347, д. 9.
- 645 Там же, д. 77; Архив АН СССР, ф. 35, оп. 1, д. 1513.
- 646 *Gössl F. Dr.* Fran Celestin.— Ljubljanski zvon, 1896, N 3, s. 147.
- 647 РО ИРЛИ, ф. 572, д. 250, л. 5—6, 13.
- 648 Rokopisna zbirka NUK, ms. 973, m. VIII/V.
- 649 РО ИРЛИ, ф. 572, д. 250, л. 15.
- 650 Rokopisna zbirka NUK, ms. 973, m. VIII/V.
- 651 РО ИРЛИ, ф. 572, д. 250, л. 17 и об.

- ⁶⁵³ Там же, л. 20 об., 27 об.
- ⁶⁵⁴ *Барбарич Ш.* Тургенев в переводах на словенский язык.— В кн.: Русско-югославские литературные связи (Вторая половина XIX — начало XX в.). М., 1975, с. 282.
- ⁶⁵⁵ *Ljubljanski zvon*, 1884, N 2, s. 106—110; N 3, s. 174—179; N 4, s. 237—241; N 5, s. 297—304; N 6, s. 361—367; N 8, s. 493; N 9, s. 557—563; N 11, s. 685—689; N 12, s. 749—755.
- ⁶⁵⁶ *Ibid.*, 1883, N 9, s. 586—593; N 10, s. 655—657; N 11, s. 717, 718; N 12, s. 785—790.
- ⁶⁵⁷ *Ibid.*, 1881, N 4, s. 258.
- ⁶⁵⁸ *Ibid.*, 1885, N 4, s. 237.
- ⁶⁵⁹ *Ibid.*, 1882, N 1, s. 64.
- ⁶⁶⁰ *Ibid.*, 1884, N 1, s. 64.
- ⁶⁶¹ *Ibid.*, 1892, N 1, s. 63; 1894, N 7, s. 448; 1895, N 3, s. 190—191.
- ⁶⁶² *Slodnjak A. Matija Murko.*— *Slavistična revija*, 1954, N 5/7, s. 46.
- ⁶⁶³ *Murko M.* V provinciji na Ruskem.— *Ljubljanski zvon*, 1889, N 5, s. 280.
- ⁶⁶⁴ *Murko M.* Spomini. *Ljubljana*, 1951, s. 72, 73.
- ⁶⁶⁵ *Murko M.* V provinciji na Ruskem.— *Ljubljanski zvon*, 1889, N 11, s. 670.
- ⁶⁶⁶ *Murko M.* Spomini, s. 73, 74.
- ⁶⁶⁷ Арх. АН СССР, ф. 111, оп. 1, д. 46, л. 22—23.
- ⁶⁶⁸ РО ИРЛИ, ф. 274, оп. 1, д. 398, л. 143.
- ⁶⁶⁹ Там же, ф. 45, оп. 3, д. 874.
- ⁶⁷⁰ *Murko M.* V provinciji na Ruskem.— *Ljubljanski zvon*, 1889, N 5, s. 282, 283.
- ⁶⁷¹ РО ИРЛИ, ф. 45, оп. 3, д. 548, л. 2 и об.
- ⁶⁷² Арх. АН СССР, ф. 254, оп. 1, д. 50, л. 1 и об.
- ⁶⁷³ *Slovanski svet*, Trst, 1895, N 48, s. 444.
- ⁶⁷⁴ *Slodnjak A. Matija Murko*, s. 49.
- ⁶⁷⁵ *Murko M.* V provinciji na Ruskem.— *Ljubljanski zvon*, 1889, N 5, s. 278.
- ⁶⁷⁶ *Pokrajinski arhiv. Privata. J. Babnik.*
- ⁶⁷⁷ *Slovanski svet*, 1897, N 15, s. 237.
- ⁶⁷⁸ *Ljubljanski zvon*, 1892, N 9, s. 571—575.
- ⁶⁷⁹ *Ibid.*, N 10, s. 639—642.
- ⁶⁸⁰ РО ИРЛИ, д. 16223.
- ⁶⁸¹ Арх. АН СССР, ф. 134, оп. 3, д. 1019, л. 1 об.— 3 об.
- ⁶⁸² Изв. ОРЯС, 1898, т. 3, № 1, с. 267—278.
- ⁶⁸³ Арх. АН СССР, ф. 134, оп. 3, д. 1019, л. 6 и об., 10, 11 и об., 15 об., 17, 18, 19, 27, 31 об., 35—36 об., 38, 45, 45 об.
- ⁶⁸⁴ Там же, ф. 176, оп. 2, д. 295.
- ⁶⁸⁵ *Ляпунов Б. М.* Д-р Ватрослав Облак. Харьков, 1896, с. 1.
- ⁶⁸⁶ *Ляпунов Б. М.* Профессор д-р М. М. Мурко.— Тр. Ин-та славяноведения АН СССР. Л., 1934, т. II, с. 505, 506.
- ⁶⁸⁷ ЦГИА УССР (Харьков), ф. 794, д. 828, 829, 831.
- ⁶⁸⁸ Арх. АН СССР, ф. 254, оп. 1, д. 69, л. 9 и об.
- ⁶⁸⁹ ОР ГБЛ, ф. 601, к. 2, д. 10, л. 4—5 об., 23 и об.
- ⁶⁹⁰ Арх. АН СССР, ф. 172, оп. 1, д. 157, л. 4—8 об.
- ⁶⁹¹ *Slodnjak A. Matija Murko*, s. 50; *Ljubljanski zvon*, 1897, N 3, s. 151—155; N 4, s. 207.
- ⁶⁹² ЖМНП, 1897, № 5, с. 255.
- ⁶⁹³ *Степович А. И.* 93 отзыва..., с. 112—115.
- ⁶⁹⁴ *Slodnjak A. Matija Murko*, s. 53.
- ⁶⁹⁵ *Грунский Н. К.* Отзыв об исследовании М. Мурко *Deutsche Einflüsse auf die Anfänge der böhmischen Romantik.* Graz, 1897.— Изв. ОРЯС, 1897, т. 2, кн. 4, с. 1109—1137.
- ⁶⁹⁶ *Ястребов Н. В.* Рец. на кн: *Dr. Mattias Murko. Deutsche Einflüsse auf die Anfänge der böhmischen Romantik.* Graz, 1897.— ЖМНП, 1898, с. 221—227.

- 697 *Slodnjak A.* Matija Murko, s. 55, 56.
- 698 Рус. филол. вестн., 1892, № 27, с. 324—325.
- 699 Там же, 1898, № 40, с. 335.
- 700 *Флоринский Т. Д.* Обзор новейших трудов и изданий по славяноведению.— Унив. изв., 1901, № 9, с. 86, 87.
- 701 *Петровский Н. М.* Slovenica, с. 148—149.
- 702 *Петровский Н. М.* Рец. на кн.: Die Osteuropäischen Literaturen und die slavischen Sprachen.— ЖМНП, 1909, май, с. 195—198.
- 703 Арх. АН СССР, ф. 241, оп. 1, д. 28, л. 1—2.
- 704 *Hostnik M. M.* Ручной русско-словинский словарь (Ročni rusko—slovenski slovar) in kratka slovnica ruskega jezika. (Краткая грамматика русского языка). V Gorici, 1897, s. III.
- 705 Арх. АН СССР, ф. 241, оп. 1, д. 28, л. 63.
- 706 Там же, л. 123.
- 707 Там же, л. 93, 94. Приводится отрывок из копии письма Подгорника, сделанной рукою Хостника на русском языке.
- 708 Ljubljanski zvon, 1897, N 9, s. 579, 580.
- 709 Ruski slovar in ruska slovnica (Semjon Semjonovič + В.).— Ljubljanski zvon, 1898, N 8, s. 504—507.
- 710 *Флоринский Т. Д.* Критико-библиографический обзор новейших трудов и изданий по славяноведению.— Унив. изв., 1899, № 3, с. 146, 147.
- 711 *Степович А. И.* Рец. на кн.: М. Hostnik. Ročni rusko-slovenski slovar in kratka slovnica ruskega jezika. Gorica, 1897.— Филол. зап., 1898, вып. V, с. 23.
- 712 Арх. АН СССР, ф. 105, оп. 2, д. 288, л. 40 об., 44 об.
- 713 Там же, ф. 241, оп. 1, д. 28, л. 121 об.
- 714 Там же, ф. 105, оп. 2, д. 288, л. 22, 31.
- 715 Там же, ф. 241, оп. 1, д. 28, л. 122.
- 716 Там же, л. 150.
- 717 Там же, д. 81, л. 231 об.
- 718 Там же, ф. 176, оп. 2, д. 486.
- 719 *Лавров П. А.* Рец. на кн.: Хостник М. Словинско-русский словарь. Горица, 1901; Хостник М. Грамматика словинского языка. Горица, 1900.— ЖМНП, 1902, № 1, с. 182—187.
- 720 Арх. АН СССР, ф. 176, оп. 2, д. 486, л. 2.
- 721 Ljubljanski zvon, 1902, N 5, s. 351.
- 722 Арх. АН СССР, ф. 752, оп. 2, д. 343, л. 3—10 об.
- 723 *Миклавец П.* Словенская литература в 1897 г.— Изв. ОРЯС, 1898, т. 3 кн. 2, с. 563.
- 724 *Barbarič Š.* Srečanja in soočenja.— In: Prijatelj zbornik, Ljubljana, 1875, s. 5.
- 725 *Mahníč J.* Ivan Prijatelj in slovenska moderna.— In: Prijatelj zbornik, 1975, s. 99.
- 726 *Ягич И. В.* История славянской филологии, с. 842.
- 727 *Беллева Ю. Д.* Литературы народов Югославии в Россни, с. 109, 110.
- 728 *Semjon Semjonovič + В.* Ruski Slovar in ruska slovenica.— Ljubljanski zvon, 1898, N 8, s. 504, 505.
- 729 Rokopisna zbirka NUK, ms. 895, m. I.
- 730 *Prijatelj I.* Ruski roman in moderna francoska književnost.— Ljubljanski zvon, 1900, N 2, s. 101.
- 731 Rokopisna zbirka NUK, ms. 895, m. I.
- 732 Ibid., ms. 972, m. VIII.
- 733 Ljubljanski zvon, 1900, N 4—7, 9—11; N 4, s. 218; N 11, s. 692.
- 734 *Рыжова М. И.* Русская литература в словенском журнале «Люблянски звон»..., с. 141.
- 735 *Prijatelj I. A. P. Čehov.*— Ljubljanski zvon, 1901, N 4, s. 259—262.
- 736 *Рыжова М. И.* Русская литература в словенском журнале «Люблянски звон»..., с. 146.

- ⁷³⁷ *Заболотский П. А.* Словинский ученый об А. П. Чехове (Dr. I. Prijatelj. Momenti iz spisov A. P. Čehova. Ljubliana, 1901).— Рус. филол. вестн., 1906, № 1/2, с. 349—352.
- ⁷³⁸ А. С. Пушкин в южнославянских литературах. СПб., 1901, с. 369—395.
- ⁷³⁹ Ljubljanski zvon, 1902, N 9, s. 638, 639.
- ⁷⁴⁰ *Флоринский Т. Д.* Обзор новейших трудов и изданий по славяноведению.— Унив. изв., 1902, № 3, с. 15.
- ⁷⁴¹ Ljubljanski zvon, 1902, N 5, s. 347—351.
- ⁷⁴² Rokopisna zbirka NUK, ms. 895, m. XI.
- ⁷⁴³ Ibid., ms. 973, m. XXIV.
- ⁷⁴⁴ Ibid.
- ⁷⁴⁵ Rokopisna zbirka NUK, ms. 592.
- ⁷⁴⁶ *Prijatelj I.* K stoletnici Homjakova.— Ljubljanski zvon, 1904, N 6, s. 331—334; № 7, с. 407—411.
- ⁷⁴⁷ Rokopisna zbirka NUK, ms. 592.
- ⁷⁴⁸ Ibid., ms. 973, m. XXIV; см. также: *Беляева Ю. Д.* Литературы народов Югославии в России, с. 202, 203.
- ⁷⁴⁹ Rokopisna zbirka NUK, ms. 895, m. XIII.
- ⁷⁵⁰ Ibid., m. I.
- ⁷⁵¹ *Заболотский П. А.* Словинский ученый об А. П. Чехове, с. 351.
- ⁷⁵² Rokopisna zbirka NUK, ms. 592.
- ⁷⁵³ Ibid., ms. 895, m. XXX.
- ⁷⁵⁴ *Лангева Л. П.* Съезд русских славистов 1903 г.— В кн.: Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981, с. 264—265.
- ⁷⁵⁵ Rokopisna zbirka NUK, ms. 895, m. I.
- ⁷⁵⁶ Ibid., ms. 973, m. XXIV.
- ⁷⁵⁷ Ibid., ms. 592.
- ⁷⁵⁸ *Prijatelj I.* A. N. Pypin.— Ljubljanski zvon, 1906, N 4, s. 215—218.
- ⁷⁵⁹ *Barbarič Š.* Temelji Prijateljevega literarnega nazora.— In: Prijatelj zbornik, s. 64.
- ⁷⁶⁰ *Zadravec F.* Ivan Prijatelj in ruska literatura.— In: Prijatelj zbornik, s. 175.
- ⁷⁶¹ *Slodnjak A.* Ivan Prijatelj med slovstvenimi zgodovinarji svoje dobe.— In: Prijatelj zbornik, s. 25.
- ⁷⁶² Rokopisna zbirka NUK, ms. 592.
- ⁷⁶³ *Приятель И.* Словенцы и их литература.— Слав. изв., СПб., 1904, № 1—3; 1905, № 5/6; 1906, № 1.
- ⁷⁶⁴ Rokopisna zbirka NUK, ms. 895, m. XIX; Ljubljanski zvon, 1904, N 12, s. 767; 1906, N 6, s. 381; ЖМНП, 1906, № 1, с. 146.
- ⁷⁶⁵ Rokopisna zbirka NUK, ms. 895, m. XIII.
- ⁷⁶⁶ Ljubljanski zvon, 1904, N 4, s. 231—236.
- ⁷⁶⁷ Ibid., 1906, N 5, s. 312—315.
- ⁷⁶⁸ Ibid., N 7, s. 445, 446; 1907, N 4, s. 250, 251.
- ⁷⁶⁹ *Zadravec F.* Ivan Prijatelj..., s. 178, 179, 185, 186.
- ⁷⁷⁰ *Nahtigal R.* Ruski jezik v poljudnoznanstveni luči. Ljubljana, 1946, s. VII, VIII.
- ⁷⁷¹ *Флоринский Т. Д.* Критико-библиографический обзор новейших трудов и изданий по славяноведению.— Унив. изв., 1902, № 9, с. 107, 108.
- ⁷⁷² Rokopisna zbirka NUK, ms. 895, m. XI.
- ⁷⁷³ Ibid., m. XX.
- ⁷⁷⁴ Rajku Nahtigalu za osemdesetletnico.— Slavistična revija, 1957, s. 1, 10.
- ⁷⁷⁵ *Nahtigal R.* Uvod v slovensko filologijo, s. 20, 23.
- ⁷⁷⁶ *Murko M.* Spomini, s. 145.
- ⁷⁷⁷ *Hribar I.* Moji spomini, s. 171, 172.
- ⁷⁷⁸ *Рыжова М. И.* Русская литература в словенском журнале «Люблянски зон»..., с. 132, 133.
- ⁷⁷⁹ *Корш Ф. Е.* Рец. на кн.: Ruska antologija v slovenskih prevodih. V Gorici, 1901.— Изв. ОРЯС, 1902, т. 7, кн. 4, с. 430.

- ⁷⁸⁰ Rokopisna zbirka NUK, ms. 972, m. VII.
- ⁷⁸¹ Рыжова М. И. Письма Антона Ашкерца..., с. 207.
- ⁷⁸² Ljubljanski zvon, 1901, N 8, s. 543—549; N 9, 619—626; 1902, N 1, s. 27—32; N 2, s. 88—92; N 3, s. 156—158; N 4, s. 232—236.
- ⁷⁸³ Рыжова М. И. Русская литература в словенском журнале «Люблянски звон»..., с. 136.
- ⁷⁸⁴ Ljubljanski zvon, 1902, N 1, s. 28, 31, 32.
- ⁷⁸⁵ Rokopisna zbirka NUK, ms. 592.
- ⁷⁸⁶ Ljubljanski zvon, 1902, N 2, s. 88—92; N 3, s. 156—158.
- ⁷⁸⁷ Ibid., 1901, N 8, s. 571.
- ⁷⁸⁸ Rokopisna zbirka NUK, ms. 895, m. I.
- ⁷⁸⁹ Рыжова М. И. Письма Антона Ашкерца..., с. 203, 204.
- ⁷⁹⁰ Rokopisna zbirka NUK, ms. 972, m. VII.
- ⁷⁹¹ Изв. С.-Петербург. слав. благотвор. о-ва, 1903, № 6, с. 52.
- ⁷⁹² Rokopisna zbirka NUK, ms. 972, m. VI.
- ⁷⁹³ Ljubljanski zvon, 1902, N 9, s. 648.
- ⁷⁹⁴ Rokopisna zbirka NUK, ms. 972, m. VIII.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Арх.	— Архив Академии наук СССР (Ленинградское отд-ние).
АН СССР	— Архив внешней политики России (Москва):
АВПР	— Архив Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
Арх. ГПБ	— Журнал министерства народного просвещения.
ЖМНП	— Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук.
Изв. ОРЯС	— Ленинградский государственный исторический архив.
ЛГИА	— Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва).
ОПИ ГИМ	— Отдел рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина.
ОР ГБЛ	— Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
ОР ГПБ	— Отделение русского языка и словесности Академии наук.
ОРЯС	— Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Ленинград).
РО ИРЛИ	— Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (Москва).
ЦГАЛИ	— Центральный государственный архив Октябрьской революции (Москва).
ЦГАОР	— Центральный государственный исторический архив (Ленинград).
ЦГИА	— Центральный государственный исторический архив Украинской ССР* в Харькове.
ЦГИА УССР (Харьков)	— Центральный государственный исторический архив Эстонской ССР (Тарту).
ЦГИАЭ	
Novice	— Kmetijske in rokodelske novice (Ljubljana).
Rokopisna zbirka NUK	— Rokopisna zbirka Narodne in univerzitetne knjižnice (Ljubljana).
Pokrajinski arhiv	— Pokrajinski arhiv (Maribor).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Август 37
Аделунг Ф. П. 16
Аксаков И. С. 40, 45, 59, 67, 69, 70, 72, 74, 80, 161
Аксаков К. С. 59, 69
Аксаков С. Т. 157
Александр I 15
Андреев Л. Н. 185
Апих Я. 120
Априлов В. А. 34
Асколи 95
Аттила 36, 37
Ашкерц А. 126, 140, 143—145, 147, 150, 154, 176, 177, 184, 187—191
- Бабник Я. 164
Балакирев М. А. 92
Бальмонт К. Д. 188
Бантыш-Каменский Н. Н. 15
Барбарич Ш. 175, 183
Бахтин Н. Н. (Нович Н.) 142, 144, 145, 147, 148
Безеншек 134
Белинский В. Г. 40, 157, 179
Беляева Ю. Д. 116, 146
Бенари А. 39
Березин А. С. 16
Березин Л. В. 75, 81
Бернштейн С. Б. 140
Биллярский П. С. 63
Блаж Г. 75, 80
Блаж И. 81
Блазник 56, 66
Блейвейс Я. 53, 56, 69, 70, 72, 73, 75, 77, 78, 82, 85, 90, 91, 93, 101, 102, 117, 152, 154
Блудов Д. Н. 59
Боборыкин П. Д. 156
Бобровский М. К. 9, 12, 13, 14, 25, 27, 29—32
Богорич А. 13, 17, 36, 53, 116, 118, 137, 153
- Бодуэн де Куртенэ И. А. (Я. И.) 6, 11, 59, 74, 80, 89—112, 114—116, 122—124, 132, 134, 135, 160, 174, 181, 193
Бодянский О. М. 14, 38, 54, 74, 88
Бойц Я. 94
Болховитинов Е. 15, 29
Бопп Ф. 82, 128
Брандт Р. Ф. 119, 123, 128, 129, 135, 136, 152, 160, 163, 173, 175, 181, 182
Бругман К. 89
Брюкнер А. 89, 170
Брюсов В. Я. 188
Будилович А. С. 3, 18, 19, 59, 82, 85—87, 109, 122, 131, 132, 158, 161, 164, 192
Будс 165
Булич С. К. 8
Бунин И. А. 185
Буслаев Ф. И. 135, 159, 171, 175
Буттоло О. 48
Бычков А. Ф. 83, 129
- Валенчак 90
Вальвасор И. 36, 114, 153
Вальявец М. 123, 124, 134
Василевский В. Г. 118
Веневитинов Д. В. 33
Венелин Ю. И. 34—37, 64, 69
Вергуи Д. Н. 126
Весел И. 143
Весел-Косески И. 36, 117, 154
Веселитский-Божидарович Г. 59
Веселовский А. Н. 113, 150, 154, 162—164, 170, 175, 181—183, 191, 193
Видиц Ф. 121, 144
Виери 77
Вильхар М. 73, 79
Висталер Ф. 117, 118, 160
Витезович П. Р. 148
Вовк Я. 80

- Водник В. 8, 13, 19, 21, 36, 53, 68, 82,
 121, 148, 152—154, 160, 178
 Волчич Е. 148
 Вольтский (Флексер) А. Л. 188, 189
 Вондрак 164, 165
 Вончина 82
 Воскресенский Г. А. 160
 Востоков А. Х. 5, 10, 16, 18—25, 28—
 33, 39, 41, 43, 64, 130, 157, 187, 192
 Вошняк Б. 185
 Вошняк Й. 79, 91, 93, 120
 Враз С. 38, 45, 48, 49, 52, 55, 66,
 108, 133, 138, 154
 Врховец И. 120, 127
 Вуга М. 94, 104
 Вяземский П. А. 176
- Габршек А. 171, 173
 Габсбурги 58
 Гай Л. 45, 59
 Ганка В. 16, 18, 25, 28, 33, 41, 42, 55,
 59
 Гантарь 80
 Гаттала М. 109
 Гебауер 109
 Герберштейн С. (Ж.) 120
 Гердер Й. 9, 11, 36, 169
 Герман М. 93
 Геруц К. 115
 Герцен А. И. 189
 Гильфердинг А. Ф. 16, 17, 59, 61, 67,
 73, 74, 90, 154
 Гиляров Ф. 157
 Глазер К. 103, 115, 121
 Говекарьева М. 185
 Гоголь Н. В. 145, 157, 161, 177
 Голоб М. 94, 104
 Гончаров И. А. 179
 Гораций 148
 Горький А. М. 145, 177, 180, 185,
 188—190
 Грабовский Б. 91
 Грасели П. 91
 Графенауер И. 149
 Грегорчич С. 107, 184
 Грибоедов А. С. 156, 161, 172
 Гривец Ф. 175
 Григорович В. И. 14, 16, 31, 38, 52—
 54, 59, 72, 79, 88, 109, 130, 182
 Григорович Д. В. 179
 Григорьев А. А. 157, 179
 Гримм Я. 18, 25, 51, 77, 128, 129
- Грот К. Я. 152
 Грот Я. К. 161, 171
 Грунский Н. К. 165, 168, 169
 Губин В. И. 79
 Гудец 79
 Гумбольдт В. 18
 Гутсман О. 10, 22, 36, 49, 153
- Дайнко П. 27, 36, 44, 49, 116, 192
 Далматин Ю. 13, 26, 115, 127, 137,
 153
 Даль В. И. 111, 160
 Дежман К. 70
 Делаacroa И. 9
 Дермота А. 144
 Димитц А. 150
 Диц Ф. Х. 18, 129
 Добровский Й. 5, 8—13, 16, 18, 20—
 31, 33, 35, 39, 41, 46, 48, 130, 147
 Добролюбов Н. А. 179, 188
 Долгов С. О. 167
 Доленц Х. 93
 Долинар И. 148
 Доминцель 80
 Достоевский Ф. М. 145, 161, 177—
 179, 188, 189
 Драганов П. А. 143, 144
 Дубровский П. П. 55, 57
 Дурново Н. Н. 186
 Дьяков В. А. 4
 Дьякон Павел 120
- Евецкий Ф. С. 55
 Екатерина II 7, 156
 Енко Л. 141—144, 155
 Енко С. 154
 Ермолаев А. Н. 16, 25
- Жакель А. (Лединский Р.) 45, 17
 Жваб 134
 Жемля Й. 56
 Жуковский В. А. 157
 Жупанчич О. 144, 184
- Заболотский П. А. 143, 144, 15
 177, 178
 Задерацкий Н. П. 82, 128, 131
 Задрavec Ф. 183, 185
 Замойский Ф. 1
 Захаров 43
 Зеленко Г. 22, 36

- Золя Э. 189
 Зупан Я. 5, 13, 15, 21, 46, 49
- Иван Францевич** 72
 Иванов В. В. 89
 Илешич Ф. 111, 125, 148, 149
 Ильинский Г. А. 126, 127, 183
 Иоанн 168
 Иордан Я. П. 69
 Исаченко А. В. 98
 Истомина 161
- Кайсаров А. С. 11
 Калайдович К. Ф. 5, 15, 25, 32
 Калашников А. А. 155
 Калина А. 137
 Караджич В. 9, 16, 17, 24, 25, 28, 31, 33, 39—42, 51, 59, 60, 117, 147, 158
 Карамзин Н. М. 28
 Карл Великий 36
 Кастелиц М. 45, 53, 56, 138
 Катанчич М. П. 37, 69
 Качановский В. В. 116
 Качановский М. Т. 9, 10, 15, 38, 54
 Квас К. 43, 44
 Кеппен П. И. 5, 14, 16, 18, 20—28, 30, 32, 33
 Кеппен Ф. П. 16
 Кетте Д. 184
 Киреевский И. В. 33
 Киреевский П. В. 33
 Кирилл 18, 20, 25, 30, 33, 40, 76
 Кирпичников А. 157
 Кишенская 123
 Клайч В. 158
 Клейнмайр 106, 158
 Клодич А. 94, 95, 112
 Клоц 29
 Клуи В. 67—68, 73, 116, 117
 Княжевич Д. М. 40
 Коблар А. 101
 Коблар Ф. 175
 Козлер П. 71—73
 Коллар Я. 18, 25, 28, 77, 127, 167, 168
 Кольцов А. В. 156, 189
 Копитар Е. (В., Б.) 5, 6, 8, 10—12, 16—43, 46, 48—53, 59, 60, 62—64, 68, 82, 83, 114, 116—118, 122, 127, 129, 130, 146—148, 152—154, 192
 Кораблев В. Н. 153, 190
 Короленко В. Г. 188
- Корш Ф. Е. 140—142, 148, 154, 163, 175, 180, 181, 188—191, 193
 Корытко Э. 56, 66, 138
 Кос Ф. 115, 127
 Кос 82
 Косески см. Весел-Косески
 Коста Х. 83
 Коста Э. 77, 83
 Котляревский А. А. 86, 87, 129, 133
 Котляревский Н. 143
 Коубле Й. 133
 Коциянчич 92, 93
 Кочубинский А. А. 5, 16, 24, 31, 32, 130
 Кошелев А. И. 33, 67, 68
 Крек Г. 86, 87, 90, 93, 100, 103, 131—135, 154, 172
 Крель С. 116
 Кременшек С. 80
 Кремпль А. 55, 73
 Крижник Г. (Подшавнишки) 94, 111, 112
 Крсник Я. 107
 Крылов И. А. 172
 Крынский 110
 Кулаковский П. А. 38, 114, 122, 152—155, 158, 159, 161, 169, 175
 Кумердей Б. 7, 8, 68, 118, 153, 184
 Куник А. А. 51
 Куншич И. 121
 Курелац Ф. 54
 Курочкин В. С. 188
 Куторга М. С. 39, 40
 Кюзмиц Ш. 148
- Лабынцев Ю. А.** 14
 Лавренко 66
 Лаврин Я. 145
 Лаврик К. 92, 93
 Лавров П. А. 136, 152, 173, 174
 Лавровский П. А. 68, 78
 Ламанский В. И. 39, 53, 59, 60, 69, 71, 74, 79, 83—85, 87, 103, 118, 122, 127, 128, 130, 132, 151, 158, 160, 162, 164, 170, 182, 186
 Ламбл Д. 47
 Лебедев 157
 Левец Ф. 93, 107, 117, 156—160

- Левстик Ф. 72, 73, 83—88, 90, 93, 106, 107, 119, 140, 154, 174, 184
 Легиша Л. 19
 Лединский Р. см. Жакель А.
 Лелевель Й. 12
 Леонтьев А. А. 89
 Лермонтов М. Ю. 156, 179
 Лескин А. 89, 109
 Лесар А. 73, 84, 85
 Лесков Н. С. 161, 189
 Ливий 37
 Линде С. 9, 11, 18, 25
 Линхарт А. 13, 35, 36, 68, 115, 153, 184
 Логар В. 98
 Ломоносов М. В. 9
 Лютман М. 94, 104
 Ляпунов Б. М. 121—124, 134, 135, 137, 138, 154, 161, 163, 166, 172, 174, 193

Маврич Ф. 94
 Магницкий М. Л. 25
 Майков Л. Н. 175
 Майцигер Я. 79, 115, 134, 156
 Максимов С. В. 80
 Макушев В. В. 85, 88, 152, 161
 Малавашич 117
 Малиновский А. Ф. 15
 Малявин Ф. А. 179
 Мари Й. 73, 85, 133, 150, 154, 158
 Масарик Т. 161
 Маткович П. 114
 Мацеевский В. А. 55
 Мацун М. 117, 133
 Маяр М. 46, 47, 49, 52, 74—80, 85, 103, 104, 117, 138, 190, 192, 193
 Мельников-Печорский П. И. 161
 Метелко Ф. 19, 27, 36, 39, 40, 43—45, 49, 52, 53, 116, 118, 123, 192
 Метерлинк М. 189
 Мефодий 18, 20, 25, 30, 33, 40, 76, 115
 Миккола 181
 Миклавец П. 175
 Миклошич Ф. 17, 21, 32, 43, 51, 52, 59—66, 69, 82, 85, 89, 90, 94, 95, 103, 106—108, 116—119, 122, 127—131, 152—154, 161, 166, 169, 192
 Микулуш А. 94
 Микуцкий С. П. 84
 Миллер О. Ф. 101, 157, 159, 161
 Милош 59
 Минаев Д. Д. 188
 Михаил Павлович 16
 Михайлов М. Л. 188
 Михайловский Н. К. 179
 Мицкевич А. 153
 Мичатек Л. 171, 173
 Молнар И. 34, 35
 Мразович М. 13
 Мурко А. 39, 44, 49, 116
 Мурко М. 6, 118, 121, 122, 127, 128, 135, 139, 140, 148, 161—170, 174, 180, 183, 184, 187, 191, 193
 Мурн (Александров) Й. 175, 184
 Мурник 84
 Муршеч Й. 117, 148, 149
 Мусин-Пушкин М. Н. 52, 53
 Мушицкий 18
 Мюллер И. 60

Навратил И. 16, 120
 Надеждин Н. И. 5, 39, 40, 41, 50, 51, 59, 60
 Напотник 134
 Нахтигал Р. 24, 49, 119, 144, 179—183, 186, 187, 191, 193
 Негедли И. 11
 Некрасов Н. А. 160
 Немцова Б. 47
 Нессий П. 76
 Нестор 54, 65
 Никитин С. А. 81
 Николай I 16, 28
 Ницше Ф. 183, 189
 Нович Н. см. Бахтин Н. Н.
 Новосильцев Н. Н. 11, 12
 Ноли Й. 84
 Норов А. С. 51, 59

Обалович Д. 120
 Облак В. 98, 100, 108—111, 119, 121—123, 134—138, 154, 167, 169, 193
 Огарев Н. П. 188
 Озвальд К. 148

- Оленин А. Н. 16
 Ольденбургский П. Г. 107, 128
 Орожен 77
 Оссолинский 11
 Островский А. Н. 179
- Пайк Я.** 101, 112, 150
Палацкий Ф. 18, 28, 33
Паллас 7
Пальмов И. С. 114, 115, 158, 170, 172, 173
Пенинский 29
Первольф Й. 15, 152, 154, 161
Перушек 111
Петр I 164
Петр II Негош 59
Петров К. 157
Петровский М. П. 72, 147
Петровский Н. М. 3, 4, 6, 11, 16—19, 139, 146—150, 154, 169, 170, 176, 184, 193
Пинтар Л. 127, 140, 147
Пишель А. 48
П. Л. 15
Плетершник М. 107, 115, 118, 123, 156, 174
Плетнев П. А. 50, 51
Погачник Й. 6, 16, 19, 146
Погодин А. Л. 151
Погодин М. П. 16, 27, 28, 30, 31, 33, 34, 38, 42, 51, 60, 78, 79, 81
Подгорник Ф. 172
Полевой П. 157
Попов Н. А. 60, 74—76, 79, 80, 86, 101, 161
Потебня А. А. 89, 109, 131, 132, 135, 159
Потемкин Г. А. 156
Потепалов С. Г. 20, 26
Потоцкий И. 11
Похлин М. 10, 13, 36, 148
Прапротник А. 151
Прейс П. И. 14, 16, 30, 38—40, 50, 51, 54, 88, 90
Прелог М. 26
Прешерн Ф. 35, 44, 45, 49, 53, 82, 95, 107, 117, 140—142, 148, 149, 152—154, 158, 180, 181, 184, 189, 190
Примиц Я. 5
Приятель И. 15, 112, 143—145, 147, 148, 172, 175—186, 190, 191, 193
- Пуркинье И. К.** 55
Пуфф Р. 44
Пушкин А. С. 28, 145, 153, 156, 157, 172, 178, 179, 185, 188
Пыпин А. Н. 16, 17, 42, 69, 86, 87, 88, 116—118, 133, 140, 154, 157, 159, 162, 163, 175, 181—183, 185, 191—193
- Равникар М.** 13
Радич П. 147
Раевский М. Ф. 51—53, 58—61, 63, 64, 66, 68, 69, 71—73, 75—81, 86, 90, 92, 114, 132, 134, 151, 156—158
Разлаг Р. 77, 91, 93
Раич Б. 69, 70, 115, 156
Рамовш Ф. 49, 50, 98
Ранке Л. 18
Рант Б. 80
Рачкий Ф. 114, 158
Раячич Й. 59
Ремец Ф. 120
Ржен И. 94
Ригельман Н. А. 57
Рудеж К. 72, 83
Румянцев Н. П. 15, 16, 22, 25, 27
Рутар С. 120
Рыжова М. И. 177, 188
- Савин Л.** 145, 146
Салтыков-Щедрин М. Е. 178
Сахаров И. П. 76
Селищев А. М. 146
Семевский М. И. 162
Сенкевич Г. 189
Сернец Й. 112
Симонич Ф. 148
Сиротинин А. Н. 144, 145
Скиталец С. Г. 185
Слодняк А. 6, 163, 168
Сломшек А. 56
Сметана Б. 167
Смичиклас Т. 156
Смоле А. 56
Смоляр Я. 55
Смотрицкий М. 9
Снегирев И. М. 76
Соболевский А. И. 135, 138, 166, 173—175, 191
Соколов А. А. 115, 116
Соколов Н. Н. 186
Соколов П. И. 23
Соловьев С. М. 132

- Соуван 77
 Спасович В. Д. 116, 117, 159, 160, 182
 Сперанский М. М. 15
 Сперанский М. Н. 76, 77, 136, 167, 193
 Срезневский В. И. 102, 190
 Срезневский И. И. 5, 11, 14, 21, 24, 30, 31, 38—40, 42—57, 61—68, 74, 85, 88, 90, 93, 95, 97—99, 101, 109, 114—116, 119, 123, 127, 128, 130, 140, 158, 167, 182, 187, 190, 192
 Стекла И. 148, 155, 156
 Степович А. И. 129, 141, 142, 168, 172
 Сторожено А. 87
 Стритар Й. 111, 154, 181, 184
 Суворов А. В. 48
 Сумцов Н. Ф. 166, 167
- Тавчар** И. 107
 Тихонравов 135
 Толстой Д. А. 84
 Толстой Л. Н. 145, 176—179, 185, 188, 189
 Толстой Н. И. 6, 98
 Томан Л. 71—73, 75, 77
 Тополовшек И. 151
 Трдина Я. 80, 115
 Трстеняк А. 148
 Трстеняк Д. 40, 69, 70, 73, 74, 77, 83, 86, 90, 93, 100—106, 112, 134
 Трубар П. 13, 26, 53, 58, 115, 116, 127, 137, 153, 183
 Тургенев А. И. 11, 38
 Тургенев И. С. 156, 159, 160, 178, 179, 189
- Уайлд** О. 189
 Уваров А. С. 161
 Уварова П. С. 163
 Уваров С. С. 51
 Унгнад 26
 Успенский П. 58
 Успенский Ф. И. 167
 Ушаков Д. Н. 186
- Феконя** А. 134
 Фердинанд I 36
 Фет А. А. 161
 Флоринский Т. Д. 16, 17, 50, 118—121, 127, 129, 130, 137—139, 152, 159, 169, 172, 173, 178, 186, 193
 Фортунатов Е. 72, 83
- Фортунатов Ф. Ф. 135, 136, 181, 182, 186, 187, 191, 193
 Францев В. А. 11, 14, 50, 134, 140, 190
 Фрейганг А. В. 92
- Харузин А. Н. 124—126, 193
 Хованский А. А. 89, 104
 Холечек 183
 Хомяков А. С. 33, 179
 Хорват 45
 Хостник М. М. (Д.) 110, 111, 121, 133, 145, 155, 161, 170—176
 Хрен Т. 68
 Хрибар И. 112, 143, 155, 187
- Цанкар** И. 145, 146, 184
 Царич 165
 Цаф О. 44, 69, 70, 73, 102, 104, 112
 Цветко 44
 Целестин Ф. 112, 114, 117, 154, 156—160
 Цигале М. 73, 90, 106
 Циглер Я. 15
 Цимперман Й. 86
 Чойс С. (Ж.) 13, 27, 52, 53
- Чаадаев** П. Я. 40
 Чарторыйский А. 13
 Челаковский Ф. 28, 56, 168
 Чернышевский Н. Г. 40, 69, 116, 179, 182
 Чеехов А. П. 145, 177, 178, 181, 184, 185, 188, 189
 Чижов Ф. В. 68
 Чоп М. 44, 153
- Шафарик** П. Й. 18, 25, 28, 31, 33, 36, 39—42, 46, 48, 55, 57, 59, 61, 69, 70, 116, 130, 168
 Шахматов А. А. 113, 123, 124, 135, 136, 139, 140, 154, 163—165, 181, 182, 186, 187, 191, 193
 Шевырев С. П. 33, 34, 57
 Шейниг Я. 124, 134, 151
 Шембера А. В. 61
 Шишков А. С. 8, 10—12, 28
 Шкрабец С. 106, 107, 111, 121—124, 160, 174, 175
 Шлейхер А. 128
 Шлецер А. Л. 10, 11, 36
 Шляков Н. В. 129
 Шмигоц Й. 10, 22, 36, 148

- Шолмайер К. 83
 Шредер Ф. 9
 Шрепел М. 148, 167, 169, 170
 Штейн С. 144, 145, 190
 Штифтар Ф. 102
 Штрекель К. 79, 94, 98, 100, 104—
 111, 115, 121, 124, 134, 138—140,
 148, 159, 160, 165, 174, 193
 Штросмайер Й. 59
 Штур Л. 59
 Шульце-Делич Г. 159
 Шуман Й. 103, 118, 160, 174
- Щепкин В. Н.** 135—138, 140, 163, 167
Щерба Л. В. 93
- Эйншпиллер А. 70, 72, 73, 75, 77
 Эрьявец Ф. 92, 93, 107
- Юнгманн Й.** 18, 28, 33
- Юрчич Й. 90, 93, 107, 111, 154, 184
- Ягич В. (И. В.)** 5, 14, 16—20, 22, 24,
 26, 39—32, 46, 63, 79, 89, 102, 106,
 108—110, 121, 122, 128, 134—136,
 147, 164, 167, 170, 175, 176, 178, 179,
 181, 182, 186, 187
Языков Д. И. 10
Янежич А. 66, 67, 73, 77, 82, 118,
 138, 154, 174
Янкевич де Мирнево Ф. И. 7
Ярник У. 5, 32, 39, 40, 43, 46, 49,
 52, 192
Яроцкий В. Я. 73, 87
Япель А. 53, 68, 118, 153
Ястребов И. С. 136
Ястребов Н. В. 169
Яцимирский А. И. 142, 143, 154

ОГЛАВЛЕНИЕ

	ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I.	НАЧАЛО ЗНАКОМСТВА	7
Глава II.	СЛАВЯНСКИЙ МЕФИСТОФЕЛЬ И ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ РУССКОГО СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ	15
Глава III.	РУССКИЕ СЛАВИСТЫ В СЛОВЕНСКИХ ЗЕМЛЯХ	38
Глава IV.	УСТАНОВЛЕНИЕ ПОСТОЯННЫХ РУССКО-СЛО- ВЕНСКИХ НАУЧНЫХ СВЯЗЕЙ В 50-Х — НАЧАЛЕ 70-Х ГОДОВ XIX В.	58
Глава V.	И. А. БОДУЭН ДЕ КУРТЕНЭ И СЛОВЕНЦЫ	89
Глава VI.	РУССКАЯ СЛОВЕНИСТИКА ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТ- ВЕРТИ XIX — НАЧАЛА XX В.	113
Глава VII.	СЛОВЕНЦЫ В РОССИИ	155
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	192
	ПРИМЕЧАНИЯ	194
	СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	214
	УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	215

Искра Васильевна Чуркина

**РУССКИЕ
И СЛОВЕНЦЫ**

*(Научные связи
конца XVIII в. — 1914 г.)*

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики
АН СССР*

Редактор издательства *Л.И. Тормозова*

Художник *Э.Л. Эрман*

Художественный редактор *Н.Н. Власик*

Технический редактор *Л.Н. Богданова*

Корректоры *Л.М. Сахарова, Н.И. Харламова*

Фотонабор выполнен во 2-й типографии
изд-ва "Наука"

ИБ № 29441

Подписано к печати 27. 11. 85. Т — 23301

Формат 84 x 108 1/32. Бумага для глубокой печати

Гарнитура Литературная. Печать офсетная

Усл.печл. 11,8. Усл.кр.-отт. 12,1

Уч.-изд. л. 16,1. Тираж 1500 экз. Тип. зак. 991

Цена 1 р. 90 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука" 117864 ГСП-7,
Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени
1-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12

В 1986 г.
В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "НАУКА"
выйдет в свет:

Международные отношения на Балканах. 1856—1878 гг. 30 л.,
Зр.30к.

В книге дается систематический анализ развития международных отношений на Балканах в период от окончания Крымской войны до победоносного завершения русско-турецкой войны 1877—1878 гг. На основе архивных материалов, большая часть которых впервые введена в научный оборот, исследуются все аспекты восточного вопроса (кризис Османской империи, подъем освободительного движения балканских народов, балканская политика европейских кабинетов, в частности интриги Форин оффис против России и других государств).

Для историков, международников, публицистов.

*ЗАКАЗЫ ПРОСИМ НАПРАВЛЯТЬ ПО ОДНОМУ ИЗ
ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ АДРЕСОВ МАГАЗИНОВ "КНИГА-
ПОЧТОЙ" "АКАДЕМКНИГА"*

480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97; 370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 252030 Киев, ул. Ленина, 42; 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2; 197110 Ленинград, П-110, Петрозаводская ул., 7; 117192 Москва, Мичуринский проспект, 12; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700029 Ташкент, ул. Ленина, 73; 450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310003 Харьков, ул. Чернышевского, 37